КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ L.

СЕНТЯБРЬ

1895 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й.

1895.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 1 Сентября 1895 года.

ІОАННЪ ВЫШЕНСКІЙ, ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ.

(Іван Вишенський і його твори. Написав др. Іван Франко [докторская диссертація] Ціна 1 гульд. Львів. 1895. Стр. VII+536).

Вмѣсто предисловія считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ по адресу автора диссертаціи—д-ра Ивана Франка. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось встрѣтиться съ нимъ на почвѣ одинаковыхъ работъ по южно-русской литературѣ, послѣ чего между нами завязалась литературная дружба. Франко (который мнѣ позволитъ называть его такъ, не прибавляя всякій разъ ученаго титула „докторъ" или „профессоръ") привыкъ къ тому, что я не разъ бывало прибѣгаю къ помощи его знаній, привыкъ слышать отъ меня лестные (и вполнѣ заслуженные) отзывы о его работахъ, и теперь, нѣтъ сомнѣнія, онъ будетъ очень и очень изумленъ слишкомъ рѣзкимъ моимъ отзывомъ о его послѣднемъ трудѣ; удивленіе его будетъ тѣмъ основательнѣе, что даже журналъ „Бесѣда" (Львовскій), который издается людьми, не благоволящими къ Франку, встрѣтилъ его диссертацію большими похвалами; такими же похвалами привѣтствовала Франка „Русская Мысль" и „Ж. М. Н. П.". Однако по настоящему Франко, какъ ревностный искатель и приверженецъ истины, не долженъ на меня сердиться и обижаться. Онъ долженъ помнить, во-первыхъ, что amicus Plato, sed magis amica veritas (т. е. наука), а во-вторыхъ—что именно чувство дружбы заставило меня вдаться въ очень детальный

разборъ его диссертаціи и тщательно подчеркнуть въ ней слабыя мѣста. Второе, дополненное изданіе „Ивана Вышенскаго“, которое не заставитъ себя ждать (срв. обѣщаніе автора на стр. V и стр. 498), пусть считается со всевозможными возраженіями, пусть, если можетъ, опровергаетъ ихъ, пусть поддерживаетъ свои положенія новыми, ужъ неотразимыми аргументами, или пусть откажется отъ нихъ,—и тогда мы будемъ имѣть вполнѣ обработанное, продуманное изслѣдованіе, то, что называютъ „перлъ созданія“; при эрудиціи и талантѣ Франка мы вправѣ отъ него требовать этого. Самъ Франко говоритъ въ предисловіи (стр. V), что за каждое дополненіе, за каждую поправку онъ будетъ благодаренъ: надѣюсь, что и по отношенію ко мнѣ онъ не измѣнитъ своему обѣщанію. Рѣзкій тонъ моей рецензіи обусловленъ тѣмъ, что я вовсе не имѣю въ виду отмѣчать *достоинства* Франковской диссертаціи, а наоборотъ—имѣю въ виду собственно указать ея слабыя стороны.

Выписки, которыя мнѣ придется дѣлать изъ разбираемой диссертаціи, я всегда буду предлагать въ русскомъ переводѣ; малорусскія слова буду передавать въ транскрипціи, установленной въ Россіи.

„Любопытнымъ явленіемъ въ исторіи культуры представляется то обстоятельство, что нѣкоторые общественные и литературные дѣятели, при своей жизни пользовавшіеся среди современниковъ почетной извѣстностью, потомъ въ водоворотѣ событій были забыты“,—такъ говоритъ проф. Сумцовъ въ началѣ своей статьи о Вышенскомъ („Кіевская Старина“ 1885 г., апрѣль, стр. 649). „Въ теченіе десятилѣтій, даже столѣтій длится забвеніе. Впослѣдствіи потомство отдаетъ должное давнопрошедшему дѣятелю, извлекаетъ дорогое имя изъ забвенія и, стряхнувъ пыль съ драгоцѣнныхъ литературныхъ произведеній, разъясняетъ скрывавшіеся въ нихъ элементы любви къ истинѣ, правдѣ и добру. Южно-русскій писатель начала XVII в. Іоаннъ изъ Вышни входитъ въ разрядъ временно забытыхъ. Лучшіе люди Малороссіи дорожили имъ. Его выдвигали, какъ энерги-

ческаго, умнаго, образованнаго защитника православнаго южно-русскаго народа отъ нападеній латино-уніатовъ, пановъ и епископовъ. Ближайшее потомство его забыло. Два съ половиною вѣка длилось это забвеніе, рѣшительное и полное. Лишь въ послѣднія два десятилѣтія (съ 1865 г.) люди науки выдвинули имя Іоанна Вышенскаго и его сочиненія на видное мѣсто въ исторіи южно-русской литературы".

Проф. Сумцовъ ошибался, думая, что только съ 1865-го г. началось знакомство русской публики съ Вышенскимъ. Въ 1848-мъ г. вышелъ въ Кіевѣ 1-ый т. „Памятниковъ, изданныхъ временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ", гдѣ на стр. 248, въ „Совѣтованіи о благочестіи" упоминается имя „Іоанна, порекломъ Вышенского". Въ томъ же 1848-мъ г. П. Строевъ, въ описаніи рукописей Царскаго (въ Москвѣ), сообщилъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ произведеніяхъ этого Іоанна. Въ 1860-мъ году Галицкій ученый А. Петрушевичъ издалъ въ „Зорѣ Галицкой, яко альбумѣ на 1860-й годъ" житіе Іова Княгиницкаго, извѣстнаго южно-русскаго аскета и друга Вышенскаго; это житіе содержитъ въ себѣ данныя и для біографіи Вышенскаго. Изданіе сочиненій нашего автора и изслѣдованія о немъ начались съ 1865-го г. и потомъ уже не прерывались, пока наконецъ въ 1895-мъ г. не вышла докторская (т. е. магистерская по-нашему) диссертація Ивана Франка. Въ теченіе этого тридцатилѣтняго промежутка (1865—1895) занимались личностью и произведеніями Вышенскаго, или по крайней мѣрѣ обращали на него извѣстное вниманіе, такіе ученые, какъ Костомаровъ, Голубевъ, Соловьевъ, преосв. Макарій, преосв. Филаретъ, Кулишъ, Пыпинъ, Лебедевъ, Завитневичъ, Сумцовъ, Огоновскій, Игн. Житецкій (сынъ извѣстнаго филолога, который, впрочемъ, также кой-что сказалъ о Вышенскомъ), преосв. Порфирій (Успенскій) и Франко. Многіе изъ названныхъ изслѣдователей обращались къ Вышенскому не одинъ разъ (Франко также выступилъ впервые съ своею очень важною работою о В—омъ еще 1889-мъ г.) Насколько можно подсчитать, о нашемъ писателѣ составлено до 25 и болѣе изслѣдованій, статей и замѣтокъ, такъ-что Франко имѣлъ полное право сказать (въ новѣйшемъ

своемъ трудѣ), что Ивану Вышенскому, забытому съ 1621-го года, уцѣлѣвшему до нашего времени только случайно и вырытому изъ библіотечной пыли, посчастливилось такъ, какъ *рѣдко кому* изъ старыхъ южно-русскихъ писателей. Дѣйствительно, объ очень многихъ изъ нихъ, и притомъ о писателяхъ очень важныхъ, существуетъ одно-два-три небольшихъ изслѣдованія, принадлежащихъ преимущественно одному Сумцову, а Вышенскимъ, который не успѣлъ еще попасть даже въ школьную исторію литературы (и Галахова, и Порфирьева), ужъ занимался цѣлый рядъ ученыхъ, и притомъ, въ большинствѣ, перваго ранга. Чѣмъ заслужилъ Вышенскій такого усердія со стороны нынѣшнихъ ученыхъ, станетъ вполнѣ ясно изъ разбора диссертаціи Франка, особенно третьей части ея. Пока-что отмѣчу, что изслѣдованія о В—омъ принадлежатъ главнымъ образомъ перу малороссовъ и при томъ такихъ, которые любятъ „найменшого брата“ и чутки къ его потребностямъ. Монахъ-демократъ, демократизмъ котораго можно было забыть въ вѣкъ пренебреженія къ хлопамъ, охотно былъ воскрешенъ въ XIX-мъ вѣкѣ, въ вѣкѣ наибольшаго развитія заботъ и вопросовъ о судьбѣ и благосостояніи народныхъ массъ; малорусскій монахъ, требовавшій, чтобы проповѣдь „для вырозумѣнія людского попросту толковалась и выкладалась“, охотно былъ воскрешенъ въ вѣкъ пробужденія національнаго чувства у малороссовъ. Покойный проф. Ом. Огоновскій, талантливый филологъ, но вовсе не талантливый историкъ, дошелъ въ своемъ умиленіи и вдохновеніи даже до курьезовъ: „Такъ отже сей чернець въ чоботыщахъ невытертыхъ бувъ незвычайнымъ явыщемъ въ тодишній жизни суспильній. Хочъ винъ не знавъ наукы схоластычнои, то сылою виры и прыроднымъ умомъ взрисъ справди въ велита, супротывъ котрого сучасни кныжныкы явылысь покотыгорошкомъ“ („Исторія литературы рускои“, т. I, стр. 143).

Первыя 76 страницъ диссертаціи Франка носятъ заглавіе: „Дотеперишни праци про Ивана Вышенського“. Изслѣдователь, держась хронологическаго порядка, аккуратно разсматриваетъ всѣ сочиненія, касающіяся Вышенскаго, сжато, но точно излагаетъ содержаніе каждаго сочиненія и сопровождаетъ такимъ

же сжатымъ разборомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что трудъ Франка былъ въ значительной степени облегченъ статьей Игн. Житецкаго („Кіев. Ст." 1890), который также позаботился составить обзоръ трудовъ своихъ предшественниковъ; но то былъ краткій и бѣглый очеркъ, а у Франка обзоръ произведенъ съ большой обстоятельностью и полнотою. Однако нѣкоторые пропуски есть и у Франка. Самъ онъ сознается, что не досталъ, а потому и не разсмотрѣлъ двухъ книгъ: 1) Успенскаго: „Исторія Аѳона", въ Академическомъ изданіи (1892,—изъ нея онъ, впрочемъ, ничего для себя не извлекъ бы) и 2) Голубева: „Объяснительные параграфы изъ исторіи южно-русской церкви" (Кіевъ 1893,—эта книжка была бы для него очень полезна). Въ виду старательности Франка и его склонности отмѣчать въ библіографіи о Вышенскомъ самыя маленькія замѣтки, я считаю позволительнымъ указать за нимъ еще пропуски: онъ даже не обмолвился о П. И. Житецкомъ, который также бросилъ нѣсколько словъ о Вышенскомъ; Ф. Терновскій посвятилъ Іоанну статейку во 2-мъ томѣ своего „Изученія Византійской исторіи"; Лось составилъ (прескверную) статью для „Энциклопед. Словаря" Брокгауза и Ефрона; Н. Сумцовъ упомянулъ о языкѣ Вышенскаго въ своей статьѣ „Рѣчь Ивана Мелешка" въ „Кіев. Стар." 1894, май и въ своемъ разборѣ „Мыслей о малорусскихъ думахъ" П. И. Житецкаго, въ „Этногр. Обозр." 1895, кн. I.

Немного можно возразить Франку насчетъ первой части его диссертаціи, но все же кое-что найдется. На стр. 31, разбирая статью Лебедева, Франко говоритъ: „Интересна выписка изъ одного письма еп. Балабана, въ которомъ онъ упрекаетъ перемышльское духовенство, что оно „хватные дѣвки вѣнчаетъ", изъ чего можемъ догадываться, что Несторовскій обычай („умыкываше дѣвиця у водъ") существовалъ въ перемышльской епархіи еще въ концѣ 16-го вѣка". Ни о какомъ подобномъ *обычаѣ* (т. е. умыканіи у водъ) мы отсюда догадываться не можемъ, „хватныя дѣвки"—обыкновенныя бѣглянки, которымъ власть родителей запрещаетъ вѣнчаться съ любимымъ человѣкомъ; случаи бѣгства дочери изъ дому повторяются и теперь, во всѣхъ слояхъ общества, они будутъ повторяться до тѣхъ поръ,

пока будетъ существовать любовь и на ряду съ нею родительское запрещеніе, и никакого отношенія къ этнографіи они не имѣютъ. На стр. 38, возражая Завитневичу, который похвалилъ извѣстное сочиненіе Скарги „O rządzie i jedności kościoła Bożego“ за научность и сказалъ, что „Зачапка“ Вышенскаго далеко не доросла до книги Скарги въ научномъ отношеніи, Франко спрашиваетъ: „Стоило бъ узнать, что это за такая научность у Скарги“? Это пренебрежительное замѣчаніе находится въ противорѣчіи съ тѣмъ (болѣе справедливымъ) мнѣніемъ Франка о Скаргиной книгѣ, которое онъ не разъ высказываетъ во второй части диссертаціи. Не соглашаясь точно также и съ Голубевымъ (на стр. 33), который ставилъ Вышенскаго въ научномъ отношеніи гораздо ниже Бронскаго (автора „Апокрисиса“), Франко опять противорѣчитъ себѣ, потому что во 2-ой части диссертаціи (на стр. 113) самъ ставитъ ученость Бронскаго *гораздо* выше, чѣмъ Вышенскаго. На стр. 57—62 Франко разбираетъ статью Игн. Житецкаго. Кстати замѣчу, не въ укоръ впрочемъ Франку, что не мѣшало бы поточнѣе отмѣчать *имя* этого автора статьи о Вышенскомъ, чтобы читатель не приписывалъ этой статьи извѣстному нашему филологу Павлу Игнатьевичу Житецкому. До чего принято считать авторомъ статьи не И., а П. Житецкаго, можно заключать изъ того, что вполнѣ солидное изданіе „Энциклопедическій Словарь“ Брокгауза и Ефрона помѣстило статью „Іоаннъ Вышенскій“ въ списокъ сочиненій Павла Игнатьевича... Рецензируя упомянутую статью, Франко впалъ въ нѣкоторыя преувеличенія, отчасти благодаря авторской скромности. Какъ ни цѣнна статья Игн. Житецкаго, („Кіев. Ст.“ 1890, іюнь), все же нельзя ее ставить выше *всѣхъ* прочихъ изслѣдованій о Вышенскомъ (стр. 57) ужъ просто потому, что болѣе ранняя статья Франка („Кіев, Ст.“ 1889) ничуть не менѣе цѣнна. Излишне превознесши Игн. Житецкаго въ одномъ мѣстѣ, Франко въ другомъ мѣстѣ такъ же излишне его унижаетъ (стр. 62): Франко строго упрекаетъ Житецкаго за сдѣланную имъ въ его статьѣ характеристику эпохи,—но вѣдь эта характеристика все же лучшая въ ряду другихъ, а у Франка, въ его большой *диссер-*

таціи, нѣтъ и вовсе никакой характеристики той эпохи, когда проповѣдникъ дѣйствовалъ!

Вторая часть диссертаціи содержитъ анализъ произведеній Вышенскаго, но я предпочитаю разобрать сперва *третью часть*—„Біографію и характеристику Вышенскаго", которую считаю больнымъ мѣстомъ всей диссертаціи.

Нужно замѣтить, что касательно жизни нашего полемиста мы располагаемъ только двумя-тремя коротенькими свѣдѣніями. Именно: въ „Житіи и жизни преподобнаго отца нашего Іова, основателя скита Манявскаго", которое составилъ „многогрѣшный іеромонахъ Игнатій зъ Любарова, въ то время жительствующій въ сей святой обители Скитской", сказано, что Іоаннъ Вышенскій былъ другомъ Іова и пришелъ съ Аѳона на нѣкоторое время къ нему въ Угорницкую обитель, потомъ присутствовалъ при основаніи скита Манявскаго и, „поживши зде, паки отъиде въ Святую гору" въ годъ смерти Гедеона Балабана. („Зоря Галицкая", 1861, стр. 233, 234, 235). Второе свѣдѣніе находится въ короткомъ меморіалѣ православныхъ 1621 г.: „Совѣтованіе о благочестіи", гдѣ рѣшаютъ между прочимъ вызвать съ Аѳона для борьбы съ уніей „блаженнаго Іоанна, порѣкломъ Вишенскаго" („Пам., изд. врем. коммисс. для разб. древ. акт.", 1848, стр. 248). Третье современное свидѣтельство открыто недавно Франкомъ; письмо александрійскаго патріарха Мелетія Пига, свидѣтельствующее о томъ, что патріархъ зналъ и уважалъ Вышенскаго. Вотъ и всѣ документальныя данныя. Если мы пожелаемъ узнать что-нибудь поподробнѣе о жизни и нравственномъ обликѣ нашего писателя, то должны будемъ извлекать всѣ свѣдѣнія изъ его же произведеній. Работа эта не совсѣмъ легкая или, по крайней мѣрѣ, не совсѣмъ устойчивая, въ особенности разъ дѣло коснется характеристики его: тутъ ужъ едвали не каждый изслѣдователь приходитъ къ разнымъ результатамъ и понимаетъ личность Іоанна по-своему. Поставимъ, напр., рядомъ двѣ добросовѣстныя характеристики—Сумцова и Игн. Житецкаго,—что въ нихъ общаго? Что касается

Франка, то онъ, характеризуя личность Вышенскаго, болѣе приближается къ Житецкому, чѣмъ къ Сумцову; это, впрочемъ объясняется тѣмъ, что Игн. Житецкій въ свое время пользовался одной изъ прежнихъ статей Франка же.

Что же новаго даетъ намъ Франко теперь? До сихъ поръ считалось неопровержимымъ фактомъ, что настоящей (т. е. свѣтской) фамиліи автора „Посланій" мы не знаемъ; такъ думалъ прежде и Франко („Кіевск. Стар." 1889, апр., стр. 144). Прозвище „Вышенскій" происходитъ отъ имени родины Іоанна, мѣстечка „Судова Вышня" въ Галичинѣ. Онъ обыкновенно такъ и подписывался: „Іоанъ мнихъ (и)зъ Вышнѣ", или также „(и)зъ Вышн*ей*", такъ какъ „Вышня" есть, собственно, форма прилагательная (отъ „Курськъ" род. п. будетъ по-малорусски „Курськ*а*" и „Курськ*ого*", отъ „Ривно"—„Ривн*а* и „Ривн*ого*", и т. п. отъ „Вышня" „Вышни" и „Вышньой") Франко сперва считаетъ нужнымъ бездоказательно предположить, что р. п. „Вышней"—это полонизмъ, и что настоящее имя мѣстечка есть форма имени существительнаго (зачѣмъ ему понадобилось это предположеніе, мы увидимъ впослѣдствіи), а потомъ произноситъ неожиданное заявленіе, что названіе „Вышенскій" („Вишенський" пишетъ Франко) не только указываетъ на происхожденіе проповѣдника изъ Вышни, но что это должно быть также его свѣтской, родовой фамиліей. Вотъ доказательства Франка: „Подъ посланіемъ къ старицѣ Домникіи Іоаннъ подписался, вм. обычнаго „изъ Вышни",—„странникъ реченный Вишенскій". Вопросъ рѣшается (продолжаетъ Франко), при свидѣтельствѣ современниковъ: Игнатія изъ Любарова, авторовъ „Совѣщанія („—ованія"!—А. К.) о благочестіи" и, наконецъ—переписчика „Позорища мысленнаго", которое было списано съ авторскаго автографа; всѣ они согласно называютъ его Вышенскимъ или Вишенскимъ,—значитъ, это была его фамилія, а подпись „зъ Вышней" свидѣтельствуетъ только о мѣстѣ его рожденія". Я думаю, каждому бросается въ глаза неестественность и натянутость такого объясненія; я думаю, никто не станетъ сомнѣваться, что „Вышенскій"—просто прилагательное, замѣняющее собою предлогъ съ род. падежемъ существительнаго („=изъ Вышни"). И притомъ не безъинтересно

обратить вниманіе на то, какъ осторожно употребляетъ Іоаннъ для своего названія форму прилагательную: онъ къ ней прибавляетъ имя существительное нарицательное. Въ „Посланіи къ Домникіи" онъ подписывается „странникъ, *реченный* Вышенскій", а это значитъ: „такъ называемый", или „прозванный" Вышенскимъ. Есть еще одна подпись, о которой Франко не упоминаетъ: въ посланіи къ Ставропигійскому братству мы читаемъ: „Іоанъ, *русинъ* Вышенскій". Немногочисленные современники, которые упоминаютъ объ Іоаннѣ вскользь, и на которыхъ ссылается Франко, вѣдь ничего не говорятъ прямо о свѣтской фамиліи Іоанна, а если они называютъ его сокращенно „Іоанъ Вышенскый" (въ „Совѣтованіи" впрочемъ стоитъ: „Іоанна, порекломъ вишенского") то руководятся тѣмъ же соображеніемъ, какимъ руководился въ 1889-мъ году Франко, озаглавившій тогда свою статью: „Іоаннъ Вишенскій" и начавшій ее заявленіемъ, что мы совсѣмъ не знаемъ фамиліи писателя.

Если Іоаннъ былъ ровесникомъ Іова Княгиницкаго, своего друга (а у насъ нѣтъ основаній считать его младше или старше), то родился онъ около 1550 года. Франко, безъ всякихъ разсужденій, отодвигаетъ годъ его рожденія на пять лѣтъ назадъ. Зачѣмъ и почему?

Основываясь на слишкомъ явныхъ демократическихъ симпатіяхъ Іоанна, всѣ изслѣдователи до сихъ поръ предполагали, что онъ родомъ былъ крестьянинъ или мѣщанинъ. Франко (стр. 419), опять неизвѣстно зачѣмъ, считаетъ нужнымъ предположить, что его родители были *зажиточные* мѣщане, или даже мелкіе дворяне (т. е. такой слой общества, который какъ разъ внушаетъ идеалы не демократическіе, а буржуазные!). Вотъ слова Франка: „Не могъ онъ происходить изъ совсѣмъ простой и совсѣмъ бѣдной семьи, если могъ получить хоть кой-какое образованіе („освиту"), если могъ выбраться изъ родного гнѣзда на болѣе широкій свѣтъ и если, живя въ Луцкѣ, могъ быть въ интимныхъ отношеніяхъ съ какимъ-то высшимъ католическимъ духовнымъ". Два вторыхъ основанія я совсѣмъ оставляю безъ вниманія (они вѣдь не выдерживаютъ малѣйшей критики), а насчетъ „якои-такои освиты" замѣчу, что „яка-така

освита" не есть „велыка освита". Изъ чего она могла состоять? Самъ Франко догадывается: учился Іоаннъ, конечно, не выше, чѣмъ въ приходской школѣ, и могъ тамъ выучиться чтенію, письму, часослову, псалтыри и церковному пѣнію,—не больше". Ну, для пріобрѣтенія такой „освиты" вовсе не требовалось рода ни богатаго, ни дворянскаго!

Конечно, приходская школа—это только предположеніе Франка. Церковное пѣніе, которое изучилъ маленькій Іоаннъ, также не выходитъ изъ области вѣроятій. Но Франку мало всѣхъ этихъ предположеній. По его мнѣнію, у мальчика *могъ* быть въ дѣтствѣ прекрасный голосъ, въ школу *могъ* заѣхать какой-нибудь православный магнатъ, голосъ мальчика *могъ* ему понравиться, и магнатъ *могъ* взять его къ своему двору, и этимъ дворомъ скорѣе всего *могъ* быть дворъ князя Острожскаго. (По какому дѣлу *могъ* кн. Острожскій заѣхать въ приходскую Вышенскую школу, находившуюся за нѣсколько сотъ верстъ отъ Острога, Франко умалчиваетъ). Какъ видимъ, Франко не задумывается нагромождать вѣроятности одну на другой, лишь бы пристроить бѣднаго Вышенскаго къ какому-нибудь православному магнату. „Скорѣе всего это могъ быть кн. Острожскій, къ которому нашъ авторъ очевидно чувствовалъ нѣкоторое благоговѣніе, если его имя поставилъ во главѣ одного изъ своихъ первыхъ посланій" (По счету Франка же, оно восьмое!) и притомъ безъ всякой „внутришньои потребы" (стр. 421). Ну, а если бъ Іоаннъ ни дня, ни часа, ни минуты не жилъ въ молодости при Острожскомъ дворѣ и если бы до поступленія въ монастырь не былъ лично знакомъ съ княземъ, то что ему помѣшало бы адресоваться съ Аѳона со своимъ антиуніатскимъ посланіемъ къ сильнѣйшему и дѣятельнѣйшему русскому противнику уніи?! Что мѣшало бы аѳонскому православному монаху благоговѣть передъ мужественнымъ ревнителемъ православія на Руси?! Или для этого необходимо было непремѣнно личное знакомство съ княземъ?? Франко говоритъ, что посланіе, озаглавленное „Писаніе до кн. В. Острожскаго" не содержитъ въ себѣ *ничего*, относящагося къ князю лично и, стало быть, послано на его имя безъ причины. А благодарность за стойкость въ вѣрѣ?—

Была, наконецъ, еще одна и „внутришня потреба“, заставившая Вышенскаго посвятить свое „Писаніе“ князю Острожскому: оно написано Вышенскимъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ „Апокрисиса“ Бронскаго, а „Апокрисисъ“ вѣдь былъ изданъ княземъ въ его острожской типографіи.

„Какъ нѣкотораго рода посредствующее подтвержденіе (ранняго пребыванія Вышенскаго при острожскомъ дворѣ), можно считать тотъ фактъ, что при Острожскомъ дворѣ, и притомъ въ довольно значительномъ положеніи, находился какой-то другой Вишенскій, м. б. какой-нибудь родственникъ, если даже не братъ нашего автора“ (стр. 421). И затѣмъ Франко приводитъ отысканное имъ мѣсто изъ уніатскаго ’Αντίῤῥησις-а (1600 г.), гдѣ говорится, что кн. Острожскій сперва былъ склоненъ къ уніи и писалъ по этому поводу „лыстъ“ къ митрополиту, „który list podan mu był przez sługę Iego X. M. Pana Wasila starostę Suraskiego *y przez Pana Wiszeńckiego*“. Hier liegt der Hund begraben! Вотъ для чего Франко строилъ до сихъ поръ рядъ отчаянныхъ гипотезъ! При скудости свѣдѣній о жизни проповѣдника, ему чрезвычайно захотѣлось извлечь какую-нибудь пользу для его біографіи изъ новооткрытаго свидѣтельства въ „Антиррезисѣ“ о панѣ Вишенскомъ. Чтобы сдѣлать pana Wiszeńskiego родственникомъ будущему полемисту, Франко всѣми правдами и неправдами строилъ до сихъ поръ всякія предположенія о настоящей фамиліи Ивана, о его шляхетскомъ происхожденіи, о его прекрасномъ голосѣ, и пр., и пр., и пр.!

Wiszeński не могъ быть сродни „Вышенскому“ ужъ по одному тому, что эти два наименованія даже фонетически не совпадаютъ: мѣстечко называется „Вышня“ (кор. „выс.)“, Іоаннъ довольно аккуратно пишетъ въ этомъ имени и въ своемъ прозвищѣ „ы“, тоже „ы“ пишутъ и современники въ прозвищѣ „Вышенскый“, и на основаніи двухъ-трехъ описокъ (напр., „порекломъ вишенского“, съ „и“) вовсе не слѣдуетъ пріурочивать Вышенскаго къ Wiszeńskiemu. Впрочемъ если бъ мы упорно захотѣли видѣть въ обоихъ случаяхъ одну и туже фамилію, то никакой пользы для біографіи Ивана изъ свѣдѣнія „Антиррезиса“ не извлекли бы. Франку приходится дѣлать большія на-

тяжки, чтобы фиксировать pana Wiszeńskiego въ Острогѣ, чтобы лишить его знатности и чтобы не отнять у него возможности быть родственникомъ Ивану. Всѣ дальнѣйшія построенія Франка объ Иванѣ зиждутся на томъ предположеніи, что pan Wiszeński былъ *слугою* князя Острожскаго; но вѣдь въ „Антиррезисѣ" стоитъ „sługę" въ ед. ч. и относится *только* къ Суражскому! У насъ нѣтъ никакихъ основаній считать и pana Wiszeńskiego такимъ же слугою князя, жившимъ при его дворѣ, а стало быть—нѣтъ также никакихъ основаній предполагать, что онъ могъ пристроить къ княжескому двору своего молодаго родственника. Впрочемъ, черезъ нѣсколько страницъ (429), самъ Франко признается, что не можетъ догадаться, какую бъ это такую должность могъ занимать нашъ авторъ при Острожскомъ дворѣ.— „Кажется однако", продолжаетъ онъ, „что эта должность заставляла его *часто и подолгу* (почему не всегда?) пробывать въ Луцкѣ, Люблинѣ и другихъ городахъ", и Франко подкрѣпляетъ это ссылками на сочиненія самого Вышенскаго. Вотъ то-то и есть! подлинныя свидѣтельства противятся помѣщенію молодого Вышенскаго при Острожскомъ дворѣ.

Разъ мы сознаемъ это, намъ приходится отвергнуть всѣ дальнѣйшія размышленія (лучше сказать фантазированія) Франка на тему о томъ, что горько было жить бѣдному, „худородному" юношѣ среди знати, что придворная жизнь была для него суровой и всесторонней школой, что онъ привыкъ глубоко вдумываться въ себя и среду, что радикально-демократическіе идеалы насчетъ всеобщей равноправности были естественной реакціей противъ „дуковъ-срибляныковъ" и т. д., и т. д. Размышленія эти дѣлаютъ честь благородству мыслей Франка и его творческому таланту, но ничего общаго съ исторіей не имѣютъ. А прекрасной школой жизни для Вышенскаго могли быть, и безъ Острога, Луцкъ и Люблинъ, гдѣ Вышенскій близко присматривался къ внутреннему быту нѣкоторыхъ „сильныхъ міра сего". Напр., изъ „Краткословнаго отвѣта Ѳеодула" намъ извѣстно, что въ Луцкѣ какой-то развращенный латинскій „мистръ" относился къ нему очень дружественно и разсказывалъ ему, какъ онъ соблазнилъ и обезчестилъ одну дѣвушку. Чѣмъ объясняется такая

интимность, сказать нельзя. Догадокъ, конечно, можно строить очень много. Однако, словно нарочно, та, которую выставилъ Франко, является наименѣе правдоподобной. Франко дѣлаетъ Вышенскаго *равнымъ* другомъ высокопоставленнаго каноника и придаетъ самому Вышенскому какое-то высокое общественное положеніе. Но передъ высокопоставленнымъ православнымъ русиномъ высокопоставленный католическій духовный не сталъ бы откровенничать. Гораздо проще думать, что Вышенскій былъ у него козачкомъ и довѣреннымъ „личардой", передъ которымъ знатный „мистрѣ" не считалъ нужнымъ конфузиться. Довольно спокойно можно допустить и то предположеніе, что пожалуй самъ Иванъ любилъ въ молодости, по мѣрѣ средствъ, покутить, пожуировать, „пожить", такъ что у него было много общихъ чертъ съ развращеннымъ ксендзомъ. Франко скажетъ, что моя догадка недостойна, и что она омрачаетъ свѣтлый образъ нашего проповѣдника. Но она психологически очень вѣроятна! Вышенскій былъ вѣдь человѣкъ увлекающійся, „человѣкъ, умѣющій сильно любить и сильно ненавидѣть", (слова Франка! см. стр. 492), „человѣкъ, рѣшительный въ добромъ или зломъ" (ibid), человѣкъ горячій и пылкій,—неужели же онъ въ молодости не отдалъ дани молодости, а такъ сразу, чуть не съ пеленокъ, сталъ помышлять о монастырѣ? Чегожѣ бы онъ возненавидѣлъ суету міра, еслибъ этой суеты не испыталъ на себѣ? И въ монастырь-то чего онъ поступилъ? неужели не для того, чтобы замаливать грѣхи? Да это едвали не законъ, что всѣ энергическіе, пылкіе аскеты-моралисты имѣли молодость очень бурную и полную увлеченій: для подтвержденія, всмотримся внимательно въ біографіи греческихъ философовъ сколько-нибудь аскетическаго направленія, всмотримся въ христіанскія житія святыхъ (причемъ, понятно, исключеніе сдѣлаемъ для того разряда житій, гдѣ младенцы-святые не вкушаютъ молока отъ груди матери въ пятницу, въ среду и прочіе постные дни), всмотримся наконецъ въ тѣ аскетическія біографіи, гдѣ наиболѣе сохранилось правдивыхъ, реальныхъ чертъ,—въ біографіи святыхъ дервишей-суфіевъ (онѣ есть и въ нѣмецкомъ переводѣ Гаммера, много томовъ),—вездѣ мы увидимъ подкрѣпленіе пред-

ложеннаго мною закона. Я думаю, что пылкій Вышенскій, котораго мнози страсти бороли до старости (см. его письмо къ Іову), не составляетъ исключенія; я думаю, что его слова: „и я нѣкогда въ той пробѣ былъ“ („Краткословный отвѣтъ“) служатъ самымъ яснымъ признаніемъ въ бурно проведенной молодости.— Что касается догадки Франка, будто Вышенскій, выслушавши разсказъ важнаго ксендза, постригся отъ ужаса въ монахи, то эта догадка ровно ничего не стоитъ. Во-1-хъ, какъ видно изъ „Краткословнаго отвѣта“, пылкій Вышенскій слушалъ разсказъ „мистра“ очень долго, внимательно, со всѣми подробностями и, стало быть, довольно хладнокровно; во-2-хъ—онъ „мистра“ зналъ давно и хорошо (вѣдь „дружбу мѣлъ“ съ нимъ!), и признаніе друга насчетъ блуда не могло поразить его неожиданностью; въ 3-хъ—самъ Франко (стр. 430) собралъ много данныхъ, изъ которыхъ видно, что все латинское духовенство не отличалось въ то время чистотою нравовъ, и случай, передаваемый Вышенскимъ, былъ вещь слишкомъ обычная, чтобы потрясти все существо Вышенскаго.

Постригся ли Вышенскій еще на родинѣ, или только на Аѳонѣ, Франко не пытается рѣшить: онъ даже обходитъ молчаніемъ первое предположеніе. А жаль: еслибъ вдругъ открылось, что оно вѣрно, то, при наклонности Франка строить нѣкоторыя главы 2-ой части на психологіи, ему пришлось бы иногда очутиться на мели.

Франко предполагаетъ (стр. 425), что еще до ухода на Аѳонъ Вышенскій завязалъ дружескія отношенія съ Иваномъ Княгиницкимъ (позже Аѳонскимъ схимонахомъ Іовомъ, насадителемъ монастырей въ Галичинѣ). Предположеніе это ни на чемъ не основано,—развѣ только на другомъ шаткомъ предположеніи, которое я ужъ постарался опровергнуть, именно, что Вышенскій жилъ при дворѣ князя Острожскаго; а тамъ, какъ ужъ несомнѣнно извѣстно, былъ ученикомъ и потомъ учителемъ Академіи Іовъ. („Зоря Галицк., яко альб. на 1861 годъ“, стр. 228). Первое возраженіе Франку—то, что ему не удастся въ своихъ гипотезахъ свести концы съ концами. Вѣдь по его разсчету (о чемъ рѣчь дальше) Вышенскій въ 1578 году ушелъ

ужъ на Аѳонъ, а Острожская академія открыта только въ 1580 г. (См. Порфирьевъ: „Ист. русск. слов“., 1891, т. I, стр. 603, гдѣ ссылка на Ѳ. Четыркина: „Князь К. К. Острожскій, какъ защитникъ православія въ ю.-з. Руси въ XVI. ст.“; Галаховъ: „Ист. р. сл.“, I, стр. 353). Впрочемъ, если бъ Франко рѣшилъ даже подвинуть время ухода Вышенскаго на Аѳонъ на нѣсколько лѣтъ впередъ (т. е. на болѣе позднюю пору, чѣмъ 1580-й годъ), то и въ томъ случаѣ незачѣмъ намъ предполагать раннее знакомство Вышенскаго и Княгиницкаго (въ Острогѣ, или вообще на родинѣ), разъ у насъ нѣтъ документальныхъ основаній для такого предположенія. Да и какія могли быть отношенія, что могло быть общаго въ мірѣ—у необразованнаго Вышенскаго и ученаго профессора Іова? Съ бо́льшимъ основаніемъ можно думать, что Вышенскій и Княгиницкій подружились ужъ на Аѳонѣ, какъ земляки на чужбинѣ и какъ послушники.

Теперь посмотримъ, какъ пытается Франко опредѣлить время ухода на Аѳонъ какъ Вышенскаго, такъ и Княгиницкаго. Когда Франко не пускается въ поэтическія гипотезы, а просто анализируетъ документы, тогда онъ обнаруживаетъ и проницательность, и остроуміе. Разбирая житіе Іова, составленное Игнатіемъ изъ Любарова, и подвергая его критикѣ, Франко прекрасно показываетъ, что основатель Манявскаго скита удалился на Аѳонъ въ 1584-мъ году. „Что же касается Вышенскаго, продолжаетъ Франко, пугая читателя, который успѣлъ было отдохнуть отъ чудовищныхъ гипотезъ, то онъ, *вѣроятно*, былъ старше Іова на нѣсколько лѣтъ *и потому* (!) удалился на Аѳонъ раньше“. Откуду сіе?! На чемъ основано это изумительное „вѣроятно“ и еще болѣе изумительное „потому“? Отчего не держаться того предположенія, какого держались предшествовавшіе изслѣдователи, — что Вышенскій былъ ровесникомъ Княгиницкаго? (Ничто, впрочемъ, не препятствуетъ думать, что Вышенскій могъ быть даже младше Княгиницкаго). Да если бъ мы и повѣрили ясновидѣнію Франка, т. е. тому, что Вышенскій былъ старше Іова на три-четыре года, то вытекаетъ ли отсюда, что онъ *потому* не могъ попасть на Аѳонъ въ одно время съ Іовомъ? Не трудно догадаться, зачѣмъ нужны

Франку всѣ его хитросплетенія: нужны они ему по той причинѣ, что ему хочется видѣть Вышенскаго въ Охридѣ между 1576—1580 г.г., т. е. вскорѣ послѣ убіенія Варлаама, который былъ убитъ, *быть можетъ* (!), около этого времени; такимъ образомъ Франку удастся подыскать какую-либо дату составленія для „Новины, или вѣсти о обрѣтеніи тѣла Варлаама“. Что такое эта пресловутая „Новина“, подробно объ этомъ мы поговоримъ еще не разъ, теперь я голословно заявлю, что написана она не раньше 1598-го года (!) и, кромѣ того, не имѣетъ права считаться сочиненіемъ Вышенскаго. Интересна попытка Франка не ограничиться однимъ только предположеніемъ, но *доказать*, что на Аѳонъ Вышенскій поступилъ именно между 1576—1580 годами.—Іовъ Княгиницкій,—говоритъ онъ,—долженъ былъ выдержать на Аѳонѣ $13^{1}/_{2}$ лѣтъ искуса, причемъ ничего не смѣлъ тогда ни читать, ни писать; тому же искусу, вѣроятно, подвергался и Вышенскій; писать онъ началъ въ 1589-мъ году,—отнимемъ $13^{1}/_{2}$ лѣтъ, получается приблизительно 1578. Здѣсь цѣлая куча загадокъ. Что, $13^{1}/_{2}$ лѣтъ искуса, это неизмѣнный законъ, чтоли? Какъ будто не могъ искусъ тянуться разные сроки, смотря по убѣжденіямъ того старца, къ которому новичекъ поступалъ на послушаніе! А, быть можетъ, у Вышенскаго искусъ длился дольше, чѣмъ у Княгиницкаго? Повѣрить этому можно, потому-что Иванъ былъ натура болѣе обуреваемая злыми духами. А то, быть можетъ, искусъ Вышенскаго былъ несравненно короче, чѣмъ Княгиницкаго? Что жъ! и это предположить мы вправѣ, потому что въ виду необходимости бороться православію съ уніей старецъ спокойно могъ пустить Ивана пораньше на благочестивое дѣло. Впрочемъ, если мы вслѣдъ за Франкомъ пожелаемъ назначить Ивану тѣ же $13^{1}/_{2}$ лѣтъ искуса, то развѣ разность уменьшаемаго 1589 и вычитаемаго $13^{1}/_{2}$ будетъ 1578? И наконецъ, съ какой стати Франко вычитаетъ цифру лѣтъ искуса изъ 1589, а не изъ другаго числа? Вѣдь онъ самъ увѣряетъ во второй части диссертаціи, что первое свое произведеніе Вышенскій написалъ въ промежуткѣ между 1576—1580 годомъ, второе—вскорѣ послѣ того,

третье—въ началѣ 80-хъ годовъ! а къ 1589—90 году относится, по счету Франка, *ужъ четвертое* произведеніе Вышенскаго.

Какой дорогой поѣхалъ Вышенскій на Аѳонъ? Прямая и обычная дорога—черезъ Молдавію, Рущукъ, Пловдивъ, Константинополь, а оттуда—моремъ до Аѳона. Но Франко, не имѣя никакихъ документальныхъ намековъ, гонитъ Вышенскаго черезъ Карпаты въ Венгрію, оттуда—въ Сербію, оттуда—въ Верхнюю Албанію, въ Охриду, Велесъ и по Вардару въ Солунь. Самъ Франко сознается, что о такомъ маршрутѣ Вышенскаго мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, что это дорога неупотребительная, что это дорога очень тяжелая, но... вы должны, господа читатели, согласиться на такой маршрутъ, иначе отымете у Франка возможность поразсуждать на счетъ все той же злополучной „Новины"! „Прямой дорогой", говоритъ намъ Франко, „Вышенскій *могъ* не поѣхать потому, что времена около 1580-го года въ странахъ задунайскихъ, въ Болгаріи, Сербіи, Македоніи и Албаніи были временами волненій, бунтовъ и партійныхъ препирательствъ". Но во 1-хъ, дорога, приписанная Вышенскому Франкомъ (черезъ Венгрію), ничуть не удобнѣе обычной, потому что она и гораздо длиннѣе, и утомительнѣе, и тѣхъ же балканскихъ странъ не избѣгаетъ; во 2-хъ—какихъ-нибудь страшныхъ, *необычныхъ* волненій на Балканскомъ полуостровѣ около 1580 года не было: то, о чемъ разсказываетъ Гаммеръ (Hammer-Purgstall: Geschichte des Osmanischen Reiches. Pesth, 1829, IV, 21, 23) и на что ссылается Франко, вовсе не выходитъ изъ ряда повседневныхъ турецкихъ событій; и въ 3-хъ—съ какой стати Франко заинтересовался положеніемъ балканскихъ дѣлъ 1580-го года, разъ онъ самъ потщился доказать, что въ 1578-мъ году Вышенскій былъ ужъ на Аѳонѣ? По-моему, Франко долженъ отказаться отъ своего фантастическаго маршрута и пустить Вышенскаго на Аѳонъ обыкновеннымъ, традиціоннымъ путемъ, какимъ тотъ поѣхалъ, должно быть, не одинъ, а съ толпою бывалыхъ богомольцевъ, и могъ чувствовать себя съ ними безопаснѣе отъ всякихъ „розрухивъ", чѣмъ путешествуя по какимъ-то глухимъ захолустьямъ (и, вѣроятно, одинъ!).—„Дорога черезъ Охриду объяснила бы намъ составленіе нашимъ авторомъ

„Новины объ обрѣтеніи тѣла Варлаама Охридскаго“ и тотъ теплый интересъ къ Охридѣ, какой виднѣется въ заключительныхъ строчкахъ „Новины“,—говоритъ Франко на стр. 434. Что собственно значитъ эта фраза и какой процессъ авторскаго мышленія, мы по ней подмѣчаемъ? Повидимому, мы здѣсь имѣемъ энтимему: „Такъ какъ Вышенскій шелъ на Аѳонъ черезъ Охриду, то у него и явилось желаніе задушевно написать „Новину“. Такъ! но откуда жъ Франко добылъ сюда малую посылку (т. е. первую половину фразы)? Она у него возникла вѣдь, какъ выводъ изъ предшествовавшей энтимемы: „Такъ какъ у Вышенскаго есть задушевное сочиненіе „Новина“, касающееся охридянъ, то, значитъ, онъ шелъ на Аѳонъ черезъ Охриду“. Это называется логическій кругъ, petitio principii. (Изъ-за той же „Новины“ Франко еще разъ обнаруживаетъ поползновеніе вступить въ логическій кругъ, въ опредѣленіи времени составленія „Новины“, но объ этомъ мы потолкуемъ при разборѣ второй части диссертаціи). Курьезно, что въ этомъ логическомъ кругѣ, гдѣ одна посылка прямо petitur, другая съ своей стороны очень и очень хромаетъ. Именно: гдѣ онъ, гдѣ этотъ „теплый интересъ къ Охридѣ“, который, по словамъ Франка, виднѣется въ конечныхъ строчкахъ „Новины“?? Вотъ онѣ, эти конечныя строчки,—я ихъ не просто выписываю (изъ „Кіевск. Стар.“. 1890, іюнь, прилож.), а даже *перевожу*, потому что Франко, очевидно, не совсѣмъ понялъ смыслъ старославянскаго текста, полнаго фиктивныхъ грамматическихъ формъ: „Желающіе лично убѣдиться въ истинѣ разсказаннаго (т. е. чудесъ отъ гроба Варлаама), идите къ городу Охридѣ,—тамъ увѣритесь и узнаете, что все это не басня, но именно такъ, какъ я говорю. А несоглашающіеся отправиться въ путь и остающіеся на мѣстѣ своей родины, докажите свою вѣру (въ истину моего разсказа) дѣломъ и поревнуйте Варлаамовой добродѣтели, жизни, подвигу и мученическому вѣнцу, чтобы и самимъ получить свыше ту же благодать. Дай Господь, чтобъ вы этого пожелали. Аминь“. Гдѣ здѣсь Франко усмотрѣлъ у Вышенскаго теплый, т. е. субъективный интересъ *къ Охридѣ*,—право, не понимаю: къ Варлааму—да, есть интересъ, но какого-нибудь намека на личное

отношеніе къ Охридѣ—нѣтъ. Чтобы снять съ Франка подозрѣніе въ ненаучной предвзятости и умышленномъ извращеніи смысла текста, я предпочитаю думать, что онъ просто *не понялъ* этого мѣста.

Какимъ образомъ прошли первые годы послушанія Вышенскаго, Франко считаетъ возможнымъ догадаться посредствомъ проведенія аналогіи съ послушаніемъ Іова Княгиницкаго, которое намъ извѣстно изъ документальныхъ данныхъ. Конечно, догадки Франка такъ и останутся догадками, не болѣе, но самый-то пріемъ изслѣдованія несомнѣнно очень остроуменъ. Только ужъ нужно быть послѣдовательну въ проведеніи своихъ аналогій, иначе онѣ теряютъ всякій смыслъ. Если Іовъ ничего ни читать, ни писать не смѣлъ цѣлыхъ 13½ лѣтъ своего послушанія, то на какомъ основаніи Вышенскому, котораго Франко привелъ на Аѳонъ въ 1578-мъ году, Франко приписываетъ сочиненія въ 1580-мъ году и въ началѣ 80-хъ? Если же Франко отвѣтитъ мнѣ моимъ же возраженіемъ, т. е. что для Вышенскаго могли, по неизвѣстной намъ причинѣ, быть сдѣланы исключенія, то къ чему тогда строить аналогіи?

Говоря о жизни Вышенскаго на Аѳонѣ, Франко считаетъ нужнымъ (стр. 435—438) указать здѣсь же тѣ книги, какія могли имѣть вліяніе на образованіе его убѣжденій. Еще и раньше, на стр. 431—432, Франко мимоходомъ построилъ очень остроумную гипотезу о томъ вліяніи, которое могъ оказать на Вышенскаго кальвинистъ Кровицкій. (Замѣчу кстати въ возраженіе Франку и въ защиту своего собственнаго мнѣнія, что съ такими еретическими, вольнодумными произведеніями, какъ Кровицкаго, Вышенскій могъ познакомиться и сродниться только въ томъ случаѣ, если въ молодости былъ человѣкомъ нерелигіознымъ и не строгихъ правилъ). А здѣсь, на упомянутыхъ стр. 435—438, Франко извлекаетъ изъ произведеній самого Вышенскаго прямыя или скрытыя указанія на его хорошее знакомство съ Діонисіемъ Ареопагитомъ и съ Іоанномъ Златоустымъ, съ Григоріемъ Синаитомъ, Василіемъ Великимъ, Григоріемъ Богословомъ, Іоанномъ Лѣствичникомъ и мн. др. Умѣлость Франка разбираться въ документахъ и эрудиція его дѣлаетъ чтеніе этихъ

страницъ очень пріятнымъ, въ особенности послѣ того колоссальнаго „riot of imagination", какой мы видѣли на предыдущихъ страницахъ. Только говоря объ апокрифической „лектурѣ" Вышенскаго, Франко, этотъ извѣстный знатокъ и любитель апокрифовъ, увлекается и уклоняется отъ истины. Что Вышенскій былъ знакомъ съ апокрифомъ „Сѣтованіе земли", съ этимъ, конечно, можно согласиться (хотя Сумцовъ, стр. 653, „К. Ст". 1885, апр. совѣтуетъ говорить и объ этомъ знакомствѣ поосторожнѣе), но Франко желаетъ усмотрѣть въ цитатахъ Вышенскаго намекъ еще на одинъ апокрифъ, неизвѣстный намъ,—объ Иліи и концѣ свѣта. Лукавое мудрствованіе! Вышенскій, говоря о массовомъ отпаденіи православныхъ къ уніи и католицизму, утѣшаетъ себя мыслью, что если не въ Польшѣ, то хоть въ Турціи „осталю до тысящь до Иліи отъ Бога реченныхъ, иже не поклониша колени ваалу". Переведемъ эти слова на русскій языкъ: „Осталось до тысячи (?) такихъ людей, насчетъ какихъ Богъ говорилъ Иліѣ: „Они не преклонили колѣнъ предъ Валомъ". Ясно, что рѣчь идетъ о тѣхъ вѣрныхъ православныхъ, которыхъ можно уподобить небольшой кучкѣ праведниковъ, оставшихся въ Израилѣ въ вѣкъ Иліи. Замѣчу кстати, что вм. „до тысящь" слѣдуетъ здѣсь читать: „до *седми* тысящь", какъ это и читается въ 3-й книгѣ Царствъ, XIX, 18; если бы Вышенскій хотѣлъ сказать только объ одной тысячѣ, то не употребилъ бы род. п. *множ.* ч. А. Франко разсуждаетъ вотъ какъ: „Эти слова заставляютъ догадываться, что нашему автору была извѣстна какая-то эсхатологическая (!) легенда о концѣ міра, въ которой говорилось, что предъ концемъ міра, когда на землѣ воцарится Антихристъ и возмутитъ всѣхъ христіанъ, придетъ Илія и застанетъ только тысячу праведныхъ (а гдѣ жъ это у Вышенскаго намекъ на Антихриста?). Какая это была легенда или какой варіантъ (даже *варіантъ!),* мы не беремся тутъ рѣшать". (Еще-бы!), Очевидно, что толкованіе Франка основано на непониманіи текста. Странно только, что свою гипотезу объ апокрифѣ про Илію Франко, въ другихъ мѣстахъ, прямо принимаетъ за доказанную истину и даже за несомнѣнную аксіому.

Около 1599-го г. мы видимъ Іоанна въ затворничествѣ. По этому случаю Франко приводитъ изъ сочиненія Петрашевскаго „Dziesięcioletnia podróz po Wschodzie" свѣдѣнія о жизни монаховъ-затворниковъ. Свѣдѣнія эти очень интересны, но напрасно Франко выражается такимъ увѣреннымъ тономъ, который заставляетъ читателя думать, будто они относятся не къ 30-мъ годамъ нынѣшняго столѣтія, а еще къ 16-му вѣку. „Трудъ, молитва и постъ, *были* обычнымъ занятіемъ скитника; говорить нельзя ему *было* ни съ кѣмъ; обыкновенной его пищей *былъ* вареный бобъ, обыкновеннымъ лѣкарствомъ въ случаѣ болѣзни *была* водка, настоянная на полыни" (стр. 440). У Петрашевскаго нѣтъ нигдѣ: „были". Что-то не очень мнѣ вѣрится въ такое широкое распространеніе водки среди аѳонскихъ подвижниковъ 16-го столѣтія (скорѣе можно повѣрить, что они всякое лѣченіе считали за грѣхъ), да Петрашевскому я не особенно вѣрю даже по отношенію къ началу нынѣшняго столѣтія. Этотъ оріенталистъ, какъ извѣстно, мастеръ былъ фантазировать, а въ томъ мѣстѣ, которое по своему переводитъ Франко, сквозитъ явное зубоскальство и иронія надъ православными затворниками и желаніе разсмѣшить читателя. („Oni są zawsze zdrowi, bo nieodzowny dzban z piołunową wódką od ich bocu nie odstaje", op. at., p. 79). Франко, ради научности, передѣлываетъ слова Петрашевскаго на иной, серіозный ладъ. Но вполнѣ научнымъ было бы совсѣмъ отказаться отъ его сомнительныхъ сообщеній.

Разсуждая о вліяніи Аѳона на поддержку православія въ южной Руси въ XVI-XVII вв., Франко возстаетъ противъ тѣхъ историковъ, которые значительно перецѣниваютъ это вліяніе (т. е. въ сущности противъ всѣхъ нашихъ историковъ). Вопросу о вліяніи Аѳона Франко посвящаетъ стр. 443-455. Сперва онъ входитъ въ разсмотрѣніе первоначальной исторіи Аѳона, причемъ обнаруживаетъ свое знакомство съ очень многими учеными трудами по этому вопросу; на стр. 449 онъ приводитъ общій, сводный перечень важнѣйшихъ сочиненій по исторіи Аѳона, и пропускаетъ... „Исторію Аѳона" преосв. Порфирія Успенскаго! Зная изъ частныхъ сношеній съ Франкомъ, что онъ высоко ставитъ это сочиненіе и даже собирается издать часть его

въ малорусскомъ переводѣ, я склоненъ видѣть въ его пропускѣ простой недосмотръ, а не умышленное игнорированіе. Нѣкоторыя неудобныя частности изложенія и слишкомъ поспѣшныя заключенія Франка поражаютъ непріятно. „Послѣ 1453-го г., т. е. послѣ завоеванія турками Византіи, судьба Аѳона измѣняется. Турки тутъ, какъ и во многихъ другихъ вещахъ, оказались народомъ практическимъ. Они не мѣшались въ дѣла религіозныя, сохранили автономію монашеской республики, но велѣли платить себѣ за все хорошія подати и притомъ двойныя: съ каждаго монастыря, келіи и пещеры особую, такъ сказать домовую подать, а съ каждаго монаха опять особую—поголовщину" (стр. 447). Здѣсь мы видимъ незнакомство съ исторіей законовъ собственности у мусульманъ. Не слѣдовало говорить о практичности и изобрѣтательности *турокъ*, потому что упомянутый способъ обложенія податью—изобрѣтеніе вовсе не турецкое. И „хараджъ" и „джизьетъ" (такъ называются эти оба рода подати) датируются отъ первыхъ временъ исламскихъ завоеваній, отъ Омара. Нѣсколько дальше, на той же 449-й стр., Франко употребляетъ слово „гарачъ", но кажется, употребляетъ его безсознательно, не отдавая себѣ отчета въ его точномъ значеніи: изъ связи рѣчи можно думать, что онъ „гарачемъ" называетъ и поголовную подать. Въ этомъ я вижу сбивчивый полонизмъ и совѣтую Франку уклоняться отъ него, а для обозначенія поземельной подати, взымаемой съ иновѣрцевъ въ мусульманскихъ краяхъ, употреблять съ болѣе правильнымъ произношеніемъ терминъ „хараджъ". По-польски слово „haracz" давно получило смыслъ *всякой* подати вообще, но малороссы теперь совсѣмъ не знаютъ и не понимаютъ слова „гарачъ", такъ что „хараджъ", въ смыслѣ очень *опредѣленнаго термина*, можетъ быть принятъ въ языкѣ безъ всякой сбивчивости. Далѣе, сообщая о частомъ странствованіи аѳонскихъ монаховъ на Русь за милостынею, Франко объясняетъ это бродяжничество гнетомъ турецкихъ поборовъ (это, впрочемъ, не его одного мнѣніе). Сваливать причину нищенскаго бродяжничества монаховъ только на желаніе достать денегъ для подати туркамъ—не вполнѣ будетъ правильно. Скитальческую жизнь христіанскихъ восточныхъ мо-

наховъ нужно въ извѣстной степени объяснять также догматическимъ вліяніемъ мусульманскаго дервишества (суфійства), которое достигло въ исламскихъ странахъ неслыханнаго распространенія и колоссальнаго могущества и воздѣйствовало также на христіанство (срв. мой „Очеркъ развитія суфизма", М. 1895, оттискъ изъ „Трудовъ Императ. Археол. Общ."). Основываясь на томъ предположеніи, что поѣздки аѳонскихъ монаховъ на Русь вызываемы были исключительно желаніемъ собрать себѣ милостыню, Франко находитъ, что нравственнаго воздѣйствія на Русь аѳониты произвесть не могли. Соображеніе неправильное. Намъ все равно, за деньгами или за чѣмъ другимъ ѣздили аѳониты на Русь, довольно того, что они ѣздили, и сношенія Аѳона съ Малороссіей поддерживали, а значитъ и вліяніе оказывать могли. Притомъ, какъ я ужъ сказалъ, были у аѳонитовъ и другія побужденія странствовать, не только меркантильныя. Самъ Франко нечаянно подчеркиваетъ и другія причины (стр. 449—450): „Впрочемъ и не изумительно, что аѳонскихъ монаховъ принимали у насъ съ радостью, это были частенько свои люди, или приносили вѣсти отъ своихъ людей. Еще съ XIV в. былъ на Аѳонѣ спеціальный русскій монастырь Руссиконъ; много русиновъ спасалось и по другимъ аѳонскимъ монастырямъ, особенно въ сербскихъ и болгарскихъ, какъ Зографскій (Франко пишетъ „Зографу",—что за странное окончаніе въ малорусскомъ языкѣ!), Павловъ (у Франка: „Паулю"), а также по отдѣльнымъ скитамъ и пещерамъ. Слава святости, которую имѣлъ у насъ Аѳонъ, достигла еще временъ св. Антонія Печерскаго, т. е. была какъ бы драгоцѣнной частью самой христіанской традиціи въ Малороссіи отъ самаго введенія христіанства. Не удивительно поэтому, что въ 1621-мъ году православные, въ своемъ „Совѣтованіи о благочестіи", прямо признавали потребность посылать „Россовъ маючихъся истинно ко житію добродѣтельному" на Аѳонъ, какъ въ школу духовную". Могъ ли Франко лучше опровергнуть себя, чѣмъ этими самыми собственными словами? Нужно ли бóльшаго доказательства для нравственнаго воздѣйствія Аѳона на Русь? На стр. 450—452 Франко перечисляетъ рядъ Аѳонскихъ ревнителей православія, имѣвшихъ сношенія

съ южной Русью, поддерживавшихъ духъ православія противъ латинства своими сочиненіями, писавшихъ на Русь соборныя посланія (я думаю, что и дѣятельность Мелетія Пига можно съ нѣкоторымъ правомъ отнесть на счетъ Аѳона), и какъ выводъ изъ этого длиннаго перечня у Франка является сужденіе: „Все это труды случайные" (sic!!). Какъ одинъ изъ резоновъ игнорировать аѳонское воздѣйствіе на Русь, Франко выставляетъ то соображеніе, что „этого было недостаточно для борьбы съ уніей: понадобилась помощь западной науки, братствъ, козачества и т. п.". Совершенно вѣрно: „это" (т. е. аѳонское воздѣйствіе) одно, *само по себѣ*, не въ состояніи было остановить успѣховъ католицизма на Руси, тѣмъ не менѣе оно было очень и очень важнымъ оружіемъ и, несомнѣнно, послужило сильной поддержкой для православія въ южной Руси. Изъ того, что аѳонская образованность и традиція были *не единственнымъ* орудіемъ борьбы, нельзя еще отрицать ихъ значенія. И то мѣсто „Совѣтованія о благочестіи" (1621), въ которомъ православные, прибѣгнувшіе ужъ къ помощи западной науки, все-таки видятъ въ Аѳонѣ свою школу духовную, лучше всего опровергаетъ Франка.

На стр. 454-й у Франка вдругъ проскальзываетъ необычайная и непонятная любовь къ уніи: „если епархіи львовская и перемышльская почти сто лѣтъ противились уніи, то можно сказать, что именно на тѣ сто лѣтъ опоздало наше развитіе". По всему вѣроятію, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ какой-то неточностью языка и стиля: во всѣхъ другихъ мѣстахъ Франко не признаетъ благодѣтельныхъ послѣдствій уніи для южнорусскаго народа.

Разыскивая причины, которыя заставили Вышенскаго ревностно приняться за борьбу съ уніей, Франко подчеркиваетъ здѣсь вліяніе александрійскаго патріарха Мелетія Пига („Пигаса", какъ онъ его называетъ) и сообщаетъ одну очень важную и новую данную: письмо Мелетія на Аѳонъ къ Вышенскому отъ 1596 г., въ которомъ патріархъ уговариваетъ монаха оставить Аѳонъ и пойти на Русь. Оригиналъ хранится на о—вѣ Патмосѣ, но Франко, благодаря своей неутомимой энергіи, досталъ-таки него съ копію. Письмо, на стр. 457—459, приводится

по-гречески и сопровождается малорусскимъ переводомъ (Я его, конечно,буду приводить по-русски). Для пущей вѣрности и точности перевода, Франко обратился за содѣйствіемъ къ д-ру Мильковичу. Небезынтересно посмотрѣть, какъ они вдвоемъ справились съ задачей.

Греческаго текста трогать я не стану. Тамъ есть достаточно ошибокъ, но Франко повидимому нарочно издалъ текстъ дословно, безъ всякихъ измѣненій. Малорусскій переводъ я приведу по-русски, цѣликомъ все письмо, причемъ въ скобкахъ буду помѣщать свои замѣчанія и поправки.

„Убѣжалъ и Моисей нѣкогда отъ городскихъ развлеченій („разрывокъ“, διατριβῶν,—лучше было бы: „суеты“, „времяпровожденія“, срв. то же διατριβῶν на стр. 458-й, строка 7-ая), а впослѣдствіи случилось такъ, что ушелъ отъ собственнаго потомства (? ὑπερφυοῦς) и рода, но поучался (ἐμυοῦτο значитъ „вникалъ“) Божьимъ заповѣдямъ (ἐμφάσεσι собств. знач. „намеки“, „внушенія“, срв. суфійскій мистическій терминъ „ромуз“), а когда онъ возвратился (по собственному почину, что ли?) и когда самъ Богъ простеръ свою руку надъ Фараономъ, то освободилъ (ἐλευθερῶν!) сыновъ израильскихъ изъ неволи египетской“ (Вторая половина фразы переведена невѣрно, а на самомъ дѣлѣ значитъ она вотъ что: „но вникалъ въ Божьи внушенія, *и потому* (сочетаніе здѣсь изъяснительное!) онъ возвратился, простирая руку на Фараона, на котораго простеръ руку самъ Богъ, и имѣя цѣль освободить сыновъ израильскихъ“):

„И вотъ самъ онъ подвергъ себя опасности, а бѣды („шкоды“) не было никакой (Франко думаетъ, что ἐβλάβη—сказуемое къ οὐδέν, тогда какъ ἐβλάβη δ'οὐδέν значитъ: и не потерпѣлъ никакого вреда“, причемъ οὐδέν есть вин. пад. содержанія или отношенія)...; и совершивши чудеса, какъ Богъ (οἷα θεός), вывелъ достойныхъ изъ среды недостойныхъ“. (Переводъ: „какъ Богъ“—можетъ вводить въ заблужденіе: это „какъ“ можетъ придавать оттѣнокъ не сравненія, а причинности. Къ тому же переводъ и не точенъ: слѣдовало бы: „какія совершаетъ Богъ“, потому—что οἷα не нарѣчіе, а опредѣленіе—прилагательное къ τέρατα).

„Пойми эту тайну, сынъ мой (τέκνον—„чадо") и не оставайся въ пустынѣ, живя (βιοτεύσων значитъ: „съ цѣлью жить") только для себя одного, да и то, пожалуй, не вполнѣ довольный. Не порицаю я пустыни (по-гречески въ началѣ фразы стоитъ еще καί, которое можно перевесть: „Правда, не порицаю..." и т. д.), потому-что и самъ я ея сторонникъ, но заботясь о спасеніи ближнихъ, зову всѣхъ (совсѣмъ не „всѣхъ", а „тебя") въ боевые ряды сыновъ Божіихъ. Братьямъ твоимъ, проникнутымъ тою же, что и ты, заботой о святынѣ, грозитъ опасность отъ поляковъ. (ὠδῖνες значитъ побольше, чѣмъ „забота", а именно: „мученія", „мучительный страхъ", собств. даже „родильныя потуги", но уже у Гомера первоначальное значеніе не разъ теряется. Далѣе: род. пад. τῶν ἱερῶν относится не къ ὠδίνων въ придаточномъ предложеніи, а къ κινδυνεύθοι въ главномъ. Παρὰ Σαυρομάθαις не значитъ „отъ поляковъ", а „у поляковъ", „въ Польшѣ". Такимъ образомъ фраза должна получить слѣдующій видъ: „Братьямъ твоимъ, мучительныя заботы которыхъ общи съ твоими, грозитъ въ Польшѣ опасность потерять святыни"). „Православные въ Польшѣ не получаютъ помощи (?!) отъ тѣхъ, которые не заботятся о правдѣ". (Какую жъ помощь должны были оказывать поляки православнымъ въ борьбѣ съ ними?! Слѣдуетъ перевесть: „Православные жители Польши остаются даже безмомощными передъ людьми, мыслящими неправо"). „Нашего старанья—мало. (И точнѣе, и правильнѣе былъ бы переводъ: „насъ здѣсь не достаточно"); нужно и вамъ поусердствовать для Бога-Вседержителя. Вѣдь и Илія-пустынножитель побранилъ (слишкомъ слабое выраженіе; по-греч. ἐλίγχει, praes. hist=„изобличилъ") Ахаава и избилъ жрецовъ Іезавелиныхъ. Поэтому и мы поучаемъ (по-греч. καὶ δὴ μανθάνομεν!—„Стало быть, мы знаемъ"), что Илія, предтеча евангельской благодати, одновременно съ пустынными занятіями (μετὰ τὰς ἐρήθους διατριβὰς значитъ: „*послѣ* пустыннаго времяпровожденія") все таки не переставалъ провозглашать народамъ путь спасенія. (Здѣсь, во-1-хъ, напрасно добавлено „все таки", а во-2-хъ—оставлено безъ вниманія ἐμφυλοχωροῦντα, при которомъ получается переводъ: „отправился въ народъ и про-

возглашалъ путь ко спасенію“)... „и даже не колебался умереть за истину. Вотъ какъ поступаютъ для угожденія Богу! И ты подражай тѣмъ дѣламъ, за которыя желаешь сообща съ другими получить награду (слѣдуетъ: „Подражай дѣламъ *тѣхъ людей*, въ наградѣ которыхъ желаешь участвовать“). Прощай! Въ Александріи. 1596-го года“. (Въ греч. текстѣ вторая цифра γ, т. е. 3. Это опечатка?).

На кого свалить вину за всѣ ошибки перевода? Должно быть, на д-ра Мильковича, къ которому обратился Франко съ просьбою участвовать въ переводѣ!

Въ виду немногочисленности современныхъ свидѣтельствъ о Вышенскомъ, письмо патріарха Мелетія является очень цѣннымъ документомъ. Разсужденія Франка о важности новаго открытія и о слѣдствіяхъ, которыя можно извлечь изъ него (стр. 459—461), заставляютъ забыть о неудачномъ переводѣ. Впрочемъ, всѣ соображенія Франка должны пасть, если гамма въ датѣ не опечатка, а дѣйствительно стоитъ въ оригиналѣ. Возникаетъ подозрѣніе, что письмо датировано не по обычной эрѣ, а по одной изъ другихъ эръ, употреблявшихся въ восточныхъ церквахъ. Не мѣшаетъ также провѣрить и другія цифры въ этой датѣ.

Разсказавши, на основаніи сочиненій Вышенскаго, о его путешествіи въ Малороссію 1605 г., о его недоразумѣніяхъ съ Львовскимъ братствомъ, о его возвращеніи на Аѳонъ и о его окончательномъ затворничествѣ, Франко размышляетъ о годѣ его смерти и не сомнѣвается (даже!), что если бы разсмотрѣть Аѳонскіе памятники, то можно было бы разсчитать годъ смерти Вышенскаго. Ну, я въ томъ очень и очень сомнѣваюсь. Фамилій и прозвищъ въ помянникъ не вписываютъ, а имя „Иванъ“ фигурируетъ на каждой страничкѣ, навѣрно, разъ пять.

На страницѣ 466-й біографія Вышенскаго кончается (далѣе слѣдуетъ характеристика). Всего мѣста біографія занимаетъ 48 страницъ (418—466),—при скудости свѣдѣній о Вышенскомъ она должна казаться колоссальной. Но во 1-хъ отсюда

нужно исключить страницы, наполненныя общими историко-философскими разсужденіями Франка и комментаріями,—страницы очень интересныя и поучительныя (быть можетъ, лучше всего рекомендующія Франка, какъ ученаго), но не имѣющія отношенія собственно къ датамъ жизни Вышенскаго. Затѣмъ нужно исключить тѣ шаткія гипотезы, которыя я постарался подчеркнуть. Послѣ такого вычитанія можетъ обнаружиться, что страницы, составляющія разность, ушли по своимъ результатамъ не очень далеко впередъ отъ той (прекрасной и удачной) статьи Франка, которая была напечатана въ 1889-мъ году. Въ самомъ дѣлѣ: какія новыя данныя представлены Франкомъ теперь? Указано довольно вѣроятное вліяніе кальвиниста-Кровицкаго, перечислены вліявшія на Вышенскаго православныя сочиненія, сообщено письмо патріарха Мелетія Пига,—и только. Все остальное—не дѣйствительныя даты, а многочисленныя гипотезы, въ замѣнъ которыхъ можно выставить другія гипотезы, нисколько не уступающія Франковскимъ. Я такъ и сдѣлалъ, и хотя бы Франко опровергъ *мои* догадки, онъ этимъ все-таки не защититъ *своихъ*. Гипотезы—это сущая бѣда Франка, потому что онъ поэтъ: каждая изъ нихъ, разъ она не нарушаетъ законовъ такъ называемой идеальной дѣйствительности, въ мигъ пріобрѣтаетъ для Франка значеніе неоспоримаго факта; на этой гипотезѣ онъ строитъ новую, на той—опять новую, и т. д., а въ результатѣ получается не столько ученая біографія Вышенскаго, сколько историческій романъ.

Со страницей 466-й третья часть диссертаціи Франка еще не кончается: остальныя страницы (466—498) посвящены характеристикѣ проповѣдника. Франко вникаетъ въ произведенія Вышенскаго и находитъ, что они говорятъ къ намъ живымъ, энергичнымъ словомъ и даютъ намъ возможность заглянуть въ душу ихъ автора, оцѣнить и полюбить въ немъ человѣка, писателя и патріота. Двѣ главныя черты Вышенскаго—живое чувство и фантазія. Чувство у Вышенскаго—гуманное, благородное, деликатное, но не переходитъ въ слезливость, потому что насквозь проникнуто твердой нравственностью (стр. 466—471). По-моему, эта характеристика Вышенскаго не вполнѣ

точна. Что онъ человѣкъ чувства, это правда; что его чувство полно благородства, также правда; но особенной деликатности и мягкости я въ Вышенскомъ не вижу. Наоборотъ, его благородство—угловатое, рѣзкое; разъ онъ сознаетъ, что онъ стоитъ за дѣло правое, онъ ужъ энергично, всей душой отдается борьбѣ и держится нашей народной пословицы: „колы бытысь, дакъ не мырытысь". Франко для доказательства мягкости Вышенскаго приводитъ тотъ фактъ, что онъ даже самыхъ ярыхъ своихъ противниковъ называетъ въ спорѣ: „братъ". Это „братъ" въ употребленіи Вышенскаго соотвѣтствуетъ „братцу" въ русской фразѣ: „что, братецъ! попался? А вотъ я тебѣ шею накостыляю!" Оно соотвѣтствуетъ также „дядюшкѣ" въ Пушкинской фразѣ: „Ты, дядюшка, воръ и самозванецъ". Еще Франко усматриваетъ у Вышенскаго „братское обращеніе съ противниками въ полемикѣ". Можно подумать, что это горькая иронія! Да развѣ не у Вышенскаго обращенія къ еретикамъ представляютъ собою сплошное ожерелье ругательствъ!! Иногда ругательства принимаютъ у него внѣшній видъ акаѳистовъ!..—Вполнѣ правъ Франко, когда утверждаетъ, что Вышенскій, говоря о бѣдствіяхъ простого народа, обнаруживаетъ самую трогательную чувствительность,—да, вполнѣ правъ Франко! Но и тутъ мы должны нѣсколько умѣрить его восхищеніе: заступаясь за простой народъ, Вышенскій *обыкновенно* имѣетъ въ виду мѣщанъ, а не „мужыкивъ та паньскыхъ пидданыхъ".—Въ замѣчаніяхъ Франка относительно фантазіи Вышенскаго также можно кое-что оспаривать. Нѣкоторыя черты, которыя диссертантъ считаетъ признаками фантазіи, скорѣе могутъ считаться жалкими потугами ея. Такъ, выраженія: „безотвѣтно перенести на плечѣ терпѣнія", „отвалить надгробный камень воспоминаній" „трупъ гордости и невѣрія на средину выволочь и оплакать" (стр. 471)—всѣ эти цвѣтистыя выраженія отнюдь не могутъ свидѣтельствовать о живости фантазіи, а наоборотъ—могутъ свидѣтельствовать объ упадкѣ ея. Все это риторическія, готовыя фурмулы, изъѣзженныя, шаблонныя и потому мертвыя; онѣ и не изобрѣтены Вышенскимъ, а просто заимствованы изъ византійскихъ образцовъ или изъ ихъ русскихъ подражаній.—

Прочія замѣчанія Франка о живой фантазіи у Вышенскаго, конечно, вполнѣ основательны; однако то, что мы встрѣчаемъ въ диссертаціи на стр. 474—475, высматриваетъ совсѣмъ странно. Франко беретъ нѣкоторыя темы Вышенскаго и, постаравшись разыграть свои собственныя варіаціи на каждую, увѣряетъ читателя, что это такъ говоритъ Вышенскій и что, „якъ бачымо", это свидѣтельствуетъ о живой фантазіи и оживленной драматической формѣ рѣчи у Вышенскаго. По моему, „якъ бачымо" это свидѣтельствуетъ скорѣе о живой фантазіи и оживленной драматической формѣ рѣчи у самого Франка. Франко показываетъ намъ, что *онъ* сказалъ бы, если бы былъ Вышенскимъ. Большой недостатокъ у Франка въ разбираемой части характеристики—сухость изложенія. Удачны, хотя также очень сухи, замѣчанія Франка о юморѣ и ироніи Вышенскаго (у Сумцова все это гораздо лучше). Кажется, впрочемъ, что здѣсь безъ оговорокъ нельзя принять одного примѣчанія Франка на стр. 478: Вышенскій былъ *первый* южнорусскій писатель, который въ такихъ обширныхъ размѣрахъ и съ такимъ умѣньемъ воспользовался обоюдоострымъ оружіемъ юмора и ироніи". (Конечно, выраженіе „обоюдоострый" здѣсь не къ мѣсту, оно вовсе не означаетъ сильной степени, какъ хотѣлъ Франко, а наоборотъ указываетъ, что оружіе можетъ быть обращено противъ самого направляющаго. Ну, да это въ скобкахъ). Сказать: „первый", быть можетъ, будетъ довольно рискованнымъ. Обличая латынянъ, Вышенскій, вѣроятно, почитывалъ сочиненія своихъ предшественниковъ на этомъ поприщѣ. Однимъ изъ первыхъ полемистовъ противъ католицизма былъ у насъ на Руси Ѳеодосій Печерскій—ужъ и въ его „Словѣ о вѣрѣ латинской, или варяжской" можно подмѣтить желаніе пользоваться оружіемъ ироніи. Также, послѣ уніатскаго Ліонскаго собора 1274-го года появилась въ Греціи полемическая сатира на Михаила Палеолога; она была переведена и на южно-славянскіе языки, и на русскій. Конечно, она и ей подобныя сочиненія внесли свою лепту вліянія въ выработкѣ общаго характера православной полемической литературы, и напр. Вышенскаго „Зачапка мудрого латинника зъ русиномъ" представляетъ много аналогиче-

скихъ чертъ и пріемовъ съ „Преніемъ Панагіота съ Азимитомъ“ (хотя, б. м., Вышенскій и не читалъ „Пренія“). Я привелъ только два указанія на иронію и юморъ въ церковной полемикѣ, какія сразу пришли мнѣ въ голову, но если бы я былъ спеціалистомъ по части древнѣйшихъ русскихъ полемическихъ антикатолическихъ сочиненій, то могъ бы, вѣроятно, отмѣтить ихъ гораздо больше, и тогда, быть можетъ, обнаружилось бы, что иронія и юморъ Вышенскаго примыкаютъ къ общимъ чертамъ сичиненій его предшественниковъ.

Заканчивая, затѣмъ, характеристику Вышенскаго, Франко касается его идейной физіономіи, его убѣжденій религіозныхъ, общественныхъ и поэтическихъ. Замѣчанія Франка интересны по своей сути, но они сухи и потому блѣдны. Религіозныя воззрѣнія Вышенскаго Франко хкрактеризуетъ словами: „это очевидно дуализмъ, и притомъ съ значительной пессимистической окраской“. Проще было бы сказать здѣсь: „спиритуализмъ“; въ примѣненіи къ Вышенскому этотъ терминъ будетъ правильнѣе, чѣмъ „дуализмъ“. Напрасно Франку кажется, что дуализмъ это религія терпѣнія, униженій, тяжкихъ испытаній, что она непремѣнно связана съ ненавистью къ міру, къ тѣлу (стр. 480). Зороастрова дуалистическая религія—религія энергіи, жизни, а аскетизмъ, который возникъ въ Иранѣ во время Сасанидовъ, есть результатъ буддійскаго, прошлаго вліянія. Не безъинтересно мнѣніе Франка, будто нынѣшняго пониманія христіанства въ смыслѣ религіи *любви* не было въ первые времена христіанства, и будто такое воззрѣніе появилось ужъ гораздо позже, подъ вліяніемъ широкой этики гуманистической. Кажется, достаточно прочитать одно четвертое евангеліе, чтобы убѣдиться въ несостоятельности подобнаго утвержденія. Можно говорить, что средневѣковые послѣдователи христіанства часто *отступали* въ жизни отъ предписаннаго духа любви, но нельзя говорить, что когда-либо любовь не считалась существеннымъ и основнымъ догматомъ христіанства. Франко высказываетъ свое мнѣніе, конечно, голословно. Нѣкотораго рода доказательство принципіальной „нелюбовности“ прежнихъ христіанъ онъ видитъ въ томъ, что они проповѣдывали „смиреніе и простоту“ (стр. 481). Какъ

будто смиреніе и простота несовмѣстимы съ любовью къ ближнимъ! Франко думаетъ, что именно несовмѣстимы. Онъ говоритъ: „Не любить обязанъ праведникъ міръ и людей, но ненавидѣть въ нихъ все, что не относится къ спасенію вѣчному“ (стр. 481) Но вѣдь это со стороны Франка формалистическая игра словами, не больше. „Ненавидѣть въ ближнихъ то, что не относится къ ихъ спасенію“=„ненавидѣть то, что людямъ гибельно“=„любить людей (по-своему) и желать имъ добра“. Франко былъ бы правъ, если бы, не отвергая исконнаго *принципа* любви въ христіанствѣ, указалъ только, что *содержаніе*, а съ нимъ и практическое примѣненіе этого принципа любви въ разные вѣка было разное. Таже формалистическая игра словами сквозитъ и въ сужденіяхъ Франка объ аскетизмѣ; можно оспаривать *цѣлесообразность* аскетизма (самоистязаніе ради міра и непрестанное моленіе и сокрушеніе о мірѣ), но несправедливо будетъ отрицать въ христіанскомъ аскетизмѣ даже самый *мотивъ* любви: вѣдь монахъ думаетъ, что его служба самая полезная для людей. Формалистическая игра словами обнаруживается у Франка также въ злоупотребленіи терминомъ „любовь“: онъ смѣшиваетъ ἀγάπη и ἔρως.

Въ общественныхъ идеалахъ, во взглядахъ на общественное устройство Вышенскій доходилъ, особенно въ началѣ дѣятельности, просто до нигилизма: онъ отрицалъ общество и требовалъ поголовнаго аскетизма. Только въ послѣдствіи, на недолгое время, онъ сдѣлалъ было значительныя уступки первоначальному принципу. Но слишкомъ рѣшительно и слишкомъ рѣзко заявляетъ Франко, будто даже „взгляда, что основой общественной организаціи является трудъ и рабочіе слои, мы не видимъ у нашего автора *ни слѣда;* онъ знаетъ только одинъ родъ труда—аскетическій подвигъ, а производительный трудъ для него суета“ (стр. 485). Неужели такъ-таки „ни слѣда“? И гдѣ это есть на свѣтѣ такое христіанское монашество, которое всякій трудъ называло бы суетою? Вѣдь, небось, и въ монастырскіе уставы трудъ включенъ? Вѣдь даже затворники что-нибудь работаютъ?

Нѣтоторыя уступки во взглядахъ Вышенскаго были имъ сдѣланы, между прочимъ, по отношенію къ школѣ и наукѣ: онъ чувствовалъ, что безъ просвѣщенія слабѣетъ защита православія. Но западную науку, съ ея Платонами и Аристотелями, онъ отвергалъ. „Правда, авторъ нашъ находился здѣсь въ положеніи, довольно похожемъ на то, въ какомъ находился папа Иннокентій III, когда декретировалъ гибель альбигойцамъ, не зная въ точности, каковы были ихъ взгляды и вѣрованія“ (стр. 486). Къ чему здѣсь это сравненіе? Оно вовсе не близкое и дѣла не поясняетъ. Въ смыслѣ политическихъ идеаловъ Вышенскій былъ очень мало развитъ. „Иногда онъ предлагаетъ политическій сепаратизмъ отъ Польши, но сепаратизмъ этотъ долженъ быть какимъ-то пассивнымъ, а о дѣятельномъ противодѣйствіи, о сопротивленіи властямъ, о борьбѣ со „слугами діавола“, до какой дошли нѣкоторыя *аскетическія секты въ Россіи*, у Вышенскаго нѣтъ и помину“ (стр. 487). Франко, какъ видно, смѣшиваетъ аскетизмъ и мистицизмъ. Возникаетъ еще вопросъ: „Почему при своей любви къ малорусскому языку Вышенскій запрещалъ переводить на этотъ языкъ церковныя книги? Не видѣлъ ли онъ въ этомъ профанаціи богослуженія? Не доказываетъ ли это запрещеніе, что онъ все-таки считалъ малорусскій языкъ не вполнѣ достойнымъ?!“. Франко даетъ на все это рядъ отвѣтовъ, изъ которыхъ становится ясно, что Вышенскій вѣдь не могъ порвать связей съ вѣковой церковной традиціей, освятившей церковно-славянскій языкъ, равно какъ не могъ порвать связи съ остальными православными народами, особенно въ такую минуту, когда нужно было разыскивать вездѣ-вездѣ средства для защиты православія; измѣнить богослужебный языкъ и значило порвать объединяющее звено православныхъ народовъ, а сверхъ того простонародный переводъ евангелія могъ грозить даже опасностью чистотѣ православія. Неправильно только уясняетъ себѣ эту опасность Франко: по его мнѣнію переводъ евангелія на простонародный языкъ опаснымъ казался бы потому, что „это было бы подражаніе *протестантизму*, который, какъ извѣстно, ввелъ языки народные въ богослуженіе, да и у насъ началъ свою пропаганду переводами священ-

наго писанія на языкъ, довольно близкій къ народному, срв. Скорину, Буднаго, Тяпинское евангеліе, Негалевскаго (стр. 497)". Прежде всякихъ споровъ о протестантизмѣ сдѣлаемъ мимоходомъ замѣчаніе, что Невгалевскаго, не „Негалевскаго", можно было бы и не помѣщать въ списокъ, потому что его евангеліе очень ужъ позднее: 1681-го года! Далѣе, замѣтимъ, что нужно ставить нѣкоторый знакъ вопроса надъ тѣмъ тезисомъ, будто народный языкъ въ священныхъ книгахъ есть плодъ *только* протестантской пропаганды: онъ систематически сталъ вторгаться въ письменную рѣчь съ самого начала нашей письменности, самъ собою, въ силу естественнаго давленія національности писцовъ, а протестантизмъ могъ только *ускорить* ходъ этого естественнаго, но медленнаго вторженія. Поэтому я не думаю, чтобы у Вышенскаго и его современниковъ народный языкъ священнаго писанія ассоціировался съ представленіемъ о протестантизмѣ[1]). Но если бы даже и ассоціировался, то протестантизмъ въ началѣ 17-го вѣка не могъ внушать страха православнымъ: очень ужъ онъ былъ въ то время на Руси слабъ. Переводить священныя книги опасно было не въ виду протестантизма, а въ виду грознаго *католицизма*. Вотъ что говорили тогда: „Прекладаніемъ зъ давныхъ пословицъ на новые помылка чинится немалая, якоже и нынѣ обрѣтается въ книгахъ новаго переводу" (Житецкій: „Оч. ист. малорусск. нарѣч. въ XVII-XVIII в.", стр. 3). Эти „помылки" грозили породить рядъ ересей, грозили внести смятеніе въ ряды защитниковъ православія въ борьбѣ съ католицизмомъ.

Уяснивши себѣ отказъ Вышенскаго ввести южно-русскій языкъ въ священныя книги, намъ предстоитъ еще рѣшить вопросъ: почему же Вышенскій, который признавалъ важность народнаго языка, самъ не писалъ вполнѣ „простою мовою", а писалъ какой-то хаотической смѣсью, язычіемъ? Сперва Франко какъ будто пытается разрѣшить недоумѣніе очень простымъ способомъ: онъ какъ-будто хочетъ отвергнуть или по

---

[1]) Самъ же Франко на стр. 381-й говорилъ, что православные ввели народный языкъ въ церковь для отпора протестантизму: значитъ, не боялись, что такой языкъ обратитъ ихъ въ протестантовъ!

крайней мѣрѣ, затушевать фактъ, что у Вышенскаго рѣчь не простонародная. Онъ заявляетъ, что сочиненія Вышенскаго прекрасный матеріалъ для изученія живой малорусской рѣчи 16-17 вв., потому-что (сдр. 492) „въ дѣлѣ языка Вышенскій былъ менѣе всего зависимъ отъ какихъ-нибудь теорій, а руководился живымъ чувствомъ . . . Да и откуда онъ могъ набраться филологическихъ теорій, онъ, мало ученый въ школахъ??“. (Раньше какъ мы видѣли, Франко, желая поселить Вышенскаго при дворѣ князя Острожскаго, старался было поднять уровень его образованія). Но дальше Франко принужденъ сознаться, что на практикѣ Вышенскій нѣсколько отступалъ отъ выраженнаго имъ принципа. Причина заключается въ томъ, что даже маленькая школа какъ-ни-какъ, а все же должна была внушить ему извѣстныя стилистическія теоріи и пріучить къ мысли, что совсѣмъ безъ славянскихъ элементовъ письменная рѣчь невозможна; позднѣйшее чтеніе книгъ и борьба съ латынниками, издѣвавшимися надъ славянскимъ языкомъ, еще болѣе укрѣпили Вышенскаго въ этой теоріи. Къ этимъ соображеніямъ я бы добавилъ (и считаю это важнымъ), что жизнь на Аѳонѣ, вдали отъ родины, также должна была имѣть вліяніе на стиль рѣчи Вышенскаго.

Въ особенно детальный разборъ лексическаго и этимологическаго состава литературной рѣчи Вышенскаго Франко не вдается теперь, обѣщая возвратиться къ этому предмету впослѣдствіи: очевидно, при второмъ изданіи своей диссертаціи. Все-таки и теперь можно подмѣтить, что его представленія о ходѣ историческаго развитія народныхъ элементовъ въ южно-русскомъ языкѣ стоятъ на срединѣ между взглядами П. И. Житецкаго и его критика Кочубинскаго, который отрицаетъ *внезапное* вторженіе народнаго малорусскаго элемента въ литературную рѣчь 16-го вѣка подъ вліяніемъ реформатскимъ, а усматриваетъ здѣсь плодъ дѣйствія постепенной и непрерывной исторической традиціи.

Разставаясь съ третьей частью диссертаціи Франка, которую я разсматривалъ не всю, а только въ слабыхъ или не вполнѣ развитыхъ или недоговоренныхъ частяхъ ея, я хочу остановиться на нѣсколькихъ прекрасныхъ страницахъ той же третьей части,

увлекательныхъ и прочувствованныхъ. Начинаются онѣ, впрочемъ, вовсе не прекрасно. Франко хочетъ выяснить вопросъ, почему Вышенскій, такъ охотно воскрешенный въ XIX вѣкѣ, былъ легко забытъ въ XVII вѣкѣ, и вотъ *на первомъ мѣстѣ* (!!) Франко указываетъ какъ причину забвенія то обстоятельство, внѣшнее и случайное, что Вышенскій „имѣлъ особенный даръ оттолкнуть отъ себя всякаго мецената" (стр. 490)! Доводъ слишкомъ слабый, чтобы выставлять его на первое мѣсто, а притомъ и сомнительный: письмо Вышенскаго къ князю Михаилу Вишневецкому (Арх. Ю.-З. Р., VII, 37) лучше всего опровергаетъ Франка, да и посланіе къ князю Острожскому содержитъ въ себѣ комплименты по адресу князя. На *второмъ* мѣстѣ (только на второмъ!) Франко выставляетъ какъ причину забвенія Вышенскаго то обстоятельство (второстепенное??), что южно-русская жизнь пошла другимъ путемъ: аскетическіе идеалы Вышенскаго оказались непригодными, и хотя его методъ (искать защиты вѣры у простого народа и обращаться къ нему на родномъ языкѣ) былъ усвоенъ и разработанъ послѣдующими поколѣніями, но самого-то автора—забыли; все это гораздо лучше и обстоятельнѣе было изложено Франкомъ въ его прежней статьѣ („Кіевск. Стар.", 1889, апр.), чѣмъ въ нынѣшней диссертаціи. „Но", продолжаетъ Франко, „въ наше время Вышенскій вновь обрѣтенъ; и это не простой случай, что именно ему посвящается столько спеціальныхъ трудовъ въ наше время, алчущее и жаждущее высокаго идеала нравственнаго и общественнаго, среди современнаго поколѣнія, которое желало бы вырваться изъ ученой пыли и изъ горячки переутомленныхъ и разстроенныхъ нервовъ на вольный свѣтъ, въ свѣжую, здоровую атмосферу, къ людямъ сильнымъ по характеру, общественнымъ по природѣ, способнымъ къ сильной любви и къ сильной ненависти, энергичнымъ и рѣшительнымъ въ добрѣ или злѣ. Намъ, измельчавшимъ эпигонамъ, дороги такіе люди, какъ образчикъ болѣе сильной, болѣе здоровой породы. Мы видимъ ихъ недостатки и ошибки, но въ то же время чувствуемъ въ нихъ силу и энергію, которая насъ освѣжаетъ, словно лѣтомъ въ страдную пору студная вода. И какъ писатель, Вышенскій является намъ фигу-

рой необычайной, сильной, а въ сравненіи съ другими современными малорусскими писателями—оригинальной. Особенно привлекаетъ насъ свѣжесть его красокъ, непосредственность выраженія и чувства, пластика картинъ, однимъ словомъ все то, что въ письменныхъ произведеніяхъ есть выраженіе сильной, высоко симпатичной индивидуальности автора. Не полемистъ, не догматикъ и не мыслитель, но человѣкъ, моралистъ и поэтъ, Вышенскій цѣненъ и симпатиченъ для насъ, и, какъ таковой, онъ всегда буделъ занимать почетное мѣсто въ южно-русской литературѣ, тѣмъ болѣе почетное, что онъ—одинъ изъ отцовъ и творцовъ народной южно-русской литературы" (стр, 493). Можно было бы возразить кое-что противъ достоинства „сильной *ненависши*" и „рѣшительности въ добрѣ *или злѣ*", но жаль ослаблять впечатлѣніе этого горячаго лирическаго мѣста, и потому: „Аминь!"—скажемъ мы.

А. Крымскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

МНИМАЯ ТИПОГРАФІЯ ПОЧАЕВСКАГО МОНАСТЫРЯ
(съ к. XVI до 1-й четв. XVIII в.).

(ОКОНЧАНІЕ [1]).

ГЛАВА II.

Библіографическій указатель мнимыхъ изданій Почаевской монастырской типографіи въ XVII—$^1/_4$ XVIII вѣка.

Если мы соберемъ въ одно цѣлое разбросанныя по статьямъ и библіографическимъ указателямъ извѣстія о книгахъ (а также гравюрахъ), изданныхъ будто бы въ Почаевской монастырской типографіи въ XVII и $^1/_4$ XVIII-го вѣка, то получится очень внушительная картина. Этихъ изданій наберется до 30-ти.

Приведемъ извѣстія о нихъ, расположивъ ихъ хронологически: по времени изданія.

№№ 1 и 2-й описаны нами по подлинникамъ.

Въ скобкахъ ( ) помѣщены №№, подъ которыми въ слѣдующей главѣ будетъ сдѣланъ разборъ извѣстій о данныхъ изданіяхъ.

XVII-й вѣкъ.

1 (2) 1618 г. Сіа кніга наріцаемая Зерцало Богословіи, избранна от многихъ книг б(о)гословскихъ трудолюбіемъ съставлена ермонаха кирила транквѣліона и проповѣдника слова б(о)жіа его власным коштомъ и накладомъ выдрукована в мо-

---

[1] См. „Кіевск. Стар." 1895 г., № 7—8.

настыру почаевском в маетности его м(и)л(о)сти пана андрѣа фурлѣя року 1618 Мсца Марта 12 дня [1]).

Почти все заглавіе печатано киноварью.

4°, лист. (8)+(20)+(2)+84+(2).

Нумерація листовъ, только въ предпослѣднемъ счетѣ, вверху, справа, мелкимъ шрифтомъ.

Изъ тетрадей помѣчены лишь 3—7+8-я (полутетрадь) большими буквами „Ã—Ѳ" и 19—29+30-я (полутетрадь) числами „ат—кв" (=№№ тетрадей въ листахъ предпослѣдняго счета). Помѣченъ лишь 1-й листъ тетрадей. Сигнатура тетрадей—внизу, посрединѣ. Въ каждой тетради—по 4 л. Въ 2-хъ полутетрадяхъ—по 2 листа.

Заглавіе—въ рамкѣ, а страницы (кромѣ бѣлыхъ—пустыхъ) обведены линейками.

Киноварь употреблена только на заглавномъ листѣ, въ Посвященіи и въ Предмовѣ.

На страницѣ—по 24 строчки.

Переносовъ не существуетъ.

Содержаніе:

Л. (1): Заглавіе:

(1 об.—2): Гербъ лица, которому посвящена книга и вирши на гербъ („епікграма").

(2 об.—4): Посвященіе лицу отъ имени автора, съ подписью: „в мс моего мосцѣвого П(а)на, уставичный б(о)го мольца. Еромонахъ Кирилъ Ставровецкій (+ п с к) (= Проповѣдникъ Слова Божія).

(4 об.—5 об.): До чителника предмова.

(6—7): Оглавленія лежащая в книзѣ сей.

(7 об.): Лексиконъ альбо трудныхъ словъ выкладъ въ той кнізѣ.

(8): бѣлый:

(8 об.): Вірші, какъ бы эпиграфъ.

Л. (1—19): Зерцало Богословіи, о предшественном существѣ божіемъ. Главы 1—15.

---

[1]) По экземпляру Москов. Дух. Академіи (съ посвященіемъ Лаврентію Древинскому).

(20): бѣлый.

Л. (1—2): для чог(о) агглове и свѣтъ сей и члкъ и злосливыи люде мvромъ сутъ названы. (Въ оглавленіи—не указано).

Л. 1—84: Зерцало Богословіи о четверакомъ мире и о двохъ мѣстехъ, о темномъ вавилонѣ;—и о пресвѣтломъ сионѣ. Главы 1—35-я. (По оглавленію, это „част вторая").

84 об.: бѣлый

Л. (1—2): Млтва тогожде трудолюбца (т. е. автора) о съверъшенію.

1) Въ однихъ экземлярахъ этой книги помѣщенъ гербъ пана Лаврентія Дривинскаго, чашника Волынскаго, съ стихами на гербъ (9 строкъ) и посвященіемъ ему же;

2) Въ другихъ—гербъ пана Іоанна Ярмолинскаго Константиновича, съ стихами на гербъ (5 строкъ) и посвященіемъ ему же;

3) въ третьихъ—гербъ князя Александра Пузины, съ епиграммою (=стихами на гербъ) (5 строкъ) и посвященіемъ (инымъ) ему же.

Экз. книги извѣстны въ б—кахъ:

Въ *Спб.* Публичн., Акад. Наукъ, Духовн. Акад.

Въ *Москвѣ*: Публ. и Румянц. Музея (Ундол. 26, Норов. Лукаш., Максимовича),—Арх. М. Ин. Д., Синод. Типогр., Щапова.

Въ *Вильнѣ:* Публичн.

Сергіевъ Посадъ: Москов. Дух. Акад.: № 50-й дублетовъ б-ки Москов. Синод. типогр. (съ посвящ. Дривин.).

Литература:

Сопиковъ. ч. I № 387.

Евгеній, ч. II (изд. 1818 г,), стр. 361. (Во 2-мъ изд. ч. I, стр. 335).

Ширяевъ, № 39—буквальная выписка изъ Сопикова, съ добавкой (по Сопикову же): „Первая книга въ сей типографіи".

Строевъ—кн. Царскаго № 56 (экз. съ посвящ. Дривинскому).

Зубрицкій, str. 35—6, 52—3. Описалъ экз. съ посвящ. Дривинскому. „Karty w początku i na końcu nieliczbowane, we środku zaś kilkadziesiąt maią na sobie liczbę, a czego wnosić by

można, że nie razem to dziełko, lecz ułomkami wychodziło, a póżniey zebrane, tytułem i dedykacyą opatrzone zostało" (str. 35—6)... Ieżeli by się udowodnić dało, że u Poczaiowie rzeczywiście w roku 1618 drukowane iakie dzieło, mogły to bydz też same druki, które z monasteru iednego do drugiego przewożąc mnichi dla własnego zatrunienia i korzyści iakiey-kolwiek, drobnieysze dzieła wytłaczali, ulawszy sobie pierwiey potrzebną ilość liter, podług swey zamożności... Każdy zaś drukarz na Rusi, był oraz i gisserem... Że podobnych drukarni pakątnych, więcey bydz musiało, dowodzi punkt 6 z kontraktu oryginalnego na dniu Ss. Piotra i Pawła 1643. roku, między Stauropigią i Śloską.....: „....iź zgota niemal każdy diak, albo tez Pop usiłue na swą prywate drukarnie wystawić i na siebie drukować...." (str. 52, 53).

Въ краткомъ изложеніи—въ Журн. М. Н. Пр. 1838 г., № 9, с. 575.

Сахаровъ № 168, Описалъ экз. съ посвящ. Дривинскому: „На заглавномъ листѣ хотя и показано, что книга издана въ Почаевскомъ монастырѣ, но это едва ли справедливо. Въ недавнее врвмя возникло сомнѣніе объ этомъ изданіи. См. Журн. мин. нар. просвѣщ. (1838 г. № IX, стр. 575)".

Ундольскій—кн. Кастерина, № 95.

Максимовичъ, стр. 11; № 1. Указ. экз. съ посвящ. Дривинскому и (впервые) Пузинѣ. Замѣчено: „Извѣстны сомнѣнія о напечатаніи этихъ книгъ (+„Слова на Латиновъ) въ Почаевѣ въ означенномъ году".

Wiszniewski, str. 430 (по Зубрицкому).

Филаретъ, Обзоръ, стр. 188.

Каратаевъ, № 197.

Петрушевичъ, стр. 172: № 1. (по Каратаеву).

Амвросій, стр. 33—34.

Ундольскій—Очеркъ, № 214.

Каталогъ Хлудова, № 65.

Хойнацкій — „Очерки", Напечатана „по благословенію преподобнаго Іова". Авторъ „обозрѣнія славяно-русской библіографіи" сомнѣвается въ напечатаніи ея въ Почаевскомъ

монастырѣ, (стр. 5 № 168); но онъ вѣроятно не зналъ и о существованіи Почаевской типографіи въ XVII в."

Токмаковъ—Хрон. Кат. б-ки Москов. Главн. Архива М. Ин. Д. (Спб. 1879 и 8⁰), № 22: Почаевъ, ок. (sic) 1618 г.

Каратаевъ—„Описаніе". т. I, № 238, Впервые отмѣченъ экз. съ посвященіемъ Ярмолинскому.

2 (1) 1618 (?) г. Прпдбнаго Мксіма Грека, Инока от Стыя Аѳонскіа горы, Слово на Латиновъ. Яко не лѣть естъ ни единому приложити что, или убавити въ Бжственномъ исповѣданіи, Непорочныя Христіанскіа Вѣры.

Безъ обозначенія года и мѣста печатанія. Заглавнаго листа нѣтъ. Приведенныя слова напечатаны (вслѣдъ за заставкой) вверху ҃а-й страницы. Непосредственно за ними начинается и самый текстъ книги: „Предисловіе". (Вверху стр. 2—109—слова: „О Стомъ Дсѣ").

4⁰, *стр.* 1—110 (нумерованныхъ).

Нумерація страницъ—вверху, у поля книги, большими буквами. У чиселъ, обозначаемыхъ двумя буквами, надъ 2-й изъ буквъ находится почти всегда удареніе.

Тетради помѣчены обыкновенными буквами „а—л+м" (3/4 тетради). Отмѣчаются 1, 2 и 3-й листы тетрадей. Сигнатура тетрадей—внизу, по рединѣ. Въ каждой тетради—по 4 л. Въ послѣдней—3 листа.

Всѣ страницы обведены линейками.

Киноварь не употреблена.

На страницѣ по 21 строкѣ.

Переносы существуютъ.

Содержаніе:

с. 1; Заглавіе.

1—10: Предословіе (Максима Грека).

10—40: Главы 1—7.

41—109: Слово 2: Главы 8—23.

110: „Къ Читателю" (отъ издателей):

„Правовѣрный Читателю. Предлежащее Прпдбнаго Максима Слово, яко же обретохом в рукописанныхъ, вѣрнѣ любви твоей Типографіею вручихом, (в) немъ же любезнѣ и прилѣжнѣ

поучайся, и въ блгчестіи утверждайся... Прочее Дхъ Стый да уцѣломудритъ и утвердитъ Блгчестіе твое никакоже подвизатися навѣты противныя: Здравствуй о Гдѣ". Непосредственно подъ этими словами внизу стоитъ буква „з"—такимъ образомъ:

„ѿ гдѣ"

з

(См. экз. Москов. Дух. Ак.: Сборникъ старопечатный).

Литература:

Сопиковъ, ч. I, № 610. Дословно: Максима Грека, инока св. горы Аѳонскія Слово на Латиновъ, и о святомъ Духѣ; *въ Почаевѣ, 1618*—въ 4; и на стр. LXXIV-й: „въ 1618 г. напечатано слово Максима Грека въ Почаевѣ".

Евгеній, ч. II (изд. 1818 г.), с. 400. „Изъ словъ его (Максима Грека) одно *на Латиновъ* напечатано было въ Почаевской Типографіи 1618 г. *при книгѣ* Кирилла Транквилліона, называемой *Зерцало о Богословіи*". (Во 2-мъ изд. т. II, стр. 36).

Соколовъ—Кат. Акад. Н. (1832 г.), № 268. (Не видалъ).

Строевъ—кн. Царскаго, № 57. „Безъ выхода". „Изданіе сей рѣдкой книги полагаютъ въ Почаевѣ 1618 года (Сопик. ...Слов. Истор. пис. духовн. ....), но шрифтъ кажется Кіевскій".

Baliński i Lipiński, str. 104. „Iuż 1618 r. istniały w Poczajowie prawy drukarskie, a pierwsze wytłoczene w nich pismo była mowa Maxyma Greka. (Не по выпискѣ ли Lindego изъ Сопикова?)

Сахаровъ, № 169. „И это изданіе приписываютъ Почаевской типографіи 1618 г. П. М. Строевъ говоритъ ....: „шрифтъ кажется Кіевскій".—Въ графѣ „мѣсто печати" Сахаровъ поставилъ противъ данной книги „?" (знакъ вопроса), годъ же выставилъ 1618-й.

Ундольскій—кн. Кастерина, № 96. „Безъ выхода, *вѣроятно* въ Почаевѣ, *около* 1618 г."

Максимовичъ, стр. 11: № 2. Около того же (1618-го) года въ Почаевѣ (какъ полагаютъ) напечатано Слово Максима Грека на Латиновъ, въ 4. Извѣстны сомнѣнія о напечатаніи этихъ книгъ въ Почаевѣ въ означенномъ году".

Wiszniewski, str. 429—30. „Kiedyby pierwszy raz drukarnię ruską w Poczajowie założono wiedzieć nie możemy; to tylko *pewna*, iź w r. 1618 wyszła tu mowa Maksyma Greka! ....mowy Maksyma Greka dotąd niewidziano (sic).

Каратаевъ, № 198. „Безъ выхода....., вѣроятно въ Почаевѣ, около 1618 г.

Петрушевичъ, с. 172: № 2. По Каратаеву.

Ундольскій, № 216. „Безъ вых.; изд., вѣроятно, въ Почаевѣ, *ок.* 1618 г."

Кат. Хлудова, № 66.

Каратаевъ—„Описаніе", № 239. „Безъ означенія года и мѣста напечатанія... Напечатано въ Почаевѣ *(?)*, 1618 *(?)* г.". Ссылается на Сопикова.

2 а (*3*). 1618 г. „Историческую... дѣятельность типографія (Почаевская) начала съ 1618 года... Здѣсь напечатаны: а) Зерцало Богословія... 1618 г. ....; б)

Цвѣтникъ св. Дороѳея или поученіе инокамъ *въ томъ же г.* ...." (Барановскій, с. 781; безъ ссылокъ).

Ср. ниже № 29.

2 б (*4*). ок. 1614—21 (?) гг. „Жизнь преподобнаго Іова, сочин. ученика его іеромонаха Досиѳея, напеч. въ Почаевѣ, въ 8-ку (*безъ обозначенія года*)" (Головацкій—Дополненіе, № 16. Ставитъ между книгами 1614 и 1621 годовъ).

Ср. ниже № 10.

2 в, г, д. (*5*) *до* 1651 г. ? „Въ Почаевской типографіи, *во время* преподобнаго Іова († 28 окт. 1651 г.), печатались: проскомидійные листы для разсылки въ православныя церкви, письма или посланія православныхъ архипастырей, разныя молитвы и т. п. 2)".

(Хойнацкій—„Очерки", с. 183, *со ссылкой*: 2) Сказаніе о Поч. Лаврѣ, А. Амвросія, стр. 36. Архивъ Поч. Лавры, дѣло № 95").

Ср. ниже №№ 25—28.

2 е. (*5*). Въ послѣдствіи по смерти преподобнаго Іова здѣсь печатались также антифоны преп. Іову (Арх. Поч. Лавры Дѣло № 95"). (Хойнацкій „Очерки", с. 185).

3 (*6*) *1645 г.* Святыя и богодохновенныя книги Минѣя Общая. Напечатася съ переводу Московскаго во всемъ согласно, въ типографіи Почаевской, 1645 г. ...Листовъ. 4, 270". (Тихомировъ—Сист. Кат. кн. б-ки Волын. Сем., № 606).

4 (*7*). *1655 г.* Liturgiarion ili Służebnik soderzaszcz w siebe po czynu S. Wostocznyia Cerkwe Liturgii iże w sw. Otcow naszych Ioanna Złatoustego, Wasiłia Welikaho i Grigoria Dwoesłowa s służbami Hospodnymi, prażnisznymi obszczymi. Tretie typom zdadesia w obiteli Poczaiewskie ry. 1655 (Bandtkie, t. II, str. 56: „W bibliotece JW. Ossolińskiego").

Zubrzycki, str. 35—36: „Nie mogę pominąć, ażebym w tém tu mieyscu, iedne iescze nienapomknął postrzeźona *omyłkę*.— Uczony Bandtkie mówi T. II. p. 56. iż w bibliotece imienia Ossolińskich, znayduie się Służebnik czyli Liturgion u Poczaiowie roku 1655 wydany. Chociaż w Lwowie ninieysze piszę badania i tu Księgozbiór ów znayduie się, nie mogłem naocznie to dzieło oglądać s powodu że biblioteka iescze nie uporządkowana, śmiem iednakże twierdzić, że rok 1655 mylnie położony. Musi tam bydz ҂аѱнє a nie ҂ахнє, to jest 1755, bo wiadomo że w roku tym Służebnik w Poczaiowe drukowany, czytam u aktach processu, iż Bazylianie chociaż wszelkich używali środków, ażeby dawność swey drukarni udowodnić, o Służebniku z roku 1655. żadney nie czynią wzmianki".

Максимовичъ, стр. 11: № 3. „Сомнѣваются также, дѣйствительно ли существуетъ—Служебникъ, напечат. въ Почаевѣ, 1655 года".

Wiszniewski, str. 430. Повторилъ за Бандтке цѣликомъ заглавіе.

4 (*8*) *1674 г.* „Октоихъ, си есть осмогласникъ, еллински же Параклитикъ, твореніе преподобнаго отца нашего Іоанна Дамаскина и прочіихъ богодухновенныхъ отецъ, за державы еликаго короля Станислава Августа, благословеніемъ его преосвященства киръ Сильвестра Лубіеніецкаго Руднѣцкаго, Экзарха всея Россіи, луцкаго и острогскаго епископа,—тщаніемъ же и иждивеніемъ монаховъ чина святого Василія Великаго, святыя чудотворныя лавры Почаевскія, типомъ въ тойжде

лаврѣ изданъ. Року Божія 1674". (Хойнацкій—„Унія", стр. 395. Уніятскій).

6 (*18*) *1676 г.* „Молитвословъ... *по экземплярамъ изданнымъ лѣта 1676*, (въ Почаевѣ?) типомъ изданъ въ монастырѣ Почаевскомъ ч. с. В. В., лѣта отъ Рождества Христова 1720". (Хойнацкій—„Унія", стр. 391).

См. ниже № 23.

7 (*9*). *1679 г.* „Зерцало Богословіи напечатано въ первый и второй разъ въ 1618 и 1679 г. въ Почаевскомъ монастырѣ; и въ третій разъ въ 1696 г. въ Кіевѣ, всѣ въ 4 д. л." (Евгеній, Словарь, изд. 1818 г., т. II, стр. 361=изд. 1827 г., т. I, стр. 335).

Артемьевъ—Опис. рукоп. б-ки Казан. Унив. (Лѣтоп. зан. Ареогр. Ком., в. 7-й. Спб. 1884 г.), стр. 305: ....,,Зерцало Богословіи ....Кирилла Транквилліона Ставровецкаго ....было напечатано въ 1618 и въ 1679 г. въ Почаевскомъ монастырѣ и еще въ 1696 въ Кіевѣ".

Огоновскій—Исторія литературы рускои, т. I. Львовъ 1878 г., с. 145: ,,Ставровецкій написавъ ,,Зерцало Богословіи" и вынечатавъ его въ монастырѣ Почаевскомъ въ 1618 д. У-друге друковано сю книгу такожъ въ сѣмъ монастырѣ 1679 р., а въ трете въ Кіевѣ 1696 р.".

8 (*10*). *1682 г.* ,,Канонникъ (содерж. Скитское покаяніе, исповѣданіе міряномъ, канонъ за умершаго, канонъ пасцѣ и канонъ Николѣ), напеч. въ Почаевѣ, въ 1682 г., въ 12 долю. 104 листа". (Головацкій—,,Дополненіе", № 38, съ замѣчаніемъ: ,,Этотъ канонникъ перепечатанъ съ канонника, изд. въ Москвѣ въ 1651 г., какъ значится въ послѣсловіи на 96 листѣ. (Экземпляръ находится въ Виленской публ. библіотекѣ; книга библіографамъ неизвѣстна").

9 (*11*). *1694 г. ?* ,,Священно-мученика Іпполита папы Римскаго слово въ недѣлю мясопустную, изд. (старообрядцами) въ Почаевѣ, въ 4-ку, безъ названія года". (Головацкій—Дополненіе, № 43; ставимъ между книгами 1694 г., со ссылкой на Вишн. т. VIII, стр. 431).

10 (12) к. XVII в. „Жизнь преподобн. Іова, соч. ученикомъ его Іеромон. Досиөеемъ, въ 8 д. л., *безъ выхода, вѣроятно* въ концѣ XVII вѣка *первоначально* напечатана". (Петрушевичъ, с. 172: № 3. Ср. *тоже* на с. 164-й, въ примѣч. 7-мъ).

Ср. выше № 2б.

11 (13) к. XVII в. „W Wilnie v ś. Trójcy *i w Poczajowie* przy końcu siedmnastego wieku już często nie kirylicą, ale czcionkami polskiemi drukowano, jak np. następujące Ohilewicza dzieło: Ecphonemata Liturgiey Greckiey... w *Wilnie*... K. P. 1671... (Wiszniewski t. VIII, str. 411—2. Приводитъ полное заглавіе этой книги, *напеч. въ Вильнѣ* и не называетъ ни одной напеч. т. обр. въ XVII в. въ Почаевѣ).

12 (14). 1700 г. „Молитвенникъ—умилителная нѣкая пѣнія и молитвы найпаче злоключеніемъ различнымъ прислужащая, отъ великаго Требника изятая. 1700 (г.) W. (°). 11¼ (тетрадей). (Каталогъ Дымета, № 21.

Петрушевичъ, стр. 172: № 4: 1700 г. Молитвенникъ, пѣнія и молитвы отъ великаго Требника изятыя въ 4 дол. (Безъ ссылокъ).

Головацкій—дополненіе, № 45 (со ссылкой на Дымета).

Петрушевичъ — сводная галицко-руск. лѣтопись. Львовъ 1887 г.: не упоминаетъ.

13 (15). 1700 г. Приложеніе на похвалу божію къ уставу церковному предложено чину духовному совѣтовательно року 1700; въ листъ, *безъ обозначенія мѣста печати.* (Въ библіотецѣ Епископскаго собора въ Перемышли)". (Петрушевичъ, с. 172: № 5).

Головацкій не привелъ этого указанія, хотя трудомъ Петрушевича пользовался.

Петрушевичъ въ 1887 г. уже не упоминаетъ.

14 (21). ок. 1702 г. „св. Іоаннъ креститель. Изображенъ въ ростъ, католич. пошиба, съ монограмою гравера внизу: „I. S. 1702". Гравюра на деревѣ, въ ½ листа; почаевской работы". (Ровинскій—Рус. народн. картинки, № 1500, кн. III, с. 619).

15 (21). нач. XVIII в. „Поясное изображеніе святаго съ надписью: „с҃тл. ѿкъ Николае".—Внизу подпись: „близ града

Батурина обител в пустынѣ Николы крупицкаго о нейже дон(ы)нѣ от древнихъ сказуется яко егда брани Батій скверный воздвиже на Россія страны вто время крившиися иноци терпяху гладъ веліи ибо пищи отнюд неимяху. И се имъ внезапу снебесъ сніиде манна Млтвами Николы от гда данны... крупами наименоваша и от тогда Николу Крупицскимъ прозваша..." (точками обозначены вытертыя мѣста).

Полулистовая гравюра на мѣди, *начала* XVIII вѣча. Подлинная *доска въ Кіево-печерской* лаврской типографіи. *Почаевской работы*". (Ровинскій—Рус. нар. карт. № 1583, т. III, с. 655—6).

16 (*15*). *1704 г.* „Трефологіонъ въ листъ". (Петрушевичъ, с. 172: № 6).

Головацкій № 46: „Трефологіонъ, напеч. въ Почаевѣ, въ 1704 г. въ л.". (Безъ ссылокъ.

Петрушевичъ въ 1887 г. не упоминаетъ.

17 (*15*). „*1704 г.* Величанія въ 4 д. л.". (Петрушевичъ, с. 172: № 7).

Не повторено Головацкимъ.

Петрушевичъ 1887 г. уже не упоминаетъ, но указываетъ: „Величанія, въ 4-ку тамже" (раньше: „Москва").

18 (*14*) *1708 г.* „Акаѳісты съ каноны, прочая душеполезаня (sic) моленія, въ 4 долю 1708 (г.) W. (°) 87 (тетрадей) (Каталогъ Дымета, № 1).

Петрушевичемъ не повторено.

Головацкій, № 48: „Акаѳисты съ каноны и прочая душеполезная *чтенія*, напеч. въ Почаевѣ, въ 1078 г., въ 4-ку.

Петрушевичъ и въ 1887 г. не упоминаетъ.

19 (*16*. *1708 г.* Послѣдованіе постригу двою въ искусъ чина св. Василія Вел., въ листъ; перепеч. изъ Супрасльскаго изд. 1693 г. (Петрушевичъ, с. 172: № 8).

Головацкій, № 49 (Дословно по Петрушевичу, безъ ссылки).

Петрушевичъ въ 1887 г.: „1708 г.... Послѣдованіе постригу двою въ искусъ чины св. Василія В. въ листъ. Почаевъ. Перепечатано изъ Супрасльскаго изданія 1693 г.

20 (*15*) *1709 г.* Евангелія на вел. Страстную седмицу въ листъ". (Петрушевичъ, с. 173: № 9).

Головацкій, № 50: „Евангелія на великую страстную седмицу, напеч. въ Почаевѣ, въ 1709 г., въ л.". (Безъ ссылокъ).

Петрушевичъ въ 1887 г. не упоминаетъ.

21 (*17*). „*1710 г.* Алфавитъ духовный, *перв. изд.* въ 8 д. л." (Петрушевичъ, с. 173: № 10).

Головацкій, № 51: „Алфавитъ духовный, напеч. въ Почаевѣ, въ 1710 г., въ 8-ку. (Первое изданіе этой книги)". (Безъ ссылокъ).

Петрушевичъ въ 1887 г. „1710... Алфавитъ Духовный. Почаевъ. 1 изд. 8°" (на с. 55).

22 (*19*). *1717 г.* „Тріодіонъ цвѣтный по началу отъ недѣли цвѣтоносія зовомый. Съ пентакостаріономъ си есть пятидесятницею по древнимъ экземпляремъ греческимъ *исправленъ* за державы его милости великаго Станислава Августа *первѣе 1717 года*. Повелѣніемъ и благословеніемъ его преосвященства С. П. Киръ Сильвестра Лубіеніецкаго Руднѣцкаго. Таже и его преосвященства Киръ Кипріана Стецкаго, екзарха митрополіи кіевскаго, галицкаго и всея Россіи, епископа луцкаго и острогскаго, ордина святаго Станислава кавалера. Произволеніемъ всечестнѣйшаго господина отца іеромонаха Іероѳея Корчинскаго, чина святаго Василія Великаго протоархимандрита, тщаніемъ же и иждивеніемъ монаховъ тогожде чина въ святой и чудотворной лаврѣ почаевской. Изданъ лѣта отъ сотворенія міра по греческимъ хронографамъ 7294. Отъ воплощенія же Слова Божія 1786 г. (Хойнацкій „Унія", с. 399).

Хойнацкій — „Изъ воспоминаній послушника", с. 665: „Тріоди перваго (Почаевскаго) изданія 1717 года, по замѣчанію о. Валеріана (послушника), скудно объяснены (въ нашей книгѣ)...".

23 (*18*). „*1720*. Молитвословъ въ 8 д. л. (большій 70½ листовъ)". (Петрушевичъ, с. 173: № 11).

„Молитвословъ, въ немже чинъ часовъ церковныхъ и прочихъ спасительныхъ моленій, съ тропарями и кондаками, воскресными, дневными, святыя четыредесятницы и патидесятницы,

съ мѣсяцесловомъ, и съ приложеніемъ на кійждо день римскаго календаря святыхъ, восхода же и захода солнечнаго на весь годъ, съ пасхаліею зрячею и настатіемъ луннымъ, по экземпляремъ изданнымъ лѣта 1676, типомъ изданъ въ монастырѣ почаевскомъ ч. с. В. В., лѣта отъ Рождества Христова 1720". (Хойнацкій, „Унія", с. 391. Уніятскій).

Головацкій, № 54: Молитвословъ (большой), напеч. въ Почаевѣ 1720 г., въ 8-ку ($70^1/_2$ печатныхъ листовъ). (Безъ ссылокъ).

Петрушевичъ въ 1887 г.: „1720... Молитвословъ, Почаевъ 8° (большій $70^1/_2$ листовъ)... (на с. 87-й).

Ср. выше № 6.

24 (*18*). „*1720*. Молитвословъ въ 8 д. л. (середній 54 листовъ)". (Петрушевичъ, с. 173: № 12).

Головацкій, № 55: „Молитвословъ (средній), напеч. въ Почаевѣ, въ 1720 г., въ 8-ку (54 печатныхъ листа)". (Безъ ссылокъ).

Петрушевичъ въ 1887 г.... Молитвословъ... Почаевъ (середній 54 л.) (на с. 87).

25—28 (*22*) *около 1720 г.?* „Въ послѣдніе годы, предшествовавшіе порабощенію Почаевскаго монастыря Уніятами, печатались въ ней (въ Почаевской типографіи) проскомидійные листы, для разсылки въ православныя церкви, письма или посланія православныхъ архипастырей, антифоны преподобному Іову и разныя молитвы. (Архим. Амвросій—„Сказаніе", с. 34, со ссылкой на Дѣло № 95 Почаевскаго архива).

Хойнацкій—„Унія", с. 31 (со ссылкою на тоже Дѣло. „Сказаніе)": „Изъ сохранившихся документовъ почаевской лавры видно, что здѣсь въ позднѣйшее время печатались только проскомидійные листы, антифоны пр. Іову (игумену почаевскому) и разныя архипастырскія посланія, и т. п. Въ такомъ положеніи были дѣла, когда около 1720—25 г. уніаты овладѣли почаевскою обителію".

Хойнацкій—„Очерки", с. 185: „Въ послѣдствіи по смерти преп. Іова здѣсь печатались также антифоны преп. Іову (Архивъ Поч. лавры Дѣло № 95)".

Ср. выше №№ 2 *в. г. д.*+2-е.

29 (22). XVII—¼ XVIII в. „Цвѣтникъ святаго Дороѳея, или поученіе инокамъ (печатанное въ Почаевской обители“. По словамъ архим. Амросія такое изданіе находилось въ б—кѣ Почаевскаго монастыря еще до перехода послѣдняго въ унію. (См. „Сказаніе“, въ отдѣлѣ и еще взглядъ, на Почаевскій монастырь до перехода его въ унію“, с. 53—54).

„Православный Почаевскій монастырь, переходя въ унію,... не былъ бѣденъ, ни по внутреннему, ни по внѣшнему состоянію... Кромѣ книгъ Священнаго Писанія на Греческомъ, Латинскомъ и Славянскомъ языкахъ, во многихъ экземплярахъ, монастырская библіотека имѣла въ Славянскомъ переводѣ книги избраннѣйшихъ отцевъ Церкви... Были и нѣкоторыя книги поучительнаго содержанія, какъ напримѣръ: ....Цвѣтникъ Святаго Дороѳея, или поученіе инокамъ (печатанное въ Почаевской обители), Зерцало Богословія Транквиліона (печатанное въ Почаевѣ въ 1618 году); сверхъ того было много рукописей о религіозныхъ предметахъ въ духѣ православномъ“... (с. 53—54).

30 (20). XVII—¼ XVIII в. Говоря о книгѣ „Гора Почаевская“, Архим. Амвросій между прочимъ писалъ: „Книга эта напечатана въ 1072 г. въ Почаевской монастырской типографіи, по повелѣнію Унитскаго Епископа Сильвестра Рудницкаго: *но въ ней же говорится*, что она перепечатана изъ прежней подобной книги, *которая, какъ напечатанная во время прежде существовавшаго въ этомъ монастырѣ Православія, вѣроятно,* уничтожена Базиліанами: („Сказаніе“, с. 271, отдѣлъ, о книгѣ „Гора Почаевская“).

Хойнацкій—„Очерки“, с. 167, писалъ: „Гора Почаевская“... *по сознанію самихъ же уніатовъ,* между прочимъ *первоначально была напечатана православными,* и потомъ только „типомъ обновлена“ базиліанами въ 1793 году (смотр. въ началѣ книги одобреніе къ напечатанію ея отъ Сильвестра Лубенецкаго, Рудницкаго, еписк. Луцкаго и Острожскаго“).

31 (22). XVI?—¼ XVIII в.? „Извѣстно, что на Волыни, въ почаевской обители, съ самыхъ древнихъ временъ существовала *православная* типографія, въ которой на основаніи привилегій, отъ королей польскихъ, печатались *разныя книги на язы-*

кахъ славянскомъ, латинскомъ и польскомъ. Заведеніе этой типографіи преданіе приписываетъ основательницѣ почаевскаго монастыря Аннѣ Гойской [1]).

ГЛАВА III.

Критическій разборъ и опроверженіе показаній объ изданіяхъ почаевской монастырской типографіи XVII—$^1/_4$ XVIII в.

Приступая къ разбору и опроверженію показаній о почаевскихъ монастырскихъ изданіяхъ 1618—1730 г., мы не вездѣ будемъ придерживаться хронологическаго порядка и считаемъ необходимымъ нарушить этотъ порядокъ уже при разборѣ извѣстій о 2-хъ первыхъ изданіяхъ: „Зерцалѣ Богословія" и ,Словѣ на Латиновъ". Сперва мы опредѣлимъ мѣсто изданія „Слова", а потомъ „Зерцала".

Въ скобкахъ указаны №№, подъ которыми помѣщены данныя изданія въ предыдущей главѣ: въ хронологическомъ перечнѣ этихъ изданій.

1 (*2*). Во всѣхъ извѣстныхъ экземплярахъ „Слова на Латиновъ"—ни мѣста, ни времени изданія не указано. Всѣ экземпляры—безъ заглавнаго листа и безъ выходной лѣтописи. Можно утверждать, что послѣднихъ никогда и не было.

Еще Строевъ въ „Описаніи книгъ Царскаго" (№ 57) замѣтилъ, что въ этой книгѣ „шрифтъ кажется кіевскій". Къ сожалѣнію, его справедливое замѣчаніе было необосновано и скоро забыто. Мы съ своей стороны постараемся доказать, что „Слово на Латиновъ" несомнѣнно издано въ Кіевѣ.

Въ типографскомъ отношеніи „Слово на Латиновъ" значительно отличается, отмѣтимъ прежде всего, и по шрифту, и по узорчатымъ буквамъ, и по заставкамъ съ финаликами

---

[1]) Извѣстно между прочимъ, что короли польскіе Августъ II и Августъ III, утверждая привиллегіи своихъ предшественниковъ на печатаніе книгъ въ Почаевской Лаврѣ, въ тоже время положительно выражали:.... „officina tipografica antiquitu in monasterio Poczajowensi existit. (Арх. почаев, лавры.—Дѣло № 95)". (Хойнацкій—„Очерки". с. 183).

отъ „Зерцала Богословія". Въ этомъ легко можетъ убѣдиться всякій, кто пожелаетъ сравнить ихъ. Эти два изданія отличаются другъ отъ друга и другими типографскими особенностями:

„З. Б."—съ заглавнымъ листомъ: съ указаніемъ мѣста и года печати; „Сл. М. Гр."—безъ. Заголовки вверху страницъ напечатаны: въ З. Б.—мелкимъ, а въ Сл. М. Гр.—крупнымъ шрифтомъ. Помѣта въ З. Б.—по листамъ, а въ Сл. М. Гр.—по страницамъ. Счетъ листовъ (страницъ): въ З. Б.—мелкимъ шрифтомъ безъ удареній на второй изъ буквъ, въ Сл. М. Гр.—крупнымъ и съ удареніями. Тетради помѣчены: въ З. Б.—прописными буквами или славянскими цифрами, въ Сл. М. Гр. обыкновенными (некрупными) буквами. Помѣчаются: въ З. Б. лишь 1-й листъ тетради, а въ Сл. М. Гр.: 1, 2 и 3-й л.л. (не помѣч. слѣд. лишь л. 4-й°). Въ З. Б. переносовъ нѣтъ, а въ Сл. М. Гр.—есть. Строкъ на страницѣ: въ З. Б.—по 24, а Сл. М. Гр.—21.

Уже этихъ особенностей вполнѣ достаточно, чтобы усомниться въ напечатаніи Слова Мак. Грека въ Почаевѣ, но это сомнѣніе перейдетъ въ несомнѣнную увѣренность, когда мы сравнимъ типографскія особенности „Слова" и „Книги о Вѣрѣ", напечатанной, какъ признано, въ Кіевѣ. Тогда мы вынуждены будемъ сказать: „Слово на Латиновъ не могло быть издано въ Почаевѣ, такъ какъ напечатано оно несомнѣнно въ Кіевѣ".

Всѣ указанныя типографскія особенности, которыми отличается Слово на Латиновъ отъ Зерцала Богословіи, отзываются вполнѣ принадлежащими и Книгѣ о Вѣрѣ.

Шрифтъ—въ обоихъ тожественный; узорчатыя буквы, заставки и финалики—тоже. Для доказательства сравните:

а) Узорчатыя буквы:

въ Сл. М. Гр. с. 41=Кн. о В. ч. 1-я, с. 256.

б) Заставки и финалики:

Сл. М. Гр. с. 1=Кн. о В. ч. 2-я, с. 1.

33=—ч. 2-я: с. 221 и 279.

41=ч. 1-я: 256 и ч. 2-я: 82.

64=ч. 1-я: с. 4-я: непомѣч.

109=ч. 2-я: с. 183.

110=ч. 1-я: 39, 88, 288, 315; ч. 2-я: 36.

110=ч. 1-я: 79, 255; ч. 2-я: 249.

Итакъ, типографскія особенности доказываютъ, что книга несомнѣнно напечатана въ Кіевѣ. На это же указываетъ и буква „З“ подъ послѣсловіемъ. Эта буква есть, вѣроятно, не что иное, какъ сокращеніе имени Захаріи Копыстенскаго. (Ср. въ Кн. о В.: ч. 1-я, с. 174, подпись Копыстенскаго подъ трактатомъ о исхожденіи св. Духа: „Правовѣрный Христіанине,... Здравствуй о Г-дѣ. І. З“.

Чѣмъ же объяснить положительныя увѣренія Сопикова и М. Евгенія, что „Слово на Латиновъ“ напечатано: въ Почаевѣ, въ 1618 г. Мы склонны думать, что ложное свѣдѣніе это взято Сопиковымъ у м. Евгенія, а послѣднимъ выведено изъ неправильно понятыхъ словъ Епископа Дамаскина въ его рукописномъ трудѣ „Библіотека Россійская“ [1]).

У Дамаскина „Слово на Латиновъ“, какъ и Книга о Вѣрѣ, указано изданнымъ въ Кіевѣ въ 1625 году (см. с. 40-ю въ изд. Общ. Люб. Др. Писм.=28 и 45 сс. изд. Общ. Ист. и Др.), но упоминается и еще нѣсколько разъ, между прочимъ при описаніи и Зерцала Богословіи“ изд. 1618 г. (с. 31—32 изд. Общ. Люб. Др. Писм.=21—22 и 6-й изд. Общ. Ист. и Др.). Здѣсь говорится слѣдующее:

„Кирилла Транквилліона Зерцало Богословіи, печат. въ Почаевской обители, 1618 года; въ 4; Патр. библ.

„*Тутъ же* Слово Максима Грека на Латынъ; въ тип. библ.“...

Выраженіе „тутъ же“, какъ видно изъ сравненія съ другими случаями употребленія его у Дамаскина (напр. с. 38=26 и 38, с. 39-я и проч.), въ одномъ переплетѣ. Такимъ образомъ Дамаскинъ хотѣлъ сказать, что есть экз. Зерц. Бог. изд.

---

[1]) Изданъ Общ. Люб. Др. Письма. въ „Памятн. древн. письменности и искусства“: 1881 г. № XI; и въ „Чтеніахъ Общ. Ист. и Др. 1891 г., кн. I, въ двухъ недопечатанныхъ редакціяхъ Ундольскаго: 1-й—по 1648 г, и 2-й (сокращенной)—по 1713 г.

1618 г. и въ Тип. библ., при чемъ оно переплетено въ этомъ экз. въ одинъ корешокъ съ „Словомъ Максима Грека".

М. Евгеній, не понявъ у Дамаскина выраженія „тутъ же" и думая, что оно=„въ томъ же году и въ той же типографіи" и притомъ „вмѣстѣ"—въ„одной книгѣ" съ Зерцаломъ Богословіи,—и написалъ въ своемъ „Словарѣ": „Изъ словъ его (Максима Грека) одно на Латиновъ напечатано было *въ Почаевской Типографіи 1618 г. при книгѣ* Кирилла Транквилліона, называемой *Зерцало Богословіи*".

Таковъ, можно догадываться, процессъ образованія ошибочнаго показанія о времени и мѣстѣ изданія „Слова Максима Грека".

Итакъ, повторяемъ, „Слово" издано въ Кіевѣ, а не въ Почаевѣ.—А Зерцало Богословіи"?

2 (*1*) „Зерцало Богословіи"—издано дѣйствительно въ Почаевѣ, въ 1618 г., но не въ монастырской типографіи (о которой одной идетъ у насъ рѣчь), а *въ кочевой* типографіи частнаго лица—Кирилла Транквилліона.

Такъ, въ Зерц. Бог. нѣтъ, прежде всего, никакихъ указаній на то, чтобы оно издано было въ монастырской типографіи. Предисловіе подписано не иноками монастыря, а Кирилломъ Транквилліономъ"; въ самомъ заглавіи лишь глухо сказано: „В монастыру почаевском", даже безъ прибавки: „Успенія Пресвятыя Богородицы; и при этомъ опять добавлено, что „выдрукована" книга „его (Транквилліона) власнымъ коштомъ и накладомъ".

Что монастырской почаевской типографіи въ ту пору не существовало, это можно выводить изъ отсутствія какихъ бы то ни было книгъ (кромѣ данной), изданныхъ въ Почаевѣ до 30-хъ годовъ XVIII-го в.

Что книга издана именно въ кочевой типографіи Кирилла Транквилліона, это видно: а) изъ несомнѣнныхъ свидѣтельствъ, что у Кирилла Транквилліона была около этого времени собственная кочевая типографія, б) изъ указанныхъ нами и другихъ особенностей самой данной книги.

Въ южно-русской библіографіи въ $^{1}/_{2}$ XVII-го вѣка извѣстны въ ряду другихъ три слѣдующія типографіи: почаевская

(изд. 1618 г.), рохмановская (изд. 1619 г.), черниговская (въ Елецкомъ м-рѣ) (1646 г.) Но при этомъ извѣстно лишь по 1-й книгѣ, изданной въ этихъ типографіяхъ, и авторомъ всѣхъ этихъ трехъ книгъ является одно лицо—Кириллъ Транквилліонъ Ставровецкій, напечатавшій именно эти три книги и больше ничего не издававшій.

Въ 1618 г.—напеч. въ Почаевѣ Зерцало Богословіи,
въ 1619 г.—въ Рохмановѣ—Евангеліе Учительное,
въ 1646 г.—въ Черниговѣ—Перло многоцѣнное [1]).

Странныя типографіи: изъ нихъ вышло лишь по 1-му сочиненію и притомъ одного автора, ничего больше не издававшаго.

Но дѣло объясняется на нашъ взглядъ просто. У Кирилла Транквилліона была своя небольшая — передвижная — кочевая типографія, сопровождавшая его въ странствованіяхъ, типографія, въ которой Транквилліонъ печаталъ *только свои* сочиненія.

Что такая типографія у Транквилліона была, это видно изъ предисловія къ Евангелію Учительному 1619 г. и заглавія Перла Многоцѣннаго 1645 г.:

„и друкарню въ убозей кущи странствіа моего подставихъ", пишетъ Транквилліонъ въ „Предмовѣ до чителника" къ Ев. Учит. (л. 6 об. непомѣч.).

Въ заглавіи „Перла Многоцѣннаго" онъ же прямо говоритъ, что книга эта „Ново (=впервые) на свѣт видан:(а) *з нов:(ои) друкар:(ни) ег:(о)*"... (См. Каратаевъ, Описаніе, т. I, Спб. 1883 г., с. 516).

Итакъ, мы вправѣ если не безусловно, то съ громадной долей увѣренности утверждать, что „Зерцало Богословіи" издано въ кочевой типографіи Кирилла Транквилліона. Если же будетъ доказано, что никакихъ другихъ слѣдовъ су-

---

[1]) На всѣхъ трехъ сочиненіяхъ-изданіяхъ своихъ Кириллъ Транквилліонъ замѣчаетъ, что они изданы: его власными коштомъ и накладомъ"..., „Его власным стараням коштомъ и накладом"..., „его власнымъ коштомъ"...

Всѣ три изданія—труды свои Транквилліонъ посвящаетъ тѣмъ или другимъ вельможамъ, при чемъ помѣщаетъ „епиграмматы" на ихъ гербы.

2-ва первыя издавія—труды свои Транквилліонъ посвящаетъ въ различныхъ экземплярахъ различнымъ лицамъ.

ществованія почаевской монастырской типографіи вплоть до 30-хъ годовъ XVII в. не существуетъ, то—полагаемъ—мы вправѣ будемъ положительно утверждать, что монастырская почаевская типографія основана лишь въ 30-хъ годахъ XVIII в. Къ опроверженію показаній о книгахъ, изданныхъ будто бы въ почаевскомъ монастырѣ раньше указаннаго времени—теперь и обратимся.

3 (*2*). Свящ. Барановскій не указываетъ, откуда заимствовалъ свѣдѣніе объ изданіи въ почаевск. мон. въ 1618 г. Цвѣтника; но вся статья его о поч. типогр. составлена, какъ мы говорили уже выше, по Архим. Амвросію. У Амвросія же (с. 53—54) заимствовано имъ и извѣстіе о цвѣтникѣ, но произвольно видоизмѣнено--дополнено: произвольно указанъ годъ его изданія.

Амвросій говоритъ (с. 53—54), что въ поч. мон. б—кѣ до уніи находились между прочимъ: „Цвѣтникъ святаго Дорофея, или поученіе инокамъ (печатанное въ почаевской обители, годъ изданія у Амвросія не указанъ), Зерцало Богословія Транквилліона (печатанное въ Почаевѣ въ 1618 году“). О. Барановскій сообщаетъ, что въ тип. почаев. м-ря напечатаны: „а) Зерцало Богословія... 1618 г....; б) Цвѣтникъ св. Дороѳея или поученіе инокамъ *въ томъ же г.*“...

Годъ выставленъ такимъ образомъ произвольно, по аналогіи съ извѣстнымъ автору годомъ изданія „Зерцала Богословіи“.

О степени достовѣрности сообщенія архим. Амвросія будемъ говорить ниже, подъ № 22-мъ.

4 (*2-й*). Головацкій въ своемъ „Дополненіи при перечисленіи почаевскихъ изданій *всегда* [1]) указываетъ откуда заимствовалъ свѣдѣніе о той или другой книгѣ, исключая тѣхъ случаевъ, когда знаетъ объ изданіи лишь изъ „росписи“ Петрушевича. Въ послѣднемъ случаѣ онъ *никогда* не указываетъ источника, разъ навсегда оговорившись въ предисловіи (с. 14), что статья эта служила ему „для пополненія списка книгъ почаевской печати“.

---

[1]) Исключеніе (должно думать. недосмотръ) лишь: при № 168 ссылки нѣтъ, а д. стоять на Синод. б-ку „Списокъ“ Барсукова, № 276.

При данной книгѣ (Жизни Іова, ок. 1614—21 г.) Головацкій никакихъ ссылокъ не дѣлаетъ,—слѣдовательно, уже a priori можно утверждать, что онъ знаетъ о ней изъ статьи Петрушевича (с. 172: № 3; см. у насъ въ „Указателѣ подъ № 10-мъ), но искажено. Петрушевичъ говоритъ: „безъ выхода, *вѣроятно* въ концѣ XVII вѣка *первоначально* напечатана“. Головацкій, замѣтивъ „безъ обозначенія года“, помѣстилъ *между книгами* 1614—21 гг., т. е. отнесъ къ $^1/_4$ XVII в. Получилась вопіющая нелѣпость. Пр. Іовъ † 28 окт. 1651 г., а житіе его напечатано еще до 1621 г., задолго до его смерти.

О смыслѣ и степени основательности замѣчанія Петрушевича скажемъ ниже подъ № 12-мъ (10).

5 (*2 в*, *г*, *д*+*2-е*). Авторъ самъ ссылается на с. 34-ю „Сказанія“ Амвросія. Свѣдѣнія отсюда, дѣйствительно, имъ и взяты, но, какъ и только что разобранныя, произвольно искажены. Амвросій пишетъ, что указанныя брошюры печатались въ почаев. типографіи „въ послѣдніе годы, предшествовавшіе порабощенію почаевскаго монастыря Уніятами“. Унію монастырь почаевскій принялъ, по мнѣнію архим. Амвросія „въ началѣ 3-го десятилѣтія XVIII вѣка“. Слѣдовательно, указанныя брошюры печатаны въ мон. тип. ок. 1720 г. (по Амвросію). Хойнацкій произвольно отнесъ печатаніе большинства ихъ ко времени пр. Іова, а изданіе „антифоновъ“ преп. Іову—ко времени по смерти преподобнаго, не указывая этого времени точнѣе.

Сообщенія Амвросія и ссылки его на „Арх. поч. лавры Дѣло № 95-й разберемъ ниже.

6 (*3*). Извѣстіе о Минеѣ Общей почаев. изд. 1645 г., хранящейся будто бы въ б-кѣ Волын. Дух. Сем. подъ № 606-мъ, объясняется недосмотромъ. Въ б-кѣ сем. подъ указаннымъ № хранится раскольничья перепечатка, въ почаев. тип., *безъ обозначенія года*, съ московскаго *изданія 1645 г.* (въ л., л. 4+270. Послѣсловіе на л. 269—270-мъ). Въ ней, въ концѣ послѣсловія, говорится (л. 270 об.): „Сія стая и бгодохновенная книга минѣя общая, напечатася съ вышеозначеннаго переводу во всемъ согласно, в типографіи почаевской“. Этими словами по-

слѣсловіе заканчивается. Годъ изданія такимъ образомъ не указанъ. Выше въ послѣсловіи (перепечаткѣ послѣсловія 1645 г.) читаемъ (л. 269 об.): „И повелѣ въ бгохранимомъ и цртвующемъ своемъ градѣ *Москвѣ*, в дѣло произвести и печатати сію бгодхновенную книгу минѣю общую"...; а на л. 270: „Начата бысть печатати... В лѣто седмь тысящъ, 152-го мсца іюня, въ 5, днь... Совершена же бысть в лѣто 7153-го, мсца февраля, во 2 днь". (Нач. 1644 г. юня 5-го, соверш. 1645-го февр. 2-го).— Составитель каталога, по недосмотру, принялъ такимъ образомъ годъ изданія экземпляра, съ котораго печатана книга, за годъ изданія данной книги. Въ дѣйствительности же данная книга могла быть напечатана въ Почаевѣ лишь въ послѣдней $^1/_4$-ти XVIII в., когда выходили здѣсь раскольничьи изданія.

7 (4). Объ изданіи „Liturgiarion'a... Tretie typom ...w Obiteli Poczaiewskiey r. 1655", отмѣченномъ Бандтке, вѣрный отзывъ далъ уже Зубрицкій, сказавъ: „Musi tam bydz ҂аѱне a nie ҂ахне, to jest 1755". Неоспоримымъ доказательствомъ справедливости догадки Зубрицкаго можетъ служить сравненіе заглавія Литургіаріона 1755 г. съ приведеннымъ нами выше заглавіемъ Liturgiarion'a 1655 (будто бы) года. Служебникъ 1755 г. (въ л.: 8+354+10 л.; экз. есть въ Синод. б-кѣ,—см. Барсуковъ № 175) озаглавленъ.

„Леітеургіаріонъ или служебникъ содержитъ в себѣ по чину ст: Восточныя Церкве Литргіи иже во ст: оцъ ншихъ Іоанна Златоустаго, Василіа великаго и Григоріа Двоеслова, съ службами Ндлными праздничными и общими Третіе тvпомъ издается въ Обители Почаевской. Року 1755".

Тождество обоихъ заглавій—очевидно. Лишь одно слово у Бандтке передано иначе: „Недѣлными"—„Hospodnymi"; да годъ выставленъ 1655-й. Но чтеніе „Hospodnymi" объясняется, можно думать, простымъ недосмотромъ. Списывавшаго заглавіе спутало титлованное начертаніе слова „Нлными", а можетъ быть начало словъ въ экз. б-ки Оссолинскихъ стерлось.

Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ мы въ первый разъ имѣемъ дѣло съ мнимымъ Почаевскимъ изданіемъ до уніи, явившимся вслѣдствіе недосмотра при чтеніи года изданія, чте-

нія въ данномъ случаѣ „Х“ (600) тамъ, гдѣ стоитъ „ѱ“ (700). Съ никогда не существовавшими Почаевскими изданіями, явившимися вслѣдствіе подобныхъ недосмотровъ, мы встрѣтимся ниже еще много разъ (см. въ „Указателѣ“ №№ 5, 6, 8, 14; стр. 23, 24=въ данной главѣ №№ 8, 18, 10, 21; 18).

Таково, напримѣръ и происхожденіе извѣстій Хойнацкаго объ „Октоихѣ... Року Божія 1674-го“ и Молитвословѣ ....по экземпляремъ изданнымъ лѣта 1676-го“.

Въ обоихъ случаяхъ—простая опечатка (или описка).

8 (*5*). „Октоихъ“ не могъ быть изданнымъ до уніи уже потому, что прямо названъ у Хойнацкаго уніатскимъ. Время изданія его приблизительно видно уже изъ упоминанія въ заглавіи, приводимомъ Хойнацкимъ, что изданъ онъ „за державы великаго короля Станислава Августа, благословеніемъ ...Сильвестра Лубіеніецкаго-Руднѣцкаго“. Точнѣе—это изданіе 1774-го года (въ л.), экз. котораго можно найти въ Спб. Публичной (Бычковъ, № 72) и Москов. Синодальной (Барсуковъ, № 233) б-кахъ.

(*6*). О „Молитвословѣ“ будто бы 1676 г. мы, чтобы не повторяться, будемъ говорить ниже подъ № 18-мъ (23), при разборѣ перепечатки съ него 1720 г.

9 (*7*). Объ изданіи въ Почаевѣ въ 1679 г. „Зерцала Богословіи“ (2-мъ изданіемъ) находимъ упоминаніе у 3-хъ лицъ: м. Евгенія, А. Артемьева и проф. Огоновскаго. Ни одинъ изъ нихъ не указываетъ, откуда почерпнулъ свѣдѣніе о немъ. Но сличеніе показаній ихъ между собою приводитъ къ несомнѣнному выводу, что Артемьевъ и Огоновскій заимствовали у м. Евгенія. Всѣ три данныхъ автора говорятъ о 3-хъ изданіяхъ Зерцала Богословія, изданіяхъ однихъ и тѣхъ же (Почаев. 1618 и 1679 гг. и Кіевск. 1696 г.) въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ (Ср. выше). О двухъ послѣднихъ изданіяхъ (*Поч.* 1679 и *Кіевск.* 1696 г. говорятъ притомъ только они и никто больше. И такъ объ изданіи въ Почаевѣ въ 1679 г. Зерцало Богословія извѣстно изъ „Словаря“ м. Евгенія. Насколько показаніе его заслуживаетъ довѣрія?

О данномъ изданія (+Кіев. 1696 г.) говоритъ *только* м. Евгеній, а слѣдовательно существованіе изданія уже по этому

крайне сомнительно. Невѣрность многихъ библіографическихъ показаній м. Евгенія—внѣ всякаго сомнѣнія. Такъ, въ томъ же очеркѣ жизни Кирилла Ставровецкаго (т. II, с. 361—2=т. I, с. 335—6) авторъ говоритъ въ 1-мъ изд. „Словаря"—о напечатаніи Еванг. Учит. (соч. Кир. Транквилліона) въ Кіевѣ въ 1662 г. и въ Москвѣ въ 1629-мъ. Во 2-мъ изд. „Словаря" оба эти изданія опускаетъ, но прибавилъ Рохмановское изданіе 1608 г. Во обоихъ изданіяхъ „Словаря" одна и та же книга („Перло многоцѣнное") показана подъ двумя названіями, какъ двѣ особыя книги.

Такова достовѣрность вообще показаній м. Евгенія. Не считаемъ возможнымъ считать болѣе достовѣрнымъ и извѣстіе его о данномъ изданіи [1]).

---

[1]) Позволимъ себѣ высказать догадку о возможномъ пути происхожденія ложнаго извѣстія объ изд. Зерц. Богосл. въ 1669 г. въ Почаевѣ. Здѣсь же кстати представимъ нѣсколько соображеній и вообще объ указываемыхъ библіографами изданіяхъ «Зерцала Богословіи».

Въ библіографіи извѣстны 7 изданій «З. Б.», не считая изданія 1-го (въ 1618 г. въ Почаевѣ):

1. Въ Уневскомъ м-рѣ 1679 г., 4° Сопик. I, 388, а за нимъ: Сахар. 747 и Ундол. 931.

2. Въ Почаевск. м. 1679 г., 4°. Евгеній, II, с. 361 (=т. I., с. 355) *(больше никто)*.

3. Въ Унев. м. 1692, 4°: 5+99 к. Находится во многихъ б—кахъ (перечень ихъ см. у Ундол.). Сопик. I, 389. Толст. 184. Акад. Н. 258. Тир. 150. Царск. 220. Сахар. 897. Кастер. 531. «Обзоръ» Филарета с. 188. Унд. № 1127.

4. 1695 г., 4°. Соп. I, 390 (безъ упом. о мѣстѣ изд., глухо: «Тожь, новаго изданія; 1695—въ 4»), а за нимъ (?), но съ указ. въ Уневѣ»: Толст. *при* 184, Сахар. 937, Унд. 1187, съ добавкой: «5+99» (откуда?)

5. Въ Уневѣ 1696, 4°. Нах. въ Публ. б—кѣ (по Ундол.) Сахар. 945. Максимовичъ. Ундол. 1188.

6. Въ Кіевѣ 1696, 4°. Евгеній II, 361 (=I, 355) *(больше никто)*.

7. Въ Почаевѣ въ 1790 г. Въ Публ. Б. Въ б—кѣ Волын. Дух. Сем. Впервые—въ Каталогѣ Дымета: 15. Петруш. 99. Хойнацкій—«Унія», с. 37. Бычк. 103. Кат. Волын. С. 218.

10. (*8*). Что сказать объ отмѣченномъ Головацкимъ Почаевск. изд. 1682 г. Канонника (на 104 л. 12°), имѣющемся будто бы въ Вилен. Публ. Б—кѣ?

Итакъ о 2-хъ изданіяхъ (№№ 2 и 6) знаетъ лишь м. Евгеній и больше никто, при чемъ оба эти изданія такихъ годовъ (1679 и 1696), въ которые издано «З. Б.» и по свѣдѣніямъ другихъ библіографовъ (см. №№ 1 и 5), но не въ тѣхъ типографіяхъ. (У Евгенія—Почаевъ и Кіевъ, у другихъ—Уневъ).

Изъ остальныхъ изданій (кромѣ №№ 2 и 6) лишь два изданія: Уневское 1692 г. (№ 3) и Почаевское 1790 г. находятся въ нѣсколькихъ б--кахъ. Изданія: Уневское 1679 и (Уневское?) 1695 г. въ извѣстныхъ б—кахъ не обрѣтаются и извѣстны, повидимому, лишь по Сопикову. Унев. изд. 1696 г. отмѣчено у Ундол. находящимся въ Публ. Б—кѣ.

Мы склонны думать, что въ дѣйствительности существуютъ лишь изданія: Уневское 1692 (6?) и Почаевское 1790 г. (№№ 3 и 7). А всѣ остальныя—миѳъ [1]).

Въ видѣнномъ нами экзем. (Московской Дух. Акад.: Старопечат. Москов. Синод. Б—ка № 159.) «Зерц. Богосл.» Унев. изд. 1692 (6?) г. послѣдняя цифра (2—6?, т. е. буквы «к—ѕ?») напечатана на столько неясно, что можетъ быть принимаема за «к҃» за «ѕ» и за «є». (На нашъ взглядъ—*скорѣе всего* за «ѕ» Помѣчая данное изданіе 1692-мъ годомъ, мы слѣдуемъ лишь обычному чтенію). Этимъ и объясняются на нашъ взглядъ извѣстія о 3-хъ будто бы Уневскихъ изданіяхъ 1692, 1695 и 1696 г., (со ссылкой при послѣднемъ изданіи на экз. Публ. Б—ки). Говорили о томъ или другомъ изданіи, смотря по тому, за какую букву принимали послѣднюю цифру въ датѣ года.

Кіевское изд. 1696 г. возникло на нашъ взглядъ такъ-же, какъ въ рукоп. каталогѣ Московск. Дух. Академіи—*Виленское* 1692 г. (Въ указан. каталогѣ ошибочно помѣчено «Вильна, 1692» при описаніи упомянутаго нами экзем. Уневск. изд. 1692 (6?) г.).

---

[1]) Еп. Іосифъ Шумлянскій, въ своей „Метрикѣ“ (Львовъ, 1687 г.) упоминаетъ объ изданныхъ имъ въ 1680 г. „Зерцалѣ“ или „Звѣрцадлѣ“ (см. „Кіев. Стар.“ т. 33, 1891 г. № 6; с. 355). Въ послѣднемъ нельзя видѣть новое изданіе „Зерцал. Богосл.“ Транквилліона „Звѣрцадло“ Шумлянскаго особая книга: „Зерцало до презрѣнія и латвѣйшаго зрозумѣнія вѣры святой Уневъ 1680 г.; 4°: 2+63 л. См. Ундол. № 959).

Въ библіографіи извѣстно лишь одно Почаевское изданіе Кононника (начинающіеся Скитскимъ показаніемъ) *на 104 л.* Это именно изданіе 1782 г. 8° (см. Отчетъ Рум. Мз. за 1873—5 г., с. 37). Доля листа какъ не вполнѣ поддающаяся точному опредѣленію по глазомѣру, нерѣдко различными лицами указывается не одинаково. 8° min=12, 12=16°...). Такъ у Геннади (Словарь т. II), данномъ же изданіи глухо замѣчено: „Кононикъ", Поч. 782, *12°*", со ссылкой на экз. Сах.

Остаются еще такимъ образомъ Почаев. изд. 1679 г. и Унев. того же 1679 г. Какимъ образомъ эти появились?

Въ качествѣ предположенія можно замѣтить слѣдующее:

Почаевское изданіе 1790 г. было впервые указано лишь въ 60 годахъ текущаго вѣка.

О Почаевск. изд. 1679 г. у м. Евгенія сказано: «Зерцало Богословіи напечатано въ первый и *второй разъ* 1618 *и 1679 г.* въ Почаевскомъ монастырѣ, а въ третій разъ 1696 г. въ Кіевѣ, всѣ въ 4 д. л».

Объ Уневск. 1679 г. у Сопикова замѣчено: «Тожь (Зерцало Богословіи), *изданіе второе*; въ Уневскомъ монастырѣ, 1679—въ 4. Тожь *нов.* изданіе тамъ же; 1692—въ 4. Тожь *новаго* изданія; 1695—въ 4.

(Подчеркиваемъ у м. Евгенія: «второй разъ», а Сопикова слова: «изданіе второе»).

Въ изданіи 1692 (6) г. *не указано*, которымъ изданіемъ выходитъ книга.

Въ изданіи 1790 г. замѣчено, что книга «паки *второе* на желаніе многихъ издася въ обители Почаевской чина св. Василія Великаго».

Въ годахъ 1679 и 1790 большинство цифръ—однѣ и тѣже (1+79).

Не былъ ли путь происхожденія извѣстій о Почаев. и Уневск. изд. 1679 г. таковъ:

Должно было написать: Зерцало Богословіи, изданіе второе; въ Почаевскомъ м., *1790*—въ 4.

Написано:... «*1679*—въ 4».

Впослѣдствіи вмѣсто въ Почаевскомъ поставлено и въ Уневскомъ какъ въ Кат. Москов. Дух. Академ. «Вильна» вм. «Уневъ».

Какъ бы то ни было, въ существованіи другихъ изд. «Зерцал. Бог., кромѣ Почаев. 1618, Уневъ 1692 (6?) и Поч. 1790-го года, мы повѣримъ лишь тогда, когда намъ укажутъ: гдѣ именно хранятся экземпляры ихъ.

Публ. Б—ки. Экз. Кононника, отмѣченнаго Головацкимъ изданнымъ въ 1682 г., и есть несомнѣнно изданіе 1782 г. (Провѣрить нетрудно на мѣстѣ въ Вилен. Публ. Б—кѣ). Въ 1874 г. „книга“ (т. е. изд. 1782 г., на 104 л.) дѣйствительно была еще „библіографамъ извѣстна“. Головацкій допустилъ знакомую уже намъ неточность въ обозначеніи столѣтія: 1682 вм. 1782.

11. (*9*). „Слово въ нед. мясопустную“ Іпполита папы поставлено Головацкимъ между книгами 1694 г. совершенно произвольно: Узналъ авторъ о книгѣ изъ „Histor. literat. polck.“ Wiszniewskiego (t. VIII, str. 431), на которую и сдѣлалъ ссылку. Но Вишневскій, отмѣтивъ, что изданіе „b. r“, (=bez rocu), ни слова не говоритъ о томъ, когда издана книга, а самое извѣстіе о ней заимствовалъ у Сопикова.

Сопиковъ т. I, № 409:	Wiszniewski, t. VIII, s. 431:
Ипполита (св. Священно-мученика) Папы Римскаго, слово въ недѣлю Мясопустную; издано Старообрядцами; въ Почаевѣ въ 4. Безъ означенія года.	Swiaszczennyko-muczennika Ipolita Papy Rymskaho, Słowo w niedielu miasopustnuju, izdano staroobrazcami w Poczajowie. b. r. 4.

Издано „Слово“ въ Почаевѣ—„*старообрядцами*“: (Житіе блаженнаго Отца Нашего Іова Желѣза) въ послѣдней четверти *XVIII* в.

12. (*10*). Свѣдѣнія объ изданіи въ Почаевѣ Житія Іова уже въ концѣ XVII в. сообщено Петрушевичемъ лишь въ формѣ догадки—предположенія. Зная лишь изд.: „Житіе блажен. Отца нашего Іова Желѣза, Игумена св. чудотворныя общежительныя Лавры Почаевскія, отъ Іеромонаха Домникія ученика его списана, по немъ игумена бывшаго тояжде св. обители („въ 8 д. л.“, (печатанное) „безъ показанія мѣста изданія и года выхода“ (Петрушев. с. 177),—Петрушевичъ на с. 172-й и 164-й высказываетъ лишь предположеніе, что житіе это начали печатать въ Почаевѣ, *вѣроятно*, уже съ конца XVII-го вѣка. Таковъ смыслъ словъ автора: „*вѣроятно* въ концѣ XVII вѣка *первоначально* напечатана“. (Авторъ очевидно не видѣлъ даннаго изданія. Замѣчено и въ 8 д. л. безъ выхода“ лишь по аналогіи съ извѣстнымъ изданіемъ „Житія“). Догадка Петруше-

шевича, при вѣрѣ въ существованіе въ Почаевѣ въ концѣ XVII в. типографіи и въ виду популярности пр. Іова, не могла не казаться весьма вѣроятною; но будучи только догадкой, а не сообщеніемъ факта, въ виду отсутствія данныхъ въ пользу существованія типографіи въ Почаевѣ въ данное время, должна быть признана совершенно невѣроятной.

13 (11). Утвержденіе Вишневскаго, будто бы въ Почаевѣ въ концѣ XVII-го вѣка часто печатали славянскія книги шрифтомъ латинскимъ (t. VIII, str. 411—2) не подтверждено у автора ни однимъ примѣромъ. Сказавъ, что такія изданія выходили „w Wilnie u ś. Trójcy *i w Poczajowie* przy końcu siedmnastego wieku“, Вишневскій указалъ далѣе лишь одно такого рода изданіе—*Виленское* 1671 г. Замѣчаніе о Почаевѣ является, такимъ образомъ, бездоказательнымъ и сдѣлано, приходится думать, подъ вліяніемъ свѣдѣній о существованіи такого рода Почаевскихъ изданій XVIII-го вѣка.

14—18. (*12—13, 16—21, 23—24*). Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію цѣлаго ряда почаевскихъ изданій 1700—1720 г.г., указанныхъ Дыметомъ и Петрушевичемъ, а за ними большею частью повторенныхъ [1]) Головацкимъ (№№ 12, 13, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 23, 24).—Указанія Ровинскаго (№№ 14 и 15) и Хойнацкаго (№ 22 и *при* 23-мъ), для большей систематичности въ обозрѣніи, пока опустимъ.

14 (*12, 18*). Дыметомъ указано 2 изданія: „Молитвенникъ“ (=Требникъ) 1700 г. (№ 12) и „Акаѳисты“ 1708 г. (№ 18). Оба указанія повторены Головацкимъ (№№ 45 и 48). Петрушевичъ въ статьѣ 1863 г. говоритъ *лишь* о „Молитвенникѣ“ 1700 г., но въ 1887 г. не упомянулъ даже и о немъ.

Уже молчанія Петрушевича сперва объ одномъ, а потомъ и объ обоихъ данныхъ изданіяхъ, указанныхъ Дыметомъ,—вполнѣ

[1]) Что Головацкій лишь *повторялъ* указанія Дымета и Петрушевича, а не руководился какими либо новыми данными, доказывается слѣдующимъ:

а) При повтореніи указаній Дымета, Головацкій прямо ссылается на послѣдняго;

б) При повтореніи указаній Петрушевича, источникъ не указывается; а слѣдовательно (см. выше)—взяты у Петрушевича;

в) Форма сообщеній—одинакова.

достаточно для того, чтобы усомниться въ ихъ существованіи. Каталогомъ Дымета Петрушевичъ воспользовался въ своемъ трудѣ *вполнѣ* (объ одномъ исключеніи — недосмотрѣ будетъ сказано ниже). Объяснить, слѣдовательно, пропускъ простымъ недосмотромъ нѣтъ достаточныхъ основаній. Гораздо вѣроятнѣе другое предположеніе, что Петрушевичъ лично убѣдился въ невѣрности сперва одного, а потомъ и обоихъ (данныхъ) указаній Дымета. (Торговля Дымета находилась во Львовѣ).

Что данныхъ изданій никогда не существовало, можно доказать и другими соображеніями.

У Дымета въ Каталогѣ указаны книги исключительно позднѣйшихъ изданій; что и естественно, такъ какъ закупилъ онъ, въ православной уже Почаевской Лаврѣ, оставшіяся отъ уніатовъ *нераспроданныя* изданія. А могли бы оставаться нераспроданными изданія начала XVIII в., притомъ такихъ распространенныхъ книгъ, какъ Акаѳисты и Требникъ?

Что касается № 12-го: „Молитвенникъ—умилителная нѣкая пѣнія и молитвы найпаче злоключеніемъ различнымъ прислу*жа*щая, отъ великаго Требника взятыя“ 1700 г. W°. 11¼ тетрадей, то это должно думать изданіе 1770 г., отмѣченное Петрушевичемъ (№ 43: 16°; повтор. Головацк.: № 115), Хойнацкимъ (Унія с. 37-я и 222-я: 8°) и въ Отчетѣ Спб. П. Б—ки за 1883-й г., с. 217 (8°: 2+84 л). У Хойнацкаго приведено и заглавіе—тождественное съ помѣщеннымъ у Дымета: „Молитвенникъ умилительныя нѣкая пѣнія и молитвы, наипаче злоключеніямъ различнымъ прислу*шаю*щая.... отъ великаго требника изъятыя“.

Въ данномъ ошибочномъ показаніи мы встрѣчаемся такимъ образомъ съ первымъ случаемъ *выпаденія* цифры долженствовавшей обозначать десятки.

15—18 (*13*, *16—17*, *19—21*, *23—24*). Извѣстія Петрушевича о почаевскихъ изданіяхъ 1700—20-хъ г. г. распадаются на двѣ группы: а) на повторенныя и въ 1887 г. (№№ 19, 21, 23 и 24: всѣ повторены и Головацкимъ), б) на помѣщенныя въ 1863 г. но въ 1887 г. опущенныя (№№ 13, 16, 17 и 20). Изъ послѣднихъ Головацкимъ названы лишь №№ 16 и 20.

15 (*13*, *16*, *17 и 20*). Такимъ образомъ въ существованіе почаевскихъ изданій: „Приложеніе.... къ Уставу церковному“ 1700 г. и Величанія 1704 г. не вѣритъ (въ 1887 г.) не только Петрушевичъ, но и Головацкій (еще въ 1874 г.).

Не вѣритъ Петрушевичъ въ 1887 г. и въ существованіе „Трефологіона“ 1704 г. и Евангелія Страстн. 1709 г.

Отмѣчаются лишь изданія: „Послѣдовавшіе постригу свою“ 1708 г., „Алфавитъ духовный“ 1710 г., „Молитвословы“ большой и средній 1720 г.

Считаемъ излишнимъ долго останавливаться на тѣхъ мнимыхъ Почаевскихъ изданіяхъ, которыя забыты впослѣдствіи и самимъ авторомъ ихъ. Три изъ нихъ явились, вѣроятно, вслѣдствіе выпаденія цифры, долженствовавшей обозначить десятки. Трефологіонъ 1704 г.=можетъ быть 1784, Величанія 1704=м. б. 1774, Евангеліе Страстн. 1709=м. б. 1759. „Приложеніе.... къ Уставу церковному“, будучи „безъ означенія мѣста печати“. напетано не въ Почаевѣ.

Перейдемъ теперь къ подробному разбору изданій, отстаиваемыхъ Петрушевичемъ и постараемся доказать ихъ ошибочность и указать источникъ.

16. (*19*). Въ библіографіи извѣстно лишь одно Почаевское изданіе „Послѣдованія постригу двою“—изданіе 1750 г. (Петрушев. № 19, а за нимъ Головацкій № 76; Отчетъ Рум. Муз. за 1870—2 г., с. 59). Это изданіе и послужило, должно думать, поводомъ къ ошибкѣ. Ошибка въ неправильномъ чтеніи послѣдней цифры въ годѣ изданія: ҂аѱн прочтено ҂аѱи: смѣшаны буквы н (50) и и (8).

17 (*20*). Въ 1710 г. изданіе „Алфавита духовнаго“ дѣйствительно вышло и притомъ изданіе именно первое, но не въ Почаевѣ, а въ Кіевѣ, какъ это хорошо извѣстно библіографамъ (см. „Очеркъ“ Ундольскаго, № 1467). Между тѣмъ Петрушевичъ (въ 1887 г.) о Кіевскомъ изданіи Алфавита въ 1710 г. не говоритъ ни слова.

18 (*23 и 24*). О молитвословахъ 1720 г. Петрушевичъ сообщаетъ слѣдующее:

„1720. Молитвословъ въ 8 д. л. (большій 70½ листовъ)“.

„1720. Молитвословъ въ 8 д. л. (середній 54 *листа*)“.

Какъ мы говорили уже выше, Петрушевичъ воспользовался каталогомъ Дымета вполнѣ, кромѣ показанія объ „Акаѳістахъ“ 1708 г. и еще одного. Вотъ это послѣднее показаніе:

„Молитвословъ. Въ немже чинъ... съ мѣсяцословомъ 1820. VIII. (=8° (70½) „листовъ“=тетрадей)“.

Таковый же 1820. VIII. 54 („листовъ“=тетрадей)“.

Эти два изданія Молитвослова 1820 г. 8° у Петрушевича въ „Спискѣ“ не упомянуты.

Сличивъ два изданія Молитвослова 1820 г., указанныхъ у Дымета, съ изданіями 1720 г. у Петрушевича,—увидимъ, что сколько у Дымета „листовъ“—*тетрадей* въ его Молитвословахъ, сколько въ изданіяхъ Петрушевича „листовъ“—*листковъ*: 70½ (даже съ половиною), 54.—Изданія 1720 г.—ничто иное такимъ образомъ, какъ изданія 1820 г.

18. (*23+6*). Съ тѣмъ же, (что у Петрушевича), невѣрнымъ обозначеніемъ столѣтія говоритъ о большомъ Молитвословѣ 1720 г. и Хойнацкій („Унія“, с. 391, 412: прим. 1-е. Въ примѣч. 2-мъ и 3-мъ на ст. 412 и на с. 37-й—правильно: 1820 г.), но при этомъ допустилъ еще и другую ошибку: приводя заглавіе, писалъ: „Молитвословъ... по экземплярамъ изданнымъ лѣта 1676, типомъ изданъ въ монастырѣ почаевскомъ... лѣта... 1720“. Здѣсь та же ошибка въ столѣтіи: 1676 вм. ҂аѱѻѕ. Почаевское изданіе 1776 г. служило образцомъ для всѣхъ вообще послѣдующихъ почаевскихъ изданій, что и отмѣчалось на заглавномъ листѣ. Въ заглавіи изданія 1793-го года (напримѣръ)—говорится: „по экземпляремъ изданнымъ лѣта ҂аѱѻѕ.

19 (*22*). Опечаткой (или опиской) въ указаніи года изданія (въ десяткахъ) экземпляра, съ котораго напечатано данное изданіе,—объясняется и упоминаніе Хойнацкаго въ двухъ его сочиненіяхъ о Тріоди Цвѣтной почаев. изд. 1717 г. Въ заглавіи изданія Тр. Цв. 1786 г. (экз. можно найти въ Синод. б—кѣ) говорится, что книга напечатана была въ данномъ (исправленномъ) видѣ „первѣе 1767 года“. Хойнацкій напечаталъ („Унія“, с. 399): „первѣе 1717 года“.

О другихъ почаевскихъ изданіяхъ Тріоди Цвѣтной Хойнацкій вовсе не зналъ, а потому, когда ему сдѣлали замѣчанія о первомъ (до исправленія) почаевск. изд. Тр. Цв., 1747 г., понялъ, что рѣчь идетъ о 1-мъ исправленномъ изданіи 1767 г., или—какъ у него неправильно было записано—1717 г.; а потому и написалъ: „Тріоди перваго (Почаевскаго) изданія 1717 года, по замѣчанію о. Валеріана, скудно объяснены (въ нашей книгѣ)".

20 (*30*). Утвержденіе архим. Амвросія и о. Хойнацкаго, что книга „Гора Почаевская", какъ „въ ней же говорится", (или „по сознанію самихъ же уніятовъ)", первоначально была напечатана православными и уніятами „перепечатана изъ прежней подобной книги, которая, какъ напечатанная во время прежде существовавшаго въ этомъ монастырѣ Православія, вѣроятно, уничтожена Базиліанами",—утвержденіе это основано на недоразумѣніи. Архим. Амвросій и о. Хойнацкій въ подтвержденіе своихъ словъ ссылаются на изд. „Горы Почаевской" 1772-го (Амвросій) и 1793 (Хойнацкій) годовъ; при чемъ послѣдній весьма опредѣленно замѣчаетъ: „Смот. въ началѣ книги одобреніе къ напечатанію ея отъ Сильвестра Лубенецкаго, Рудницкаго еписк. Луцкаго и Острожскаго".

Послѣдуемъ совѣту о. Хойнацкаго.

Въ изд. „Горы Почаевской" 1772 г., на оборотѣ заглавнаго листа помѣщено слѣдующее цензурное разрѣшеніе епископа Сильвестра:

„Книжицу надписаніе имущую: Гора Почаевская и проч.: *прежде уже напечатанную*, паки Тѵпомъ обновити съ приложеніемъ яже въ прочія лѣта содѣянныхъ Чудесъ и Блгодателей Престыя Двы Бцы, въ Іконѣ Почаевской Чудотворныя, блгословимъ и повелѣваемъ. Данъ въ обитаніи нашемъ Рожискомъ дня 24 іюнія 1772 года.

Сѵлвестеръ Епспъ. Р. В. (=рука властна)[1]).

---

[1]) По экз—у Румянц. Музея (изъ б—ки Ив. Лукашевича, № 1040-й).

Какъ видно изъ приведеннаго нами текста „аппробаціи" (одобренія къ напечатанію), въ ней вовсе не говорится о печатаніи книги еще при православіи, а лишь указывается, что данное изданіе не первое—что книга издавалась уже.

Послѣднее говорятъ и библіографы, при чемъ сообщаютъ и годы предыдущихъ изданій: 1742 и 1757-й. (См. въ „Очеркѣ" Ундольскаго, „Дополненія" Бычкова, по экз. Спб. Публ. Б—ки: №№ 31 и 47).

21 (*14—15*). Разсмотримъ теперь опущенныя нами раньше показанія Ровинскаго о 2-хъ гравюрахъ „Почаевской работы" 1702 г. и н. XVIII в.

(*14*). При описаніи гравюры будто-бы 1702 г., Ровинскій допускаетъ 2 ошибки—описки: во 1-хъ, въ имени гравера (*I. S.*) во 2-хъ, въ годѣ (*1702*). Подлинная доска данной гравюры хранится въ Ц.-Арх. Музеѣ при Кіев. Дух. Акад. (=гравиро доска Поч. лавры № 22; деревянная; по „Указателю" музея № 14-й), но имя гравера на ней: „*T. S.*", а годъ *1802*. „Буквами T. S. подписывался почаевскій граверъ к. XVIII—н. XIX в. Teodor Strzelbicki.—Что въ Музеѣ хранится подлинная доска именно данной гравюры, это видно изъ сличенія описаній: гравюры у Ровинскаго, доски—въ „Рос. Б—фіи" и въ „Указателѣ" Музея. У Ровинскаго: „гравюра на деревѣ, въ 1/2 листа"; по Рос. Б—фіи: доска деревянная, „2°". У Ровинскаго: съ монограмою гравера внизу: „I. S. 1702"; по Рос. Б—фіи: „Гравировалъ T. S. „1802"; по Указателю „Іоаннъ Предтеча, Ѳеодора Стрельбицкаго 1802 г.".

(*15*). Гравюру нач. XVIII в. (св. Николы Крупецкаго) Ровинскій произвольно отнесъ къ гравюрамъ „почаевской работы". На самой гравюрѣ, какъ видно изъ описанія ея у Ровинскаго,—*ни мѣсто, ни время*, ни имя гравера—*не указано*. „Подлинная доска хранится, по словамъ Ровинскаго, въ *Кіево-печерской* лаврской типографіи". Откуда же извѣстно, что гравюра „Почаевской работы"? и какъ гравированная доска Почаевской лавры попала въ Кіево-печерскую?

22 (*25—28*, *29*, *31*). Намъ остается лишь провѣрить ссылки архим. Амвросія и о. Хойнацкаго на документы Почаевскаго

лаврскаго архива; и тогда *всѣ* показанія о православныхъ почаевскихъ изданіяхъ XVII—$^1/_4$ XVIII в. будутъ разсмотрѣны. Къ провѣркѣ этихъ ссылокъ мы и приступимъ [1]).

Ю. Тиховскій.

1891—1895 г.

[1]) Не имѣя въ настоящее время возможности воспользоваться документами Почаевскаго лаврскаго архива, обѣщаемъ сдѣлать это впослѣдствіи. А въ настоящее время ограничимся увѣреніемъ, что ссылки эти *несомнѣнно ошибочны*. Въ частности: брошюры ок. 1720 (будто бы) года изданы въ *уніатской* Почаевской типографіи отъ 1730 г. Цвѣтникъ Почаевской лаврской б—ки ок. 1720 г. показано Амвросіемъ изданнымъ въ Почаевѣ произвольно; печатаніе въ поч. *православной* типографіи разныхъ книгъ на славянскомъ, *латинскомъ и польскомъ* языкахъ создано Хойнацкимъ путемъ произвольнаго толкованія неопредѣленнаго выраженія („издавна“) въ позднѣйшихъ королевскихъ привиллегіяхъ типографіи.

Языческій обычай въ Брацлавщинѣ „гоныты шуляка“.

(ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ)

Этому обычаю меньше всего посчастливилось у насъ, потому что онъ сохранился едва только въ нѣсколькихъ уѣздахъ Брацлавщины, а именно: въ винницкомъ, литинскомъ, гайсинскомъ, а отчасти въ ямпольскомъ и брацлавскомъ, и то, кажется, не во всѣхъ селахъ, а спорадически, лишь въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ церквей, или по крайней мѣрѣ, священниковъ, т. е. въ приписныхъ приходахъ, гдѣ некому было преслѣдовать его. Очевидно, духовенство съ особенной энергіей преслѣдовало этотъ обычай, какъ потому, что онъ праздновался въ первый день поста (Петровокъ), такъ и потому еще, что онъ слишкомъ напоминаетъ вакханалію древняго міра. М. С., авторъ статьи въ Под. Епарх. Вѣдом. за 1884 г. №№ 23 и 24 „Мѣстный народный праздникъ, именуемый „Розгри“, съ негодованіемъ говоритъ: „и духовенство должно, наконецъ, вооружиться противъ безчинныхъ гульбищъ всѣми средствами; мы говоримъ: наконецъ, ибо не прискорбно ли, что этотъ, крайне выдающійся по своимъ безобразіямъ праздникъ на глазахъ духовенства продолжаетъ существовать и до настоящаго времени, какъ существовалъ въ темныя времена „Стоглава“ и несомнѣнно существовалъ еще тогда, когда, по словамъ лѣтописца, обитатели Руси „живяху звѣриньскимъ образомъ, живуще скотьскы, и схожахуся на игрища, на плясаніе и на вся бѣсовская игрища, и ту умыкаху жены себѣ“. И дѣйствительно, духовенству удалось

вывести этотъ обычай во многихъ приходахъ, гдѣ слѣды его сохранились едва только въ шуляковыхъ пѣсняхъ; но во многихъ мѣстахъ народъ энергично защищаетъ свой обычай и сохранилъ его, хотя поступился ритуальными подробностями, почему праздникъ принялъ характеръ обыкновенной попойки въ корчмѣ съ пѣснями фривольнаго свойства, или шумная часть праздника перенесена въ лѣсъ.

Мнѣ разсказывалъ одинъ священникъ, что въ его приходѣ, въ литинскомъ уѣздѣ, были прихожанки безукоризненныхъ правилъ, скромныя, благочестивыя, почитавшія великимъ стыдомъ и грѣхомъ посѣщать корчму, но въ день „Шуляка" онѣ подъ вліяніемъ обычая и общественнаго мнѣнія принимали въ корчмѣ самое дѣятельное участіе въ праздникѣ „шуляка".

Такова сила обычая! Поэтому не удивительно, что этнографы почти не знаютъ объ обычаѣ гонять „шуляка", а если знаютъ, то очень немного и въ неясныхъ и неопредѣленныхъ чертахъ. Въ печати, мнѣ по крайней мѣрѣ, извѣстна только маленькая статья М. С., о которой я выше упомянулъ. Я уже года два стараюсь отыскать подробности этого обычая и самъ лично, и черезъ знакомыхъ, но не могу похвалиться удачей, потому что все то, что мнѣ удалось собрать, не представляетъ ничего цѣлаго: все отрывки и кусочки. И не удивительно, народъ не охотно показываетъ то, на что другія сословія смотрятъ съ негодованіемъ, какъ духовенство, или съ презрѣніемъ, какъ шляхетство, видя въ немъ хлопскіе „забобоны". Счастливая случайность дала возможность Г. А. В. записать полный ритуалъ этого праздника со словъ Ивана Лукіяныча Солодаря, жителя с. Бохоникъ, винницкаго уѣзда. Поэтому это даетъ мнѣ въ свою очередь возможность познакомить читателя „Кіевской Старины" съ имѣющимся у меня матеріаломъ объ обычаѣ у насъ гонять „шуляка"; но такъ какъ мой матеріалъ не великъ и не можетъ претендовать на то, чтобы исчерпать предметъ во всемъ его объемѣ, то во мнѣ рождается надежда, что моя замѣтка вызоветъ, быть можетъ, цѣлый рядъ новыхъ записей, поправокъ и дополненій.—

Въ первый день Петровокъ бабы, вставши рано, собираютъ провизію, какую считаютъ нужнымъ взять для приготовленія общаго угощенія на празднествѣ „Шуляка". Затѣмъ каждая изъ нихъ въ своемъ дворѣ бьетъ курицу хворостиной и наблюдаетъ, если курица при этомъ экспериментѣ подскакиваетъ и не пугается, то это признается хорошей „примѣтой", наоборотъ, присѣвшая курица, смирная при этой операціи, являетъ несомнѣнный признакъ неудачъ въ бабьемъ хозяйствѣ. Скотъ выгоняетъ хозяйка лично въ „череду", строго приказывая пастуху смотрѣть за чередой, такъ какъ сегодня бабій праздникъ и имъ не до скота. Отъ череды бабы идуть группами въ 6—15 особъ, каждая группа отправляется на свою улицу или огородъ сосѣдки, мѣсто будущаго празднества. Выборъ мѣста обусловливался тѣнью и водой. Поэтому раскидистыя вѣтви вербы, неразлучной спутницы воды, чаще всего, или почти всегда служатъ куполомъ храма шуляковскаго празднества. Случается, что группа изъ такого кутка или улицы, гдѣ нѣтъ ни воды, ни вербы, словомъ—на возвышенной части села, тогда бабы учинятъ маленькій подвохъ въ праздничномъ ритуалѣ. Двѣ ловкія бабы вооружаются заступами и копаютъ яму, а двѣ другія носятъ воду, и лужа готова; вишенька преисправно исполняетъ обязанность вербы; главное только условіе, чтобы остальные члены группы игнорировали затѣи подруги; и онѣ, дѣйствительно, во все время кажутъ видъ, что не замѣчаютъ продѣлокъ работницъ. Когда, такимъ образомъ, мѣсто выбрано или приготовлено, бабы тогда сообща дѣлаютъ изъ платковъ шуляка, приставивъ ему клювъ и ноги изъ прутиковъ, обернутыхъ тряпками. Шапка ему дѣлается изъ пяти платковъ, а на спину кладется каптуръ (очипокъ, чепецъ) въ видѣ сѣдла. Готоваго шуляка сажаютъ на разостланный платокъ, по угламъ котораго насыпаны кучки зеренъ: просо, овесъ, жито, конопляное сѣмя и проч.; промежъ кучекъ зеренъ на рединѣ каждаго края платка разставлены: на 1-мъ хлѣбъ, на 2-мъ лукъ, на 3-мъ сыръ и на 4-мъ мясо. Усаживая куклу шуляка на платокъ, бабы поочередно поворачиваютъ ее клювомъ къ зернамъ, хлѣбу, луку и сыру, а останавливая ее передъ мясомъ, оставляютъ въ этомъ

положеніи. Затѣмъ всѣ бабы разсаживаются вокругъ шуляка и пьютъ водку, приговаривая къ нему: „Не дывысь на куры, а дывысь на падло“. Не йды до курей, а иды до падла“. Затѣмъ сидя-же поютъ:

Якъ задумавъ шулякъ
На старисть женытысь,
То захотивъ на весилля
Все птаство спросыты
Якъ вси наши гречии
Пришлы на весилля,
Якъ вси птаки прылетилы
Круки прышлы пишкы,
Зыма изъ морозомъ,
Драбенястымъ возомъ.
Прывезлы горилкы
Четыре барилки;
Горобци напылысь,
Снигиря побылы,
А вороны, стари жоны,
Коровай мисылы,
Свитылки сыныци,
Сыдятъ на полыци,
Якъ ридны сестрыци,
Индыкъ ходыть по хати,
Все вурку та вурку,
Сыдыть шулякъ на печи,
Журытся за курку:
„Якъ бы мени, курка,
То я ъзъивъ бы іи тутка,
Якъ бы мени ще й курча
То я бъ пишовъ го-ча-ча(?).
Лыннувъ у виконце,—
Сыдыть пивень на воротахъ
Въ червоныхъ чоботахъ,
Шулякъ излякався,
Та въ курки спытався:
„Що то за такее
Дыво за малее,—
Сыдыть на воротяхъ
Въ червоныхъ чоботяхъ“?
Шулякъ розигнався
Въ одвирокъ загнався,
Якъ упавъ, зубы ставъ,
Та не спамнятався.

Окончивъ пѣсню, бабы шумно поднимаются и пляшутъ „Метелыци“ вокругъ платка, припѣвая.

Ой кумцю, метелыця!
Чому Шулякъ не женытся?
Треба ложки, треба мыскы,
Треба няньки до колыскы и пр.

Утомленныя пляской бабы опять садятся и приготовляютъ изъ платковъ „мале шуляченя“; когда и шуляченя готово, двѣ изъ бабъ, изображая изъ себя птицъ, убаюкиваютъ „шуляченя“, а хоръ бабъ поетъ колыбельныя пѣсни:

Ходыть сонъ коло виконъ,
А дримота коло плота,
Пытаетця сонъ дримоты:
„Де мы будемъ ночоваты?
Де хатынка тепленька
Де дытынка мылепька,
Тамъ мы будемъ почуваты
И дытыну колысаты.

Стоить дытя коло граба,
Іому спиваютъ: воно раде!
Ой, якъ же ты, дытя, раде,
Най спивае вся громада:
„Ой зъ лисочку на горбочку...

Третьей колыбельной пѣсни сообщающій не помнитъ, но её поютъ тихо, а къ концу пѣсни запѣвало поднимаетъ голосъ и будитъ „шуляченя“. Всѣ бабы, встревоженныя пробужденіемъ шуляченяты, поднимаютъ споръ о томъ, кто былъ причиною его пробужденія, а между тѣмъ, чтобъ успокоить шулянченка, тѣ изъ бабъ, которыя кормятъ еще ребятъ своимъ молокомъ, берутъ по очереди шуляченя и дѣлаютъ видъ, будто кормятъ его. Успокоеннаго малютку кладутъ подъ крыло старому шуляку, а сами опять пляшутъ „метелыцю“, припѣвая:

Ой гуляла рыба зъ ракомъ.
А петрушка съ пастернакомъ... и т. д.

Бросивъ танцы, бабы начинаютъ кривляться, жестикулировать, изображая изъ себя пьяныхъ, и подпѣваютъ:

Дай-же мени, Боже, недили дождаты,
Пиду я до роду гуляты.
Сюда-туда онъ-куда, до роду гуляты... и т. д.

Поихавъ мій мылый на ярмарокъ-ярмарій,
Купывъ мнни кораликы—
Ось воны на мени!
Щобъ я ему бровью моргала,
Щобъ я ему правду казала.
Я не хочу правду казаты
И не хочу бровью моргаты.
Поихавъ мій мылый на ярмарокъ, ярмарій
Купывъ мени хустыночку, ось она на мени! Щобъ я ему и пр.
Поихавъ мій мылый на ярмарокъ.
Купывъ мени спидныченьку.
Ось она на мени!
Щобъ я ему и пр.
Поихавъ мій мылый и пр.
Купывъ мыни чоботочки.
Ось оны на мени!
Щобъ и пр.
Уберусь я во всю збрую
И пиду я у фасолю!
Купы мылый парасолю.
Ты до проса, и я до проса,
А ты взутый, а я боса,
Цыть, старый, мовчы, старый!
И ты такій, и я така!
И вся наша родыноньна такая,
Щобъ выпыты горилочки радая.

Послѣ этихъ двухъ пѣсенъ, бабы окружаютъ платокъ, на которомъ лежитъ шулякъ, и, загнувъ руки назадъ и покачиваясь, поютъ:

Зъ вечера въ недилю
Посію шальвію,
Черезъ люти морозеньки
Де ся я подію:
Въ двери не поспію,
Въ викво не посмію,
Бидна жъ моя головонька
Де ся я подію!
Ростунься, сыра земля,
Черезъ тебе полизу!

Земля роступылась,
Мыла сопьятылась.
Просты жъ мени, сыра земля,
Що я согришила тай передъ тобою
Черезъ тяжки ворошеньки, черезъ лыху долю.
Ой умру я, умру,
Тай буду дывытысь,
Чы не буде мій мыленькій
За мною журытысь?
Мылый зажурывся,
Взявъ пидголывся.
Колыбъ взялы тило съ хаты,
То ябъ оженывся.
А мыла почула, тай заголосыла,
Нейдить, диты, въ службу,
Бо я еще жыва.

Затѣмъ опять всѣ бабы садятся вокругъ платка и поютъ пѣсню, которой сообщающій, къ прискорбію, не могъ припомнить; къ концу пѣсни всѣ вскакиваютъ; и та изъ бабъ, которая раньше поднимется, становится внѣ круга, а прочія вновь садятся и поютъ.

Е-жъ въ мене, кумцю,
Е-жъ въ мене, любцю,
На обори курочка съ рабенькими курчинятками

Стоящей внѣ круга бабѣ говорятъ:

„А идитъ, кумо, въ нашу компанію“.

А она имъ отвѣчаетъ пѣсней:

Ой не пиду, кумцю,
Ой не пиду, любцю,
Бо забере шулякъ
Мои курченята.

Подруги ей возражаютъ:

Якъ не пидешъ, кумцю, любцю,
То все таки курченята твои не будуть!
Мы сегодня Шуляченка свого спіймалы
Будь, кумцю, будь, любцю!
Будь же таки у насъ!
Дывить-но-ся, кумасеньки, голубоньки!
Шулякъ на мою обирку летыть,
Идитъ же-но помогайте,
Бо вже мою курочку ъсть!
Ой збиглыся кумасенькы:

Шуляченька на обори нема!
А вже шуляченько ось де, межъ намы!
Добре, кумасенько, що вы мени сказалы,
А мы того шуляченька
Розирвемо на трое:
Тоби, кумцю, нижки,
Тоби головонька,
Мени середынка,
Гай, гай, гай!

При словахъ пѣсни: „А мы того шуляка" бабы разрываютъ Шуляка на части, а стоящая внѣ круга баба указываетъ, кому какая часть куклы должна достаться. Себѣ она беретъ голову съ шапкой изъ пяти платковъ; бабы платки выкупаютъ, платя по золотому. Собранная сумма идетъ на общую „учту". Поднимаясь съ мѣста, бабы перекидываются шуточками на счетъ своихъ отсутствующихъ мужей въ родѣ такой:—„Отце, кумо, де винъ у дитька оре и куды ему исты несты?" И эта часть празднества заканчивается пѣсней:

Ой пиду я лугомъ, та лугомъ,
Тамъ мій мылый оре плугомъ,
Понесу я ему исты,
Чы не скаже мени систы?
Понесу я ему пыты
Чы не буде говорыты?
А мій мылый наився, напывся,
Та по лузи покотывся.

Подъ звуки пѣсни подружки направляются къ искусственной или естественной лужѣ, въ которую насильно стараются ввести другъ дружку, но дѣло, обыкновенно, оканчивается выкупомъ,—только та изъ подругъ, которая рѣшительно не можетъ или не хочетъ дать выкупъ, дѣлается жертвой насилія, и ее садятъ въ лужу. При этой цереміи ей говорятъ: „Я тебе купаю, кумцю, въ водыци, а ты мене въ горильци!" Собранный такимъ образомъ выкупъ, пріобщается къ выкупу за платки и служитъ фондомъ для предстоящей пирушки. Здѣсь же, обыкновенно, большинствомъ голосовъ рѣшается, въ чьей хатѣ закончится праздникъ. Выборъ чаще всего падаетъ на ту хату, хозяйка которой отличается бойкостью и юркостью. Затѣмъ, какъ бы желая выразить честь будущей своей хозяйкѣ и началь-

ницѣ пира, подруги провожаютъ выбранную къ ея хатѣ съ пѣснями:

Якъ бы мени сяки-таки шкарбунци,
То ябъ вышла на улыцу у ночи,
То ябъ соби соловейка нашла,
То ябъ соби до здоровля дійшла
Хату месты, сины месты,
За телятами иты,
Колыбъ мени, Господы, Васыля найты!
И хлибъ въ печи допикаетця,
И Васыль пидъ викномъ дожыдаетця.
Не стій же пидъ викномъ,
Не махай рукавомъ.
Бо я рыбку сичу
И не маю часу.
Ой на гори ячмень,
А въ долыни жыто,
Въ чистимъ поли, край дороги,
Козаченька вбыто.
Ой убыто, вбыто,
Занесено въ жыто,
Чернымъ шовкомъ—китайкою,
Оченькы закрыто.
Выйшла дивчына съ чорнымы очыма,
Пидняла китаечку,
Тай заголосыла.
Выйшла другая, та вже не такая,
Пиднала китаечку,
Тай поцыловала.
Выйшла третяя,
Та зъ новои хаты:
Було тоби, вражій сыну,
Насъ трехъ не кохаты!

Со двора своего будущаго амфитріона расходятся бабы по домамъ припѣвая:

Ото мени мылый, ото мени душа!
Червона китаечка коло капылюша

Дома каждая баба старается поскорѣй покончить хозяйственныя свои занятія и спѣшитъ къ избранному мѣсту. Когда соберется ихъ достаточно на условленномъ мѣстѣ, то при входѣ въ хату поютъ:

Я до тебе, кумцю-любцю,
На горшики прийшла!

Зъ щиткою, зъ гребинкою
Та ще и кужилкою!
Напыймося, кумцю любцю,
Поки здужаемо!
Я для тебе, кумцю-любцю,
Горобчыка вбыла!
Изъ нижокъ холодець,
Изъ головоньки печеню!
Я для тебе, кумцю-любцю,
Заризала гусака!
Не гусакъ же то бувъ, тилько гусочка,
Не кума жъ ты меня—щебетушечка!
Не гусакъ же то бувъ, тилько курочка,
Не кума жъ ты моя—тилько душечка.

Въ хатѣ кумушки разсаживаются, и начинается угощеніе; при круговой чаркѣ въ честь каждой поющей поется виватъ сообразно положенію и характеру лица. Виватовъ у бабъ безчисленное множество: ихъ поютъ также на свадьбахъ и при обрядѣ колодія; вотъ два изъ нихъ:

Пый, кумцю, пый любцю!
Пый здоровенька!
Якъ напьешься горилочки,
Будешь здоровенька!

Сыны мои соколы,
Изъ корчмоньки прывелы,
Дочки жъ мои, голубочки,
Вечераты не далы.

Случается, что нѣкоторыя изъ кумушекъ не приходятъ; въ такомъ случаѣ отряжается нѣсколько бабъ, снабженныхъ передкомъ телѣги или просто „колесней" отъ плуга, и онѣ отправляются за отсутствующими въ ихъ дома. Между тѣмъ въ хатѣ пиръ идетъ горой, и подруженьки продолжаютъ пѣть:

Гуляй, гуляй, моя ясна зирко!
Не забере роботоньки дидько!
Гуляй, гуляй, черноброва!
Поки моя голова здорова.
Якъ моя голова схибнетця,
Тоди твое гуляня минетця!
Оре Семенъ, оре,

На шляхъ поглядае:
Чужи жинки обидъ несуть,
А моій чортъ-мае!
Дооравъ Семенъ
До сухого лому,
Выпригъ воливъ на диброву,
Самъ пишовъ до дому,
До новои хаты,
Пытаетця своихъ дитокъ:
А дежъ ваша маты?
Нема мамы дома,
Пишла по калыну,
Ой казала, говорыла,
Що я васъ покину.
Пытаетця своихъ дитокъ:
А дежъ ваша маты?
Нема мамы дома,
Пишла по телята,
Ой казала, говорыла,
Що вы сыротята.
Подывывся Семенъ
До новой скрыни:
Нема грошей и намыста;
Ани господыни.
Ой вдарывся Семенъ
Та въ полы рукамы:
Диты-жъ мои дрибнесеньки,
Пропавъ же я зъ вамы!

Съ этого момента требуется по ритуалу присутствіе мужчины, который не особенно замедляетъ свой приходъ, такъ какъ охотниковъ выпить и поухаживать всегда найдется достаточно. „Ритуальнаго мужчину“ прежде всего угощаютъ, а онъ по своей обязанности поетъ пѣсни: одну изъ нихъ приводимъ:

Качкы гречку шолопають,
Щожъ я бидный буду мавъ?
А всимъ хлопцямъ по дивчини,
Мени дидько бабу впхавъ!
Я на баби ницъ не втрачу:
Продамъ бабу, куплю клячу,
Кляча здохне, шкуру злуплю,
Таки соби дивку куплю.

Актомъ обрядоваго сѣянія льна заканчивается праздникъ. При пѣніи пѣсни: „ой сіяла ленъ, сіяла“, которая очень длинна

и которой, опять же къ прискорбію, сообщающій не помнитъ, бабы поднимаются съ своихъ мѣстъ и становятся въ разныхъ углахъ съ ухватами, помелами, кочергами, „качалками" (валками) и пр. и изображаютъ паханіе, боронованіе и сѣяніе льна. Во время сѣянія хозяйка незамѣтно прокрадывается въ сѣни и выбрасываетъ оттуда красный платокъ съ крикомъ: „Гонить курку: вона ленъ клюе". Бабы гонятъ курицу и спорятъ, чья она? Послѣ трудовъ идутъ обѣдать и выпить. Затѣмъ, при продолженіи пѣсни, которая подробно передаетъ всѣ работы, какія производятся при посѣвѣ, уборкѣ и обработкѣ льна, бабы идутъ осматривать посѣвы. Снова антрактъ для выпивки, послѣ которой становятся вновь по угламъ и изображаютъ уборку льна, молотьбу, мочку, трепаніе и т. д. до конца пѣсни, перемежая каждую отдѣльную работу выпивкой. Когда надо льномъ всѣ работы кончены, и ленъ готовъ, его продаютъ, а на выручку покупаютъ водки. Тутъ оканчивается празднество, и начинается безшабашное пьянство, уснащенное самаго беззастѣнчиваго, нецензурнаго свойства пѣснями. Наши бабы при „оказіяхъ" до крайности циничны, особенно къ концу свадебъ, крестинъ, на колодія и шуляка. Ихъ репертуаръ пѣсенъ этого рода не изсякаемъ и полонъ порнографическаго букета, и то порнографіи голой, чистой, беззастѣнчивой, съ полными названіями предметовъ и дѣйствій; я думаю, пѣсни этого рода заткнули бы за поясъ даже вакхическія пѣснопѣнія древнихъ.

Все съѣдено и выпито: пора расходиться, да и время уже позднее; публика тронулась по домамъ, но праздничное воодушевленіе и веселіе не прошло; правда, пѣсенъ уже не слыхать, но бабы весело перекидываются остротами и каламбурами въ родѣ слѣдующихъ:

Дядьку, чы не телячылы моего выдячкы?—т. е. не видѣли ли моего теленка? Пидъ ничками воротувало, отвѣчаетъ ей другая бойко, т. е.—подъ воротами ночевало. А яке жъ воно? допрашиваетъ первая. На лысенци лоберки, на мотузочку шейка, задерло лозы, та побигло въ хвистъ—шутятъ ей въ отвѣтъ, т. е.—на лбу лысинка, на шеѣ веревка, побѣжалъ въ лозы, под-

нявши хвостъ. Ахъ смутку мій! дежъ оно бидне подилось? притворно печалится первая, и такъ дальше.

Какъ видитъ читатель; и это сообщеніе нуждается въ дополненіяхъ и поправкахъ, потому что сообщающій его во многихъ мѣстахъ пропускаетъ цѣлыя пѣсни, въ другихъ не оканчиваетъ ихъ, сознаваясь въ томъ, что онъ запамятовалъ. Вѣроятно, у него есть и пропуски такіе, которыхъ онъ не подозрѣваетъ, такъ какъ онъ мало знакомъ съ обрядомъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ записаны сообщенія, мужчины не участвуютъ въ праздникѣ шуляка, развѣ случайно или въ качествѣ „ритуальнаго мужчины, поэтому въ этомъ дѣлѣ они менѣе компетентны, нежели бабы, которыя и могутъ дополнить и поправить наши сообщенія.

Тотъ же обычай, записанный мной со словъ г. Грека, жителя м. Немирова. Въ окрестностяхъ м. Немирова, брацлавскаго уѣзда, празднуютъ „Шуляка“ такъ:

Въ первую недѣлю „Петровокъ“ собираются мужчины и женщины на праздникъ „Шуляка“ въ заранѣе избранный домъ. Здѣсь народъ собирается или близь дома, или въ саду, разсаживаясь кружкомъ на травѣ. Всѣ участники праздника приносятъ изъ дому водку и закуску (мужъ обыкновенно ½ ока водки, а жена съѣстное, что имѣла дома). Больше какъ полъ ока водки сразу не приносятъ, п. ч. это не принято,—„богато не треба, говорятъ: це и дорого коштуе“. Село, такимъ образомъ, разбивается на много группъ, въ разныхъ пунктахъ.

Каждая группа состоитъ отъ 15 до 20 человѣкъ обоего пола. Праздникъ, конечно, начинается съ чарки, при поднесеніи которой другъ другу выражаютъ пожеланіе въ такомъ родѣ:—„выпыйте, кумо, щобъ шулякъ курчатокъ не поивъ“. Приведенные выпивкой и закуской въ праздничное настроеніе пирующіе начинаютъ пѣть:

Летивъ шулякъ изъ улыци,
Схопывъ Домну съ потылыци.
А Максымъ бижытъ, крычытъ: гай! гай!
Виддай Домну, виддай!

Виддай Домну роботныцю,
Возьми Ганку невильныцю.

Слѣдуетъ новая закуска и выпивка, а затѣмъ новая пѣсня:

Скакавъ конекъ пидъ гречкою,
За нымъ Максымъ зъ уздечкою,
Чыкай, коню, загнуздаю,
Та поидемъ до Дунаю,
До Дунаю глыбокого,
До каминя широкого.

Если запасъ водки истощается, то немедленно приступаютъ къ складчинѣ и командируютъ одного изъ участниковъ пира въ шинокъ за новымъ запасомъ водки, а остальная компанія поетъ:

Жинка ноги мыла,
Тонкій фартухъ замочила.
Тамъ козакъ стоявъ зъ крамамы
А зъ якамы? зъ бындочкамы.
Кому дае, продае,
А жинци даромъ дае.

Пиршество въ селѣ продолжается съ 12 ч. дня до поздняго вечера. Позднимъ вечеромъ пирующіе идутъ въ поле или лѣсъ, куда ужъ съ собой ничего не берутъ—ни выпивки, ни закуски, праздничное платье снимаютъ, а одѣваются въ самое худшее, какое имѣютъ дома. Въ лѣсу или полѣ праздникъ сопровождается неистовыми крикомъ, шумомъ, плясками и кувырканіемъ и качаніемъ по травѣ. Поздно только толпы уставшихъ и оборванныхъ, въ однихъ лохмотьяхъ, людей возвращаются домой, чѣмъ и заканчивается праздникъ.

Въ литинскомъ уѣздѣ М. С., авторъ статьи „Мѣстный народный праздникъ, именуемый „Розгри", вотъ что передаетъ объ этомъ праздникѣ: Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Подоліи въ первый день Петровокъ (понедѣльникъ) совершается особый народный праздникъ, извѣстный подъ названіемъ „розгри", или „розри", или обычай, прибавляетъ онъ въ сноскѣ, гонять „шуляка"; въ мѣстахъ же между Бугомъ, Днѣстромъ и Кодымою, а также въ балтскомъ уѣздѣ этотъ праздникъ извѣстенъ подъ названіемъ „русали". Существенная особенность праздника „розгри" состоитъ въ томъ, что въ немъ участвуютъ только

замужнія женщины, безъ участія мужчинъ и дѣвицъ, или, по крайней мѣрѣ, бабамъ принадлежитъ въ немъ самая дѣятельная роль. По содержанію своему, это самый безчинный изъ извѣстныхъ въ Подоліи народныхъ праздниковъ. Въ первый день Петровокъ въ 7 или 8 часовъ утра бабы собираются въ корчму и тамъ каждая изъ нихъ „ставитъ могорычъ"; при могоричѣ подружки выражаютъ другъ другу пожеланія, чтобы шулякъ не хваталъ въ теченіе лѣта ихъ цыплятъ; такъ какъ эти могорычи повторяются безконечное число разъ, то бабы пьянѣютъ и даютъ волю своему языку, и дѣло „доходитъ, наконецъ, до послѣднихъ безобразій: поютъ срамныя пѣсни, разсказываютъ сальные анекдоты, откалываются самыя безстыдныя шутки, словомъ—совершается все, чѣмъ можетъ быть выраженъ въ словѣ и дѣйствіи вкусъ къ самому послѣднему разврату. И необходимо замѣтить, что въ этомъ случаѣ стараются пересолить въ подобныхъ выходкахъ, ибо по убѣжденію народа, при гоненіи шуляка *это требуется самою идеею празднованія, ибо въ этотъ день женщинамъ все позволяется*".

Въ этотъ день мужчины не смѣютъ показываться въ кабакѣ, но бабы ихъ ждутъ: они имъ необходимы, иначе праздникъ признается недостигшимъ своей цѣли. Обыкновенно, всегда находится смѣльчакъ, или любитель безобразій, который подъ какимъ нибудь благовиднымъ предлогомъ является въ кабакъ полюбоваться на бабій праздникъ. Къ смѣльчаку пристаютъ пьяныя бабы съ сальными шуточками, тормошатъ его со всѣхъ сторонъ, рвутъ на немъ платье и стараются обнажить его донага. Конечно, въ концѣ концевъ любитель-мученикъ откупается отъ вакханокъ и получаетъ свое платье. „Послѣ всего этого, пьяное безобразіе, заканчиваетъ авторъ, дошедшее въ кабакѣ до своего апогея, переходитъ на улицу. Женщины съ крикомъ и гамомъ выходятъ изъ кабака, поютъ срамныя пѣсни и начинаютъ гонять „шуляка", при чемъ по всему селу до самаго вечера раздается на всѣхъ улицахъ ихъ бозобразный пьяный крикъ: „гай, гай"! Этимъ крикомъ онѣ прогоняютъ воображаемаго „шуляка", чтобы въ теченіе лѣта не хваталъ цыплятъ; при этомъ необходимо замѣтить, головы пьяныхъ гонитель-

ницъ бываютъ повязаны найчаще бѣлыми платками домашняго производства, чтобъ „шуляку" бѣлый свѣтъ солнца затмилъ глаза, если бы онъ захотѣлъ хватить цыпленка. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ этотъ день повязываются бѣлыми платками даже тѣ женщины, которыя, по какому либо случаю, остаются дома.

Изъ статьи М. С. видно, что праздниxъ „шуляка" извѣстенъ въ народѣ подъ тремя разными названіями, а именно: подъ своимъ собственнымъ „гоняты шуляка", „Розгри" и „Русали"; но мнѣ кажется, что этихъ трехъ наименованій смѣшивать нельзя, потому что „Розгри" и обычай „гонять шуляка" совершенно два различные праздника, а праздникъ „Русали" хотя можетъ и имѣть общее что-либо съ „Розграми", чуждъ нашему народу, такъ-какъ это праздникъ молдавскій. Я, впрочемъ, этимъ не хочу сказать, что авторъ произвольно или умышленно смѣшалъ эти названія; очевидно, онъ записалъ такъ, какъ онъ слышалъ отъ народа. Дѣло въ томъ, что раньше у насъ былъ также цѣлый циклъ праздниковъ во время лѣтняго солнцестоянія, какой мы находимъ еще теперь во время зимняго солнцестоянія; но лѣтнее время, можетъ быть подъ давленіемъ крѣпостнаго состоянія, пришлось экономизировать, и народъ сократилъ время праздниковъ, сливъ ихъ нѣсколько въ одинъ, почему въ одномъ мѣстѣ сталъ преобладать одинъ праздникъ, въ другомъ другой, а съ преобладаніемъ онъ сохранилъ свое названіе, а отсюда и смѣшиваніе ихъ. А что это такъ, я постараюсь доказать.

Прошлымъ лѣтомъ мнѣ попалась рукопись въ редакціи „Подольскихъ Епар. Вѣд." священника м. Миньковецъ Чернецкаго подъ заглавіемъ „Собраніе народныхъ суевѣрій и легендъ въ Подоліи". Авторъ въ предисловіи говоритъ, что матеріялъ свой черпалъ главнымъ образомъ въ винницкомъ уѣздѣ, на мѣстѣ своей родины и пастырской дѣятельности, слѣдовательно въ тѣхъ же мѣстахъ, откуда Солодарь сообщаетъ свѣдѣнія о праздникѣ шуляка. Изъ этой рукописи, съ согласія автора, я сдѣлалъ выписки о предметахъ мало мнѣ знакомыхъ и между прочимъ о „Розграхъ", о которыхъ авторъ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія:

„Розгри" начинаются съ другого дня зеленыхъ праздниковъ и продолжаются до Петровокъ. Въ эту недѣлю крестьяне ни-

чего не работаютъ, особенно женщины, у которыхъ умерли дѣти. Въ эти дни все населеніе деревни собирается группами возлѣ корчмы, или на выгонѣ, а то просто на улицѣ и поетъ:

Не сій мукы, бо то грихъ,
Не крый дижи, бо то грихъ,
Не тры ногы въ ногу, бо то грихъ и проч.

Существуетъ у крестьянъ вѣрованіе, что въ эти дни умершіе младенцы разгуливаютъ по огородамъ и полямъ колосящейся ржи и пшеницы. Этихъ умершихъ младенцевъ народъ называетъ: „Мнявкамы", „Гречухамы" и „Мавкамы". Живымъ людямъ выходить въ эти дни въ огородъ или въ поле очень опасно, особенно въ одиночку, потому что мавка можетъ защекотать смѣльчака до смерти. Разсказываютъ, что одна баба пошла въ поле посмотрѣть рожь и увидѣла множество маленькихъ дѣтей, которыя, взявшись за руки, водили хороводъ вокругъ дуба, стоявшаго среди нивы, и пѣли:

Якъ бы намъ не „одолянъ зиля",
То бъ мы тебе давно зъилы.

Какъ видитъ читатель, смѣшать эти два праздника не возможно, потому что, кромѣ смежности ихъ по времени, у нихъ ничего нѣтъ общаго. Но не имѣлъ ли одинъ изъ этихъ праздниковъ какого нибудь отношенія къ Русалямъ. Въ этомъ вопросѣ, право, трудно разобраться: съ одной стороны „Розгри", какъ будто и имѣютъ отношеніе къ Русалямъ, но съ другой—какъ будто и нѣтъ. Несомнѣнно, что мавки, которыхъ мы встрѣчали въ Розграхъ, тѣ же русалки кіевской и подольской губерніи, а эти своимъ именемъ напоминаютъ „Русали". Новосельскій въ своей книгѣ „Lud ukraiński" т. I стр. 77—78 такъ ихъ описываетъ: „Украинцы знаютъ еще лѣсныхъ русалокъ; онѣ, зацѣпившись своими длинными, зелеными косами за густыя вѣтви дуба или березы, пугаютъ путниковъ, рѣшившихся ѣхать лѣсомъ въ ночь зеленыхъ святокъ. Съ деревьевъ скачутъ онѣ на коня или на возъ путника и съ дикимъ смѣхомъ его щекочутъ до тѣхъ поръ, пока несчастный не отдаетъ Богу душу. Иногда въ лѣсу онѣ являются „парубкамъ" въ видѣ „гожей" украинской дивчины. Бѣда тому, кто увлечется смертоносной красо-

той: На другой день непремѣнно найдутъ въ лѣсной чащѣ холодное тѣло парубка съ лицомъ искаженнымъ смѣхомъ. У насъ въ ночь зеленыхъ святокъ дѣти для охраненія себя отъ щекотанія русалокъ, подстилаютъ себѣ подъ головы полынь (не одолянъ-ли зиля?). Въ эту ночь не только нельзя опаздывать въ лѣсу, но также опасно возвращаться домой между высокой рожью, п. ч. въ зеленыхъ волнахъ ржи и пшеницы скрываются также злыя русалки. Происхожденіе русалокъ народъ украинскій объясняетъ себѣ тѣмъ (можетъ быть, подъ вліяніемъ позднѣйшихъ возрѣній), что онѣ берутъ начало отъ душъ тѣхъ людей, которые умираютъ въ первый день зеленыхъ святокъ. Можетъ быть, по христіянскимъ представленіямъ это относилось къ умершимъ дѣтямъ, не обмытымъ водой свят. крещенія. Часто очень въ народныхъ разсказахъ, выступаютъ дѣти малыя, играющія среди зеленаго хлѣба въ ясныя лѣтнія ночи въ теченіе недѣли зеленыхъ святокъ.

Въ продолженіе цѣлой этой недѣли, выходя въ поле, слѣдуетъ имѣть при себѣ полынь для охраны отъ нападенія русалокъ“. Да, несомнѣнные признаки нашихъ подольскихъ мавокъ! Но времени, въ которое разгуливаютъ русалки, авторъ не называетъ „Розграми“, потому что у него „Розгри“, и даже не „Розгри“, а „Розыгри“, обозначаютъ другой обычай, соблюдаемый въ другое время. На ст. 124, 130, 131 своей книги авторъ говоритъ, что на другой понедѣльникъ зеленыхъ святокъ молодежь празднуетъ въ украинскихъ селахъ такъ называемые „Розыгры“. Весь обрядъ состоитъ въ томъ, что самую старую бабу въ селѣ сажаютъ на зеленую вѣтвь, взятую изъ „мая“ (вѣтви, украшавшія дома и дворъ во время зеленыхъ святокъ), и тянутъ вдоль всей деревни къ корчмѣ, гдѣ удостоенная такой чести баба покупаетъ имъ могорычъ. Баба въ этомъ обрядѣ изображаетъ лѣто, которое ввозятъ въ село. Обрядъ этотъ исполняется только замужними женщинами, какъ нѣкогда исполнялось торжество римскими матронами въ честь доброй богини (Bona dea). Это напоминаетъ намъ стихъ Тибулла: „Sacrae bonae, maribus non adeunda, deae“. Мнѣ кажется, что здѣсь главный и самый существенный обрядъ, везеніе бабы, былъ перенесенъ

на день другого праздника, т. е. шуляка, и, занявъ въ немъ центральное мѣсто, не только оттѣснилъ его, но даже далъ ему свое названіе.

Но съ „Шулякомъ“ и „Русалями“ онъ, во всякомъ случаѣ, не имѣетъ ничего общаго, кромѣ времени, и то подъ большимъ сомнѣніемъ. „Русали“ у насъ празднуются только молдаванами. Праздникъ, по описанію автора статьи „Историческо-статистическое описаніе села Черной Балки (Еп. Под. Вѣд. 1874 г. стр. 751 и 752) состоитъ въ томъ, что „въ первый день Петрова поста собираются люди на траву, при чемъ не обходится безъ попойки, льютъ на траву молоко, которымъ, по ихъ мнѣнію, питаются души младенцевъ, умершихъ безъ крещенія. Это празднество извѣстно подъ именемъ „Русалокъ“; подкрѣпляется оно повѣрьемъ, что если кто откажется принять участіе въ семъ празднествѣ, то русалки втянутъ его въ воду или съ ума сведутъ. Кладутъ полынь къ образамъ, какъ предохранительное средство отъ русалокъ; но что такое русалки, по мнѣнію народа, опредѣлить не возможно“. Здѣсь опять тоже самое: молдаване, живя совмѣстно съ малоросами, перенесли для большаго удобства свой обычай на тотъ день, въ который малороссы празднуютъ свой народный праздникъ. Мнѣ по крайней мѣрѣ извѣстно, что въ Бессарабіи молдаване празднуютъ свои „Русали“ по четвергамъ отъ Пасхи до Духова дня, а эти дни дѣйствительно соотвѣтствуютъ русальнымъ днямъ давнопрошедшихъ временъ. „У славянскихъ народовъ, говоритъ М. С., вообще извѣстны были празднества, совершаемыя, по мнѣнію всѣхъ ученыхъ изслѣдователей старины, въ честь русалокъ, которыя, по народному вѣрованію, показываются на землѣ съ четверга весенстрастной недѣли [1]), какъ только разольются по лугамъ весеннія воды, распустятся вербы и зазеленѣютъ поля, и остаются въ этомъ мірѣ до глубокой осени; но самый шумный періодъ

[1]) Этотъ четвергъ у народа извѣстенъ, подъ именемъ „жильнаго“ четверга; въ этотъ день поются пѣсни апокрифическаго происхожденія съ религіозным характеромъ, и называются онѣ „жильными“.

игрищъ, совершаемыхъ русалками на землѣ, начинается съ четверга седмой недѣли послѣ Пасхи и продолжается до Петрова дня, когда, по народному вѣрованію, онѣ выходятъ изъ рѣкъ, озеръ и криницъ на сушу и заводятъ по полямъ и лѣсамъ гульбища: на зеленой или русальной недѣлѣ онѣ празднуютъ свои свадьбы, плещутся въ водахъ, бѣгаютъ по лугамъ и рощамъ, бьютъ въ ладоши, аукаются, водятъ хороводы и поютъ пѣсни". Я нарочно сдѣлалъ эту выписку, чтобы показать, что праздникъ „Русали" тѣсно былъ связанъ съ послѣ-пасхальными четвергами, и что эта связь доселѣ сохранилась у бессарабскихъ молдаванъ, но никакъ не съ первымъ понедѣльникомъ Петровокъ. Авторъ, впрочемъ, не отрицаетъ цикла лѣтнихъ праздниковъ: онъ только не расчленяетъ ихъ; „русали, говоритъ онъ, это общее названіе цѣлаго ряда шумныхъ языческихъ празднествъ, совершавшихся въ мѣсяцахъ маѣ и іюнѣ въ честь плодотворящихъ силъ природы: начало этого періода есть время полнаго развитія творческихъ силъ природы, а конецъ—совпадаетъ со временемъ удаленія лѣтняго солнца на зиму".

Изъ всего сказаннаго видно, что „Розгри" или „Розыгри" имѣютъ сходство съ „русалями", но обычай „гонять шуляка" не напоминаетъ ни розгри, ни русаль, а составляетъ нѣчто самостоятельное, хотя, очевидно, входитъ въ циклъ лѣтнихъ праздниковъ, а потому я его выдѣляю изъ общаго цикла и буду дальше говорить только объ немъ одномъ.

Откуда же пошелъ обычай гонять „шуляка"? М. С., авторъ цитируемой нами выше статьи, собираетъ справки и находитъ, что этотъ обычай существуетъ въ другихъ мѣстахъ русскаго царства, въ мѣстахъ довольно отдаленныхъ отъ Брацлавщины и существовалъ въ давно прошедшее время почти повсемѣстно. Въ „Стоглавѣ" онъ находитъ, что въ первый понедѣльникъ Петрова поста существовало обыкновеніе ходить въ рощи и „бѣсовскія потѣхи дѣяти", каковыя потѣхи въ постановленіяхъ „Стоглава" названы „еллинскимъ бѣснованіемъ и прелестью бѣсовскою". Далѣе онъ приводитъ свидѣтельство св. Тихона Задонскаго о праздникѣ въ Воронежѣ въ 1763 лоду въ честь бога Ярила. Этотъ праздникъ начинался

въ среду или пятницу по сошествіи Св. Духа, а заканчивался величайшимъ разгуломъ и безобразіемъ въ первый понедѣльникъ Петрова поста. Св. Тихонъ такъ описываетъ его: Я увидѣлъ, что множество женъ и мужей старыхъ и молодыхъ дѣтей на то мѣсто собиралось. Между симъ множествомъ норода, я увидѣлъ иныхъ почти безчувственно пьяныхъ, между ними драки; примѣтилъ плясаніе женъ пьяныхъ съ скверными пѣснями". До недавняго времени, продолжаетъ авторъ, въ Костромѣ Всесвятское заговѣніе и гуляніе называлось Яриломъ, причемъ совершали погребеніе Ярила, состоящее въ томъ, что избраннаго старика одѣвали въ рубище и вручали ему небольшой гробъ съ куклой, которая изображала Ярила и нарочно устроялась, какъ символъ бога оплодотворенія, до послѣдняго безстыдства въ неприличномъ видѣ... Съ такимъ безобразіемъ толпа отправлялась за городъ: старикъ несъ гробъ, а вокругъ него шли женщины, причитывали на распѣвъ похоронныя жалобницы и жестами старались выразить скорбь и огорченіе, оплакивая столь важную для нихъ потерю"...

„Въ полѣ вырывали могилу, хоронили въ ней куклу съ плачемъ и воемъ, и тотчасъ же начинались игры и пляски, напоминавшія языческую тризну. Въ Малороссіи безстыдный обрядъ погребенія Ярила совершается съ такими же тривіальными особенностями съ присовокупленіемъ новыхъ сценъ, еще болѣе выдающихся по своему цинизму.—Въ Малороссіи соломенная кукла, которую хоронили въ первый понедѣльникъ Петрова поста, называлась Кострубомъ, и образъ ея погребенія, по словамъ О. Миллера, сопровождался печальною пѣснью женщинъ съ неудобными для печати подробностями". Слѣдовательно, нашъ обычай гонять „Шуляка" не только празднуется въ одно и тоже время съ „еллинскимъ бѣснованіемъ" Стоглава, Ярила и Коструба, но даже имѣетъ нѣкоторыя общія черты съ нимъ. А если у *шуляка* есть общая черта съ еллинскимъ бѣснованіемъ, Яриломъ и Кострубомъ, то попробуемъ рѣшить, не есть ли это одинъ и тотъ же праздникъ, только съ разными названіями? Еллинскія бѣснованія мы пока оставимъ, такъ какъ о нихъ все равно придется говорить. Коструба тоже оставимъ, потому что онъ

хотя и имѣетъ, вѣроятно, связь съ *шулякомъ*, но входитъ въ весенній народный праздникъ, извѣстный подъ именемъ *гаивокъ*, а остановимся лишь на Ярилѣ, который, какъ намъ кажется, играетъ значительную роль въ *шулякѣ*, тѣмъ болѣе, что онъ еще не совсѣмъ забытъ въ Брацлавщинѣ. Ярило—богъ необузданной воспроизводительной силы весенней природы; онъ соотвѣтствовалъ греческому Пріапу. „Корень этого слова, говоритъ Г. Модестовъ (Труды третьяго Археологич. съѣзда 1879 г. т. I стр. 118) *Яр.*, который, заключая въ себѣ идею свѣта, теплоты и соединенной съ ними растительной жизни въ природѣ, пылкой страсти, сильнаго раздраженія и похотливости человѣка, далъ въ славянскихъ языкахъ множество словъ, обнаруживающихъ такое его широкое развитіе, какое не извѣстно другимъ языкамъ индо-европейской семьи“. И дѣйствительно, словъ этого корня у насъ на югѣ не оберешься: ихъ множество; привожу тѣ, которыя мнѣ извѣстны: *ярина* не только въ смыслѣ весеннихъ хлѣбныхъ посѣвовъ, но и огородной зелени; *ярина* (Апок. I. 14)—бѣлая овечья шерсть; *ярка и ярочка*—молодая овца; *ярый* воскъ—самый чистый воскъ; *ярчукъ*—родившійся въ мартѣ, особенно собака, страшенъ для вѣдьмъ; не слѣдуетъ смѣшивать этого слова съ „первакомъ“—первороднымъ, который по отношенію къ вѣдьмамъ имѣетъ такую же силу, какъ и Ярчукъ. *Яръ*—глубокая промоина образовавшаяся отъ разлива весеннихъ водъ, отсюда, вѣроятно, названія нашихъ поселеній Яруги, Яръ Косиковецкій и др. Собственныя имена Ярошъ, Ярышъ, Ярославъ, Яромиръ и отъ нихъ производныя названія поселеній: Ярошенка, Ярошовка, Ярышевъ, Ярославъ, Яромирка и пр. [1]). Къ этому корню я причислилъ бы и имя Юра, если филологи ничего противъ этого не будутъ имѣть. Но къ тому меня приводитъ сравненіе русскаго слова Яръ въ смыслѣ птичья похотливость

[1]) Сюда я не внесъ словъ того же корня *яр*, несвойственныхъ нашему южно-русскому языку съ значеніемъ гнѣва, раздраженія и проч., какъ-то: яръ, ярый—вспыльчивый, гнѣвный, ярость—гнѣвъ, бѣшенство, запальчивость, яровать—чувствовать похоть, яриться—гнѣваться, сердиться, яро—гнѣвно, ярить—гнѣвить, довести до бѣшенства. Яростный—бѣшеный, вспыльчивый;Ярунъ и арунья и пр. Судя по значенію словъ этого корня, можно думать, что и сѣверный Ярило принялъ свойство того же значенія.

(соловьи отъ яру не рѣдко околѣваютъ) съ польскимъ jur—сластолюбецъ, похотливый, — несомнѣнный эпитетъ Ярила или греческаго Пріапа, котораго даже изображали съ пѣтушинымъ гребнемъ, символомъ похотливости. И Новосельскій, по моему мнѣнію, довольно резонно замѣчаетъ: „можно предположить съ большой вѣроятностью, что память Св. Юрія праздновалась въ тотъ же день, въ какой установлено было торжество въ честь какого-нибудь языческаго божества, можетъ быть Яра, Юра (отсюда Ярый въ значеніи сильный похотливый), бога весны, свѣта, силы и жизни“. (Lud. ukr. т. I стр. 126).

Кромѣ того, Юрій несомнѣнно стоитъ въ какихъ-то отношеніяхъ къ ярчукамъ, этимъ исконнымъ врагамъ и противникамъ вѣдьмъ, можетъ быть, какъ вождь къ воинамъ, п. ч. онъ жесточайшимъ образомъ иногда лично преслѣдуетъ вѣдьмъ. Въ Винницѣ и до сихъ поръ показываютъ на берегу р. Буга камень, на которомъ остались слѣды пролитаго молока, отпечатки копытъ коня Св. Юрія, и дыру, сдѣланную копьемъ Святого. Легенда разсказываетъ, что Св. Юрій преслѣдовалъ вѣдьму, несшую въ подойникѣ молоко отъ чужихъ коровъ, и догналъ ее на означенномъ камнѣ. Здѣсь то Святой пронзилъ копьемъ вѣдьму, молоко изъ подойника пролилось и окаменѣло въ видѣ бѣлыхъ потековъ, а конь оставилъ отпечатокъ своихъ копытъ. Вообще съ днемъ св. Юрія связано много вѣрованій и обрядовъ, но такъ какъ они не относятся къ дѣлу и почти всѣ извѣстны, то я опускаю ихъ, замѣчу только, что въ этотъ день крестьяне кладутъ квадратные куски дерну на столбахъ воротъ, но съ какой цѣлью, я не могъ узнать. Къ этому же корню надо причислить одно имя, имя, подъ которымъ, можетъ быть, былъ извѣстенъ въ Брацлавщинѣ Ярило? Я говорю объ имени, которое встрѣчается въ колядкѣ, записанной въ гайсинскомъ уѣздѣ.

Сему Ярелеви вси звеселимся,
Сему Ярелеви рикы розлылыся,
Що въ Рождеству Христову садкы зацвилы
Сему Ярелеви дывуйтесь, диты,
Показалося всякое древо, зелени квиты,
Сему Ярелеви вси звеселимся
А Рождеству Христову вси поклонимся.

М. С. говоритъ, что составлено это имя изъ двухъ словъ: *Яръ*—весна и *селъ, солъ*—посолъ, посланникъ, вѣстникъ, множ. слы. Въ подтвержденіе существованія культа Ярилы или Пріапа привожу еще одинъ фактъ. Всякому проѣзжающему по селамъ Брацлавщины, Подоліи и Бессарабіи, вѣроятно, приходилось видѣть конскіе черепа на кольяхъ плетней или заборовъ вокругъ огородовъ; вѣроятно, всякій видѣвшій это заинтересовался узнать причину этого обычая, но крестьяне по своему обычаю не хотѣли, а, можетъ быть, и не могли отвѣтить, а деревенская интеллигенція, не желающая показать незнаніе народной жизни, даетъ иногда своеобразныя объясненія этому обычаю: мнѣ по крайней мѣрѣ одинъ помѣщикъ далъ такое объясненіе: „Видите-ли, во всякомъ селѣ есть свой конокрадъ, и конская голова на колѣ въ его усадьбѣ служитъ вывѣской его ремесла съ той цѣлью, чтобы его товарищи по ремеслу изъ другихъ селъ, приведя краденныхъ лошадей, легко могли найти усадьбу товарища, гдѣ ихъ ожидаетъ пріютъ и помощь". А между тѣмъ Новосельскій въ своей книгѣ Lud ukr. т. I стр. 55 дѣлаетъ вотъ какое замѣчаніе по поводу этого обычая: „Пріапъ въ образѣ конской головы, охранявшій огородные плоды и овощи у Римлянъ, извѣстенъ до сихъ поръ на Украинѣ, п. ч. на кольяхъ плетней огородныхъ крестьяне втыкаютъ конскіе черепа". Существованіе культа Ярила или Ярела въ Брацлавщинѣ М. С. доказываетъ еще и тѣмъ, что въ предѣлахъ подольской губерніи найдена бронзовая статуя Ярила, хранящаяся доселѣ въ Университетѣ Св. Владиміра. Поэтому если допустить, что славянскій Ярило и греческій Пріапъ, сынъ Вакха, одно и тоже божество, то, намъ кажется, не трудно будетъ отыскать объясненіе шуляковаго ритуала въ „еллинскихъ бѣснованіяхъ". Но такъ-какъ этого объясненія намъ прійдется искать главнымъ образомъ въ миѳѣ о Пріапѣ и праздникѣ въ честь его, то мы прежде всего соберемъ справки о Пріапѣ на столько, на сколько это намъ нужно для объясненія шуляковаго ритуала. О происхожденіи Пріапа такъ разсказываютъ. Когда Венера вышла на встрѣчу Вакху, возвращавшемуся изъ своего знаменитаго индійскаго похода, то Пріапъ былъ плодомъ

этой встрѣчи; но завистливая Юнона (Гера) околдовала плодъ въ утробѣ своей дочери, и на свѣтѣ явился Пріапъ въ образѣ отвратительнаго уродца. Венера, испуганная и раздосадованная уродствомъ сына, немедленно отослала его на воспитаніе въ Лампсакъ надъ Геллеспонтомъ, откуда онъ получилъ названіе у поэтовъ Геллеспонтскаго и Лампсакскаго. Здѣсь Пріапъ наводилъ ужасъ своимъ уродствомъ на мужчинъ, которые въ отместку за этотъ страхъ выражали при всякомъ удобномъ случаѣ непочтеніе къ сыну Венеры, за что были наказаны повальной болѣзнью. Образумившись послѣ наказанія, стали почитать молодого бога и почитаніе это распространили во всей странѣ. Пріапъ былъ, главнымъ образомъ, богомъ огородовъ (отсюда ярына), произведенія которыхъ онъ охранялъ; Виргилій поэтому называетъ его custos avium atque terrarum. По той-же причинѣ Римляне ставили въ огородахъ его статую (это напоминаетъ наши пугала на огородахъ), при которой были, какъ символическіе знаки божества, земледѣльческія орудія, корзины для плодовъ и палка для отгонянія воровъ, или розга на страхъ птицамъ. Часто приходится встрѣчать въ памятникахъ Пріапова миѳа ослиную голову (у насъ конскую), потому что Пріапу приносили осла въ жертву. Изображался онъ съ мѣшкомъ въ правой рукѣ и колокольчикомъ въ лѣвой, съ гребнемъ пѣтуха на головѣ и подбородкомъ въ знакъ его похотливости. Часто приписывали ему свойство Пана, и въ такомъ случаѣ изображали его съ козьими рожками и ушками въ вѣнкѣ изъ винограда или лавровыхъ листьевъ, и, какъ таковой, онъ почитался покровителемъ козьихъ и овечьихъ стадъ (отсюда Ярка, Ярочка и Ярина) и пасѣки (отсюда также ярый воскъ, ярыя пчелы). Въ честь этого бога установлены празднества, извѣстныя подъ именемъ Пріапій. Между памятниками, которые приказалъ вырѣзать Боассартъ (Boissart), находится барельефъ, изображающій самое большое празднество въ честь этого божества. Исключительно только женщины совершаютъ это торжество, изъ которыхъ одна, должно быть жрица, кропитъ водой статую Пріапа, а другія приносятъ ему въ жертву, какъ богу огородовъ и полей, корзины съ плодами и сосуды съ виномъ. Третья груп-

на женщинъ имѣетъ видъ и позу танцовщицъ; двѣ изъ нихъ играютъ на флейтахъ, а третья держитъ въ рукахъ музыкальный инструментъ—sistrum, что указываетъ на происхожденіе праздника изъ Египта; а еще далѣе, за третьей группой, стоитъ женщина въ одеждѣ Вакханки съ ребенкомъ на рукахъ. Затѣмъ отдѣльно четыре женщины заняты принесеніемъ въ жертву осла; передъ ними стоитъ оселъ, опоясанный широкой лентой, ему уже нанесенъ смертный ударъ, и изъ раны течетъ кровь въ подставленный сосудъ. Подлѣ жрицы, совершающей жертвоприношеніе, стоитъ сундукъ съ ножами (Słownik mithologiczny Osinskiego 1812 г. см. букву P.). Вотъ и всѣ нужныя намъ свѣдѣнія о Пріапѣ. Если мы сравнимъ все, сейчасъ только сказанное о Пріапѣ, съ шуляковымъ ритуаломъ, записаннымъ въ Бохоникахъ, то насъ поразитъ удивительное сходство обоихъ обрядовъ; въ первомъ покинутый маленькій Пріапъ своей матерью, богиней Венерой, въ видѣ ребенка на рукахъ вакханки, воспитывается Лампсакскими женщинами, въ другомъ то-же продѣлываютъ бабы съ маленькимъ шулякомъ, то есть питаютъ его собственной грудью, убаюкиваютъ колыбельными пѣснями и простираютъ надъ нимъ свою заботливость до того, что даже поднимаютъ ссору, если которая-нибудь изъ нихъ разбудитъ питомца. Далѣе, въ празднествѣ Пріаповомъ группа женщинъ танцуетъ, и на шуляковомъ торжествѣ бабы танцуютъ два раза метелицы.

Правда, въ день шуляка бабы не приносятъ жертвъ, состоящихъ изъ плодовъ и овощей огородныхъ, въ честь Пріапа, потому что ихъ замѣнила теперь пѣсня: „Танцювала рыба зъ ракомъ", которая все таки указываетъ на празднество въ честь бога огородовъ.

Если мы продолжимъ дальше сравненіе, то увидимъ, что и первый актъ шулякового праздника найдетъ объясненіе тоже въ миѳѣ о Пріапѣ. Раскладываніе бабами на платкѣ кучекъ зерна, луку, сыра и мяса не больше, какъ жертвоприношеніе прибывшему изъ далекихъ странъ богу Вакху, который здѣсь представляется въ образѣ шуляка. Вакху, изобрѣвшему плугъ и научившему людей употреблять воловъ для земледѣлія, слѣдо-

вательно покровителю хлѣбопашества, приносили въ жертву всѣ плоды земные, но очевидно въ очень отдаленное время ему приносились и кровавыя человѣческія жертвы, которыя впослѣдствіи были замѣнены сырымъ мясомъ, отчего Вакхъ получилъ названіе Оместа (Omeste), т. е. пожирателя сырого мяса, вотъ почему бабы угощаютъ своего шуляка поочередно зернами, лукомъ, сыромъ, а въ концѣ предлагаютъ мяса и оставляютъ передъ нимъ до конца обряда, уговаривая его не ѣсть ихъ цыплятъ, а пожирать „падло"; въ Немировщинѣ-же такъ даже прямо просятъ возвратить члена семьи, и въ замѣнъ ея предлагаютъ *невильницю*.

Виддай Домку робитныцю,
Возьмы Гапку невильныцю

За жертвоприношеніемъ въ честь Вакха слѣдуетъ встрѣча Вакха съ Венерой, но народъ не признаетъ и не любитъ незаконныхъ связей, и потому женитъ боговъ, чтобы узаконить происхожденіе Пріапа, не смотря на то, что у Венеры есть мужъ Вулканъ. Женихъ и невѣста ужъ очень смѣшными кажутся по своимъ нравственнымъ качествамъ; куда тамъ имъ уже обзаводиться семьей! онъ „пройды-свитъ", „заволока" и пьяница, она не лучше его: совсѣмъ легкомысленная баба; всѣ боги были свидѣтелями скандала въ то время, когда ихъ привелъ Вулканъ посмотрѣть, какъ въ свѣтлицѣ его жены бьется, словно дикій вепрь, ея любовникъ Марсъ, запутавшись въ желѣзныхъ тенетахъ, сдѣланныхъ искусной рукой ревнивца-мужа; очень легкомысленны и беззаботны оба: только птичій яръ, молъ, у нихъ въ головѣ, и потому народъ трактуетъ ихъ, какъ птицъ, „перелицевавъ" въ духѣ Котляревскаго классическій миѳъ въ юмористическую пѣсню, въ которой изображается женитьба стараго шуляка; въ ней даже, кажется, не забытъ Марсъ: несомнѣнно, это онъ образѣ пѣтуха, котораго такъ испугался женихъ. Дальше, право, я боюсь пускаться въ сравненія, чтобы не поставили мнѣ въ упрекъ стереотипную фразу: comparaison n'est pas raison, но я скажу въ свое оправданіе, что не ученый трактатъ, а этнографическій этюдъ я пишу и потому, испросивъ напередъ извиненія у читателя за нерезонныя, быть можетъ,

въ самомъ дѣлѣ сравненія, которыя онъ встрѣтитъ дальше, продолжаю.

Я вижу въ шуляковомъ ритуалѣ цѣлую поэму, потому что и въ послѣдующихъ пѣсняхъ чувствуется тонкій юморъ по адресу жениха и невѣсты. Въ метелицѣ обрисовывается полная непригодность шуляка къ семейной жизни.

Треба ложкы, треба мыскы,
Треба няньки до колыскы.

А гдѣ онъ это возьметъ, когда онъ шатунъ и пропойца?

Въ хвастливой пѣснѣ Венеры „пишовъ мій милый на ярмарокъ" охарактеризована вся пустота и легкомысліе богини: ей, кромѣ нарядовъ, ни до чего дѣла нѣтъ. Но въ серединѣ ритуала ситуаціи героевъ становятся драматическими; шулякъ, очевидно, охладѣлъ къ своей красивой молодой женѣ, и это охлажденіе вызываетъ въ оскорбленной женщинѣ цѣлый каскадъ упрековъ:

Чого сыдышъ, чомъ не орешъ,
Чомъ до мене не говорышъ?
А я седю, тай думаю, що погану жинку маю
Якій тоби дидько вынесъ, що ты гарный чорнобрывый,
А я руда родылася, чорнявому судылася и пр.

Очевидно, Вакхъ успѣлъ уже плѣниться красотой Аріадны, тоскующей по миломъ, но неблагодарномъ Тезеѣ, который бросилъ ее на островѣ Наксосѣ одинокую и беззащитную, узнавъ во снѣ, что она предназначена въ жены Вакху. За этой сценой слѣдуетъ новая: бѣдный Семенъ—несомнѣнно Вулканъ—приходитъ домой и узнаетъ отъ дѣтей, что

Нема мамы дома,
Пишла по калыну,
Ой казала, говорыла,
Що я васъ покину.
Подывывся Семенъ,
Нема грошей и намыста,
А не господыни.
Ой вдарывся Семенъ
А въ полы рукамы:
Диты жъ мои дрибненькія,
Пропавъ же я зъ вамы!

Вы помните, конечно, читатель, что въ концѣ концовъ бабы растерзали шуляка въ клочья: это было справедливое возмездіе за его безстыдное донъ-жуанство. Олимпійскіе хроникеры перечисляютъ цѣлый рядъ его жертвъ: Эригона, Афродита, Никса, Авра и много другихъ безсмертныхъ, смертнымъ же никто и счета не велъ, одна Аріадна удостоилась чести быть его женою. Въ шуляковомъ ритуалѣ именно такъ и объясняется его смерть, причемъ разсказывается, что видъ покойника вызываетъ у дѣвицъ разнообразныя чувства: одна выйшла тай заголосыла, другая поцилувала,

Выйшла третяя
Тай зъ новои хаты:
Було тоби, вражій сыну,
Насъ трехъ не кохаты.

Въ послѣднемъ актѣ является Вакхъ, воскресшій, бодрый, радостный, онъ пришелъ научить бабъ сѣять ленъ и обрабатывать его,—это нашъ „ритуальный мужчина"; въ немъ, очевидно, живетъ надежда раздѣлаться съ постылой женой; можетъ быть, онъ вошелъ уже въ соглашеніе съ Вулканомъ и даже получилъ „отступного" въ видѣ художественной работы вѣнца, который впослѣдствіи подарилъ свое невѣстѣ Аріаднѣ, потому что безстыдно хвалится:

А всимъ хлопцямъ по дивчыни,
Мени дидько бабу впхавъ,
Я на баби ниць не втрачу;
Продамъ бабу, куплю клячу,
Кляча здохне, шкуру злуплю,
Таки соби дивку куплю

Растерзаніе шуляка бабами производится неспроста; оно, по моему мнѣнію, имѣетъ объясненіе также въ греческой миѳологіи. Осталось преданіе, разсказываютъ миѳологи, что во время десятилѣтней войны боговъ съ титанами послѣдніе растерзали тѣло Вакха въ мелкіе куски, потому что онъ принималъ участіе въ этой войнѣ; но Аѳина Паллада взяла голову его, еще живую, и поднесла Зевесу. Громовержецъ собралъ остальные члены его тѣла и вновь возвратилъ имъ жизнь послѣ того уже, какъ Вакхъ проспалъ три ночи съ Прозерпиной. По раз-

сказамъ другимъ, смерть Вакха произошла нѣсколько иначе: послѣ трагической смерти своей матери Семелы, Вакхъ (Діонисъ) остался сиротой, и потому его отдали на воспитаніе нимфамъ. Когда онъ выросъ, то проявилъ могучую свою силу въ произрастаніи растительной жизни и сталъ творцемъ весны, даровавъ плодородіе землѣ; но знойные лучи солнца губительно дѣйствовали на растительность; эта сила приписывалась миѳическому существу, Ликургу. Разсказываютъ, что этотъ то Ликургъ поражалъ бичемъ (лучемъ солнца) рѣзвящихся нимфъ, которыя воспитали Вакха. Испуганныя нимфы бросали свои цвѣтущіе посохи на землю, а Вакхъ со страху кидался въ море, гдѣ давала пріютъ ему богиня Ѳетида; она съ любовію ухаживаетъ за нимъ и оберегаетъ его на днѣ морскомъ до тѣхъ поръ, пока не пройдетъ опасность и ему не представится возможность вернуться на сушу. Въ зимнее солнцестояніе поклонники Вакха праздновали его воскресенье, а на зиму онъ умиралъ (въ лѣтнее солнцестояніе), поэтому считали его то богомъ Олимпа, то богомъ Ада, смотря по времени года. Слѣдовательно, сказаніе о смерти и воскресеніи Вакха связано непосредственно съ расцвѣтомъ и увяданіемъ природы во время годичнаго теченія времени. Отсюда полагають, что Вакхъ олицетворялъ солнце и видимое теченіе по знакамъ зодіака. Отсюда же, вѣроятно, названъ онъ въ орфеевыхъ мистеріяхъ, Фанисъ (свѣтлый) Мы привели эти сказанія о смерти Вакха въ двухъ варіантахъ съ тѣмъ, чтобы припомнить читателю намеки на нихъ въ обрядѣ „шулячка“. Первый напоминаетъ разрываніе шуляка бабами и отдачу головы его начальницѣ праздника, другой намекаетъ на обычай бабъ толкать другъ дружку въ лужу, которая, должно быть, изображаетъ море, куда бросился Вакхъ, испуганный Ликургомъ.

Насъ занимаетъ только еще одинъ вопросъ: почему этотъ обрядъ носитъ названіе „Шулякъ?“ Шулякомъ у насъ называется хищная птица, извѣстная еще подъ названіемъ Кани, по русски шулятникъ, коршунъ (Falco milvus), слѣдовательно, близкій родичъ Ястреба (Falco polumbarius) и сокола (Falco gentelis); но отъ древнихъ грековъ мы знаемъ, что египетскаго бога Озе-

риса представляли съ головой ястреба или сокола, культъ же Озериса былъ перенесенъ Өракійцемъ Орфеемъ въ Грецію подъ именемъ культа Вакха; вѣроятно, первоначально Вакхъ заимствовалъ у Озериса эту форму въ видѣ ястребиной или соколиной головы, но впослѣдствіи она забыта. И это намъ кажется очень вѣроятнымъ, потому что тому же Озерису давали еще видъ вола, но греческому Вакху отъ этого вида остались только едва роги, отчего онъ получилъ эпитетъ Bicornis. Очевидно, онъ постепенно терялъ видъ египетскаго Озериса быка, принимая все больше и больше видъ человѣка, оставшись только съ бычачьими рогами. Это наше предположеніе доказывается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что мы знаемъ связующее звено этихъ двухъ концевъ метаморфозы: въ Элидѣ въ честь Вакха распѣвался древній гимнъ, который приписывалъ ему бычачьи ноги. Поэтому, если одно изображеніе сохранило слѣдъ, то другое легко могло совсѣмъ затеряться. Культурные памятники древности могли и не сохранить намъ изображенія Вакха съ ястребиной головой, но народная традиція въ какихъ нибудь глухихъ углахъ Өракіи, въ первоначальномъ мѣстѣ распространенія культа, сохранила символически представленіе въ видѣ хищника, особенно опаснаго для домашней птицы, о богѣ, какъ о великомъ охотникѣ или Загреѣ (Zagreus), подъ какимъ именемъ извѣстенъ былъ Вакхъ у Орфейцевъ. Посему славяне, часто сосѣдившіе и приходившіе въ соприкосновеніе съ Өракійцами, могли отъ послѣднихъ заимствовать и самый обрядъ, и символическое представленіе о Вакхѣ въ видѣ хищной птицы. Но почему славяне замѣнили ястреба и сокола шулякомъ, хотя и родственной птицей, я не знаю, но усматриваю нѣкоторую связь между Вакхомъ и шулякомъ въ свойствѣ, которое послѣднему приписываетъ народъ. У насъ почему-то думаютъ, что шулякъ всегда ждетъ влаги, и потому говорятъ о человѣкѣ, ожидающемъ чего нибудь съ нетерпѣніемъ: „Чыкавъ, якъ каня дощу“. У поляковъ тоже самое „pragnie, jak kania deszczu“. А Вакхъ, какъ извѣстно, почитался богомъ небесной и земной влаги и обусловливаемой ею и солнечнымъ тепломъ живой силы природы.

Еще маленькое соображеніе. Новосельскій, перечисляя слова производныя отъ *cor* (солнце) включаетъ въ это число и наши *коршунъ, коржъ* (Lud ukr. стр. 50 и 53), но *коршунъ* тоже значитъ, что и шулякъ, *коржи* иногда употребляются также съ названіемъ „шуляки". На Макковея (перваго августа) у насъ, по деревнямъ, считается обязательнымъ къ обѣду въ тотъ день приготовить коржи съ медомъ и макомъ, и это блюдо называется „шуляками". У классическихъ народовъ былъ тоже обычай приготовлять опрѣсноки (коржи, пляцки) съ медомъ, молокомъ, чечевицей, которые главнымъ образомъ употреблялись при жертвоприношеніяхъ въ честь Вакха и назывались libum. Здѣсь опять я нахожу какую то таинственную связь между шулякомъ и Вакхомъ. Изъ всего этого я вывожу заключеніе, что обычай „гоныты шуляка" имѣетъ несомнѣнное сходство съ Пріапеями древнихъ грековъ, хотя съ большой примѣсью Вакхова культа и съ сильной окраской, которую онъ получилъ отъ индивидуальныхъ особенностей нашего національнаго характера.

Здѣсь невольно бросается въ глаза аналогія какъ главныхъ чертъ обоихъ обрядовъ (хотя бы, напримѣръ, руководящая роль женщинъ въ празднествѣ, цинизмъ, требуемый самой идеей праздника, присущаго Вакханаліямъ, и прочія ритуальныя подробности), такъ равно и мелкія черты (бѣлые платки въ этотъ день на головахъ бабъ, которыя вѣроятно заимствовали бѣлый цвѣтъ своихъ платковъ отъ жрицъ въ бѣлыхъ одеждахъ во время Вакховыхъ празднествъ). Несомнѣнно, въ обычаяхъ нашего народа сохранилось много такихъ обломковъ языческихъ обрядовъ, которые имѣютъ разительное сходство съ языческими культами древняго міра, на что указали уже г.г. Веселовскій въ колядкахъ и Сумцовъ въ свадьбѣ, но еще много осталось обычаевъ и народныхъ праздниковъ, которымъ пока не найдено объясненія. И эти пока необъясненные обряды, я думаю, объяснились бы, если бы тщательно сравнили ихъ съ аналогическими праздниками языческихъ культовъ древнихъ классическихъ народовъ и отчасти Скандинавскихъ. По моему мнѣнію, больше всего отразился въ нашихъ обычаяхъ культъ Вакха, сильно переплетясь съ культомъ Аполлона; оно и понятно, но

тому что эти культы у самихъ грековъ и римлянъ очень сблизились: гдѣ начинался культъ Вакха и гдѣ оканчивался культъ Аполлона—очень трудно было рѣшить: Вакхъ—братъ и другъ бога Аполлона; послѣдній подѣлился даже съ братомъ своимъ главнымъ святилищемъ въ Дельфахъ. Когда Аполлонъ удалился изъ Дельфійскаго храма, Вакхъ занималъ его мѣсто. Въ Дельфійскомъ храмѣ Аполлона показывали даже могилу Вакха, который умиралъ на зиму, но при наступленіи зимняго солнцестоянія онъ снова возвращался къ жизни, и серца людей наполнялись радостью и надеждой на урожай. Въ скандинавской миѳологіи есть также богъ, напоминающій собою въ общихъ чертахъ культъ Вакха съ примѣсью культа Аполлона. Я говорю о Фреѣ, богѣ плодородія, во власти котораго были погода и солнечное сіяніе; ему посвящали праздникъ *голь*, который совпадалъ со временемъ зимняго солнцестоянія. Впослѣдствіи этотъ праздникъ перенесенъ на Рождество Христово, которому и теперь еще народъ даетъ названіе *голя*. Культы этихъ двухъ боговъ больше всего отразились въ обломкахъ языческихъ обрядовъ нашего народа. Въ Рождественскихъ святкахъ обнаруживается, главнымъ образомъ, почитаніе Вакху и Фрею. Г. Веселовскій высказываетъ мнѣніе, что на Рождественскихъ святкахъ отразилось вліяніе праздниковъ Брумалій или Гіемалій, установленныхъ въ честь Ѳракійскаго Вакха, Сатурналій въ честь Сатурна, римскаго бога земледѣлія, и Оналій въ честь супруги послѣдняго; оспаривать этого мнѣнія я не намѣренъ и допускаю даже, что славяне могли заимствовать нѣкоторыя черты изъ указанныхъ трехъ римскихъ праздниковъ черезъ румынъ, заимствовавшихъ ихъ въ свою очередь непосредственно отъ Римлянъ. Но допустивъ это, я полагаю, что заимствованіе это совершилось очень легко, потому что встрѣтило нѣчто сродное этимъ праздникамъ въ вѣрованіяхъ славянъ. Славяне несомнѣнно заимствовали, какъ я сказалъ выше, культы Вакха, вѣроятно раньше вліянія римскаго отъ Ѳракійцевъ, а въ этомъ культѣ былъ праздникъ Антестерій въ честь Вакха. Антестеріи же не только имѣли сходныя черты съ Сатурналіями, но даже праздновались въ одно съ ними время и дали свое имя гре-

ческому мѣсяцу, который назывался антестеріемъ и соотвѣтствовалъ нашему декабрю. И мнѣ кажется, что третій день этого праздника, хутросъ, т. е. день горшковъ, потому что въ этотъ день приносили полные горшки различныхъ хлѣбныхъ зеренъ въ жертву Меркурію, особенно отразился на нашемъ праздникѣ Маланкѣ, такъ какъ въ этотъ день играли комедіи, а извѣстно, что наша деревенская молодежь въ день Маланки тоже играетъ комедіи, въ которыхъ главная роль принадлежитъ козѣ (коза была посвящена Вакху); можетъ быть, здѣсь же надо искать начала нашего вертепа.

Но что особенно достойно замѣчанія, такъ это то, что щедривки, извѣстныя подъ именемъ „Маланки", совсѣмъ схожи съ шуляковой пѣсней, которую я привелъ въ описаніи празднованія шуляка въ окрестностяхъ Немирова, что указываетъ на какую то таинственную связь праздника шуляка съ Маланкой, а чтобъ читатель могъ судить о сходствѣ этихъ пѣсенъ, привожу самую щедривку, гдѣ имя Маланки—щедривки нужно замѣнить словомъ „жинка" шуляковой пѣсни:

Ой вчера изъ вечера
Пасла Маланка два качура (2)
Ой пасла, пасла, загубыла.
Пишла шукаты заблудыла (2)
Заблудыла въ чыстимъ поли,
Тамъ Васыленько плужкомъ оре (2)
Ой Васылю, Васылечку!
Выведы мене на дорожечку (2)
Буду тебе шануваты,
Тры разы на день пидлываты, (2)
Що субботы прорываты,
За русы косы закладаты (2)
Тай до церквоньки прыхожаты. (2)
На вулыци дудка свыще:
Выйды, Маланько, Васыль клыче! (2)
Наша Маланка господывя
И помыла, и помастыла,
На каминьчыку нижки мыла, (2)
На каминьчыку нижки мыла,
Тонкій фартухъ замочыла (2)
Стала Маланка, подывылась
Горко, тяжко засмутылась (2)

Повій витре буйнесенькій,
Высушы фартухъ тонесенькій (2)
Повій, витре, черезъ ворота,
Высушы фартухъ, краще злота (2)
Повій, витре сюда-туда,
Высушы фартухъ межи люде,
Повій, витре, самымъ краемъ,
Высушы фартухъ тонкимъ краемъ,
Що бы ненька не пизнала,
Що бы мене не ругала (2) [1]).

Но кромѣ всего того, въ Рождественскихъ святкахъ, даже въ мелкихъ ритуальныхъ подробностяхъ и вѣрованіяхъ, видѣнъ Вакховъ культъ: я, по крайней мѣрѣ, вижу его въ „кути" святаго вечера, которая по составу, хотя не по формѣ, тотъ же libum древнихъ или наши маккавейскіе „шуляки"; я вижу его въ обрядовомъ „струцлѣ", т. е. длинномъ хлѣбѣ съ концами, раздвоенными въ видѣ двухъ роговъ; хлѣбъ этотъ въ теченіе всѣхъ святокъ, обыкновенно ставится на почетное мѣсто и несомнѣнно служитъ символомъ Вакха, который носилъ названіе Bicornis и Corniger; я, наконецъ, слышу объ этомъ рогатомъ богѣ въ колядкѣ:

А въ поли, поли
Плужокъ ходыть;
А за тимъ плужкомъ
Самъ Богъ изъ рижкомъ.

(Чубин. т. III стр. 428. № 162).

А въ послѣдующей колядкѣ Вакха прославляютъ совмѣстно съ Аполлономъ, богомъ солнца, подъ именемъ бога влаги; греки называли его Гіесъ и установили даже праздникъ въ честь его въ дождливое время года.

Славенъ, славенъ нашъ господарь!
Славенъ есы, славенъ нашъ Господь Богъ на небесы.
Чымъ же воны прославылыся?
Славенъ и пр.
Золотымы теремамы обгородылыся.
Славенъ и пр.
Золоти тыны попидпырани.
Славенъ и пр.

---

[1]) Записано отъ Ивана Ворожка въ Тростянцѣ.

Срибни брамы позачыняни.
Славенъ и пр.
Пане господару, ставайте, не спить.
Славенъ и пр.
Видмыкайте замкы.
Славенъ и пр.
Застылайте столы.
Славенъ и пр.
Кладить калачи изъ ярои пшеныци.
Славенъ и пр.
Бо идутъ до васъ рокови гости.
Славенъ и пр.
Рокови гости, тры товарыщи.
Славенъ и пр.
Первый товарыщъ чымъ ся прославывъ?
Славенъ и пр.
Ясне солнце каже: нема по надъ мене.
Славенъ и пр.
Якъ я зійду въ недилю раво,
Славенъ и пр.
То засіяютъ горы и долыны,
Славенъ и пр.
И церквы и костелы,
Славенъ и пр.
И въ церквахъ престолы,
Славенъ и пр.
Весь мыръ хрыстовый.
Славенъ и пр.
Другый товарыщъ чымъ ся прославывъ?
Славенъ и пр.
Ясный мисяцъ каже: нема по-надъ мене.
Славенъ и пр.
Якъ я зійду темнои ночи,
Славенъ и пр.
То зрадуется весь мыръ въ поли,
Славенъ и пр.
Весь звиръ въ поли, щука рыба въ мори,
Славенъ и пр.
Щука рыба въ мори, чумакъ у дорози,
Славенъ и пр.
Чумакъ у дорози, худоба у вози.
Славенъ и пр.
Третій товарыщъ чымъ ся прославывъ?
Славенъ и пр.
Дрибный дощык.. каже: нема по надъ мене
Славенъ и пр.

Якъ я спаду тры разы въ маю,
Славенъ и пр.
То зрадуются жыто, пшеныця,
Славенъ и пр.
Жыто пшеныця и всяка пашныця.
Славенъ и пр.
Видъ цего слова бувай же здоровъ!
Славенъ и пр.
Бувайте здоровы, пане господарю.
Славенъ и пр.
Дождалысь свята, святкуйте здорови,
Славенъ и пр.
Не самъ съ собою: съ дитьмы, съ жинкою
Славенъ и пр.
Другихъ проситъ у Бога здоровья
Славенъ и пр.

(Записано отъ Петра Сандуляка въ Тростянцѣ).

Остается сказать нѣсколько словъ о сходствѣ нѣкоторыхъ нашихъ обычаевъ во время Рождественскихъ святокъ съ норманскимъ *гольскимъ* праздникомъ. Шайноха въ своей интересной книгѣ „Lechicki początek polski" находитъ очень много сродныхъ чертъ въ обычаяхъ нормановъ съ нашими южно-русскими и польскими, и между прочимъ говоритъ объ гольскомъ норманскомъ обычаѣ. „Въ пору нашихъ Рождественскихъ святокъ Норманы совершали празднество въ честь своего бога Тора (по моему Фрея), самый большой языческій праздникъ, такъ называемое *гольское* торжество Турицы (turrуce). Приносили они тогда въ честь Тора, или солнцу, большія жертвы изъ хлѣбныхъ зеренъ и разнообразныхъ блюдъ, застилали соломой весь полъ въ комнатѣ, ставили снопы хлѣба въ углахъ, ѣли въ честь бога разныя кушанья, гадали на счетъ будущаго урожая и проч. Остались въ Швеціи понынѣ остатки этого обычая и приноровлены впослѣдствіи къ христіянскому празднику, составляя тамъ часть кануна Рождества Христова (святаго вечера), празднуемаго въ такое-же время и у насъ".

Къ обычаямъ того-же гольскаго праздника относились нѣкоторые обряды надъ домашними животными. Въ эти дни выбирали самаго дороднаго кабана и, предназначивши его въ жертву въ будущемъ времени, откармливали; затѣмъ, когда кабанъ въ

достаточной мѣрѣ откармливался, его торжественно закалывали во время весенняго праздника. Напоминаетъ это намъ нашихъ пасхальныхъ поросятъ, наши окорока (Lechicki początek polski стр. 220—221). Я не думаю приводить здѣсь аналогичныхъ обычаевъ нашихъ святокъ, потому что приведенная цитата вызоветъ у всякаго читателя, родившагося на югѣ, воспоминанія дѣтства и воскреситъ въ его памяти обычай и дорогія и милыя впечатлѣнія, навѣянныя на него торжественной обстановкой святаго вечера. Не пропущу только безъ замѣчанія мнѣніе г. Веселовскаго объ обрядномъ употребленіи свиного мяса на Рождественскихъ святкахъ въ связи съ жертвоприношеніемъ свиньи въ римскомъ обиходѣ Сатурналій. По моему мнѣнію не проще ли и не легче ли было бы найти эту связь обрядоваго употребленія свинины въ гольскомъ праздникѣ, гдѣ на ряду съ обрядомъ надъ кабаномъ мы находимъ пока много другихъ обычаевъ сродныхъ нашимъ, соблюдаемымъ въ дни рождественскихъ святокъ? Еслибы поискать слѣдовъ Вакхова культа и въ другихъ нашихъ народныхъ праздникахъ, то вѣроятно ихъ можно бы было легко найти; я по крайней мѣрѣ думаю, что эти слѣды есть въ „Колодіѣ", п. ч. уже слово *колодій* наводитъ на мысль о богѣ-дѣлателѣ весны. Колодіемъ у насъ обыкновенно называется колесникъ, т. е. мастеръ, дѣлающій колеса, въ метафорическомъ же смыслѣ, быть можетъ, названъ былъ этимъ именемъ богъ, дѣлающій колесную дорогу вмѣсто санной, говоря другимъ словомъ, превращающій зиму въ весну. Но кромѣ этого (названіе бога, напоминающаго Вакха), праздникъ *колодія* имѣетъ большое сходство съ вакханаліями; въ теченіе цѣлой недѣли у бабъ идутъ безконечныя оргіи съ безстыжими пѣснями; каждый день недѣли имѣетъ у нихъ значеніе: въ понедѣльникъ празднуютъ родины бога, во вторникъ *молытвыны*, въ среду крещеніе и пр.—и много другихъ обычаевъ. У поляковъ послѣдній день масляной (колодія) называется „бахусомъ", т. е. Вакхомъ.

Въ нашихъ пасхальныхъ „гаивкахъ" тоже есть несомнѣнные слѣды Вакхова культа. Къ такимъ гаивкамъ я причисляю „козло", „кострубоньки" и „крывой танецъ". Въ гаивкѣ „козло" слышится какое-то темное молитвенное обращеніе.

Зійды, зійды, козлы
Зійды рано,
Повидай, небоже,
Пускай рано
Якъ дивкы скачуть?
Отъ такъ! отъ такъ!
Зійды, зійды и пр.
Якъ дивкы плещуть?
Отъ такъ! отъ такъ! и пр...

Здѣсь все, кромѣ слова обращенія „Козлы", не ясно; не обломки ли это трагедіи изъ Вакханаліи? Въ гаивкѣ „Кострубонько" слышится какъ будто драматическая коллизія, которая должна была произойти въ жизни Аріадны, когда она стала женой Вакха. Она еще не забыла Тезея, она еще любитъ его, но судьба связала ее, правда, съ богомъ, но не съ любымъ и съ такими нравственными качествами, которыя не могли сдѣлать женщину счастливой. Отсюда происходитъ какая-то борьба чувствъ въ душѣ женщины: вы здѣсь слышите и раскаяніе, и нерѣшительность, и повиновеніе долгу, и, наконецъ, радость при извѣстія о смерти Кострубоньки.

Ой щожъ що я наробыла?
Кострубонька розгнивыла,
Прыйды, прыйды, кострубоньку!
Стану съ тобой до шлюбоньку!
Не прыйду, моя мыла!
На що мене розгнивыла?
Помагай богъ вамъ кумо!
Вы не бачылы мого Кострубонька?
До лиса поихавъ.
Ой щожъ я варобыла и пр. до помагай бигъ, кумо!
Зъ лиса иде.
Ой щожъ я наробыла и пр.
Дрова скидае.
Ой щожъ я наробыла и пр.
Слабый лежыть.
Ой щожъ я наробыла и пр.
Вмеръ.
Ой щожъ я наробыла и пр.
Обмываютъ.
Ой щожъ я наробыла и пр.
Въ шматя вбыраютъ.
Ой щожъ я наробыла и пр.

На лавци лежытъ
　　Ой щожъ я наробыла и пр.
Въ домовыну кладуть.
　　Ой щожъ я наробыла и пр.
До гробу повезлы
　　Ой щожъ я наробыла и пр.
Въ яму спускають.
　　Ой щожъ я наробыла и пр.
Я рученькамы прыгарбала.
　　Ой щожъ я наробыла и пр.
Нижкамы прытоптала
　　Ой щожъ я наробыла и пр.
Морквою помынала.
　　Ой щожъ я наробыла и пр.
Гирке зъ нымъ жытя мала.

Начало этой драмы мы находимъ въ гаивкѣ „крывой танецъ“; въ ней даже есть жалоба на то, что отдали за „нелюба“.

Крывого танця
Та не выведу кинця;
Треба его выводыты,
Кинець ему находыты...
А я его звела
Вчера изъ вечера,
Повишала его на дерево,
Въ терно на дерево;
На терновомъ килочку,
На шовковомъ шнурочку.
Моя ненька взяла
Та нелюбови дала;
Якъ бы я була знала,
Съ кропывою бы перемишала.

Меня могутъ спросить: на какомъ основаніи я сближаю эти двѣ гаивки и вижу въ одной продолженіе другой? Но читатели, вѣроятно, помнятъ, что шулякъ и кострубонька одно и тоже лице, т. е. Вакхъ, мужъ Аріадны. М. С. даже думаетъ что „Кострубъ“ есть только значительное измѣненіе названія „Ястреба“, который извѣстенъ у насъ подъ именемъ „шулякъ“ и которому усвояютъ эпитетъ кострубатаго. Онъ это измѣненіе объясняетъ такимъ образомъ: „Названіе ястребъ“, малорус. „яструбъ“, перешло въ богемск. и словац. въ „gastrab“. Черезъ перемѣну начальной согласной *г* на *к* и гласной *а* на *о* (что

очень обыкновенно въ славянскихъ нарѣчіяхъ), появилось название „Кострубъ".

У римлянъ до поздняго времени сохранился праздникъ, установленный въ память женитьбы Вакха на Аріаднѣ, потому что уже Антоній съ Клеопатрой во время этого праздника, разъѣзжая въ колесницѣ съ тиреями въ рукахъ, изображали: онъ—Вакха, она—Аріадну.

Что касается гаивки „Крывой танецъ", то она несомнѣнно имѣетъ связь съ сагой о побѣдѣ, одержанной Тезеемъ надъ Минотавромъ. Извѣстно, какую огромную помощь оказала Аріадна Тезею въ этой побѣдѣ. И благодарные юноши и дѣвы, освобожденные при помощи клубка Аріадны изъ Лабиринта, установили въ память этого событія праздникъ.

Они во время этого торжества, увѣнчавъ кудри миртомъ и розами, при радостныхъ кликахъ и пѣніи, плясали веселую пляску, ряды ихъ во время этого танца то мѣшаются, то путаются, выдѣлывая фигуры, похожія на запутанныя извилины Лабиринта. Представляю рѣшить читателю, не имѣетъ ли это сходство съ нашимъ „крывымъ танцемъ?"

Наконецъ, нѣсколько словъ о писанкахъ, такъ какъ на нихъ я замѣчаю тоже отраженія культа Вакха. Въ этомъ культѣ яйцо играло огромную роль: у Римлянъ оно, окрашенное, употреблялось при разныхъ играхъ, религіозныхъ обрядахъ и при очищеніи отъ грѣховъ; оно такъ-же, какъ солнце, все оживляющее и рождающее, приносилось въ жертву Вакху и освящалось въ дни праздниковъ, посвященныхъ этому богу. Въ орфическихъ таинствахъ, говоритъ Новосельскій (Lud ukr. т. 1 ст. 147) яйцо было символомъ очищенія и духовнаго возрожденія. Поэтому, я думаю, никто не почтетъ большой смѣлостью съ моей стороны, если я стану искать нѣкоторыхъ писаночныхъ орнаментовъ въ культѣ Вакха. А я съ большой вѣроятностью допускаю, что орнаменты *сосонка*, *дубовы лыстя*, *выноградный лыстъ*, *выноградъ*, *бакляжекъ*, *плугове желизо*, *бысагы и*, можетъ быть, многія другія найдутъ объясненіе въ культѣ Вакха. Первыя два потому, что ель и дубъ были посвящены Вакху. Виноградъ, виноградный лыстъ и баклажекъ потому, что Вакхъ первый

научилъ винодѣлію; плугове железо—по той-же причинѣ, такъ-какъ Вакхъ почитался тоже изобрѣтателемъ плуга, а бысаги (bisaccium), быть можетъ, означали тотъ кошель (licnon), безъ котораго ни одинъ обрядъ, совершаемый въ честь Бахуса, не считался законнымъ.

Я на этомъ оканчиваю и еще разъ прошу извиненія у читателя за то, что, быть можетъ, я простеръ свои аналогіи слишкомъ далеко, не обосновавъ ихъ въ достаточной мѣрѣ; но я въ свое оправданіе скажу, что въ нихъ я не дѣлалъ натяжки; я ихъ не подбиралъ и не подыскивалъ: онѣ мимо воли складывались въ моемъ умѣ, а мой инстинктъ подсказалъ мнѣ, что у нихъ есть свой raison d'etre. Дѣло людей науки обосновать ихъ, если они найдутъ ихъ правильными.

Сергѣй Венгрженовскій.

ДЕСЯТИНЩИКИ ХЕРСОНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(Историко-статистическій очеркъ).

Посвящается Владиміру Бонифатьевичу Антоновичу.

Десятинщики херсонской губерніи въ пестромъ населеніи новороссійскаго края представляютъ группу, довольно значительную по численности и весьма оригинальную по основнымъ чертамъ своего экономическаго быта. Эта группа населенія, возникшая подъ вліяніемъ цѣлаго ряда предшествующихъ измѣненій въ исторической судьбѣ края, въ настоящемъ своемъ видѣ сложилась сравнительно въ недавнее время, послѣ крестьянской реформы 1861 года, неожиданно поставившей десятинщиковъ въ положеніе забытой группы земледѣльческаго населенія. Въ силу этого послѣдняго обстоятельства современный экономическій бытъ херсонскихъ десятинщиковъ привлекаетъ къ себѣ особенное вниманіе. Охарактеризовать этотъ бытъ въ связи съ историческими вліяніями, вызвавшими тѣ или иныя его черты, и составляетъ задачу настоящаго очерка.

Число десятинщиковъ въ херсонской губ., по даннымъ статистическаго изслѣдованія 1885—86 годовъ, а также за 1889 г., достигаетъ 115000 душъ обоего пола, что составляетъ около 7,15% сельскаго населенія губерніи, или около 5,30% всего населенія въ губерніи, не исключая и городовъ. Живутъ десятинщики въ 1094 поселеніяхъ, изъ которыхъ около 280 поселеній населено исключительно десятинщиками. Разселились

десятинщики преимущественно въ западной части губерніи, въ уѣздахъ ананьевскомъ, тираспольскомъ и одесскомъ. На эти три уѣзда, занимающіе почти ⅓ пространства всей губерніи, приходится десятинщиковъ почти въ 3 раза больше, чѣмъ на остальную ея часть. Херсонскіе десятинщики, по основному статистическому описанію губерніи, составляютъ около 20000 земледѣльческихъ хозяйствъ, запахивающихъ до 195000 десятинъ земли и имѣющихъ въ общемъ своемъ составѣ 40 съ лишнимъ тысячъ рабочихъ лошадей, около 15 тысячъ воловъ, 80 съ лишнимъ тысячъ остальнаго крупнаго и почти 100 тысячъ мелкаго скота,—и тѣмъ не менѣе являются полукочевымъ населеніемъ, такъ какъ, не имѣя своей земли и занимаясь хлѣбопашествомъ на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, они по различнымъ причинамъ очень часто переходятъ отъ одного владѣльца къ другому на разстояніи десятковъ верстъ.

Отличительная черта быта десятинщиковъ, какъ особой группы земледѣльческаго населенія, помимо безземелья, заключается еще въ томъ, что десятинщики снимаютъ землю исключительно по сдѣлкамъ. Чиншевики и „поссессоры“ (арендаторы) отличаютъ себя и въ дѣйствительности отличаются отъ десятинщиковъ, такъ какъ сидятъ на землѣ прочнѣе этихъ послѣднихъ, ведя хозяйство на капиталистическихъ основаніяхъ, тогда какъ десятинщики связаны съ землей исключительно трудовымъ началомъ.

Сопряженный съ значительными затрудненіями по существу земледѣльческаго занятія, переходъ десятинщиковъ отъ одного землевладѣльца къ другому обусловливается, главнымъ образомъ, быстрымъ передвиженіемъ землевладѣнія изъ рукъ въ руки, особенно рѣзко проявляющимся въ западной части херсонской губерніи въ силу сравнительнаго экономическаго и вообще культурнаго неустройства этой мѣстности, позже другихъ примкнувшей къ общему строю экономическихъ и общественныхъ отношеній въ новороссійскомъ краѣ. Смѣна владѣльцевъ и арендаторовъ земли очень часто сопровождается повышеніемъ съемныхъ платъ за землю, что наичаще вынуждаетъ десятинщиковъ переходить съ мѣста на мѣсто. Нельзя не замѣтить при этомъ,

что нерѣдки случаи передвиженія десятинщиковъ и безъ особыхъ поводовъ со стороны владѣльцевъ земли, а, повидимому, въ силу положенія вещей, выработавшаго у нихъ склонность не засиживаться долго на одномъ мѣстѣ, на что указываютъ сами десятинщики, объясняя часть своихъ передвиженій пословицей: „хочъ гирше, абы инше“.

Полукочевой бытъ десятинщиковъ налагаетъ печать и на ихъ поселенія. „Отсутствіе своей хаты, постоянный переходъ отъ одного пана къ другому, необезпеченность завтрашняго дня—говорятъ изслѣдователи одесскаго уѣзда,—все это наложило грустный отпечатокъ на житье десятинщиковъ... И дѣйствительно, для чего десятинщику строить хату на чужой землѣ, пристраивать сарай, разводить садокъ, копать криницу, когда онъ не знаетъ, долго ли онъ останется на этомъ мѣстѣ, когда, быть можетъ, въ слѣдующемъ году ему придется искать хату за 30 верстъ отсюда. И вотъ отчего можно почти всегда, по первому взгляду, отличить поселеніе десятинщиковъ отъ крестьянскаго: куча безпорядочно разбросанныхъ землянокъ, глубоко сидящихъ въ землѣ, неокопанные дворы, развалившіеся сараи, сдѣланные большею частію изъ навоза и кое-какъ прикрытые сверху бурьяномъ. Ни одного деревца вокругъ жилья, вообще отсутствіе уютности, домовитости и хозяйскаго глаза,—все это говоритъ, что въ такомъ поселкѣ живутъ десятинщики“ [1]).

Живутъ десятинщики въ огромномъ большинствѣ случаевъ въ построенныхъ землевладѣльцами хатахъ, напоминающихъ своимъ видомъ землянки. Въ сѣверныхъ уѣздахъ губерніи у десятинщиковъ сравнительно больше хатъ, построенныхъ ими самими на владѣльческой землѣ или въ рѣдкихъ случаяхъ на землѣ крестьянскихъ обществъ, но и въ этихъ уѣздахъ гораздо большая часть десятинщиковъ живетъ въ владѣльческихъ хатахъ. Преобладающія платы за жилье 5—10 рублей въ годъ за землянки („гадючники“) и 15—30 р. за хаты съ крышей—„верховыя“. Хозяйственныя постройки у десятинщиковъ сооружают-

---

1) Матеріалы для оцѣнки земель херсонской губ., т. 1-й, одесскій уѣздъ, стр. 58.

ся изъ земли, навоза и бурьяну почти всегда ими самими. Собственныя хаты рѣдки у десятинщиковъ потому, что, въ случаѣ перехода, десятинщику пришлось бы продавать свою хату владѣльцу земли за цѣну, меньшую ея стоимости, или перевозить съ собою, что представило бы большія затрудненія. Хозяйственныя постройки устраиваются десятинщиками съ возможно меньшими затратами, почему и случается обыкновенно, что съ переходомъ десятинщика постройки на его прежней временной осѣдлости ничего не стоятъ.

Съемныя цѣны на землю, снимаемую погодно десятинщиками, довольно разнообразны въ различныхъ мѣстностяхъ херсонской губерніи въ зависимости отъ плодородія почвы, отъ густоты населенія въ данной мѣстности, отъ разстоянія до пунктовъ сбыта продуктовъ и т. д. При всемъ разнообразіи съемныхъ цѣнъ на землю, ихъ, однако, можно подраздѣлить по двумъ полосамъ губерніи: въ южной полосѣ съемныя цѣны колеблются, по даннымъ хозяйственно-статистическихъ обзоровъ херсонской губерніи, наичаще отъ 4 до 8 рублей, при преобладаніи 6 рублей за десятину, въ сѣверной же полосѣ колебанія цѣнъ опредѣляются 6—10 рублями, при преобладаніи 8 рублей за десятину.—Снимаютъ землю десятинщики не только за деньги, но и за копу. Въ южной части губерніи, владѣльцу земли, при скопщинной съемкѣ, наичаще дается четвертая копа, или разъ четвертая, другой—третья ($\frac{1/4+1/3}{2}$); въ сѣверной же полосѣ губерніи владѣлецъ получаетъ наичаще третью копу съ приплатой одного рубля отъ снимаемой десятины, или съ отработкой въ теченіе нѣсколькихъ дней въ зависимости отъ существующаго въ извѣстной мѣстности обыкновенія. Въ Побужьи довольно распространена съемка за *оторъ*: за десятину снимаемой земли десятинщикъ вырываетъ владѣльцу ея $1/4$, а мѣстами и $1/3$ десятины, при чемъ всю снимаемую землю (свою и владѣльческую части) десятинщикъ обязанъ засѣвать своими сѣменами. Такая форма землепользованія спорадически встрѣчается и въ другихъ мѣстностяхъ херсонщины, преимущественно въ южной ея полосѣ.

За выпасъ скота десятинщики плотятъ отъ 2 до 5 рублей за крупную штуку. Эти платы по губерніи отличаются такимъ же разнообразіемъ, какъ и отмѣченныя выше съемныя цѣны за землю. Высота платъ за выпасъ скота въ большинствѣ случаевъ прямо пропорціональна съемнымъ платамъ, хотя наблюдаются мѣстами и рѣзкія отступленія въ сторону повышенія платъ за выпасъ скота. Объясняется это не естественными свойствами выпасовъ, а ненормальными экономическими отношеніями, обусловливаемыми склонностью нѣкоторыхъ землевладѣльцевъ пользоваться стѣсненнымъ положеніемъ десятинщиковъ.

Таковы существенныя внѣшнія черты быта десятинщиковъ. Прослѣдимъ теперь, подъ воздѣйствіемъ какихъ историческихъ вліяній складывался этотъ бытъ.

Группа десятинщиковъ, какъ особый общественный слой въ новороссійскомъ краѣ, начала складываться настолько давно, что правительственная колонизація его послѣ присоединенія къ Росссіи при Екатеринѣ II застала десятинщиковъ, занесенныхъ сюда естественнымъ потокомъ народной колонизаціи, а въ 1804 году русское иравительство уже обнародовало „положеніе объ обязанныхъ поселянахъ“, подъ которыми, какъ увидимъ ниже, и понимались десятинщики.— По этому положенію выходцы изъ разныхъ мѣстъ, поселившіеся на помѣщичьихъ земляхъ и исполнявшіе въ отношеніи къ помѣщикамъ принятыя ими на себя обязательства, сохраняли личную свободу, при чемъ помѣщикамъ запрещалось „укрѣплять“ за собою такихъ поселянъ.

Терминъ, принятый для обозначенія описываемаго сословія, встрѣчается въ литературѣ съ различными толкованіями, въ ряду которыхъ встрѣчаемъ между прочимъ производство этого слова отъ подесятинной съемки земли. Но такое толкованіе является однимъ изъ тѣхъ недоразумѣній при объясненіи историческихъ явленій, какія происходятъ вслѣдствіе произвольнаго перенесенія позднѣйшихъ признаковъ явленія на время предшествующее, когда такіе признаки вовсе не имѣли мѣста. Статистическое изслѣдованіе херсонской губерніи даетъ иное объясненіе названія „десятинщикъ“. На Поднѣстровьѣ еще и теперь обращается въ обиходѣ слово „дежма“, т. е. десятая доля, упо-

требляемое для обозначенія особыхъ экономическихъ отношеній, широко практиковавшихся здѣсь раньше, а въ настоящее время сохранившихся лишь въ видѣ переживанія. Такъ, еще и въ настоящее время десятинщики мѣстами уплачиваютъ въ пользу землевладѣльца дежму, т. е. $^1/_{10}$ долю съ птицы и пчелъ, разводимыхъ на его землѣ.

Документальное свидѣтельство о дежмѣ находимъ въ отмѣченномъ выше „положеніи" объ обязанныхъ поселянахъ. „Положеніе" 1804 года, ближайшимъ образомъ вызванное протестомъ переселившихся въ концѣ прошлаго столѣтія изъ Бессарабіи молдаванъ противъ закрѣпощенія ихъ новороссійскими помѣщиками, обязываетъ ихъ, между прочимъ, по ихъ обычаю, уплачивать помѣщикамъ, на земляхъ которыхъ они вели хозяйство, десятую долю продуктовъ земледѣлія и скотоводства (деньгами или натурою, по соглашенію). „Положеніе" при этомъ налагало на поселянъ обязательство 3 дня въ году косить бурьянъ, замѣнявшій лѣсъ, какъ матеріалъ для топлива въ херсонской губерніи, и 4 дня въ году работать въ виноградникахъ землевладѣльцевъ съ платой по 25 копѣекъ въ день. Любопытно, что налагаемое „положеніемъ" обязательство молдавскихъ выходцевъ оставаться на тѣхъ земляхъ, гдѣ ихъ застала ревизія 1785 года, вслѣдъ за тѣмъ было съ нихъ снято вслѣдствіе непрекращающихся недоразумѣній съ помѣщиками.

Такъ свидѣтельствуетъ о десятинщикахъ молдаванахъ „Положеніе объ обязанныхъ поселянахъ" 1804 года.

Но не одни молдаване на описанныхъ правахъ селились на владѣльческихъ земляхъ. Въ памяти старожиловъ въ различныхъ мѣстахъ тираспольскаго, одесскаго и ананьевскаго уѣздовъ въ сторонѣ отъ молдавскихъ поселеній сохранились воспоминанія о платѣ за землю $^1/_{10}$ частью продуктовъ замледѣлія и другихъ отраслей сельскаго хозяйства. Такія преданія находятъ подтвержденіе въ общихъ условіяхъ перваго періода новѣйшей колонизаціи новороссійскаго края, хотя правительственные указы и запрещали выходцамъ изъ внутреннихъ губерній селиться на правахъ обязанныхъ поселянъ, но запрещеніе это шло въ разрѣзъ съ дѣйствительнымъ ходомъ колонизаціи въ краѣ, и

указы оставались недѣйствительными. Если среди херсонскихъ помѣщиковъ и были охотники „укрѣплять“ за собою людей вольныхъ, то это удавалось лишь немногимъ, такъ какъ по сосѣдству находилась „вольная“ Бессарабія, гдѣ выходцы изъ разныхъ мѣстъ, поселившіеся въ херсонской губерніи, всегда могли найти пріютъ, безвозвратно оставивъ несговорчиваго патрона. По этой причинѣ въ херсонской губерніи, главнымъ образомъ, и упрочилось первоначально не крѣпостное, а десятинщицкое право.

„Бѣглые Новороссіи“ настолько популярны, что въ нашемъ очеркѣ достаточно ограничиться нижеслѣдующими подробностями. Разсказы старожиловъ о спеціальныхъ экспедиціяхъ во внутреннія губерніи довѣренныхъ лицъ отъ херсонскихъ помѣщиковъ для зазыва населенія на вольныя земли находятъ подтвержденіе въ частыхъ правительственныхъ указахъ о бродягахъ и бѣглыхъ, грозившихъ этимъ послѣднимъ рекрутствомъ, арестантскими ротами и Сибирью и вмѣстѣ съ тѣмъ косвенно свидѣтельствующихъ, что всѣ тѣ бѣглые пользовались поддержкой въ самомъ новороссійскомъ краѣ. Такіе указы не могли побудить помѣщиковъ не принимать бѣглыхъ уже по одному тому, что другіе указы въ то-же самое время велѣли заселять розданные на рангъ земли.

Зазываніе на слободы, широко примѣнявшееся въ первой половинѣ 18 столѣтія въ правобережной Украинѣ, повторилось въ новороссійскомъ краѣ въ концѣ того же и въ началѣ 19 столѣтія, при новыхъ условіяхъ, нѣсколько видоизмѣнившихъ его въ подробностяхъ, но въ общемъ выражавшихъ тотъ же внутренній смыслъ: и здѣсь мы видимъ, съ одной стороны, поиски за вольною землею, а съ другой—стремленіе землевладѣльцевъ края использовать по мѣрѣ возможности пустующія земли.— Въ такомъ положеніи новороссійскія степи находились еще значительно раньше отмѣченнаго предъ этимъ времени, къ которому относятся опредѣленныя преданія и документальныя свидѣтельства о занимающей насъ группѣ десятинщиковъ.

Съ теченіемъ времени составъ группы десятинщиковъ—выходцевъ изъ разныхъ мѣстъ Украины—постепенно измѣнялся.

Неопредѣленность общественной правоспособности этого сословія, какъ увидимъ ниже, не могла не способствовать стремленію наиболѣе дѣятельныхъ элементовъ выйти изъ этого сословія; а слабѣйшіе элементы не могли избѣжать закрѣпощенія, какъ это хорошо помнятъ многіе старожилы въ краѣ. Но на ряду съ этимъ составъ десятинщиковъ пополняется притокомъ новыхъ элементовъ. Въ теченіе всей первой половины настоящаго столѣтія въ положеніе десятинщиковъ становились такъ называемые „безсмертные“ мѣщане, т. е. бѣглые, записывавшіеся въ мѣщанскія общества не подъ своими именами, а съ именами умершихъ членовъ этихъ обществъ. Случалось, что имя и фамилія подлиннаго мѣщанина переходила послѣдовательно отъ одного къ другому изъ бѣглыхъ Новороссіи въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній. Возможность избѣгать такимъ путемъ личнаго закрѣпощенія привела многихъ въ ряды лично свободныхъ десятинщиковъ.

Нѣмецкая колонизація въ Новорсссіи въ свою очередь дала элементы для сословія десятинщиковъ, съ одной стороны, потому что не всѣмъ нѣмцамъ удалось получить тамъ надѣльные участки земли, съ другой стороны, потому, что при недѣлимости надѣльныхъ участковъ у нѣмцевъ-колонистовъ, потомкамъ первыхъ колонистовъ часто приходилось искать на сторонѣ землю для веденія хозяйства.

При такомъ положеніи нѣмцы, не имѣвшіе средствъ для пріобрѣтенія земли въ частную собственность, примѣняясь къ мѣстнымъ экономическимъ отношеніямъ, сложившимся въ краѣ, въ отдѣльныхъ случаяхъ точно также поступали въ ряды десятинщиковъ.

Въ силу такого же приспособленія къ распорядкамъ мѣстной жизни, десятинщиками становились изрѣдка и безземельные евреи, склонные къ земледѣлію.

Наиболѣе значительный притокъ новыхъ элементовъ въ сословіе десятинщиковъ послѣдовалъ въ недавнее время, въ промежутокъ между 1861 и 1869 годами, при надѣленіи бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ землею. Дворовые крестьяне въ огромномъ большинствѣ случаевъ, при введеніи крестьянской реформы,

остались безъ надѣловъ; между оброчными крестьянами оказалось также не мало такихъ, которые отказались отъ надѣловъ, изъ опасенія, чтобы надѣленіе землею въ будущемъ не послужило поводомъ для новаго укрѣпленія; наконецъ крестьяне мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ большею частію остались также безъ земли. Всѣ эти группы бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, получивъ освободительные акты, записывались въ мѣщане разныхъ городовъ. Часть ихъ затѣмъ ушла въ города для добыванія хлѣба ремесломъ и другими видами городскихъ занятій, большая же часть, назвавшись мѣщанами, не порвала связей съ земледѣльческимъ занятіемъ, самымъ распространеннымъ въ краѣ.

Значительное большинство изъ этой группы земледѣльческаго населенія обратилось такимъ образомъ въ десятинщиковъ. Группа изъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ является наиболѣе многочисленною среди десятинщиковъ херсонской губерніи и придаетъ довольно яркую окраску всему сословію десятинщиковъ. Десятинщиковъ и теперь часто называютъ мѣщанами, такъ называютъ себя большею частію и сами они, опредѣляя свое сословіе; мѣщанинъ въ херсонской губерніи въ глазахъ мѣстнаго населенія—синонимъ убожества и экономической зависимости. Десятинщики изъ „актовыхъ", т. е. крестьянъ, получившихъ освободительные акты, называютъ себя „выпханцями". Такое названіе, дѣйствительно, соотвѣтствуетъ большинству десятинщиковъ. „Выпханци"—тѣмъ болѣе характерное явленіе, что историческій ходъ событій поставилъ ихъ въ ряды сословія, пользовавшагося, какъ отмѣчено выше, сравнительнымъ благосостояніемъ. Современныя экономическія отношенія въ новороссійскомъ краѣ по сравненію съ концомъ прошлаго столѣтія измѣнились до неузнаваемости, и десятинщики происшедшими измѣненіями поставлены въ совершенно новое положеніе. Въ концѣ прошлаго столѣтія землевладѣльцы, всѣми мѣрами втискивая десятинщиковъ, взымали съ нихъ за землю только десятую долю продукта, а въ настоящее время повышеніемъ и безъ того значительныхъ платежей за землю землевладѣльцы вызываютъ усиленныя передвиженія десятинщиковъ съ мѣста на мѣсто.

День Покрова (1 октября) для херсонскихъ десятинщиковъ то же, что былъ когда-то Юрьевъ день (17 октября) для крестьянъ въ Великороссіи, съ тѣмъ, однако, различіемъ, что для великорусскихъ крестьянъ Юрьевъ день былъ днемъ желаннымъ, а день Покрова—тяжелый день для десятинщиковъ, вынужденныхъ сниматься съ мѣста и иногда попадающихъ въ положеніе „выпханцевъ". Уголки, гдѣ десятинщики живутъ на одномъ и томъ же мѣстѣ „съ предкивъ", являются рѣдкимъ исключеніемъ, а патріархальныя отношенія между землевладѣльцами и десятинщиками отошли уже въ область преданія, какъ и *дежма*, сохранившаяся только въ названіи нынѣшнихъ десятинщиковъ.

Домашній бытъ десятинщиковъ таковъ же, какъ и бытъ мѣстныхъ крестьянъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что въ той части хозяйствъ десятинщиковъ, которыя относятся къ разряду найменѣе обезпеченныхъ, убожество выражается еще рѣзче, условія жизни еще болѣе тягостны, чѣмъ въ самыхъ убогихъ крестьянскихъ хозяйствахъ, такъ какъ крестьянинъ, какъ бы онъ ни былъ бѣденъ, связанъ съ громадой; всякій крестьянинъ—членъ крестьянскаго общества, и какъ бы ни были неудовлетворительны общественныя распорядки, все же общество такъ или иначе приходитъ на помощь своему члену въ критическихъ случаяхъ жизни; десятинщики же безпомощны въ своей оторванности. Общественная изолированность является тяжелымъ условіемъ для десятинщиковъ. Опредѣленными отношеніями десятинщики связаны только съ землевладѣльцами, на земляхъ которыхъ они живутъ. Дѣятельность земскихъ учрежденій, направленная на удовлетвореніе мѣстныхъ пользъ и нуждъ, не касается десятинщиковъ, такъ какъ, не владѣя землей и другими недвижимыми имуществами, десятинщики не связаны съ земствомъ никакими отношеніями. „Земскія народныя школы, пріемные медицинскіе покои и другіе виды организованнаго содѣйствія земства мѣстному населенію являются посторонними для десятинщиковъ учрежденіями. Мѣстное земство, при всемъ своемъ вниманіи къ потребностямъ многочисленной земледѣльческой группы, въ предѣлахъ своей компетенціи могло только косвенно содѣйствовать улучшенію быта десятинщиковъ. Такъ, по ходатайству херсонскаго губ.

земства передъ правительствомъ въ 1887 г. о надѣленіи землею десятинщиковъ, незначительной части этихъ послѣднихъ удалось получить въ оброкъ земельные участки изъ казенно-оброчныхъ земель. Общественное положеніе десятинщиковъ настолько неопредѣленно, что они не представляютъ даже сословной группы въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, такъ какъ въ сословномъ отношеніи они лишь номинально связаны съ различными, большею частію далекими мѣщанскими обществами, съ которыми у нихъ нѣтъ никакихъ реальныхъ отношеній; при этомъ десятинщики стоятъ внѣ мѣстнаго волостного и сельскаго управленія. Дѣлами десятинщиковъ вѣдаетъ, такимъ образомъ, только полиція.

Десятинщики херсонской губерніи даютъ въ среднемъ по губерніи свыше 90% хозяйствъ, занимающихся исключительно земледѣліемъ, причемъ въ южныхъ уѣздахъ численность такихъ хозяйствъ поднимается за 95%, а въ сѣверныхъ уѣздахъ до 75% общаго числа десятинщиковъ. Процентное отношеніе числа хозяйствъ десятинщиковъ, занимающихся исключительно земледѣліемъ, къ общему числу десятинщицкихъ хозяйствъ меньше всего въ александрійскомъ уѣздѣ, въ которомъ, вообще говоря, затруднительнѣе брать землю въ съемку, чѣмъ въ остальныхъ уѣздахъ херсонской губерніи; достаточно отмѣтить, что александрійскій уѣздъ—найболѣе плотно населенная и самая малоземельная часть херсонской губерніи [1]). Слѣдующую затѣмъ по численности группу составляютъ десятинщицкія хозяйства, занимающіяся ремеслами наряду съ земледѣліемъ. Процентное отношеніе десятинщиковъ по этому признаку располагается по уѣздамъ губерніи въ обратномъ порядкѣ, достигая въ александрійскомъ уѣздѣ 8,5% общаго числа десятинщиковъ въ этомъ уѣздѣ. Ремесла десятинщиковъ точно такъ-же, какъ и окружающихъ ихъ крестьянъ, разсчитаны на удовлетвореніе элементар-

[1]) Въ александрійскомъ уѣздѣ, по хозяйственно-статистическому обзору за 1889 годъ, довольно близкій ко времени основного статистическаго описанія губерніи, приходилось 39 жителей на 1 кв. версту и 2,68 дес. на 1 жителя; тогда какъ въ наименѣе плотно населенномъ одесскомъ у. (безъ одесскаго градоначальства)—22 жителя на 1 кв. версту и 4,72 десятины земли на 1 жителя.

ныхъ мѣстныхъ потребностей, преимущественно распространены ремесла ткацкое, портняжное, сапожное, кузнечное, изрѣдка кожевенное (собственно „чембарное“), плотничество и т. д. Въ кустарныхъ промыслахъ, очень слабо развивающихся въ херсонской губерніи десятинщики принимаютъ слабое участіе; торговлей и шинкарствомъ занимаются въ видѣ рѣдкихъ исключеній. Гораздо чаще десятинщики идутъ въ наймы или поддерживаютъ свое хозяйство поденщиной. Наибольшій процентъ батраковъ и поденщиковъ даютъ десятинщики александрійскаго уѣзда (12%), наименшій—елисаветградскій у. (2%). Изъ сѣверной полосы херсонской губерніи десятинщики, кромѣ этого, уходятъ и на мѣстные заработки въ менѣе населенные южные ея уѣзды, а также въ Таврію.

Для характеристики степени экономическаго обезпеченія десятинщиковъ по отдѣльнымъ частямъ херсонщины въ настоящее время нѣтъ полныхъ данныхъ, такъ какъ подворное статистическое описаніе произведено только въ 3 сѣверныхъ уѣздахъ этой губерніи (елисаветградскомъ, александрійскомъ и ананьевскомъ). На 100 десятинщицкихъ хозяйствъ въ 3-хъ сѣверныхъ уѣздахъ херсонской губерніи въ общемъ приходится:

Жилыхъ построекъ	около	95
Холодныхъ „	„	85
Лошадей	„	150
Воловъ	„	100
Коровъ	„	120
Гулевого крупнаго скота	„	170
„ мелкаго „	„	200

Запашки на одно хозяйство въ среднемъ для всѣхъ десятинщиковъ названныхъ уѣздовъ приходится 9 десятинъ. Для южныхъ уѣздовъ: тираспольскаго, одесскаго и херсонскаго показатели экономическаго благосостоянія, судя по отрывочнымъ наблюденіямъ, нѣсколько ниже, чѣмъ для сѣверныхъ.

Характерно, что приведенные средніе показатели степени благосостоянія десятинщиковъ въ сѣверныхъ уѣздахъ херсонской губерніи нѣсколько выше соотвѣтствующихъ среднихъ показателей благосостоянія крестьянъ, не только бывшихъ помѣщичь-

ихъ, но и сравнительно лучше надѣленныхъ землею бывшихъ военныхъ поселянъ и крестьянъ государственныхъ. Но приведенными средними показателями благосостоянія десятинщиковъ не опредѣляется распредѣленіе благосостоянія по отдѣльнымъ ихъ группамъ. А между тѣмъ для характеристики быта десятинщиковъ существенно важнымъ является то обстоятельство, что существуетъ слишкомъ рѣзкая разница въ обезпеченіи различныхъ ихъ группъ. Богатые десятинщики производятъ посѣвы на 50—60 десятинъ, иногда и въ большемъ размѣрѣ, а много бѣдняковъ, занятыхъ главнымъ образомъ чужою работою, часто обсѣменяетъ 2—3 десятины. При подворной переписи елисаветградскаго уѣзда, изъ живущихъ въ этомъ уѣздѣ десятинщиковъ на общихъ сходахъ назвались багатыми $1,_2$ %, зажиточными $5,_4$ % средними $31,_6$ %, недостаточными $19,_1$ % и бѣдными $43,_3$ %. Не сводятъ, такимъ образомъ, концовъ съ концами около $^2/_3$ десятинщиковъ елисаветградскаго уѣзда, гдѣ они, по общимъ культурнымъ условіямъ мѣстности, сидятъ на землѣ сравнительно прочнѣе. Особенно слаба экономическая группа десятинщиковъ изъ актовыхъ, то есть получившихъ отъ помѣщиковъ освободительные акты безъ земли. Такіе десятинщики въ огромномъ большинствѣ случаевъ не успѣли упрочить свой матеріальный бытъ и въ настоящее время принадлежатъ къ числу бѣднѣйшихъ десятинщицкихъ хозяйствъ. Нельзя не замѣтить, что такое положеніе послѣдней группы десятинщиковъ объясняется еще и заурядъ наблюдаемымъ, особенно ярко проявляющимся въ этой группѣ, неумѣньемъ производительно употреблять имѣющіяся средства. Многіе десятинщицкіе поселки тираспольскаго и одесскаго уѣздовъ, преимущественно изъ бывшихъ дворовыхъ, отличающіеся крайнимъ убожествомъ, побуждаютъ связывать степень экономическаго благосостоянія непосредственно съ общимъ уровнемъ культурныхъ склонностей и навыковъ. Но глубоко правы и десятинщики изъ актовыхъ въ своемъ укорѣ прежнему времени и прежнимъ дѣятелямъ, когда говорятъ они теперь: „якъ далы намъ ахту, щобъ мы ахкалы, то мы й доси ахкаемъ“.

Внутреннія черты быта десятинщиковъ въ значительной мѣрѣ опредѣляются данными, характеризующими степень распростра-

ненія грамотности среди этой группы населенія въ херсонской губ. Среди десятинщиковъ трехъ сѣверныхъ уѣздовъ губерніи на 1000 мужчинъ наличнаго населенія грамотныхъ приходится 94, а на 1000 женщинъ—грамотныхъ только 14. Любопытно, что степень грамотности понижается по направленію отъ Днѣпра къ Днѣстру. Такъ, въ александрійскомъ уѣздѣ грамотные мужчины изъ десятинщиковъ составляютъ 10,9%, женщины—1,8%, въ елисаветградскомъ у. мужчины—8,3%, женщины—1,6%, въ ананьевскомъ мужчины—9,1% и женщины—0,8%. Въ южныхъ уѣздахъ херсонской губ. грамотность среди десятинщиковъ распространена, повидимому, еще слабѣе. Но если и эти показатели распространенія грамотности среди десятинщиковъ сравнимъ съ соотвѣтствующими показателями для другихъ сословій, то окажется, что въ этомъ отношеніи десятинщики уступаютъ лишь бывшимъ военнымъ поселянамъ. Принимая въ разсчетъ неблагопріятныя условія быта десятинщиковъ, отмѣченныя выше, нельзя не прійти къ заключенію, что стремленіе къ просвѣщенію среди десятинщиковъ значительно сильнѣе, чѣмъ среди крестьянъ. Отмѣченныя черты быта десятинщиковъ относятся не ко всему ихъ составу. До этого мы характеризовали бытъ десятинщиковъ, въ племенномъ отношеніи принадлежащихъ къ малороссамъ, великороссамъ, полякамъ, молдаванамъ и болгарамъ. Всѣ эти этнографическіе элементы въ бытовомъ отношеніи не представляютъ существенныхъ особенностей. Только о болгарахъ слѣдуетъ замѣтить, что они обычно занимаются огородничествомъ.

Особыми признаками отличаются десятинщики евреи и нѣмцы. Но эти группы десятинщиковъ не могутъ быть охарактеризованы здѣсь съ достаточною полнотою вслѣдствіе того, что десятинщиковъ евреевъ и нѣмцевъ сравнительно мало въ сѣверныхъ уѣздахъ, для которыхъ только и имѣются подробные матеріалы, заключающіеся въ результатахъ подворныхъ переписей названныхъ уѣздовъ. Еврейскіе и нѣмецкіе элементы среди десятинщиковъ съ наибольшей полнотой могутъ быть охарактеризованы по ананьевскому уѣзду, въ которомъ они составляютъ замѣтную часть среди десятинщиковъ этого уѣзда.

Десятинщики евреи въ ананьевскомъ уѣздѣ составляютъ 1,3% общаго числа десятинщиковъ этого уѣзда, по отношенію же къ общему числу евреевъ, живущихъ здѣсь, составляютъ 2,9%. Послѣдній процентъ является довольно точнымъ показателемъ тяготѣнія евреевъ къ земледѣльческому занятію, при чемъ необходимо еще имѣть въ виду, что отмѣченный процентъ не обнимаетъ евреевъ, занимающихся земледѣліемъ на собственной и арендной землѣ и составляющихъ около 1,7% всего еврейскаго населенія этого уѣзда. Показатели экономическаго положенія евреевъ десятинщиковъ ананьевскаго уѣзда выражаются нижеслѣдующими цифровыми данными, приводимыми по разсчету на 100 хозяйствъ евреевъ десятинщиковъ: жилыхъ построекъ 93, холодныхъ—74, лошадей—177, воловъ—2, коровъ—180, гулевого крупнаго скота 221, мелкаго 363; запашки въ среднемъ на 1 хозяйство приходится 9,47 десятины.

Такимъ образомъ, десятинщики-евреи ананьевскаго уѣзда, по сравненію съ предыдущей группой *всѣхъ 3 сѣверныхъ* уѣздовъ херсонской губ. десятинщиковъ, болѣе обезпечены лошадьми, живымъ скотомъ и скотомъ мелкимъ. Нѣсколько большій размѣръ запашки у десятинщиковъ евреевъ на 1 хозяйство, при меньшемъ обезпеченіи рабочимъ скотомъ (рабочими лошадьми и волами въ общей сложности), объясняется, повидимому, преобладаніемъ въ составѣ рабочаго скота лошадей, сравнительно съ волами болѣе поворотливыхъ въ работѣ, а можетъ быть, и большимъ пользованіемъ рабочей силы животныхъ. Жилищами евреи-десятинщики обезпечены въ такой же мѣрѣ, какъ и предыдущая группа десятинщиковъ; хозяйственныхъ же построекъ у евреевъ, не смотря на большой размѣръ запашки, замѣтно меньше.—Процентъ грамотныхъ въ группѣ десятинщиковъ—евреевъ гораздо выше: грамотные мужчины среди евреевъ десятинщиковъ составляютъ 52%, грамотныя женщины—9%.

Нѣмцы-десятинщики представляютъ наиболѣе обезпеченную группу десятинщиковъ въ ананьевскомъ уѣздѣ такъ же, какъ, повидимому, и во всѣхъ другихъ уѣздахъ херсонской губерніи. Хозяйственное обезпеченіе десятинщиковъ-нѣмцевъ въ названномъ уѣздѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ: на 100 хо-

зяйствъ приходится жилыхъ построекъ 93, холодныхъ—86, рабочихъ лошадей—374, воловъ—26, коровъ 263, гулеваго крупнаго скота—297, мелкаго—1,333; средняя запашка на 1 хозяйство этой группы десятинщиковъ опредѣляется 17,18 десятины. Десятинщики-нѣмцы превосходятъ всѣ другія группы десятинщиковъ по размѣрамъ запашки и по числу скота, главнымъ образомъ мелкаго, состоящаго почти исключительно изъ тонкорунныхъ овецъ. При такой состоятельности нѣмцамъ не трудно обращаться изъ десятинщиковъ въ поселянъ собственниковъ, какъ это и происходитъ довольно часто. Достаточно отмѣтить, что нѣмцы херсонской губерніи, получившіе при своемъ водвореніи въ надѣлъ около 186,000 дес., въ настоящее время на правахъ частной собственности владѣютъ 600 съ лишнимъ тысячъ десятинъ земли. Распространенность грамотности въ этой группѣ выражается 47% грамотныхъ среди мужчинъ и 32% среди женщинъ.

Приводимъ сводъ признаковъ хозяйственной обезпеченности всѣхъ трехъ описанныхъ выше группъ десятинщиковъ, сопоставляя при этомъ найболѣе обезпеченную группу нѣмцевъ съ остальными:

На 100 хозяйствъ приходится

	У десятинщиковъ новороссовъ.	У десятинщиковъ евреевъ.	У десятинщиковъ нѣмцевъ.	У десятинщиковъ нѣмцевъ приходится. Сравн. съ 1 группой.	Сравн. съ 2 группой.
Построекъ:					
жилыхъ. . . .	93	93	93	*0*	*0*
холодныхъ. . .	86	74	86	*0*	*+12*
скота рабочаго					
лошадей. . .	164	177	374	*+110*	*+97*
воловъ . . .	108	2	26	*−82*	*+24*
скота не рабочаго					
коровъ . . .	143	180	*263*	*+120*	*+83*
гулеваго. . .	210	221	297	*+87*	*+76*
мелкаго . . .	231	363	1333	*+1102*	*+970*
запашки (десят.)	931	947	1718	*+787*	*+771*

Небезынтереснымъ является то обстоятельство, что десятинщики херсонской губерніи даютъ взначительный контингентъ штундистовъ. По свѣдѣніямъ волостныхъ правленій за 1887 годъ, изъ безземельныхъ херсонской губерніи штундистовъ числилось 1306 душъ мужеска и 1167 душъ женска пола. Эти безземельные штундисты въ огромномъ большинствѣ—десятинщики.

Въ началѣ настоящаго очерка мы отмѣтили въ самыхъ общихъ чертахъ условія, вліявшія на формированіе быта десятинщиковъ херсонской губерніи. Въ заключеніе представляется умѣстнымъ остановиться нѣсколько подробнѣе на главнѣйшихъ моментахъ того историческаго процесса, результатомъ котораго явился современный бытъ десятинщиковъ.

Послѣ отмѣченнаго выше Положенія 1804 года объ обязанныхъ поселянахъ, ограждавшаго одни и вмѣстѣ съ тѣмъ ограничивавшаго другія права десятинщиковъ, и послѣ указа 1827 г., дававшаго льготы десятинщикамъ въ смыслѣ свободы перехода отъ одного владѣльца къ другому, десятинщики были затѣмъ предоставлены естественному ходу вещей. Великая освободительная реформа 1861 г. не коснулась десятинщиковъ, повидимому, потому, что положеніе ихъ въ эту пору было нормальнымъ: принадлежа къ свободному сословію, они находили тогда вполнѣ достаточное обезпеченіе личнымъ трудомъ, при существовавшихъ экономическихъ отношеніяхъ въ краѣ. Въ то время мѣщанинъ и десятинщикъ были почетнымъ званіемъ. Въ дореформенныхъ экономическихъ отношеніяхъ многоземельной тогда херсонской губерніи находитъ объясненіе и тотъ фактъ, что многіе изъ помѣщичьихъ крестьянъ при введеніи уставныхъ грамотъ предпочитали отказываться отъ земельныхъ надѣловъ, разсчитывая, что существовавшія до того времени условія быта лично свободныхъ работниковъ продолжатся и дальше. Между тѣмъ крестьянская реформа, совмѣстно съ другими факторами пореформеннаго времени, рѣзко измѣнила экономическія отношенія въ краѣ. Хотя закрѣпощенныхъ рукъ и не стало, но пред-

ложеніе свободнаго труда при быстромъ приростѣ населенія, какъ естественнымъ путемъ, такъ и вселеніемъ пришлыхъ элементовъ, сдѣлалось настолько значительнымъ при слабо развивающейся хозяйственной дѣятельности въ краѣ, что личный земледѣльческій трудъ на чужой землѣ уже скоро послѣ реформы не давалъ достаточнаго обезпеченія. Актовые, отказавшіеся отъ надѣловъ или не получившіе таковыхъ по усмотрѣнію своихъ бывшихъ помѣщиковъ, присоединившись къ десятинщикамъ, уже не знали уплаты за землю „десятою частью промышленнаго и скотскаго прибытка“, такъ какъ плата за землю, какъ въ денежной формѣ, такъ и натурою, быстро и неуклонно поднималась въ силу общихъ экономическихъ условій края, занимавшаго выгодное географическое положеніе. На ряду съ этимъ, подъ вліяніемъ уже другихъ факторовъ, лятифундіи военныхъ и гражданскихъ чиновъ, полученныя въ рангъ, по неприспособленности этихъ землевладѣльцевъ удержаться на землѣ, раздробились, быстро переходя изъ рукъ въ руки и сосредоточиваясь въ значительной мѣрѣ или въ рукахъ нѣмцевъ, которые обычно занимаютъ всю свою землю подъ собственное хозяйство и не раздаютъ земли въ съемку окрестному населенію, или въ прижимистыхъ рукахъ разнаго рода разночинцевъ, которые, сдавая землю подесятинно, не пропускаютъ случая воспользоваться стѣсненнымъ положеніемъ безземельнаго земледѣльческаго населенія.—Таковъ въ основныхъ чертахъ процессъ измѣненій въ экономическомъ бытѣ десятинщиковъ въ текущемъ столѣтіи, результатомъ которыхъ является описанный выше современный экономическій бытъ херсонскихъ десятинщиковъ.

Въ виду того, что внѣшнія условія неблагопріятно складывались для десятинщиковъ, отмѣченное выше среднее обезпеченіе десятинщиковъ, какъ особой группы земледѣльческаго населенія, свидѣтельствуетъ о значительной ихъ энергіи, а равно и о способности приспособляться къ внѣшнимъ условіямъ, особенно той части ихъ, которая своимъ значительнымъ обезпеченіемъ повышаетъ исчисляемую среднюю степень обезпеченія для всей группы десятинщиковъ.—Способность къ иниціативѣ, при-

сущая многимъ десятинщикамъ и сознаніе личнаго достоинства, выдѣляющее ихъ среди вообще отличающагося этимъ свойствомъ новороссійскаго населенія, при дальнѣйшихъ примѣненіяхъ существующаго экономическаго строя, могутъ оказаться существенно важными для этой группы населенія.

До этого мы отмѣчали условія, влíявшія на складъ быта десятинщиковъ съ конца прошлаго столѣтія; но складъ этотъ въ значительной мѣрѣ опредѣляется условіями болѣе ранней поры, а именно особенностями колонизаціоннаго движенія изъ Украйны въ Ганщину, или Ханскую Украйну, простиравшуюся между Днѣстромъ и Бугомъ и существовавшую до времени присоединенія этого края къ Россіи при Екатеринѣ II. Сущность историческихъ вліяній въ этотъ періодъ на складъ быта десятинщиковъ довольно отчетливо опредѣляется при сопоставленіи двухъ параллельныхъ колонизаціонныхъ движеній изъ Украйны: съ одной стороны — на Запорожье, съ другой стороны — въ Ганщину.

Колонизаціонное движеніе на предѣлы Запорожья, особенно усилившееся послѣ основанія Запорожской Сѣчи („Чертолыцкой", или „Сѣрновой"), обусловливаясь тѣми же мотивами, что и колонизаціонное движеніе въ Ганщину, т. е. исканіемъ личной свободы на вольной землѣ, характеризуется, однако, своими особыми чертами, отличающими оба эти массовыя передвиженія населенія изъ Украйны. Въ Запорожскія вольности и послѣ основанія Запорожской Сѣчи въ третьей четверти XVII вѣка стремились элементы движимые преданіями о быломъ *козакованьи* на низовьяхъ Днѣпра, какъ въ военномъ, такъ и въ промысловомъ значеніи этого слова; и хотя въ эту пору формы общественной жизни на Запорожьи, по сравненію съ старымъ Днѣпровскимъ казачествомъ, измѣнились, подъ вліяніемъ политическихъ условій позднѣйшаго времени, но и эти послѣднія формы все таки тѣсно связывались съ распорядками стараго казачества на Запорожьи. Вступали ли новые насельники Запорожья въ составъ Сѣчевого „товарыства", устраивались ли, выслужившись въ войскѣ, съ теченіемъ времени зимовниками для веденія той или другой отрасли хозяйства въ запорожскихъ паланкахъ, или

селились въ чертѣ поселеній Запорожскаго поспольства (въ сѣверной части территоріи Низового войска Запорожскаго),—во всѣхъ этихъ случаяхъ общественныя и экономическія отношенія новыхъ насельниковъ Запорожья опредѣлялись все таки казацкими распорядками, регулировались казацкимъ присудомъ.— Каждое поселеніе въ предѣлахъ Запорожья въ отношеніи внутреннихъ распорядковъ являлось олицетвореніемъ Запорожской общины; при равенствѣ не только *de jure*, но и *de facto* всѣхъ передъ войскомъ, право избранія изъ своей среды представителей суда и администраціи имѣло значеніе основного принципа общественной жизни на Запорожьи. Существованіе здѣсь такихъ распорядковъ при всѣхъ невзгодахъ колонизаціоннаго движенія въ почти пустопорожній край, порубежный съ татарскими кочевьями, не могло не поддерживать массового движенія изъ Украйны, усиливающагося, между прочимъ, и вслѣдствіе сословно-экономическихъ отношеній населенія въ этой послѣдней. Съ 18 вѣка права козацкаго сословія, какъ въ правобережной, такъ и особенно въ лѣвобережной Украйнѣ встрѣчали ограниченія, не говоря уже о государственномъ строѣ, и со стороны многочисленныхъ представителей козацкой старшины, проявившихъ въ эту пору особую склонность выдѣлиться изъ среды остального козачества въ привиллегированное „шляхетное“ сословіе, при чемъ земли, добытыя нѣсколькими поколѣніями всего козачества, всякими способами сосредоточивались въ рукахъ формировавшагося „малороссійскаго дворянства [1])“. Подготовляемое общимъ историческимъ ходомъ событій разложеніе казачества въ обѣихъ Украйнахъ, сопровождаемое возникающимъ панщиннымъ строемъ, естественно, должно было дать усиленный прибой колонизаціонной волны на вольныя Запорожскія земли. Въ началѣ второй половины 17 столѣтія вѣдѣнію Запорожскаго Коша подлежало, какъ извѣстно, 8 населенныхъ паланокъ, при чемъ особенно дѣятельно заселялась сѣверная окраина Запорожскихъ вольностей.

---

[1]) А. Я. Ефименко, въ „Вѣстникѣ Европы“ 1892 г.

При такихъ условіяхъ совершалось движеніе населенія изъ Украйны на Запорожье за время, предшествующее присоединенію нынѣшняго Новороссійскаго края къ Россіи.

Мотивы существовавшаго въ 18 вѣкѣ колонизаціоннаго движенія изъ Украйны въ степи между Днѣстромъ и Бугомъ, представляются для насъ въ значительной степени неясными. Мы не располагаемъ данными для объясненія того явленія, что часть населенія правобережной Украйны предпочитала путь въ Ганщину проторенному вѣками пути на Запорожье; намъ неизвѣстны также подробности зависимости пришлыхъ поселенцевъ въ Ганщинѣ отъ управлявшихъ краемъ баскаковъ, подвластныхъ въ свою очередь Крымскому хану. Допускать, что выходцы изъ Украйны находили въ степяхъ между Днѣпромъ и Бугомъ болѣе культурный бытъ, чѣмъ на Запорожьи, не представляется основательнымъ въ виду того, что сами кочевавшіе здѣсь татары находились на низкой степени развитія, тогда какъ Запорожскій Кошъ, по возвращеніи Низоваго Запорожскаго войска изъ Алешекъ на свои старыя мѣста надъ Великимъ Лугомъ Днѣпровскимъ, явно стремился къ развитію хозяйственной и, между прочимъ, земледѣльческой дѣятельности въ своихъ предѣлахъ.

А между тѣмъ колонизаціонное движеніе изъ Украйны въ Ганщину около половины 18 вѣка было значительнымъ. По донесенію Запорожскаго кошевого, относящемуся къ 1764 году, въ названной мѣстности существовало 6 поселеній, составившихся изъ выходцевъ изъ разныхъ сторонъ, главнымъ образомъ, „такимъ народомъ, какъ и малороссійскій". Въ этомъ документѣ названы слѣдующія поселенія, и нынѣ существующія въ сѣверной части Ананьевскаго уѣзда: *Голта*, *Кривое Озеро*, *Ясеновое*, *Перелеты*, *Балта* и еще одно поселеніе съ неяснымъ названіемъ. Возникновеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ поселеній, по донесенію Запорожскаго кошевого, относится къ началу 50 годовъ. Въ самомъ крупномъ поселеніи—Балтѣ—было до 500 „хатъ", во всѣхъ 6 поселеніяхъ дворовъ около 1000. Существенно важнымъ является сообщеніе кошевого о томъ, что обыватели недавно возникшихъ „ханскихъ слободъ"

не несли никакихъ повинностей, а болѣе давніе уплачивали *„десятую долю"* отъ всякаго прибытка скотскаго и промышленнаго [1]). Въ этой десятой долѣ нельзя не узнать той самой дежмы, какую регламентировало отмѣченное въ началѣ нашего очерка „Положеніе объ обязательныхъ поселянахъ". Упоминаніе кошевого о десятой долѣ лишь „скотскаго и промышленнаго прибытка" указываетъ на то, что поселенцы въ Ганщинѣ земледѣліемъ въ ту пору еще не занимались.

Совершавшееся одновременно въ 18 вѣкѣ колонизаціонное движеніе изъ Украйны на Запорожье и въ Ганщину, обусловливаемое въ томъ и другомъ случаѣ стремленіемъ къ личной свободѣ, на вольной землѣ, съ точки зрѣнія историческаго прогреса представляется параллельнымъ. Но какъ не сходна судьба этихъ параллельныхъ массовыхъ движеній изъ Украйны въ Черноморскія степи! Днѣпровское казачество, выступившее на историческую сцену значительно раньше, чѣмъ десятинщики ханскихъ слободъ, представляло въ началѣ такое же малозначительное явленіе, какъ и десятинщики въ Ганщинѣ, отдавая въ началѣ точно также десятую долю промысловой добычи черкасскимъ и каневскимъ старостамъ,—такое въ началѣ казачество съ теченіемъ времени поднялось на степень важнаго историческаго явленія, оставило навсегда свой слѣдъ въ исторіи южно-русскаго народа, а существованіе десятинщиковъ со времени ихъ появленія и до послѣдняго времени представляетъ монотонную сутолоку изъ-за обезпеченія матеріальнаго существованія. Южно-русское казачество, возникшее и складывавшееся въ пору дѣятельнаго проявленія народной энергіи, выполняло опредѣленную историческую миссію, а десятинщики, оторванные общимъ ходомъ событій своей поры отъ общенародныхъ интересовъ родины, представляютъ лишь матеріалъ для непрекращающейся исторической эволюціи.

Левъ Падалка.

---

[1]) Скальковскій, „Исторія Новой Сѣчи", ч. 1.

ВОСПОМИНАНІЯ СВЯЩЕННИКА О. ѲЕОДОРА КИСТЯКОВСКАГО.

(1807—185... г.[1]).

Между тѣмъ изъ Городища явилась къ покойницѣ матери, будто бы въ гости, сестра покойнаго тестя, о. Ѳеодора Есманскаго, Софія и начала совѣтовать, чтобы я сосваталъ ея родную племянницу, дочь о. Ѳеодора, за которой отецъ уступаетъ свой приходъ и часть имѣнія. Мать, долго не думая, начала склонять меня сначала просьбами, а потомъ проклятіями, если я не соглашусь на ея желаніе. Дождавшись субботы, она поѣхала въ Синявку на торгъ, а на обратномъ пути заѣхала къ Марьѣ Лук. Куксиной, гдѣ поразспросивши обстоятельно и получивши прекрасную рекомендацію о моей будущей женѣ, а также объ ея отцѣ, возвратившись, неотступно стала требовать, чтобы я со сватами отправился въ Городище и покончилъ дѣло. Это было послѣ Покрова Пресв. Богородицы. За недѣлю предъ этимъ она отправилась къ двумъ дворянамъ, Титу Евстафіевичу Зѣнцу и Ильѣ Осиповичу Мироненку, прося ихъ поѣхать вмѣстѣ со мною въ качествѣ сватовъ въ Городище. Послѣ обѣда въ недѣлю они прибыли на своихъ лошадяхъ, и, конечно, я въ угоду матери не рѣшился отказаться посмотрѣть невѣсту. Прибыли мы къ нимъ въ домъ, но покойнаго тестя не застали дома: онъ былъ на дворянскомъ годовомъ обѣдѣ, гдѣ, по обычаю сельскому, засиживаются священники.—Насъ встрѣтила покойница жена моя, ваша мать, въ ситцевомъ платьицѣ съ пла-

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1895 г., № 7—8.

точкомъ на шеѣ и съ косою богатою въ гребнѣ русаго цвѣта. Съ перваго взгляда ея станъ, лицо и всѣ дѣвственныя принадлежности произвели на меня сильное впечатлѣніе. Лицо у нея довольно правильное, съ веснушками, но это не отнимало у нея той граціи, которая вмѣщалась во всемъ ея тѣлосложеніи и станѣ. Она тотчасъ послала за отцемъ, такъ какъ онъ недалеко находился, въ домѣ Малявкиныхъ; онъ пришелъ довольно веселенькій. Столъ тотчасъ уставили водкой и разными наливками, которыхъ у него было болѣе полдюжины боченковъ, вмѣстимостью каждый ведра въ 4 или въ пять; послѣ закуски принялись мы за чай и пуншъ, бывшій тогда въ большомъ употребленіи. У будущаго моего тестя была водка пуншовка, съ которой никогда не сравнится даже хорошій ромъ. Тутъ мы приступили и къ дѣлу. Сначала старикъ и сюда, и туда, а послѣ говоритъ: „Боже благослови! давай, дочка, платки! Нехай тебѣ Богъ счастыть". Тотчасъ покойница ваша мать вынесла платки и рушники сватамъ; мнѣ первому поднесла, на блюдѣ. Я положилъ 10 руб. асс., тогда большія деньги; а потомъ она стала разносить сватамъ платки и утиральники. Тогда сваты пустились въ плясъ, продолжая попойку, а тесть на одномъ мѣстѣ, какъ козликъ, стучалъ ногами и топтался, каковая привычка у него была и впослѣдствіи, когда онъ бывалъ веселъ. Попойка усилилась. Затѣмъ пошла опять закуска, и покойница, неся тарелки, уронила ихъ и разбила штуки четыре. Покойникъ хватился за тройчатку, а я испугался и закричалъ: „горы и холмы падутъ, а я не допущу ее тронуть!" Всѣ разсмѣялись. Тесть и говоритъ: „Добрый зять! Еще не женатъ, а уже бѣда тестю!" „Напрасно Вы такъ думаете—говорю я—я буду Васъ любить и уважать, какъ родного отца". Послѣ этого все пошло на ладъ. Началась закуска и опять попойка. Мы уже свѣтомъ пріѣхали въ Стольное и обрадовали мать и отчима. Тутъ опять началось большое чаепитіе, что отчиму было на руку. Сюда подоспѣли и многія другія личности; пили и ѣли, и наконецъ—плясъ. Разошлись всѣ только къ полночи. Я, живя въ Стольномъ, сталъ скучать: такъ бы и полетѣлъ въ Городище. Сестры начали подтрунивать и напѣ-

вать пѣсеньки: „Заныло сердечко въ разлукѣ“ и др. Мнѣ стало досадно: я не вытерпѣлъ и послалъ дѣвку нанять лошадей, т. к. свои были въ работѣ, да къ тому же онѣ плохія: теперь все хозяйство не то, что прежде. Отчимъ каждый день покучиваетъ и приглашаетъ меня куда-нибудь въ гости, особенно туда, гдѣ дѣвы, но я все нездоровьемъ отговариваюсь.—Я скорѣе отправился въ Городище. Меня встрѣтила покойница очень радушно. Отецъ былъ въ отлучкѣ. Мы уже сдѣлались поразвязнѣе, но все-таки моя покойница сильно дичилась, будучи воспитана въ самыхъ строгихъ правилахъ. Покойникъ тесть былъ строгій и крутой человѣкъ. Она все мнѣ говорила: „брата Павла онъ весьма любитъ, пальцемъ не тронетъ, а ей за малѣйшую ошибку тройчаткой достается, хотя онъ всегда и говоритъ: „у меня двое дѣтей, какъ два глаза во лбу; и они для меня равны“. Впрочемъ у него было непремѣнное желаніе отдать за дочкой приходъ, на чемъ и братъ Павелъ настаивалъ, зная, что у отца ровно никакого приданаго не могло быть: у него вѣдь было материнскаго Левчановскаго поля дней на двѣнадцать, да дворъ, имъ собственно пріобрѣтенный, доставшійся Меланіи за Харченкомъ; кромѣ того, сѣнокосъ косарей на восемь, да поля дней на шесть. По его распоряженію, при сватовствѣ все нужно было раздѣлить на двѣ равныя части, а жилой дворъ и сѣнокосъ на шесть косарей около Потоцкаго хутора. Денегъ въ наличности у него вовсе не было. Онъ въ священствѣ постоянно занимался въ домѣ школою, гдѣ обучалъ дѣтей разныхъ Городищенскихъ, Синявскихъ и дальнихъ дворянчиковъ, тѣмъ и поддерживалъ себя: тогда приходскіе денежные доходы были самые ничтожные, а хлѣба въ сборѣ бывало всегда много, почему и цѣна стояла низкая: 10 коп. серебр.—Когда отецъ прибылъ въ домъ, то встрѣтилъ меня радостно, съ какою то, не припомню, латинскою фразою: „Ну, добро, что Вы пріѣхали. Я думалъ завтра посылать лошадей за вами: конецъ октября, и времени немного остается; нужно ѣхать въ Черниговъ выхлопатать аттестатъ и сдѣлать покупки къ свадьбѣ, такъ какъ послѣ Михайла будетъ вѣнчаніе“. Я прожилъ два дня. Онъ хлопоталъ, чтобы продать жито, котораго, помню, было болѣе тридцати

копъ, и молотники молотили его уже для продажи. Тогда жито покупалось въ винокурни, и онъ уже продалъ его по 10 коп. сер. за пудъ—150 пудовъ. Тогда въ Городищѣ винокуренъ было штуки четыре. Ведро горѣлки продавалось тогда по 1 р. 20 к., ассигнаціями. Я долженъ былъ пріѣхать въ первыхъ числахъ ноября, 3-го или 4-го, и на его лошадяхъ отправиться въ Черниговъ и дать немного денегъ Павлу. Онъ былъ уже тогда въ философіи и учился прекрасно, но былъ слабъ здоровьемъ, особенно часто болѣлъ глазами, чѣмъ нерѣдко страдалъ и тесть. Дѣло все улажено было найлучшимъ образомъ, и мы уже сошлись поближе съ покойницей: я уже сталъ требовать, чтобы она обращалась ко мнѣ *на ты*, относясь и къ ней такъ же. Между тѣмъ я отправился въ Стольное съ тѣмъ, чтобы чрезъ день опять возвратиться въ Городище и оттуда ѣхать въ Черниговъ. Мать покойница раскошелилась, да и отчимъ далъ пять рублей изъ своего жалованья. Онъ по старому окладу получалъ 120 руб. ассигнаціями въ годъ. Мать дала рублей пятнадцать ассигн., да у меня оставалось рублей тридцать. На другой день на своихъ лошадяхъ я опять поѣхалъ въ Городище для отправки въ Черниговъ. По пріѣздѣ я еще два дня прожилъ въ Городищѣ. Бывало, вечеромъ, когда мы забалакаемся съ покойницей, тесть бѣжитъ и кричитъ: „дочко, иди спать: завтра рано нужно вставать до коровъ, да и ему пора спать: видишь, онъ не хочетъ рано вставать — по-пански!“ По неволѣ удаляешся къ себѣ въ комнату. Онъ спалъ въ передней, а покойница—за нимъ, въ комнатѣ на-лѣво. Въ третьей маленькой комнаткѣ спалъ я. Впослѣдствіи спальня была обоюдною, а моя комната служила буфетомъ, гдѣ помѣщалась вся посуда, чайная и столовая, и оттоль подавался чай, по прежнему обычаю, изъ другой комнаты. Прежде самовары были изъ красной мѣди съ носами, изъ которыхъ, нагнувши, доливали чай, по тогдашнему обычаю, зеленый, въ родѣ пахучей водицы, и при томъ чашками, такъ какъ о стаканахъ и помину не было. Стариками непремѣнно послѣ чаю выпивался пуншъ, поэтому къ чаю не подавали хлѣба, но я заставилъ подавать его, такъ какъ безъ хлѣба не могъ пить чаю.

Каждое утро будущій тесть мой, если онъ не отлучается куда-нибудь по требамъ, непремѣнно ложится поспать. Когда онъ куда-нибудь отлучается, тогда намъ воля, и когда я начинаю ласкаться, она говоритъ: „наче маленькій хлопчикъ: обниматься да цѣловаться. Я втечу“. А затѣмъ говоритъ: „Можетъ, ты хочешь чего-нибудь съѣсть?“ Тогда я говорю: „иди, наточи вонъ той сладенькой наливочки, да отрѣжь ветчины!“—„А не будешь лѣзть ко мнѣ?“—спрашиваетъ она и прибавляетъ: „ну, пойдемъ вмѣстѣ.“—„Не хочу—говорю я—мѣшать тебѣ, такъ какъ это не мое.“ Начинается выпивка и закуска, а когда тесть уже идетъ, все это убирается, и я, какъ святой, сижу и будто книгу читаю. А иногда у насъ бывалъ такой разговоръ: „Вотъ ты,—говоритъ мнѣ покойная жена,—когда поѣдешь въ Черниговъ да наглядишься на своихъ городскихъ барышень, то забудешь меня“.—Этого не будетъ: ты лучше всѣхъ ихъ“—говорю я.

Тесть будущій отнесся ко мнѣ такъ: „Ну, зятю, ты видишь все мое состояніе; денегъ у меня не имѣется, для поѣздки въ Черниговъ я продалъ 150 пудовъ жита, да еще надо гдѣ-нибудь призанять. Я, отбывши свадьбу, поживу съ вами до осени, соберу хлѣбъ, что нужно продамъ и даже сіи хаты (уже былъ отстроенъ домъ въ двѣ комнаты съ кухнею, гдѣ вы всѣ родились), а я буду проситься въ Домницкій монастырь и поступлю въ монахи: мнѣ прискучила хлопотливая жизнь, пора больше думать о душѣ, молитвѣ и спокойствіи. Тогда ты будешь давать мнѣ половину доходовъ съ нашего маленькаго хозяйства. А теперь завтра рано отправляйся въ Черниговъ. Вотъ тебѣ 50 руб. ассигн. на покупки къ свадьбѣ. У насъ все домашнее: я берегъ къ сему случаю. Что касается рому и водки, то они хуже моихъ спиртовъ, а вина полведра купи, да и вообще все нужное по запискѣ. Возьми тамъ лишнихъ рублей пять: можетъ вздумаешь что-нибудь купить. Музыки намъ не нужно: у насъ комнаты не большія, да и жизнь у меня невеселая: было бы что выпить, да поѣсть, да слово доброе сказать. Да у насъ люди не всѣ наши доброхоты. Поживешь—узнаешь“.

На слѣдующій день утромъ я выѣхалъ въ Черниговъ, выслушавъ всѣ наставленія тестя, который, кромѣ того, требовалъ, чтобы я остановился на квартирѣ сына его Павла, къ которому и было передано письмо съ деньгами. По пріѣздѣ въ Черниговъ я первымъ дѣломъ рѣшилъ обратиться къ Мерцалову, какъ секретарю Семинарскаго Правленія. Онъ принялъ меня хорошо, вспомнилъ, что я разумно поступилъ, отказавшись отъ своего намѣренія остаться на годъ въ Черниговѣ и затѣмъ ѣхать въ Медицинскую академію. „Въ теченіе года—сказалъ онъ—все можетъ случиться, а тутъ Промыселъ Вышняго приводитъ тебя къ твоему назначенію“. Затѣмъ, разспросивши меня о женитьбѣ, онъ сказалъ: „завтра въ 10 часовъ я буду въ Семинарскомъ правленіи, и ты явись туда съ аттестатомъ. Я подпишу его и приложу печать, послѣ чего ты долженъ явиться въ Елецкій монастырь къ о. ректору для его отмѣтокъ въ поведеніи и успѣхахъ“. Я такъ и сдѣлалъ. Выйдя изъ Правленія въ 11 часовъ, я почелъ за лучшее къ ректору пойти часа въ три. Я отправился къ нему, взявъ шесть бутылокъ вина разнаго. Онъ принялъ меня очень привѣтливо, позвалъ меня въ залу и, пригласивъ садиться, болѣе получаса разспрашивалъ меня о женитьбѣ, о приходѣ, приданномъ и проч., говоря: „Гляди, будь остороженъ: старички попы надуваютъ вашего брата“,—и разсказалъ при этомъ два примѣра изъ быта сего года, переданные ему самими виновниками онаго. Но о томъ, что мнѣ нужно просить билетъ на женитьбу у преосвященнаго и получить изъ Консисторіи билетъ на таковую, не сказалъ ни слова. Такъ я и уѣхалъ изъ Чернигова и первоначально заѣхалъ въ Стольное. Это было 8-го ноября 1827 года. Переночевавши, я на другой день утромъ прибылъ въ Городище. Здѣсь я засталъ свою невѣсту очень печальной. Отецъ ея былъ въ отлучкѣ, кажется, у Юсухна. По принятіи покупокъ, моя Ирина Федоровна чуть не расплакалась. Тутъ я выслушалъ курьезъ самаго обиднаго и скандальнаго образа. Дѣло въ томъ, что день Архангела Михаила, храмовый день, они проводили у Гаврила Семеновича и Маріи Ефимовны Литвиновыхъ, людей очень гостепріимныхъ и небѣдныхъ по тогдашнему времени. Предъ Юсухномъ они идо-

лопоклонничали, да и самъ тесть былъ этимъ грѣшенъ. Тутъ то подъ веселую компанію Федоръ Ѳомичъ Юсухно, контролеръ Казенной Черниговской Палаты, пустился чернить меня, не знаю ужъ, изъ какихъ видовъ, вѣрнѣе всего, по недоброжелательству: ему очень не хотѣлось, чтобы старикъ оставлялъ приходъ, потому что онъ чувствовалъ грѣшки противъ церкви, такъ какъ постоянно безденежно забиралъ въ долгъ собранный хлѣбъ церковный и, если случалось, то и лишнія деньги. Это ему крайне нужно было по производству въ винокурнѣ и тогдашнему безденежью. Онъ зналъ, что этого не будетъ, когда будетъ назначенъ молодой священникъ, который, хорошо зная церковную инструкцію, этого не допуститъ. Поэтому то онъ и разсказывалъ, что я, занимаясь кондиціями, разбаловался, бралъ постоянно водку у Фейгина за ученіе его дѣвочекъ, пьянствовалъ, бродилъ по вольнымъ домамъ и проч. Дѣйствительно, я бралъ водку, полагаю, ведра два, въ счетъ ученія, но не для себя, а для своего хозяина Еремѣя Васильевича Веприцкаго, и въ томъ же счетѣ для его супруги и приказчика полведра, потому что изъ подвала отпускалась лучшая водка и съ большей уступкой противъ откупной. Я же самъ тогда водки вовсе не пилъ. Когда прибылъ тесть домой, онъ поздоровался и, ничего не сказавъ, объявилъ, что поговоритъ со мною послѣ, а теперь пойдетъ отдохнуть, дочкѣ же приказалъ вынести покуки въ кладовую. Часа чрезъ два началась катавасія въ такомъ родѣ: „что, зятю, будешь робыть? о тебѣ нехорошо говорятъ“. А я ему отвѣчаю: „Тѣ, кто говоритъ, сами нехорошіе люди и стараются другого чернить. Вотъ вамъ мой аттестатъ. Извольте прочитать: въ немъ значится мое поведеніе и успѣхи. Онъ есть мой спаситель отъ клеветы“. Отецъ прочиталъ, задумался и, наконецъ, сказалъ: „Вѣрно свадьбы не будетъ. Прихожане не совѣтуютъ и не желаютъ“. Я отвѣчалъ: „пусть такъ, но за что же вы обижаете вашу дочь. Ахъ, я забылъ: для васъ у меня есть письмо отъ сына Павла“. Я зналъ его содержаніе: въ немъ онъ хорошо обо мнѣ отзывался; поэтому я нарочно и удержалъ его. Далѣе я сказалъ: „ваше нежеланіе можетъ быть удовлетворено: я сейчасъ прощаюсь съ вами и поѣду къ матери, а

на Филипповку уѣду въ Черниговъ, чтобы не терять напрасно времени". Тесть мой, прочитавши письмо сына, сказалъ: „дочко, готовь обѣдать; за обѣдомъ мы поговоримъ". Невѣста же моя все это время горько рыдала въ сосѣдней комнатѣ. По неволѣ и у меня покатилось нѣсколько слезинокъ. Предъ обѣдомъ тесть велѣлъ подать наливки, предложивъ мнѣ выпить рюмки три, а самъ столько же выпилъ водки, сдѣлался совсѣмъ другимъ человѣкомъ и между прочимъ сказалъ: „дѣвка безъ оговорокъ не выйдетъ замужъ, а молодецъ не повѣнчается". Ну, сегодня девятое число, а въ воскресеніе, двѣнадцатаго, ты, дочко, и ты, зятю, готовьтесь къ вѣнцу". Мы встали и поцѣловали его въ руку. Онъ заплакалъ и сказалъ: „дочко, коли твоя доля хорошая, то и пьяница исправится". На это я ему возразилъ, что никогда не заслужилъ я такого титула, а потому и не отношу къ себѣ этой пословицы. Тутъ же я узналъ отъ него, что, многіе говорятъ, будто я чахоточный. На это я ему сказалъ, что, еслибы я чувствовалъ себя въ такомъ положеніи, то никогда бы не завязалъ свѣта его дочери, но моя худоба и блѣдность слѣдствіе только что перенесенной болѣзни, отъ которой я освободился не болѣе, какъ мѣсяцъ назадъ. Послѣ этого дѣло пошло на ладъ. Покойница отправилась въ Синявку къ Марѳѣ Андреевнѣ Лисенецкой, очень доброй барынѣ, у которой шилось все подвѣнечное, а также готовилась постель и шелковое, красное одѣяло. Она же была посаженной матерью.

Двѣнадцатаго ноября, въ воскресеніе, прибылъ къ литургіи тогдашній благочинный, отецъ Іоаннъ Любарскій. По окончаніи литургіи тотчасъ же приступили къ вѣнчанію въ присутствіи всего прихода. Когда окончилось вѣнчаніе, нѣкоторые изъ благородныхъ были приглашены къ закускѣ, потому что все готовилось къ позднему обѣду и ужину. Послѣ закуски начали съѣзжаться изъ другихъ селеній приглашенные знакомые. Въ это время подавались разныя лакомства. Тогда сахарныя варенья были рѣдкостью. Подавали конфекты медовыя, пастилу, ягоды вишневыя, сваренныя въ меду, вино и наливки въ такомъ изобиліи, что хоть купайся. Затѣмъ въ 6 часовъ вечера стали ставить столы во всѣхъ трехъ комнагахъ, сѣни-же были

для уборки посуды. Даже на крыльцѣ были поставлены столы. Ходъ для гостей былъ изъ малой комнаты въ садъ: тамъ находилась дверь, которая на зиму запиралась и забивалась войлокомъ.

Ужинъ продолжался до двѣнадцати часовъ, послѣ чего намъ приготовлена была постель въ существующей и нынѣ кладовой, и насъ проводили свахи съ факелами и сельской музыкой, состоявшей изъ нѣсколькихъ скрипокъ и бубенъ. Нѣкто, Хорошко березнинскій, прибылъ съ двумя скрипачами и самъ въ перемѣшку игралъ на флейтѣ и на кларнетѣ. Съ разсвѣтомъ они устали, и все уже стало мертвымъ сномъ, гдѣ кто попалъ. Однако вскорѣ все поднялось на ноги.

Въ эту ночь выпалъ первый снѣгъ, такъ что мы, напившись чаю и наскоро закусивши, отправились въ Стольное къ матери на обѣдъ. Намъ сопутствовало немного: только Столинцы и одна тетка Городисская, родная сестра тестя, Мареа. Сюда прибыли и три музыканта березнинскіе. Мы здѣсь провели время очень весело. Мать ничего не жалѣла. По тогдашнему обычаю раздавался коровай, и денегъ было собрано до сорока рублей асс. Даниловичи давали по пять рублей асс., по цѣлковому, а въ Городищѣ подарено было до 15 штукъ рогатаго скота, такъ что черезъ годъ я продалъ 12 штукъ мастеру и работникамъ, починявшимъ нынѣшнюю Николаевскую церковь, не дороже десяти, двѣнадцати и пятнадцати рублей асс. за штуку. Это было въ Филипповку передъ Рождествомъ, когда они послѣ работы недѣли за двѣ отправлялись на праздникъ.

Кончивши свадьбу и пробывъ еще два дня въ Стольномъ, мы отправились въ Городище. Житье здѣсь намъ показалось скучнымъ: покойный тесть былъ очень хлопотливый человѣкъ, почти всегда мрачный и скучный. Въ воскресенье или въ праздникъ намъ запрягали лошадей, и мы должны были отправляться съ визитами къ Городищенскимъ и Синявскимъ панамъ. Я нигдѣ у нихъ не нашелъ прямого радушія. Исключеніе составлялъ только домъ покойницы Мареы Андреевны Лисенецкой въ Синявкѣ. Въ прочихъ же домахъ всегда царила сухость, принужденность или ничтожная лесть. Поэтому мы съ неохо-

тою отправлялись съ визитами, а должны были исполнять волю посылавшаго.

Такъ прошли недѣли четыре. Наступалъ храмовой праздникъ святителя Христова Николая. Нужно было позаботиться о пріобрѣтеніи свѣжей рыбы, при помощи тогдашняго церковнаго старосты Аврама Кузьмича Филоненка, весьма зажиточнаго человѣка. Онъ былъ, не смотря на свои 60 лѣтъ, замѣчательно бодръ и необыкновенный хозяинъ, занимавшійся только въ осеннее время рѣзничествомъ овецъ. Онъ былъ гостепріимный и радушный человѣкъ, и запасъ хорошей водочки и наливочки у него не переводился. Онъ каждую осень устраивалъ годовой обѣдъ, освящалъ домъ, угощалъ своихъ ближнихъ и нищій народъ. Для священника и его найлучшихъ пріятелей у него была особенная комнатка, гдѣ яства и питья было въ изобиліи. Онъ былъ преаккуратнѣйшій человѣкъ: въ дворѣ, на гумнѣ и въ клунѣ, по пословицѣ, хоть каши посыпь; въ клунѣ весь хлѣбъ сложенъ такъ, будто стѣнки отлиты; даже чечевица и горохъ не свѣшиваются на токъ, а сложены аккуратно и выдвигаются стѣной. Онъ былъ до того разсчетливъ, что не возьметъ ни одной покупаемой вещи до тѣхъ поръ, пока не выторгуетъ послѣдней копѣйки, даже при покупкѣ бубликовъ и булокъ. Дѣтей онъ не имѣлъ, а принялъ къ себѣ родного племянника; для него-то онъ и собиралъ все. Когда же племянникъ умеръ, тогда онъ совершенно охладѣлъ къ хозяйству. Онъ-то, ѣздя по торгамъ, преимущественно по понедѣльникамъ въ Березное, покупалъ по порученію покойнаго тестя сахаръ, чай зеленый, тогда всюду употребляемый, бублики, булки, а также свѣжую рыбу. Тогда за сахаръ платили по 1 р. 20 к. асс., и бралось его только къ храму 5 ф., а то фунта два—три, не болѣе. Рыба бывала свѣжая, соленая и вяленная, по тогдашнему времени хорошаго качества, изъ которой дѣлался захолодъ. Теперь таковой не встрѣчается, особенно въ Березномъ. Онъ пріѣзжалъ вечеромъ, приносилъ покупку. Сейчасъ приносились счеты, и начинался разсчетъ, т. к. онъ все покупалъ на свои деньги по данной ему записочкѣ. Затѣмъ появлялась водочка и закусочка съ бесѣдою о разныхъ церковныхъ дѣлахъ, и опять

счеты, потому что приближался Новый годъ, и нужно было сдавать книги и деньги. Иногда доходило до спора, болѣе всего за взятыя въ долгъ деньги, или хлѣбъ. Одинъ винилъ другого, но обыкновенно дѣло кончалось миромъ и запивкою, съ порученіемъ старостѣ сходить къ тому, къ другому за должными деньгами. Въ это-то время, дней за пять до Николая, мы отправились въ графскую экономію къ управляющему, тогда Петру Клементьевичу Плющенку, весьма хорошему человѣку, чтобы достать свѣжей рыбы. Тогда экономія сама завѣдывала всѣми озерами на лугу, были свои неводничіе, а потому они сами славливали зимой всю рыбу. Плющенко принялъ насъ радушно, угостилъ, а послѣ повелъ въ амбаръ, гдѣ находилась наловленная рыба. Онъ спросилъ, сколько нужно. Покойникъ опредѣлилъ пудъ щуки, окуней и плотки. Онъ велѣлъ ключнику отобрать пуда полтора, и, не вѣсивши, сказалъ: „забирайте, батюшка; денегъ не надо, а вотъ, когда по просьбѣ вашей пріѣду на храмъ, тогда отопью“. Послѣ этого онъ опять позвалъ насъ въ комнаты, поилъ насъ чаемъ; они выпили по два пунша. Тесть мой всю дорогу былъ веселъ и возвратился домой въ хорошемъ настроеніи, приказавъ дочкѣ почистить рыбу и послать къ Марѳѣ Андреевнѣ Лисенецкой за кухаркою предъ Николаемъ. Въ день самаго храма собралось много гостей изъ Стольнаго, Синявки. Городищане принимались по другимъ домамъ.

Въ день храма я приготовилъ проповѣдь, помню изъ текста: „Праведницы во вѣки живутъ. Мзда ихъ у Господа и попеченіе у Вышняго“. Мнѣ много приносили похвалъ, а тесть былъ въ восхищеніи. Я дня два исправлялъ проповѣдь, а покойница мать ваша просила: „ты-бо, Федоръ, читай голосомъ“. Конечно, въ церкви ей не пришлось быть: она должна была прійти послѣ обхода, чтобы созывать гостей на обѣдъ. Обѣдъ вышелъ на славу: всего было достаточно, а водка и наливка то и дѣло разливалась по рюмкамъ. Пока встали изъ-за стола, то подали и свѣчи. Многіе поспѣшили ѣхать, но тесть никого безъ чаю и, особенно, безъ пунша не отпустилъ, такъ что гости стали расходиться только послѣ двѣнадцати часовъ. Этотъ обы-

чай и я долженъ былъ ежегодно соблюдать, и нынѣ онъ соблюдается. Такъ прошелъ праздникъ.

Скоро однако начала дѣйствовать зависть со стороны тетки Марѳы и ея мужа Василія Лавриненка. У нихъ въ это время было уже четверо дѣтей. Покойный тесть содержалъ почти всю семью. Любимцемъ всей семьи былъ мальчикъ Андрей, весьма проворный съ малолѣтства. Онъ былъ въ высшей степени избалованъ, выпивалъ залпомъ за здоровье дѣда рюмку водки. Эти-то родичи начали подстрекать тестя и настраивать его противъ меня, говоря, будто бы я посягаю на его приходъ силою, чтобы скорѣе выжить его, и вообще разсказывая разныя нелѣпости. Причиной этихъ розсказней было то, что я на собранныя деньги купилъ демикотонную рясу, кафтанъ, лѣтнюю шляпу, а покойницѣ набралъ два платья, купилъ большой шерстяной платокъ на шею, маленькихъ два и на голову темно-коричневый шелковый, высшаго сорта. Эти интриги поселили раздоръ между мной и тестемъ и дѣлали нашу жизнь до того невыносимой, что я однажды сказалъ ему, что, если онъ будетъ вѣрить навѣтамъ, то я оставлю его домъ, уѣду въ Черниговъ, займу кондицію и, скопивши денегъ, вызову жену. Въ Черниговѣ я буду проситься на другой приходъ или же въ полкъ священникомъ. Одна только бѣда, что я женился безъ билета по невѣдѣнію, за что благочинный Любарскій и оштрафовалъ меня 20 рублями, которые тесть и уплатилъ. Тесть мой, видя, что все идетъ неловко, отправился къ сестрѣ Марѳѣ, послѣ чего они совершенно перестали кляузничать и ябедничать, сдѣлались ласковы, входя въ душу, но я зналъ, что послѣ отца намъ придется тоже почти содержать ихъ семейство. Отецъ ихъ отправился на Донъ. Онъ былъ человѣкъ способный столяровать и плотничать, но былъ неровнаго характера и любилъ мотать. Такъ и случилось, о чемъ рѣчь будетъ ниже.—Наступилъ праздникъ Рождества Христова, и тесть мнѣ сказалъ, что онъ намѣренъ прослужить только Свѣтлый праздникъ Воскресенія, а тамъ поѣдетъ въ Черниговъ къ Преосвященному съ прошеніемъ рукоположить меня на его мѣстѣ, а самъ будетъ проситься въ Домницкій монастырь въ монашество. Въ великій постъ съ нимъ случилась большая

бѣда: однажды на второй недѣлѣ онъ запрегъ двое саней по одноконкѣ и съ человѣкомъ отправился въ лѣсъ, чтобы оттоль привезти два сосновыхъ дерева для окончанія домика недостроеннаго, въ которомъ всѣ вы родились и жили до постройки теперешняго дома. Въ лѣсу онъ всталъ на дорогѣ; лошадь потянула, и онъ упалъ на копыль ребромъ. Съ трудомъ доѣхалъ онъ до двора и пролежалъ недѣли двѣ. Во время его болѣзни въ церкви служилъ Стольнинскій священникъ. Послѣ этого тесть еще хуже сталъ кашлять и жаловаться на боль въ боку. Немного поправившись, онъ опять сталъ служить.—Наступилъ и Свѣтлый праздникъ, а спустя недѣлю мы отправились въ Черниговъ. Онъ приготовилъ прошеніе преосвященному архіепископу Лаврентію объ уступкѣ мнѣ прихода и о его желаніи поступить въ монахи въ число братства Домницкаго монастыря, съ дозволеніемъ прожить въ домѣ годъ для устройства по хозяйству. Я отъ себя приготовилъ прошеніе съ представленіемъ аттестата и свидѣтельства о женитьбѣ и удостовѣренія отъ благочиннаго объ уступкѣ тестемъ мнѣ прихода. Явились мы къ Преосвященному и подали прошенія. Прочитавши оныя, онъ съ гнѣвомъ сказалъ: „Что ты будешь дѣлать цѣлый годъ? Голубей гонять, да съ зятемъ ссориться?!“ А обратясь ко мнѣ, сказалъ: „а ты какъ женился безъ билета?“--„По невѣдѣнію“—отвѣчалъ я.—„А, такъ поступай на дьячки!“ Я отвѣчалъ: „Ваше преосвященство, будьте милостивы! Это произошло дѣйствительно по моему невѣдѣнію. „Ну, я оштрафую вѣнчавшаго“—сказалъ Преосвященный и, оставивъ мое прошеніе, возвратилъ тестю его прошеніе, приказавъ уйти. Тесть мой былъ очень раздосадованъ. Я ему сказалъ: „поѣзжайте домой, а мнѣ дайте бланкъ бѣлый или напишите, что вы за рукоположеніемъ моимъ тотчасъ поступаете въ монастырь“. Пока мы доѣхали до квартиры его сына Павла, тесть ничего не говорилъ. Павелъ уже вышелъ изъ класса. Отецъ передалъ ему все происшедшее. Павелъ вполнѣ согласился съ тѣмъ, что я говорилъ, и посовѣтовалъ подавать такого рода прошеніе. Тесть послѣ размышленія сказалъ: „я ѣду сейчасъ домой: пусть зять остается и хлопочетъ, а пріѣдетъ домой, я согласенъ буду“. Проводивши тестя, я цѣлый день

проспалъ, а вечеромъ пошелъ къ Добрянскому и просилъ его побывать вмѣстѣ у секретаря Василевскаго, дѣти коего цѣлый мѣсяцъ ходили ко мнѣ на уроки и танцовать одинъ разъ въ недѣлю, по субботамъ. Добрянскій, когда я ему все разъяснилъ, сказалъ: „Не безпокойтесь. Я самъ завтра поговорю съ нимъ поутру. Здѣсь окончена его работа, и завтра утромъ два рабочихъ понесутъ ее къ нему, а я съ ними отправлюсь для разсчета“. Возвратившись на квартиру и переночевавши, я отправился рано въ Тройцу и явился къ докладчику Развольскому, далъ ему рубль серебромъ. Онъ отдалъ мнѣ прошеніе, поправивъ оное, аттестатъ, а свидѣтельство о бракѣ передалъ въ консисторію. На свидѣтельствѣ значилась резолюція Преосвященнаго: „оштрафовать благочиннаго Любарскаго двадцатью рублями асс.“ Онъ посовѣтовалъ мнѣ явиться недѣли чрезъ двѣ съ прошеніемъ отъ тестя о немедленномъ послѣ рукоположенія меня въ священники поступленіи въ монастырь въ число братства. На другой день мнѣ представился случай, и я уѣхалъ въ Городище съ Синявскимъ дьячкомъ. Прибывши въ домъ, я разсказалъ тестю о моихъ успѣхахъ. Онъ неравнодушно встрѣтилъ мой разсказъ. Дошло почти до спора. „Опять ты меня выживаешь изъ дома“— говорилъ онъ. На это я ему говорю: „объ этомъ надо было думать до вступленія моего въ бракъ, надо было писать и распоряжаться, а теперь поздно дѣлать вашу дочь несчастною. Вы слышали слова Преосвященнаго?“ Въ это время прибылъ только что пріѣхавшій изъ Чернигова Юсухно, и, посидѣвши, они отправились къ нему обѣдать. Юсухно и меня приглашалъ, но я отказался, чувствуя себя не такъ здоровымъ. Много было еще случаевъ неудовольствія, но я все таки добился своего и, получивъ отъ тестя листъ бѣлой бумаги съ подписью его имени болѣе нежели въ половинѣ листа, отправился въ Черниговъ. По прибытіи сюда, я отправился въ гостинницу, куда пригласилъ одного изъ знакомыхъ мнѣ богослововъ, который переписалъ мое прошеніе и тестя, подведши конецъ подъ подпись. Я его угостилъ, хотя тесть далъ мнѣ всего на постриженіе или рукоположеніе во священники 45 руб. асс. да у меня своихъ было еще рублей десять. Въ 8 часовъ я отправился въ Тройцу

и, не зхаодя къ докладчику, вошелъ въ корридоръ и остановился противъ двери въ залу, гдѣ Преосвященный принималъ прошенія лично изъ рукъ. За дверьми я услыхалъ грозный голосъ Владыки и даже ругательныя слова. У меня даже сердце забилось. Оказалось, что нѣкто діаконъ изъ Копачевки Тимофей Волянскій, сынъ тамошняго священника, исключенный изъ класса словесности за дурное поведеніе, успѣлъ жениться и получить діаконское мѣсто гдѣ-то въ черниговскомъ уѣздѣ, надѣлалъ самыхъ непростительныхъ преступленій, напр.—укралъ корову и продалъ евреямъ. Вѣроятно, по прошенію отца, а можетъ быть и жены, за него рѣшился предстательствовать помѣщикъ Илья Ивановичъ Посудевскій, который вмѣстѣ съ нимъ и явился къ Преосвященному. Сначала я слышалъ разныя грозныя слова: „какъ ты смѣлъ утруждать г. помѣщика? за твои непростительныя преступленія я тебя лишу діаконскаго сана и изгоню тебя вовсе изъ епархіи". Наконецъ, онъ закричалъ: „Вонъ, негодяй! Вонъ, мерзавецъ!" Попросивъ помѣщика сѣсть, онъ самъ отворилъ двери и выгналъ виноватаго, какъ собаку. Затѣмъ, поговоривъ довольно тихо съ помѣщикомъ, минутъ черезъ пять онъ отпустилъ и помѣщика. Не знаю, съ какимъ страхомъ я отворилъ дверь и вошелъ въ залу. Преосвященный сидѣлъ въ самомъ углу, въ креслѣ подъ иконами. Вошедши, я еще у порога поклонился болѣе, нежели въ поясъ. Преосвященный взглянулъ и, кивнувъ пальцемъ, подозвалъ къ себѣ. Я подошелъ, поклонился почти въ ноги и подалъ бумагу. Преосвященный до того сдѣлался кротокъ, что я удивился и сталъ смѣлѣе. Прочитавши мое прошеніе, а также и прошеніе тестя, онъ сказалъ: „Вотъ видишь, это надежнѣе для тебя. Я скоро потребую его на мѣсто". Просмотрѣвши мой аттестатъ, онъ предложилъ мнѣ вопросъ о благодати Божіей. Я сказалъ ему латинскую дефиницію „gratia". Онъ потребовалъ поясненія на русскомъ языкѣ. Затѣмъ онъ спросилъ, когда на литургіи хлѣбъ и вино превращаются въ тѣло и кровь Господни. Я отвѣтилъ. Тогда онъ подозвалъ меня къ столу и заставилъ читать старопечатную славянскую книгу. Я прочиталъ бойко. Послѣ того онъ развернулъ Ирмолой и заставилъ меня пропѣть изъ онаго. Я совершенно здѣсь сталъ въ тупикъ, но тотчасъ же

объяснилъ, что я до словесности числился въ свѣтскомъ званіи, а отъ свѣтскихъ не требовалось учить нотное пѣнье, и только при вступленіи въ словесность я узналъ, что преосвящ. Михаиломъ я въ 1809 г. принятъ въ духовное званіе, тѣмъ болѣе, что моя мать въ другой разъ вышла замужъ за капитана, который и заботился о моемъ воспитаніи. Преосвященный, отошедши отъ стола, опять сѣлъ на прежнее мѣсто и велѣлъ запѣть какое-нибудь величаніе, но и тутъ я ни въ зубъ. Онъ запѣлъ самъ величаніе пресвятѣй Богородицѣ, Рождеству Ея, и я подпѣвалъ. Окончивши пѣть, онъ сказалъ: „Плохо! тебя дьячокъ будетъ за носъ водить“: На это я сказалъ, что постараюсь изучить церковное пѣніе. Онъ позвонилъ въ колокольчикъ и написалъ резолюцію на прошеніяхъ, на моемъ—„чинить производство въ священники“, а на прошеніи тестя—представить въ Сvнодъ“. Мои бумаги были отданы мнѣ на руки для отнесенія въ консисторію. Это было въ пятокъ передъ Зеленою недѣлей. Когда я пришелъ въ консисторію, было уже около 12 часовъ. Сюда же прибылъ и докладчикъ Развольскій. Мнѣ было сказано явиться въ субботу въ 9 часовъ, для допроса и выполненія всѣхъ формальностей. Въ консисторіи докладчикъ объявилъ мнѣ, что въ день храма св. Тройцы я буду посвященъ въ діаконы, а потому консисторіи велѣно поспѣшить окончаніемъ моихъ бумагъ. Я забылъ упомянуть еще объ одномъ фактѣ. Выходя отъ Преосвященнаго, я зашелъ къ эконому о. Ѳеодору Миславскому. Онъ былъ сначала Степановскимъ священникомъ, а до поступленія въ заштатъ—благочиннымъ. Вскорѣ онъ не помирилъ со своимъ преемникомъ, продалъ всѣ пріобрѣтенные имъ поля и огороды помѣщицѣ Данилевичъ, а самъ поступилъ въ монахи. Въ то время онъ уже былъ протопопомъ, прослуживъ благочиннымъ болѣе 25 лѣтъ. Благочиніе доставалось послѣ него Волосковскому священнику о. Іоанну Любарскому, недалекому по уму, не чтимому и не любимому Миславскимъ. Причина моего посѣщенія была просить у него въ долгъ рублей 20 асс. Экономъ принялъ меня радушно и на первый мой отзывъ о моей нуждѣ тотчасъ вынесъ мнѣ деньги, впрочемъ спросивъ при этомъ, сколько мнѣ тесть далъ денегъ; узнавъ, что мнѣ дано только

45 р. асс., онъ громко засмѣялся и сказалъ: „А все это бесѣды съ панами и пріемы ихъ. Я хорошо знаю его жизнь, бывши 25 лѣтъ его благочиннымъ: онъ исполнительный и честный человѣкъ, но одна слабость у него—униженіе предъ панами и пріемы ихъ; да кромѣ того въ послѣднее время онъ строго сталъ обращаться съ семьей. Я самъ посовѣтовалъ ему сдать приходъ и поступить въ монахи, зная, что за дочерью онъ ничего больше дать не можетъ".—Я предложилъ ему выдать росписку, но онъ засмѣялся. „Отдашь, когда сможешь, и безъ оной, когда будешь на приходѣ; а можетъ тесть заплотитъ"—сказалъ онъ и, угостивъ чаемъ, отпустилъ съ радушіемъ. Я зналъ, что мнѣ деньги очень потребуются при допросѣ въ консисторіи.—Въ субботу я явился въ консисторію и пробылъ здѣсь почти до перваго часу. Съ меня сняли допросъ и сказали, что послѣ обѣда будутъ изготовлены и переписаны всѣ бумаги къ Преосвященному, а чтобы я завтра, въ день св. Духа, явился для полученія ихъ.—Получивши въ этотъ день свои бумаги и расплатившись съ притѣснителями канцелярскими, начиная отъ столоначальника и до писцовъ, я объявилъ имъ при требованіи прибавки, что больше ничего не имѣю. Взявши бумаги, я съ трудомъ вышелъ изъ консисторіи. Задержать бумагъ они не могли, такъ какъ онѣ всѣ были подписаны членами и секретаремъ. Послѣ этого я пошелъ въ Покровскую церковь, гдѣ стоялъ уже на вечернѣ при молитвахъ, читанныхъ священникомъ. Послѣ литургіи и вечерни я зашелъ къ Добрянскому и, отобѣдавши у него, отправился въ Троицкій монастырь, гдѣ долго пришлось бродить и ожидать, пока архіерей не проснется. Было уже около половины четвертаго, когда я, сидя въ корридорѣ, услыхалъ голосъ Преосвященнаго: „Готовь умываться!" Вскорѣ лакей позвалъ меня. Я подалъ чрезъ него консисторскія бумаги, онъ же вышелъ и сказалъ, чтобы я отправился къ духовнику. Тотчасъ же начали благовѣстить ко всенощной. Выисповѣдавшись у духовника, я вошелъ въ церковь. Началась всенощная съ заутренею, на которой меня заставили читать каѳисмы посреди церкви, а потомъ канонъ съ монахомъ. Пѣвчая пѣла, потому что Преосвященный стоялъ въ алтарѣ отъ начала до конца. Послѣ

утрени мнѣ объявили, чтобы я въ восемь часовъ былъ въ Тройцѣ *на правилѣ*, т. е. выслушать молитвы къ причащенію. И такъ, во время литургіи я посвященъ былъ въ дьякона. Я переодѣлся въ квартирѣ и съ собою принесъ рясу и кафтанъ демикотонные: лучшаго я не могъ приготовить, какъ другіе мои товарищи, облекшіеся въ шелковыя или по крайней мѣрѣ шерстяныя рясы, сшитыя въ Черниговѣ. Послѣ обѣдни экономъ чрезъ послушника велѣлъ мнѣ зайти къ нему. У него я напился чаю съ бѣлымъ хлѣбомъ, поблагодаривъ его цѣлованіемъ въ руку. Онъ предлагалъ мнѣ пойти обѣдать съ пѣвчими, но я отказался и отправился опять къ Добрянскому, гдѣ мнѣ подали уже одному обѣдъ, а послѣ обѣда пригласили къ кофе, послѣ чего я отправился на квартиру, и на завтра, чуть свѣтъ отправился въ Тройцу, чтобы изучить священнослуженіе. На литургіи я діаконствовалъ съ другимъ діакономъ, но не пріобщался, потому что я не вычиталъ правила и не слушалъ заутрени. Послѣ литургіи я зашелъ опять къ Миславскому, обѣдалъ съ нимъ и остался на весь день, испросивъ позволенія ночевать въ монастырѣ, гдѣ и ночевалъ съ пѣвчими. На четвертый день я служилъ одинъ съ новопосвященнымъ священникомъ Василіемъ Бѣльскимъ въ присутствіи его преосвященства. Іеромонахъ и іеродіаконъ стояли у престола для указанія. Я хорошо отправлялъ при помощи іеродіакона все требуемое. Когда мы пріобщались, меня іеродіаконъ подвелъ къ жертвеннику; положилъ на позлащенное блюдце или тарелочку самую большую служащую просфору и двѣ большія частицы отъ изъемлемой для Агнца просфоры и золотой ковшъ съ церковнымъ виномъ. Когда Преосвященный коснулся просфоры или частицы, я цѣловалъ его десницу. Потомъ онъ взялъ ковшъ, а я закушивалъ и запивалъ. Я стоялъ со страхомъ и трепетомъ, послѣ чего онъ, взявши въ руку, большую просфору, благословилъ сю меня и отдалъ мнѣ. Между тѣмъ литургія кончилась. Бѣльскій вышелъ читать заамвонную молитву, но не читалъ ее, а грызъ. Затѣмъ по окончаніи литургіи ему поднесли книгу подъ носъ почти для прочета изъ оной отпуска Пятидесятницы. Онъ едва-едва прогрызъ. Когда онъ подошелъ къ Преосвященному за бла-

гословеніемъ, тотъ разразился цѣлымъ потокомъ брани: „Дуракъ, неучъ! Я жалѣю, что рукоположилъ тебя во священника. Посмотри — сказалъ онъ, указывая на меня—вотъ онъ кончилъ науки, отъ него не требуется исполнять діаконскую должность, а онъ, чтобы изучиться болѣе къ предстоящей должности, старается. Надо отправить тебя на мѣсяцъ въ Соборъ для изученія". Этотъ Бѣльскій былъ изъ исключенныхъ изъ словесности, страшная тупица, сынъ богатаго священника изъ Литвы, лѣтъ двадцати семи; посредствомъ денегъ устроилъ себѣ карьеру.— Я до субботы служилъ съ іеромонахомъ, присматриваясь къ богослуженію. Первую недѣлю Петровки я провелъ безъ дѣла, больше въ снѣ, изрѣдка бывая у Добрянскаго, одинъ разъ былъ у Веприцкаго, да еще по разу въ тѣхъ домахъ, гдѣ я былъ на кондиціяхъ. — Вдругъ въ городѣ распространилась молва, что умеръ дѣйствительный тайный совѣтникъ Милорадовичъ. Въ тотъ же день вечеромъ ко мнѣ на квартиру явился іеромонахъ и передалъ мнѣ распоряженіе Преосвященнаго идти вмѣстѣ съ нимъ въ домъ Милорадовича, гдѣ мы по очереди должны будемъ читать Евангеліе. Погребеніе назначено на 26-е число, въ Тройцѣ. Въ этотъ же день я буду рукоположенъ во священники. Я отправился съ нимъ въ домъ Милорадовича. Около его катафалка стояли всѣ почтамтскіе чиновники въ полномъ парадѣ. Здѣсь передъ столомъ было два аналоя для чтенія Евангелія, а въ ногахъ для чтенія псалтыря. Кругомъ катафалка стояли свѣчники, залитые горящими свѣчами. Пришли священникъ и причтъ. Іеромонахъ облачился въ ризы, а мнѣ сказалъ облачиться въ стихарь по діаконскому обычаю. Началась большая панихида съ длинными напѣвами. На панихиду явилось семейство Милорадовича и, отслушавъ панихиду, всѣхъ насъ и чиновниковъ пригласило къ чаю, послѣ котораго я читалъ Евангеліе, а часу въ девятомъ отправился на его лошадяхъ въ Тройцу слушать поутру заутреню, а послѣ съ нимъ и архимандритомъ мы пріѣхали въ домъ Милорадовича, гдѣ уже была и пѣвчая. Архимандритъ отправилъ краткую литію заупокойную. Вскорѣ прибылъ и архіерей. Началась опять литія, а потомъ выносъ тѣла. Это было трудное дѣло: день былъ по-

годливый, жаркій, и ходить въ старинномъ стихарѣ изъ чернаго бархата съ подбивкою очень тяжело. Мнѣ дали серебряный позолоченный крестъ, аршина въ два вышины съ круглымъ подножіемъ въ толстую палку, и вся погребальная процессія потянулась изъ дома. Гробъ былъ поставленъ на траурныя дроги, запряженныя цугомъ. Упряжь на лошадяхъ также была траурная. Преосвященный, прочитавши Евангеліе, сѣлъ въ карету, а всѣ чиновники шли рядомъ, а нѣкоторые несли его регаліи на богато убранной подушкѣ. Весь церемоніальный кортежъ тянулся позади. Преосвященный по временамъ выходилъ изъ кареты и, прочитавши Евангеліе, опять садился въ карету. Шествіе слѣдовало чрезъ торговую базарную площадь на новый базаръ. При неумолкавшемъ звонѣ колоколовъ процессія съ новаго базара пошла большою кіевскою дорогою. Я до того истомился, что чуть не упалъ. Другой иподіаконъ взялъ отъ меня крестъ, что меня очень облегчило, но одежда все-таки была очень тяжела, не по моему здоровью. Дорога отъ дома Милорадовича до Троицкаго монастыря шла чрезъ новый базаръ и потому составляетъ не менѣе семи верстъ. По прибытіи въ монастырь и по внесеніи гроба въ большую церковь, мнѣ позволили сбросить стихарь и немного освѣжиться на вольномъ воздухѣ. Я посидѣлъ въ тѣни минутъ десять, какъ уже начали благовѣстить къ литургіи, и меня потребовали сейчасъ же облачаться и слушать краткія молитвы къ св. причащенію. Затѣмъ началась литургія, на которой я былъ рукоположенъ или посвященъ во священника. По отпѣтіи погребенія гробъ снесли въ подземный церковный погребъ, гдѣ приготовлены склепъ и могила, по опущеніи въ которую и по выходѣ изъ церкви, было приготовлено нѣсколько экипажей и повозокъ для обратнаго пути въ домъ Милорадовича. По отпѣтіи краткой заупокойной литіи всѣ приглашенные тотчасъ-же сѣли за приготовленный, богато сервированный столъ. Меня, какъ новорукоположеннаго, посадили послѣ протоіереевъ Городисскихъ; преосвященный Лаврентій сидѣлъ на первомъ мѣстѣ. Обѣдъ продолжался очень долго, а послѣ него начали раздавать денежное вознагражденіе. Я получилъ бѣлую четвертную, 25 руб. асс., великую по тогдашнему

времени сумму, да два шелковыхъ черныхъ платка, что мнѣ послужило большимъ подспорьемъ, такъ какъ у меня наличныхъ не было ни гроша. Мнѣ назначили служеніе въ кафедральномъ Соборѣ. При первомъ же случаѣ я отослалъ оба платка да еще покойницѣ на платье купленную полушерстяную матерію, прося тестя прислать мнѣ для отъѣзда лошадей. Предъ литургіей я явился къ Преосвященному за полученіемъ священнической грамоты и архипастырскаго благословенія на новое пастырское служеніе. Преосвященный вышелъ изъ своихъ покоевъ, сдѣлалъ мнѣ приличное наставленіе въ новомъ высокомъ пастырскомъ служеніи, что мнѣ особенно припоминается: первое—быть благоговѣйнымъ и осторожнымъ въ священнодѣйствіи, вести себя честно и прилично, на приходѣ не дружиться съ панами и не вести съ ними компаній, особенно соблазнительныхъ, строго воздерживаться отъ горячихъ напитковъ и вообще быть добрымъ примѣромъ для прихожанъ честною и безукоризненною жизнію. Тестю же велѣлъ передать отъ своего имени, чтобы онъ готовился для поступленія въ монастырь въ число братіи, и что онъ скоро потребуетъ его къ себѣ.—Преосвященный вообще былъ очень добрый архипастырь, безъ всякой спеси. Я пошелъ къ докладчику Развольскому заплатить пять руб. асс. и получилъ изъ рукъ его грамоту, презентованную Преосвященнымъ съ приложеніемъ большой архіерейской печати.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Александръ Ивановичъ Ханенко.

(НЕКРОЛОГЪ).

4-го іюля с. г. умеръ въ Черниговѣ извѣстный тамошній старожилъ А. И. Ханенко. Х—ко принадлежалъ къ числу родовитыхъ малорусскихъ дворянъ, происходя по прямой линіи отъ брата заднѣпровскаго гетмана Михайла Ханенка, Лаврентія, а извѣстный своею образованностью генер. хоружій Николай Ханенко былъ прадѣдомъ Александра Ивановича. Дѣдъ А—ра И—ча былъ предводителемъ дворянства погарскаго уѣзда, въ которомъ вмѣстѣ съ старшимъ братомъ Василіемъ (извѣстнымъ любимцемъ императора Петра III) онъ владѣлъ богатыми имѣніями. Наслѣдство обоихъ братьевъ перешло къ дѣтямъ младшаго брата—Ивана Николаевича (Василій былъ не женатъ), у котораго было нѣсколько дѣтей. Младшій изъ нихъ, Иванъ же, имѣлъ трехъ сыновей—Александра, Ивана и Михайла. Всѣ три брата получили хорошее воспитаніе (кажется, въ московскомъ благородномъ пансіонѣ) и всѣ три они имѣли литературную жилку; родная старина интересовала ихъ болѣе всего, и младшій братъ Михайло Ивановичъ (†1853) напечаталъ въ пятидесятыхъ годахъ, въ Черниговскихъ губ. вѣдомостяхъ, много важныхъ и интересныхъ бумагъ своего прадѣда. Александръ Ивановичъ былъ также большимъ любителемъ письменныхъ памятниковъ мѣстной старины. Служилъ А—ръ И—чъ больше по выборамъ. Въ сороковыхъ годахъ онъ былъ предводителемъ суражскаго уѣзда, а въ 1858 г. былъ избранъ членомъ *черниговск. губ. комитета объ улучшеніи быта крестьянъ,* при закрытіи котораго, на обѣдѣ, произнесъ слѣд. стихи.

Былъ нѣкогда ужасный вѣкъ.—
Въ какомъ то странномъ ослѣпленьи,
Своихъ собратій униженьемъ
Тогда гордился человѣкъ.
. . . .
. . . .
. . . .
Но вотъ ужъ новой жизнью вѣетъ;
Настала счастія пора,—

И сколько славы и добра
Въ прекрасномъ будущемъ свѣтлѣетъ!
Забвенье прошлому! Впередъ!
Позора сброшены оковы...
И пусть на подвигъ жизни новой
Всякъ силы новыя несетъ! [1])

Въ 1860 г. А. И. былъ избранъ членомъ открывшейся тогда черниговской межевой палаты и, познакомившись съ исторіей межеванія, написалъ *Историческій очеркъ межевыхъ учрежденій въ Малороссіи* (Черниговъ. 1870. 126 стр.) Другими литературными работами А—ра И—ча были слѣдующіе очерки:

1) *Городъ Погаръ. Историко-статистическій очеркъ.* 70 стр. (Оттискъ изъ Черниговск. губ. вѣдом. 1871 г.) 2) *Святитель Θеодосій Углицкій. Историко-біографическій очеркъ.* 94 стр. (Оттискъ, кажется, изъ Черниг. епарх. извѣст.) 3) *Историческое описаніе нѣкоторыхъ мѣстностей черниговской губерніи.* Черниговъ 1887. 38 стр. (Оттискъ изъ черниговск. календаря на 1888 г.).—Занимаясь исторіей старой Малороссіи, А—ръ И—чъ Х—ко хорошо зналъ и Малороссію *новую*; особенно хорошо онъ зналъ быть малорусскихъ помѣщиковъ первой половины настоящаго вѣка, при чемъ иногда разсказывалъ изъ этого быта прелюбопытные эпизоды. Много разъ убѣждали мы А—ра И—ча хоть что нибудь записать изъ его воспоминаній; онъ и обѣщалъ бывало, но не могъ онъ рѣшиться *записывать* темныя черты изъ жизни своихъ соотчичей... За то съ любовью записалъ онъ разсказы генерала Котлубицкаго, любимца императора Павла,—этими разсказами никто не могъ быть обиженъ... [2]).

Любя родную старину, А. И. собиралъ особенно старыя южнорусскія книги и собралъ достаточное количество черниговскихъ и кіевскихъ изданій XVII и XVIII в. Ему посчастливилось, между прочимъ, сберечь порядочное собраніе книгъ, повидимому, такого же любителя, какимъ былъ и самъ—бунчуковаго товарища Андрея Дунина Борковскаго (сына генеральнаго обознаго), которое онъ нашелъ въ одномъ изъ пріобрѣтенныхъ имъ имѣній. Библіотека А—ра И—ча подобрана была имъ, въ теченіе долгой его жизни, вообще хорошо, при чемъ болѣе всего въ ней—книгъ богословскихъ и историческихъ. Жаль будетъ, если это собраніе погибнетъ. Умеръ А. И. глубокимъ старикомъ, едва ли не восьмидесяти лѣтъ. Всѣ знавшіе А—ра И—ча долго будутъ его помнить—за его незлобіе и доброту.

А. Л.

---

[1]) Приводимъ лишь отрывокъ: начало и конецъ.

[2]) Напечатаны въ Руск. Арх. 1866 и 1868 г.г.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Лирникъ Андрій Корніенко. Лирникъ Андрей Пантелеймоновичъ Корніенко, крестьянинъ лѣтъ 30, родился въ г. Васильковѣ. 10-ти лѣтъ отъ роду ослѣпъ онъ отъ оспы и былъ отданъ въ науку въ Бѣлую Церковь къ лирнику-слѣпцу Омельяну Адамовичу Шевченку. У Шевченка Корніенко пробылъ три года, деньгами не платилъ ничего, но за то помогалъ ему по хозяйству. Вмѣстѣ съ нимъ у того-же майстра учились еще Дмытрый и Мыколай Пустовытенко изъ д. Яблоновки, васильковскаго у.—Корніенко женатъ, имѣетъ дочь 5-ти лѣтъ. Поетъ онъ подъ аккомпаниментъ лиры слѣдующія бытовыя и духовныя пѣсни: Бида, Теща, Сыротка, Пъяныця, про Соцького; про Почаевську Божу Матирь, Мыколая («Больши ёго нѣсть на земли трона»...), про Спасытеля, Варвару, Лазаря, Олексѣя, Страшный судъ.

Предлагаемыя пѣсни, записаны отъ Корніенка въ Кіевѣ лѣтомъ 1894 года.

№ 1. Соцькій.

Ой хвалыця старшына своимъ сыномъ,
А соцькій своимъ чыномъ:
—Бо я соцькій, маю чынъ,
А десятныкъ ны почимъ.
На хрыстынахъ я буваю,
Въ порвомъ мисти засидаю,
Бо я соцькій, маю чынъ,
А десятныкъ ны по чымъ [1]).
На хрыстынахъ я буваю,
Перву румку водкы выпываю.

[1]) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго двустишія.

Молодыци мене добре знають,
Паномъ-соцькимъ называють.
Якъ надину свій чикменъ,
Знають мене, шо я членъ;
Якъ надину свою бляху,
Всякъ тикае къ чорту зляку.
Якъ увійду я у шынокъ да подыму палку
Всякій каже: вылый, соцькій, водкы чарку.
За те мыни тыльки зле,—
Шо старшина въ морду бъе,
За то мыни тыльки зле,
Шо приставъ мене въ морду бъе,
Справныкъ у деревню уйиждяае,
Соцькій курей розгоняе:
Пока соцькій курей розыгнавъ,
Чуть по морди не доставъ,—
Бо я соцькій, маю чынъ!
А десятныкъ ны по чимъ.—

№ 2. Пъяныця.

Нещаслывый той чоловикъ,
Шо въ шынку напывся;
Жинка дома, просыть Бога,
Шобъ ни съ кимъ не бывся.
А винъ иде иде изъ шынку
Та й спивае;
Сыдыть жынка край виконця,
Слёзы пролывае.
Увиходыть винъ у хату,
Давай горшкы—мыскы быть,
А побывши горшки—мыскы,
Иде въ шынокъ водку пыть,
Идёть винъ да й спивае;
Ой хапнеця до кармана,
А денегъ немае.
Увиходыть винъ у шынокъ
Та зперся на пляшку,
Усихъ богивъ укладае
Въ орандарську ласку [1]).
"Ой ты, пане—орандарю,
Забырай все, що я маю,

---

[1]) Стало быть, шобъ повирывъ.—Добавленіе пѣвца.

А водкы дай!“
Отвичае ёму орендаръ:
—Якъ ты йидного вола маешъ,
То й на того будешъ пыть;
Якъ прыйде часъ робочый,
Чымъ будешъ робыть?—
„Не пытай же, орендарю,
Въ той часъ воливъ розгадаю,
А водкы дай!“
Винъ напывся, винъ найився,
Иде та й спивае;
Жинка сыдыть край виконця,
Слёзы продывае.
Увиходыть винъ у хату,
Отвичае свойий жони:
„Ой чого ты плачишъ?
Вже намъ не буде одначе:
Орандаръ вола возьме“.
—Ой якъ мыни не плакаты,
Шо въ мене дрибныйи диты;
Сама я не знаю,
Де йихъ подиты.—
„Не моя жъ то голова,
Сама ты йихъ навела,
Мусышъ годуваты.
Ой якъ будемъ мы, жинко, добры,
Та у Бога годны,
То мы будемъ, жинко, неголодны.
Якось намъ Богъ дастъ.

№ 3. Страшный судъ.

Горе намъ грѣшныкамъ!
Всегда плаче предстатель.
Когда сойдуть ангели
Дила нашы извищаты,
Тогда протечеть рика огнéная
И пожере всяку тварь земляную
А въ тую пропасть проклятую;
Тогда сонце й мисяць померкне,
Частыйи небесныйи звезди зъ небесъ спадуть
И свитыты не будуть;
Архистратъ Мыхаилъ
Зъ небесъ сойдеть,
На сіянську гору пойдеть,

А затрубить въ семыгласну трубу,
Всѣхъ мертвыхъ отъ гроба розбудыть.
—А встаньте, хрыстолюбывци мои,
Прыступить вы ажъ до царствія,
До царствія небесного,
До престолу херувыиського,
Которымъ царствіе слидувано,
А которымъ пекло слидуванее.—
Праведнія идуть по правой руцѣ,
Грѣшныки возъ лѣвой руцѣ.
Праведныки идуть,—всё веселяця,
Грѣшныки йдуть,—всё смутяться.
Праведныйи йдуть, херовымы [1]) поють,
А грѣшныки йдуть, плачуть-рыдають,
Отца свого, родную матку проклынають:
—Нещаслывой той часъ и годына
Шо насъ отець-матка породыла,
Что насъ маленькымы не учыла,
До Божого дома не водыла,
Што мы въ Божомъ дому не бувалы,
Божыхъ молытовъ не слыхалы,
Зя хресъ, за молитвы забувалы;
Не молылыся Богу со слизамы,
Вечерни по улыцямъ згулялы,
Утрени въ постеляхъ пролежалы,
Службы конець столу просыдилы,
Отца небесного прогнивылы.—
Возглаголавъ имъ царь небесный:
„Пойдить отъ меня prечъ проклятія!
Горять вамъ огня невгасныйи,
Кыпыть вамъ смола невтолимая.
Я самъ изъ Дѣвы Хрыстосъ народывся,
У въ Ордань-рѣкы охрестывся,
У бесмертный гробъ положывся;
Лежавъ же я два дня у гроби умершой,
На третій день воскресывся,
Плащаныцею возъявывся,
Воскресился ко святому воскресенію,
Вознесывся на небеса къ святому вознесенію,
А рады вашыхъ душъ да спасенію“.

---

[1]) Или такъ: „херовымы“ поють.(?)

№ 4. Варвара.

Ой зійшла зора посередъ мора.
Ой то не зора,—то свята Варвара.
А святу Варвару самъ панъ круль сподобавъ,
А святій Варвары подарунокъ давъ.
Свята Варвара подарунку не брала,
Она на цимъ свити жыты не желала.
А звеливъ панъ круль-же гробъ выкопаты,
А святу Варвару въ гробъ жыву сховаты.
А пойихавъ панъ-круль въ далекую войну;
Не богацько забарывся:
Двадцять лѣтъ й чотыры.
Прыйихавъ панъ-круль зъ далекойи войны,
Полягывся въ лужку спочывать спокойно,
А прыснылась святая Варвара,
Шо вона въ гроби жыва,
Кращая стала Варвара въ гроби,
Якъ на свити была.
Звеливъ панъ круль слугамъ гробъ одкопаты,
Святойи Варвары кости розвергаты.
Слуги вѣрніи гробъ откопалы.
„Слугы вы мойи слугы, не вѣрно вы служылы:
Вы святу Варвару во гроби кормылы“.
—Ой пане нашъ, пане крулю!
Не мы йіи кормылы,—
Кормывъ йіи Господь съ вышчого неба,
Бо святій Варвари помырать не треба.—
А звеливъ панъ круль дробно шкла набыты,
А святу Варвару по тымъ шкли водыты.
Излитаеть ангелъ зъ неба:
„Ступай, Варваро, на-шкло, такъ тоби потреба“.
Святая Варвара навколеньки впала:
„Стань мыни, Боже, до порукы,
Да недай мыни, Боже, безвынойи мукы“.
Святая Варвара по тымъ шкли ходыла,
Жаднойи одежды на тили не йимила.
А звеливъ панъ-круль смолы патопыты,
А святу Варвару въ смоли изварыты.
Злитаеть ангелъ зъ неба:
„Ступай, Варваро, въ смолу, такъ тоби потреба“.
Святая Варвара навколеньки впала;
„Стань мыни, Боже, до порукы,
Не дай мыни, Боже, безвынойи мукы!“
Святая Варвара у смоли кыпила,
Жаднойи одежды на тили не йимила.

А звеливъ панъ круль пляцъ пляцоваты,
На святу Варвару ката изозваты.
А сивъ панъ круль изъ катомъ край виконця;
Выстрелыла изъ небесъ стрила зъ-пидъ ясного соньця;
Убыла стрѣла пана круля зъ катомъ,
Сыдя край виконця.

№ 5. Про Олексѣя.

Въ славномъ гради въ Ерусалыми
Тамъ вси дзвоны дзвонять.
Царъ Давыдъ по саду ходыть
И Господа просыть,
„Дай мыни, Боже, хоть йидное чадо“.
Давъ ему Богъ сына Олексѣя.
Ай у Бога превелыкая сыла!
Одружывъ отець по неволи сына,
Звеливъ ему зъ женою въ пари жыты [1])...

А. Малинка.

Кіевъ въ 1787 г. и дѣдъ покойнаго Н. Х. Бунге. Въ небольшой книгѣ Johann'a W. Möller'a — *Reise von Wolhynien nach Cherson in Russland*, изданной въ Гамбургѣ въ 1802 г. и не особенно у насъ извѣстной, а теперь уже и очень рѣдкой, мы находимъ очень краткое описаніе Кіева, значительная часть котораго посвящена упоминанію о старикѣ аптекарѣ Бунге—дѣдѣ недавно скончавшагося Николая Христіановича. Полагаемъ, что нѣсколько страничекъ изъ описанія этого путешествія, совершеннаго въ 1787 г. будутъ имѣть извѣстный интересъ для нашихъ читателей.

«Перваго іюня, на зарѣ, мы въѣхали въ городъ. Мы прошли черезъ низкую часть города (Подолъ), снабженную деревянной мостовой для удобства пѣшеходовъ и экипажей. Дома почти всѣ деревянные и съ номерами; названія улицъ также находятся на угловыхъ домахъ. Церквей и монастырей здѣсь множество; они сложены изъ кирпича и выбѣлены. Самыя красивыя и большія церкви—Софійская, Михайловская и др. расположены на возвышеніи. Городъ населенъ, главнымъ образомъ, купцами и ремесленниками и имѣетъ довольно

---

[1]) Дальше идетъ очень близкій варіантъ псальма про Олексія, помѣщеннаго въ „Кіевск. Стар.“. 1894 г. № 9.

большую базарную площадь, украшенную фонтаномъ. За исключеніемъ двухъ токарей, въ Кіевѣ напрасно было-бы искать художниковъ. Здѣсь также существуетъ Лютеранская церковь, духовный пастырь—господинъ Магистръ Граль, который уже 16 лѣтъ печется о своей паствѣ, состоящей изъ 90 человѣкъ. До сихъ поръ онъ не бралъ платы съ своего прихода, но когда великодушная Государыня въ свой пріѣздъ узнала объ этомъ, она назначила ему и его преемникамъ содержаніе въ 300 рублей въ годъ. Отъ господина Магистра, который приходится зятемъ господину аптекарю Бунге, мы ожидаемъ подробной исторіи этого стараго, славнаго города и его прежнихъ князей. Почтенный старецъ Бунге живетъ здѣсь уже 36 лѣтъ. Кромѣ ботаники, химіи и фармакологіи, онъ занимается еще электричествомъ, приготовленіемъ барометровъ и термометровъ, токарнымъ искусствомъ, а также дѣлаетъ и оттиски медалей. Его комната украшена портретами древнихъ мудрецовъ, а также двумя прекрасными перспективными китайскими картинами на бумагѣ, которыя онъ получилъ въ наслѣдство отъ одного настоятеля Базиліанскаго Ордена, бывшаго въ Китаѣ. Въ Глуховѣ, лежащемъ между Кіевомъ и Москвою, есть, говорятъ, бѣлая жирная глина, изъ которой приготовляется фаянсъ. Господинъ Коллежскій Ассесоръ Еллизенъ изъ Гойи—губернскій врачъ; но я съ нимъ не познакомился, потому что онъ уѣхалъ за 3 мили *на охоту*. Этого послѣдняго, а также и господина хирурга штаба Бланка, хвалили за познанія въ ихъ наукѣ. Тщетно я разспрашивалъ объ ученыхъ и о коллекціяхъ минераловъ или картинъ; но здѣсь все дышетъ Беллоной или слѣдуетъ за Меркуріемъ. Валъ и зàмокъ стараго города, который лежитъ на возвышеніи около Пещеръ, должны быть снесены, и тогда купцы и ремесленники должны туда переселиться, а верхній городъ—называться Владиміրополемъ. Говорятъ, что въ Софійской церкви есть картины Рубенса и Рафаэля Урбино, а также и картины á la Mosaique, о которыхъ упоминаетъ Бопланъ; но время мнѣ не позволило видѣть ихъ, точно такъ же, какъ и посѣтить цѣлебный источникъ, находящійся только въ трехъ верстахъ отъ города. Новый замокъ долженъ быть расширенъ, весь сложенъ изъ кирпича, и непосредственно возлѣ него должна быть проложена дорога въ Нижній-Городъ. Пещеры окружены валомъ и рвомъ и находятся недалеко отъ новаго замка, по сосѣдству котораго также находится деревянный дворецъ Генералъ-Фельдмаршала Румянцева. Монастырь, который тамъ находится, достаточно извѣстенъ по тѣмъ 70-ти святымъ, которые уже 700 лѣтъ какъ находятся въ подземныхъ галлереяхъ. Про-

стоявъ обѣдню, которая была очень торжественна по случаю дня Константина и Елены, о чемъ народу было возвѣщено громомъ пушекъ, я отправился въ гробницы. Онѣ расположены нѣсколько выше уровня рѣки, и спускаться къ нимъ внизъ очень удобно по широкимъ каменнымъ плитамъ, идущимъ винтомъ на открытомъ воздухѣ. Каждый изъ молящихся получаетъ по восковой свѣчѣ, за которую платятъ 2 коп. Одинъ священникъ велъ толпу молящихся, другой замыкалъ ее. Отъ закрытыхъ дверей спускаются еще по нѣсколькимъ ступенямъ, и затѣмъ, все таки кругомъ, отъ одного святаго къ другому, имена которыхъ обозначены у Гербиніуса, но которыхъ, кромѣ изсохшей руки, совсѣмъ нельзя видѣть. У каждаго изъ нихъ богомольцы открываютъ свой кошелекъ, и деньги остаются на платьяхъ святыхъ для поминанія пришедшихъ. Такъ какъ однообразіе утомляетъ, то мое вниманіе было больше направлено на картины, которыми келіи святыхъ были украшены богомольцами, и я очень жалѣю, что долженъ былъ довольствоваться только взглядомъ мелькомъ на нихъ. Позаботились также и о хорошей ключевой водѣ, не смотря на то, что это не кажется особенно необходимымъ, такъ какъ своды пещеръ сами по себѣ уже достаточно освѣжаютъ. Двѣнадцати каменьщикамъ, которые строили своды, оказали честь, положивъ ихъ остатки въ особомъ мѣстѣ; но ни одному изъ паломниковъ не пришло на умъ дать денегъ на поминовеніе ихъ бѣдныхъ душъ, потому, вѣроятно, что думали, что они въ этомъ болѣе не нуждаются послѣ такого достохвальнаго дѣла.

Арсеналъ, который будетъ стоить нѣсколько милліоновъ рублей, воздвигается тоже неподалеку оттуда. Вся мѣстность состоитъ изъ глины, и потому могли быть въ ней сдѣланы подземныя галлереи.

Здѣсь также продаются нѣкоторые китайскіе товары, какъ напр. чай, ревень и шелковыя ткани, которыя привозятся изъ Москвы. Цѣны ихъ значительно повысились, такъ какъ два года уже ссорятся съ Китайцами. Китайское вещество для чиханія, *тензу*, разнаго цвѣта—желтаго, сѣраго и т. д., продается и здѣсь; мое, которое у меня было еще нѣсколькими годами раньше, было желто. Понтонный мостъ былъ недавно поврежденъ и находится ниже Пещеръ».

Ѳ. В.

Ордеръ гр. Румянцева Кіевскому Намѣстническому Правленію отъ 9-го Генваря 1783 г. Со времени введенія здѣсь для управленія губерней Е. И. В. всевысоч. учрежденія должны господствовать правосудіе и порядокъ и престоить всякого рода злоупотребленія, кольми паче жестокости и тиранства, и власть и судъ держащимъ употреблять оныя по точности законовъ. Но изъ доходящихъ ко мнѣ дѣлъ къ большому удивленію оказывается, что тѣ точно, коимъ въ уѣздахъ, а паче въ селеніяхъ наблюденіе порядка препоручено, поступаютъ вовсе тому противно и употребляютъ при слѣдствіяхъ къ отысканію истины и въ исправленіяхъ или наказаніяхъ нѣкоторые отъ суевѣрія или отъ нелучшихъ обычаевъ остающіяся средства и образы, человѣчество уражающіе, какъ то частный смотритель канцеляристъ Хоменковъ въ церкви села Мосенецъ приковывалъ къ мертвому тѣлу убитаго козачьего сына Іосифа Бѣденка невѣсту козачью дочь Христину Водяникову, и священникъ его къ тому допустилъ, но и приказывалъ бывшимъ при погребеніи людямъ взять ее канатомъ и живую положить подъ гробъ. И я не оставилъ о семъ ко всѣмъ малороссійскихъ епархій владыкамъ писать съ просьбою, чтобы они благоволили святость церкви принадлежащую благоразумными своими священниковъ и иныхъ до коего сіе принадлежитъ поученіями охранить; а Нам. Правленію препоручаю всѣмъ въ губерніи низшимъ судамъ и инымъ къ наблюденію порядковъ должностьми обязаннымъ строжайше притвердить, дабы тѣ и другіе какъ по сему пункту церковныхъ чиноположеній, такъ и во всемъ отправленіи ихъ званія и дѣлъ поступали по точности законовъ, не преступая отнюдь черту, имъ во всевысоч. учрежденіи въ разсужденіи власти указанную; а ежели гдѣ окажутся противные оному и вредные общему и частному спокойствію непорядки и злоупотребленія, объ оныхъ въ то же время представляли, куда по тѣмъ всевысоч. учрежденіямъ относить и дѣлать надлежитъ».

Ордеръ этотъ данъ былъ по поводу представленнаго на утвержденіе графа изъ Кіевской Палаты Уголовнаго Суда экстракта изъ дѣла о полковомъ канцеляристѣ Леонтіи Хоменкѣ, который судился за упомянутое въ ордерѣ приковываніе Христины Водяниковой. Дѣло въ томъ, что Хоменко, заподозривъ Христину въ убійствѣ жениха ея, козака Іосифа Бѣденка, котораго, какъ оказалось впослѣдствіи, убилъ казакъ же Степанъ Калина, заключилъ ее вмѣстѣ съ ея отцомъ и матерью подъ арестъ, а затѣмъ, «отославъ оную связанную въ церковь, приковалъ желѣзною цѣпью ко гробу за шею и держалъ такъ

до самого окончанія похороновъ и по многимъ суевѣрнымъ и нелѣпымъ поступкамъ троекратно распрашивалъ ее батоги, и наконецъ, когда уже Калина добровольно признался убійству Бѣденка, фальшиво рапортовалъ ниж. зем. суду, что яко бы и Водянникова въ участіи убійства признаніе учинила». Хоменко больше года содержался въ Кіевѣ подъ карауломъ. Назначенное ему Палатою наказаніе гр. Румянцевъ предложилъ замѣнить «отдачею его на церковное покаяніе духовной власти и потомъ во взысканіи съ него обиженной Водянниковнѣ за бой ея и прочее, по состоянію ея, навязокъ поступить по закономъ».

А. А.

Два письма Г. П. Галагана 1859 г. *(Къ исторіи освобожденія крестьянъ)*. Въ іюнѣ 1858 г. открытъ былъ въ Черниговѣ *губернскій дворянскій комитетъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ*, въ составъ котораго вошли по два члена отъ каждаго уѣзда, и кромѣ того, въ составъ его были назначены два члена отъ правительства; этими членами были: В. В. Тарновскій († 1866 г.) и Г. П. Галаганъ († 1888 г.). Черниговскій комитетъ работалъ семь мѣсяцевъ и 22 февраля 1859 г. былъ закрытъ, выработавъ «проэктъ положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ черниговской губерніи» [1]). Подробное описаніе празднества, которымъ сопровождалось закрытіе комитета, тогда же было описано и напечатано въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ (1859 г., № 9). Были произнесены рѣчи, съ разнаго рода тостами. Г. П. Галаганомъ предложенъ былъ тостъ «за здоровье, счастье, благоденствіе и спокойствіе того класса народа, для котораго мы работали!» —Послѣ закрытія комитета Г. П. Г-нъ уѣхалъ въ Кіевъ и отсюда писалъ А. М. Марковичу, своему товарищу по комитету (отъ глуховскаго уѣзда) первое изъ печатаемыхъ писемъ; второе письмо написано изъ Петербурга, куда Г. П. Г-нъ былъ вызванъ уже въ качествѣ члена редакціонной коммисіи. Оба письма должны войти въ составъ того матеріала, который давно уже пора собирать для исторіи отмѣны крѣпостного права въ Малороссіи.

А. Л.

---

[1]) „Проектъ“ этотъ, напечатанный тогдаже, представляетъ собою важный документъ для исторіи освобожденія крестьянъ въ Малороссіи.

1) Благодарю васъ, многоуважаемый Александръ Михайловичъ, за искреннее удовольствіе, которое вы доставили намъ вашимъ милымъ посланіемъ. Я узналъ въ немъ ту благосклонность, которой мы постоянно были предметомъ съ вашей стороны; и вѣрьте, это не фраза, я бы несмѣлъ ее вамъ написать, а выраженіе истиннаго чувства, неразлучнаго съ мыслію о васъ. Мы добрались довольно хорошо до Кіева, гдѣ отдыхаемъ послѣ черниговскаго комитета. Впрочемъ я долженъ признаться, что отдыхъ вовсе не такъ для меня пріятенъ, какъ я думалъ. Втянувшись въ работу до той степени, что она уже сдѣлалась потребностью, безъ нее скучно и я нахожусь въ затрудненіи выбора какого-нибудь занятія, на ту недѣлю, которую думаю еще пробыть въ Кіевѣ. Здѣсь комитетъ еще продолжаетъ занятія, не смотря на то, что офиціально закрытъ, и это дѣлаетъ честь здѣшнимъ правительственнымъ лицамъ, которые не гнали комитетъ на почтовыхъ, какъ у насъ. Здѣсь многіе удивляются образу дѣйствій нашего губернатора[1]) и я съ своей стороны очень удивлюсь, если его похвалятъ въ Петербургѣ за все что онъ сдѣлалъ. Гессе[2]) поступалъ совершенно иначе, т. е. пассивно, не вмѣшиваясь нисколько съ своими мнѣніями. (Кіевъ, 13 марта, 1859 г.).

2) Хотѣлось сообщить вамъ, многоуважаемый Александръ Михайловичъ, нѣкоторыя подробности о дѣйствіи коммиссіи, въ которую я вызванъ и вообще о направленіи крестьянскаго дѣла въ настоящее время, но горе нашего добраго семейства Кочубеевъ, общая скорбь, въ которой я принимаю столь естественное участіе[3]), не даютъ мнѣ возможности сколько нибудь собрать мысли, и я ограничусь общими чертами.—До сихъ поръ дѣйствіе коммиссіи еще не выразилось.... [4]) положительно; обсуждаютъ общіе вопросы, довольствуются общими мѣстами и часто измѣняющимися предположеніями. На дняхъ мы приступимъ къ разработкѣ уже присланныхъ проэктовъ; ихъ находится у насъ 19 (или 14?); по порядку статей они будутъ между собою сличены, обсужены въ коммисіи и потомъ будетъ объявлено какъ заключеніе, такъ и предположеніе коммиссіи. Тогда вызовутся депутаты отъ комитетовъ и никакого нѣтъ сомнѣнія вызовутъ васъ и Д. Борковскаго[5]). Это будетъ не прежде половины

---

[1]) К. П. Шабельскій.

[2]) П. И. Гессе, бывшій передъ тѣмъ черниговскій губернаторъ.

[3]) Разумѣется смерть Д. В. Кочубея. Г. П. былъ женатъ на его племянницѣ

[4]) Неразобрано слово.

[5]) В-лія Д-ча.

іюня. Позвольте надѣяться, что вы возьмете на себя трудъ принять участіе въ этомъ важномъ общественномъ дѣлѣ. Я слышалъ что вы имѣете намѣреніе ѣхать въ чужіе края, но можетъ быть можно такъ устроить, чтобы эта поѣздка не помѣшала нашему дѣлу, въ которомъ мы такъ надѣемся на ваше безпристрастное содѣйствіе. Васъ продержутъ здѣсь, въ Петербургѣ, я полагаю, не болѣе мѣсяца. Вы объявите ваше мнѣніе на заключеніе коммиссіи. О себѣ скажу, что я еще къ работѣ не приступалъ, но кажется, что она будетъ не безъ борьбы и что если въ Черниговѣ приходилось бороться съ нѣсколько закоренѣлою консервативностью, то здѣсь придется можетъ быть ратовать противъ незаконныхъ требованій теоріи. (С-Петербургъ, 20 апрѣля, 1859 г.).

Мелкія извѣстія.

Раскопки кургановъ въ Кубанской области. Какъ сообщаетъ газета «Сѣверный Кавказъ», въ Кубанской области, преимущественно въ нагорной части Майкопскаго отдѣла, есть не мало насыпныхъ кургановъ, которые раскапывались смѣльчаками, причемъ рѣдко случачалось, чтобы поиски не увѣнчались успѣхомъ. Въ недавнее же время жители станицы Псейбайской въ одномъ курганѣ нашли богатый кладъ, заключающійся въ золотыхъ вещахъ. Между прочимъ были найдены: ваза съ придѣланною къ ней въ видѣ украшенія головкою барана, шейная цѣпочка, браслетъ, литой панцырь, застежки къ нагруднику и другія вещи. Счастливцы, нашедшіе этотъ кладъ, не объявляя о находкѣ, отправились въ станицу Лабинскую, гдѣ думали сбыть найденныя вещи; но болтливость одного изъ нихъ повела къ обнаруженію случившагося, и теперь всѣ они привлекаются къ отвѣтственности за необъявленіе о находкѣ. Однако распростанившіеся разсказы объ этой находкѣ такъ повліяли на жителей окрестныхъ станицъ, что вызвали настоящую манію кладоискательства. Даже нѣкоторые представители станичной власти пожелали попытать счастья въ раскопкѣ кургановъ. Конечно, все это дѣлается кое-какъ безъ всякой научной цѣли, по поводу чего названная газета высказываетъ опасеніе, что, можетъ быть, многое цѣнное въ научномъ отношеніи на всегда пропадетъ для изслѣдователей.

Кладоискательство въ Одессѣ. По сообщенію «Одесскаго Листка», манія кладоискательства овладѣла также и нѣкоторыми обита-

телями Одессы, мечтавшими найти клады на Шишмановской площади, въ Дюковскомъ саду, у Строгонова моста, и, наконецъ, на Хаджибейскомъ лиманѣ, гдѣ будто бы въ 1769 году былъ зарытъ кладъ запорожцами, какъ повѣствуетъ объ этомъ распространившаяся въ Одессѣ выпись или копія какого-то документа, изъ котораго названная газета приводитъ только нѣкоторые отрывки.

Начинается онъ такимъ образомъ: «Писано въ 1811 году 12 апрѣля, писавъ дьякъ Микита». Затѣмъ подробно описывается то мѣсто на лиманѣ, гдѣ будто зарыты «4 чушки съ серебромъ, 1 съ золотомъ, струментъ и дорогà козацька золотà збруя». И въ заключеніе говорится: «Буде тоби и внукамъ и правнукамъ, и не проживешь, тильки молыся Богу и не забувай четырехъ братывъ и товарища Микиту, Василя, Петра и Федора, котори покладалы ци гроши и добро. Боже, поможи добрымъ людямъ найти нашъ кладъ, та й не забудьте и насъ гришныхъ, бурлакъ запорожцивъ».

Надо думать, не запорожцы, а какой-то шутникъ сочинилъ этотъ документъ, чтобъ ввести въ заблужденіе одесситовъ, жаждущихъ обрѣсти зарытыя въ землѣ сокровища.

Архивъ генеральной квартиры Петра Великаго въ с. Борисовкѣ. «Южный Край» сообщаетъ, что въ с. Борисовкѣ, грайворонскаго уѣзда, въ 76 верстахъ отъ Харькова, въ имѣніи потомковъ извѣстнаго графа Бориса Шереметева, существуетъ тщательно сохраняемый небольшихъ размѣровъ двухъэтажный домикъ, въ которомъ жилъ Петръ Великій и на которомъ до сихъ поръ уцѣлѣла надпись: «Генеральная квартера» (русскими и латинскими буквами въ перемежку). Верхній этажъ домика состоитъ изъ двухъ комнатъ, а въ нижнемъ имѣется только одна комната съ галлереей вокругъ ея. Въ одной изъ комнатъ на столѣ сложены кости какого-то громаднаго животнаго, свидѣтельствуя о научныхъ интересахъ Петра Великаго; но болѣе замѣчательнымъ памятникомъ его пребыванія здѣсь является множество фоліантовъ, заключающихъ въ себѣ данныя, относящіяся ко времени Полтавской битвы и вообще къ дѣятельности Петра Великаго на югѣ Россіи. Они помѣщаются въ нижнемъ этажѣ, занимая сверху до низу почти всю единственную комнату этого этажа, а нѣсколько толстыхъ папокъ лежитъ вверху на лавкѣ, которая, повидимому, служила постелью. Этотъ архивъ генеральной императорской квартиры, по замѣчанію названной газеты, еще никѣмъ не разбирался, хотя несомнѣнно является собраніемъ документовъ, представляющихъ большой историческій интересъ, почему газета и обращаетъ на него вниманіе

ученыхъ. Какъ и почему архивъ генеральной квартиры Петра Великаго могъ остаться въ селѣ Борисовкѣ и быть совершенно забытымъ—газета не сообщаетъ.

Объ устройствѣ Гоголевскаго музея. Въ іюньской книгѣ «Кіевской Старины» за текущій годъ мы, на основаніи газетныхъ извѣстій, сообщили о томъ, что въ Васильевкѣ-Яновщинѣ, Песчанской волости, устраивается на суммы Полтавскаго уѣзднаго земства училище въ память Н. В. Гоголя съ библіотекой его имени и что жители названнаго села съ своей стороны собрали 800 рублей для устройства небольшого памятника Гоголя, который предположено поставить на площади передъ училищемъ. Теперь Полтавскія Губернскія Вѣдомости (въ № 123), дополняя эти извѣстія свѣдѣніемъ о томъ, что планъ каменнаго, очень изящнаго зданія, предназначеннаго для этого училища и библіотеки, уже составленъ архитекторомъ Рѣпчанскимъ и что произведена уже и закупка кирпича, вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаютъ, что вышеупомянутаго «памятника не будетъ, но его замѣнитъ другой, болѣе осмысленный, болѣе дающій зрителю памятникъ» —музей, въ которомъ предполагается сосредоточить все, что относится въ воспоминаніямъ о Гоголѣ. При этомъ Губернскія Вѣдомости высказываютъ желаніе, чтобы лица, которымъ дорога память великаго писателя, позаботились о передачѣ черезъ полтавскую уѣздную земскую управу въ музей всего относящагося къ Н. В. Гоголю.

Мысль устроить музей, въ которомъ было бы собрано все, что относится къ воспоминаніямъ о Н. В. Гоголѣ, очень симпатична; но можно опасаться, что, устроившись въ сельскомъ захолустьѣ, этотъ музей будетъ недоступенъ для всѣхъ тѣхъ, для кого онъ можетъ представить значительный интересъ. Въ большинствѣ случаевъ такого рода музеи, посвященные воспоминаніямъ о великихъ писателяхъ, устраиваются при тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ эти писатели прежде воспитывались и которымъ вслѣдствіе того бываетъ особенно дорога память объ нихъ. Но, къ сожалѣнію, тамъ, гдѣ Гоголь воспитывался, объ этомъ не подумали ни тогда, когда, лѣтъ десять съ лишкомъ тому назадъ, воздвигали ему памятникъ, ни тогда, когда нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ былъ отпразднованъ 75-ти лѣтній юбилей этого учебнаго заведенія [1]. А казалось бы, что въ Нѣжинѣ можно было бы легко и безъ особыхъ затратъ устроить такой

---

[1]) См. Кіевскую Старину 1895 г. № 6.

музей, такъ какъ помѣщеніе для него нашлось бы въ тѣхъ самыхъ стѣнахъ, въ которыхъ Гоголь когда-то воспитывался, а изъ сонма дѣйствующихъ тамъ ученыхъ педагоговъ не трудно было бы избрать компетентныхъ лицъ для завѣдыванія музеемъ; и для публики онъ былъ бы доступнѣе вслѣдствіе близости Нѣжина къ желѣзной дорогѣ и къ Кіеву. Однако, хотя это легко было устроить, но не устроилось; а родина великаго писателя не меньше, чѣмъ учебное заведеніе, его воспитавшее, имѣетъ право дорожить памятью объ этомъ писателѣ и собирать все, что относится къ воспоминаніямъ объ немъ. И если тамъ рѣшили раньше сдѣлать то, о чемъ до сихъ поръ не подумали нѣжинцы, то нужно привѣтствовать это начинаніе и пожелать ему всякаго успѣха. Кстати, не за горами приближеніе пятидесятилѣтія со времени смерти Гоголя, которое требуетъ наилучшаго увѣковѣченія его памяти.

Предполагаемое изданіе южнорусскихъ этнографическихъ матеріаловъ. Въ недавнемъ засѣданіи одного изъ существующихъ въ Львовѣ ученыхъ обществъ, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ Верхратскаго, былъ возбужденъ вопросъ объ изданіи южнорусскихъ этнографическихъ матеріаловъ, которыхъ въ послѣднее время собрано значительное количество въ разныхъ обществахъ и частныхъ рукахъ. Послѣ оживленной бесѣды, происшедшей по этому поводу, было рѣшено отдѣлять изъ средствъ ежегодно по 150—200 гульденовъ на изданіе этнографическихъ матеріаловъ особыми книжками, которыя имѣютъ выходить независимо отъ издаваемыхъ упомянутымъ обществомъ «Записокъ». Въ первую книгу войдутъ пѣсни рекрутскія, собранныя и приведенныя въ порядокъ Ос. Маковеемъ.

Четвертый конкурсъ на премію имени Г. Ѳ. Карпова. Общество исторіи и древностей россійскихъ, существующее при Московскомъ университетѣ, открыло четвертый конкурсъ на премію имени Геннадія Ѳедоровича Карпова, къ соисканію которой допускаются всѣ самостоятельныя изслѣдованія по русской исторіи, основанныя на первоисточникахъ; причемъ, въ случаѣ представленія нѣсколькихъ сочиненій одинаковаго достоинства, предпочтеніе отдается тому изъ нихъ, которое относится *къ изученію Малороссіи.* Срокъ представленія сочиненій назначенъ къ 1 ноября сего года, а результаты конкурса будутъ объявлены 24 апрѣля 1896 года.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Album du Monde Jllustré. La Russie et les russes. Выпускъ 1—6.

Въ іюньской книгѣ «Кіевской Старины» за текущій годъ, въ отдѣлѣ «мелкихъ извѣстій», мы сообщили о предпринятомъ въ Парижѣ, съ конца мая этого года, иллюстрированномъ изданіи, которое посвящается Россіи и котораго въ то время мы еще не могли видѣть. Теперь мы получили первые шесть выпусковъ этого изданія[1]), о которыхъ и считаемъ нужнымъ дать отчетъ въ дополненіе къ сообщенному нами извѣстію.

Изданіе это представляетъ собою альбомъ фототипическихъ снимковъ по фотографіямъ съ натуры съ краткимъ объяснительнымъ текстомъ къ нимъ. Каждый выпускъ заключаетъ въ себѣ 16 страницъ въ 4-ю долю листа, и на каждой страницѣ помѣщается одинъ или два снимка съ объяснительнымъ текстомъ подъ ними, занимающимъ нѣсколько строкъ, а всѣхъ выпусковъ, выходящихъ еженедѣльно, будетъ 26-ть. Изданіе ведется редакціею журнала «Le Monde Jllustré» но не составляетъ приложенія къ этому журналу; на него принимается особая подписка по довольно умѣренной цѣнѣ: на шесть мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ имѣютъ выйти 26 выпусковъ, 16 франковъ, а въ отдѣльной продажѣ каждый выпускъ стоитъ 60 сантимовъ (въ Кіевѣ же съ пересылкой—35 коп.). По внѣшности своей альбомъ имѣетъ изящный видъ.

Большая часть снимковъ, помѣщенныхъ въ шести вышедшихъ выпускахъ, изображаетъ зданія въ разныхъ городахъ Россіи; снимковъ, изображающихъ типы народонаселенія, гораздо меньше; притомъ первые исполнены лучше, чѣмъ послѣдніе. Расположены снимки не въ

---

[1]) Вышло гораздо больше (14) выпусковъ, но, проходя чрезъ иностранную цензуру, они не скоро доходятъ до насъ.

какой либо системѣ, а какъ случится, и каждый выпускъ заключаетъ въ себѣ снимки, относящіеся къ разнымъ мѣстностямъ Россіи. Такимъ расположеніемъ ихъ издатели повидимому хотѣли придать своему изданію больше разнообразія.

Во всѣхъ вышедшихъ выпускахъ имѣются снимки, относящіеся къ южнорусскому краю, и больше всего—къ Кіеву, о которомъ въ объяснительномъ текстѣ къ одному изъ снимковъ говорится, что Кіевъ есть истинный центръ чисто славянской Россіи. Именно, къ Кіеву въ этихъ выпускахъ относятся слѣдующіе снимки: памятникъ св. Владиміра, Софійскій соборъ (который въ подписи подъ рисункомъ ошибочно названъ монастыремъ), Печерская лавра, Золотыя ворота, Церкви Андреевская и Десятинная, Праздникъ крещенія Руси, Молитва въ ночлежномъ пріютѣ, Глазная больница и Цѣпной мостъ на Днѣпрѣ. Послѣ Кіева наибольшее количество снимковъ относится къ Одессѣ, именно: Общій видъ Одессы, Одесскій портъ, Бульваръ, Бульварная лѣстница и Малый фонтанъ. Къ другимъ мѣстностямъ относятся слѣдующіе снимки: Видъ Каменецъ-Подольска, Памятникъ Полтавской побѣды, Рафинадный заводъ въ Харьковѣ (почему именно изъ всего, что есть въ Харьковѣ интереснаго или живописнаго, избранъ только этотъ рафинадный заводъ, неизвѣстно кому принадлежащій—представляется непонятнымъ), Ломка лабрадора близъ Городища въ кіевской губерніи, Сельская школа въ Каменецъ-Подолькой губерніи, Почта близъ Австрійской границы, Чугуевскій лагерь.

Наконецъ, есть въ вышедшихъ выпускахъ три снимка, изображающихъ женскіе малорусскіе типы и костюмы. На одномъ изъ нихъ представлена крестьянка кіевской губерніи, а подъ двумя прочими подписи гласятъ: «Крестьянка въ праздничномъ костюмѣ» и «Крестьянка въ рабочемъ костюмѣ», безъ точнаго указанія мѣстности, гдѣ эти типы и костюмы сняты. При этомъ два послѣдніе снимка представляютъ слѣдующій курьезъ: женщина, изображенная въ рабочемъ костюмѣ, сидитъ въ сапогахъ, а женщина въ праздничномъ костюмѣ—босая, и это тѣмъ страннѣе, что на первомъ снимкѣ изображенъ лѣтній рабочій костюмъ, тогда какъ изображенный на другомъ снимкѣ праздничный костюмъ годился бы и для осени. Слѣдовательно, по содержанію рисунковъ и подписей подъ ними выходитъ, что будто-бы малороссіянки носятъ обувь только при рабочемъ или будничномъ костюмѣ, а наряжаясь въ праздничный костюмъ, чтобъ придать себѣ болѣе парадный видъ, обнажаютъ свои ноги, подобно тому, какъ свѣтскія барыни обнажаютъ грудь и плечи при бальныхъ платьяхъ. Далѣе,

на женщинѣ, изображенной въ праздничномъ костюмѣ, надѣта «спидница», а между тѣмъ въ объяснительномъ текстѣ къ рисунку, вмѣсто этой части костюма, идетъ рѣчь о плахтѣ, названіе которой передается по французски въ такомъ видѣ: «la platka»; въ объяснительномъ же текстѣ подъ другимъ снимкомъ сообщается, что будто бы упомянутая «la platka» у малороссіянокъ замѣняетъ (remplace) сорочку. Такимъ образомъ, лишившись обуви при праздничномъ костюмѣ, бѣдныя малороссіянки, въ устахъ автора текста, потеряли и свои сорочки, которыя будто бы замѣняняются у нихъ плахтами.— На всѣхъ трехъ упомянутыхъ снимкахъ изображены головные уборы замужнихъ женщинъ, но въ объяснительномъ текстѣ на это не указывается, изъ чего надо заключать, что авторъ объясненій не подозрѣваетъ того, что головные уборы замужнихъ малороссіянокъ разнятся отъ дѣвичьихъ.

Все это показываетъ, что снимки и объясненія къ нимъ доставляются редакціи людьми недостаточно компетентными, которые, застигнувъ женщину, одѣтую въ праздничный костюмъ, но по какой-то случайности сбросившую съ себя обувь, воображаютъ, что именно въ обнаженіи ногъ заключается для малороссіянокъ парадность убранства; — которые слышали названіе плахты, но не знаютъ, что она такое, да и самое названіе не твердо помнятъ, и которые, не будучи сами свѣдущими въ народной костюмировкѣ, не умѣли или не хотѣли обстоятельно разспросить тѣхъ лицъ, которыхъ они снимали посредствомъ фотографіи.

Изъ подписей подъ снимками видно, что одинъ изъ нихъ (видъ Софійскаго собора) исполненъ по фотографіи Лазовскаго; два снимка, изображающихъ вышеупомянутые праздничный и рабочій костюмы крестьянокъ, исполнены по фотографіямъ Тениненко; по чьимъ фотографіямъ исполнены остальные снимки—неизвѣстно: на это нѣтъ указаній. Снимковъ, заимствованныхъ изъ другихъ изданій, въ вышедшихъ выпускахъ мы не находили: повидимому, всѣ снимки изготовлены для настоящаго изданія.

Н. Ш—въ.

Турцевичъ Ар. Русская Исторія (въ связи съ исторіей великаго княжества Литовскаго). Курсъ III класса гимназій и реальныхъ училищъ. Вильна. 1894 года.

Послѣ выхода въ свѣтъ новой примѣрной программы, утвержденной Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 20 іюля 1890 года, явилась настоятельная необходимость въ составленіи новыхъ учебниковъ, и мы имѣемъ уже нѣсколько попытокъ въ этомъ направленіи, болѣе или менѣе удачныхъ. Къ числу таковыхъ попытокъ принадлежитъ и трудъ г. Турцевича. Указавши на важность и необходимость введенія въ курсъ преподаванія исторіи въ гимназіяхъ и исторіи юго-западной Руси, авторъ высказываетъ мысль, которая сознавалась давно, и нельзя сказать, чтобы не выполнялась составителями учебниковъ. Укажемъ хотя бы на кратенькій учебникъ Иловайскаго, вполнѣ годный и по изложенію и по подбору фактовъ для учениковъ III класса. Въ немъ мы найдемъ статьи и о Даніилѣ Галицкомъ, Миндовгѣ, Гедиминѣ, Ольгердѣ, Ягеллѣ, Витовтѣ. Далѣе юго-западной Руси посвящены статьи объ Уніи Люблинской и церковной, о состояніи православія и религіозной борьбы, о козачествѣ, о возстаніи Богдана Хмелницкаго. Наконецъ, разсказывается тамъ и о дессидентскомъ вопросѣ и о паденіи Польши. Все это изложено достаточно полно для учениковъ III класса. Если мы сравнимъ теперь указанный матеріалъ съ находящимся въ учебникѣ г. Турцевича, то замѣтимъ, что послѣдній вставилъ очень немного новыхъ статей, а главная разница заключается лишь въ томъ, что изложеніе г. Турцевича подробнѣе и изобилуетъ большимъ количествомъ фактовъ. Но мы тутъ позволимъ себѣ не согласиться съ уважаемымъ авторомъ. Въ своемъ предисловіи онъ предупреждаетъ, что внесенный имъ въ свой учебникъ рядъ второстепенныхъ статей предназначается лишь для прочтенія въ классѣ, а для изученія не обязателенъ, хотя считаетъ однако-же желательнымъ, чтобы тѣ второстепенныя статьи, которыя посвящены исторіи юго-западной Руси, не только прочитывались, но и изучались. Во первыхъ, какъ мы уже указали, матеріалъ по исторіи юго-западной Россіи, въ томъ объемѣ, какой мы находимъ напр. въ учебникѣ Иловайскаго, вполнѣ достаточенъ для учениковъ III класса. Во вторыхъ, мы думаемъ, что, отдавая преимущество статьямъ по исторіи юго-западной Россіи, мы будетъ повторять ошибку тѣхъ, которые

раньше поступали такъ по отношенію къ исторіи Руси сѣверо-восточной, По нашему крайнему разумѣнію, вопросъ можетъ заключаться только лишь въ томъ, слѣдуетъ-ли для ученика гимназіи вообще расширить объемъ усваиваемаго историческаго матеріала? Что касается вообще мелкаго шрифта, то въ учебникѣ III класса онъ является вполнѣ излишнимъ: ученику въ возрастѣ до 13 лѣтъ нельзя преподавать исторію прагматически, и не слѣдуетъ обременять его памяти излишнимъ количествомъ фактовъ. Для установленія-же внѣшней связи между событіями достаточно нѣсколькихъ словъ. Стр. 26, 27 и часть 28, заняты мелкимъ шрифтомъ, посвященнымъ подробному изложенію фактовъ изъ исторіи Ливоніи, это §§ 23, 24, и 25—«древняя Ливонія», «Начало въ Ливоніи католичества», «Орденъ меченосцевъ и покореніе Ливоніи нѣмцами». Все это необходимо было изложить въ немногихъ словахъ и при томъ перенести въ основной текстъ, такъ какъ исторія образованія Ливонскаго ордена указана въ программѣ III класса. То-же самое надо сказать о мелкомъ шрифтѣ на стр. 69, 70 и 71, 97, матеріалъ котораго частью долженъ быть признанъ для ученика III класса излишнимъ, частью-же перенесеннымъ въ текстъ. Не можемъ при этомъ не указать, что и нѣкоторыя статьи въ основномъ текстѣ учебника г. Турцевича изложены очень подробно, и не было-бы ущерба въ ихъ сокращеніи. Къ числу такихъ надо отнести статьи: о началѣ кіево-печерской Лавры, о малолѣтствѣ Ивана IV и первомъ времени его правленія, о дѣтствѣ и юности Петра В., о сверженіи Софіи и др. Что касается изложенія, то нельзя не пожелать, чтобы оно отличалось въ учебникѣ, предназначенномъ для учениковъ III класса, большею легкостью и даже, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, большею доступностью. Мы не можемъ признать, чтобы такія тирады, какъ на стр. 110, 111 и 112, были полезны, какъ малопонятныя и ровно ничего не говорящія ни уму, ни сердцу ученика. Вотъ одна изъ такихъ тирадъ: «*не найдя отвѣта на всѣ толпившіеся въ его умѣ запросы* ни въ славянской грамматикѣ Смотрицкаго, ни въ ариѳметикѣ Магницкаго... (110), или: «Не имѣя никакой охоты къ самообразованію, онъ не любилъ ничего русскаго, постоянно оказывалъ предпочтеніе всему нѣмецкому и рѣшительно не умѣлъ примѣняться къ обстоятельствамъ». (112). Въ связи съ выборомъ матеріала и такимъ или инымъ его распредѣленіемъ стоитъ его качество. Мы, какъ и прежде, продолжаемъ держаться того мнѣнія, что учебникъ долженъ отвѣчать требованіямъ науки и передавать фактическій матеріалъ въ томъ видѣ, въ какомъ въ данное

время онъ является въ научной литературѣ. Разсматривая учебникъ г. Турцевича съ этой точки зрѣнія, мы должны признать его выдающимся явленіемъ въ руской учебной литературѣ. Составитель христоматіи по исторіи юго-западной Россіи остался вѣренъ наукѣ и при составленіи учебника. Можно указать лишь двѣ-три неточности, допущенныхъ авторомъ, по всей вѣроятности, совершенно случайно. Такъ, при перечисленіи народовъ, населявшихъ территорію Восточной Европы въ моментъ образованія Русскаго государства, г. Турцевичъ не указываетъ мѣстъ ихъ обитанія и включаетъ въ ихъ число Половцевъ, явившихся, какъ извѣстно, лишь во второй половинѣ XI ст. Въ разсказѣ объ обычаяхъ Славянъ получается неточность отъ пропуска двухъ словъ: «у русскихъ», такъ какъ у балтійскихъ Славянъ храмы существовали. На стр. 21 сдѣлана крупная ошибка въ этнографическомъ отношеніи, еще болѣе и рѣзче выступающая на стр. 28. Авторъ придаетъ Половцамъ татарское происхожденіе, а затѣмъ самихъ татаръ считаетъ Монголами. Въ дѣйствительности нѣтъ ни того, ни другого: половцы и татары—два народа тюркской (или турецкой) вѣтви урало-алтайскаго племени, а монголы суть чистые представители другой вѣтви того же племени—монгольской, къ которой принадлежатъ китайцы, японцы и т. д. Такимъ образомъ, характеристика татаръ на стр. 28 неправильна и относится только къ монголамъ, нѣсколько отрядовъ которыхъ участвовало въ нашествіи на Русь, при чемъ начальники всѣхъ вообще отрядовъ и ханъ Бату съ семействомъ были также монголы. Масса-же завоевателей состояла изъ татаръ, подъ которыми надо разумѣть покоренные и затѣмъ увлеченные въ походъ народцы Туркестана тюркскаго происхожденія. Къ числу фактическихъ неточностей надо отнести и утвержденіе, будто Витовтъ легко овладѣлъ смоленскимъ княжествомъ, между тѣмъ, какъ ни одна изъ русскихъ земель не боролась такъ съ Литвой, какъ Смоленская; будто Борисъ Годуновъ прикрѣпилъ крестьянъ къ землѣ, хотя это и до сихъ поръ въ наукѣ вопросъ спорный. По нашему крайнему разумѣнію, объясненіе происхожденія козачества, предлагаемое г. Турцевичемъ, также не отличается точностью, а слово козакъ существовало у половцевъ еще до нашествія татаръ. Въ заключеніе не можемъ не указать автору на два упущенія, довольно странныхъ: ни слова не сказано о гетманѣ Сагайдачномъ, и нѣтъ упоминанія о Скопинѣ Шуйскомъ. На сколько мы въ состояніи слѣдить за литературой русской исторіи, намъ кажется, что можно было-бы безъ ущерба выпустить легенду о бармахъ Мономаха, а также

не повторять не соотвѣтствующую строгой научной дѣйствительности мысль, будто послѣ 1169 (1170) г. Кіевъ пересталъ быть матерью городовъ русскихъ.

П. Голубовскій.

Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости 1892 г., 900+XVI стр., 1893 г., 768+XV стр. и 1894 г., 802+13 стр.

Кіевскія Еп. Вѣдомости, начатыя съ 1860 г., первыя два десятилѣтія были сборникомъ очень цѣннаго историческаго матеріала; затѣмъ содержаніе ихъ нѣсколько поблекло, но въ послѣдніе годы снова стали появляться въ нихъ статьи, имѣющія научное значеніе. Такъ въ №№ 1—6 за 1892 г., въ Еп. Вѣд., напечатанъ длинный перечень тѣхъ повседневныхъ притѣсненій, которыя терпѣло сельское православное духовенство Кіевщины отъ поляковъ во втор. пол. XVIII в. Случаи приводятся въ родѣ слѣдующихъ: 1) Въ 1769 г., бѣлоцерковскій губернаторъ Рыльскій прислалъ пять человѣкъ своихъ козаковъ до православнаго священника с. Острѣекъ, Марка Тишковскаго, занять (т. е. забрать) у него съ двора, безъ всякой причины, воловъ шесть, которые и заняли самихъ лучшихъ; за испрошеніемъ коихъ о возвращеніи хотя свящ. Маркъ къ оному губернатору не единожды и ѣздилъ и съ плачемъ просилъ, однакъ оный не отдалъ, сказуя: для чего ты православный, а не уніатъ; здѣсь де въ старовствіи (бѣлоцерковскомъ) не надобно ни одного православнаго и пока де ты не станешь уніатомъ и не принесешь съ консистору уніатскаго свидѣтельства, до тѣхъ поръ и воловъ не возвращу. Почему онъ священникъ—принужденнымъ былъ поѣхать въ консисторъ уніатскую и приставши на унію, привезъ къ оному губернатору официала письмо, по которому онъ, губернаторъ, и волы возвратилъ, сказуя: если и прочіе схизматики отъ схизмы пристанутъ на унію, то не только имущество цѣлое возвращено будетъ, но и винности, какія бъ ни были, будутъ прощены... 2) Въ 1770 г., отъ уманскаго губернатора Руцкаго посланные польскіе козаки, напавши гвалтовно на домъ священника с. Крупнискаго Даніила Долгопольскаго и на его приходскую церковь, въ коей заграбили чашу серебряную вызолоченную, гробницу серебряную, книгу трафолой, ризы, воску окъ 15, звонъ 1, свѣчъ братскихъ и проч., у священника все имущество до остатка забрали и домъ разорили,

а потомъ, взявши онаго священника съ женою подъ караулъ, повезли въ м. Соколовку, гдѣ оный священникъ въ неволѣ, закованный въ кандалы желѣзные, чрезъ 12 недѣль находился, отчего и ноги поотгнивали, такъ что оными и ходить не можетъ, а лазитъ на рукахъ. Освобожденъ же оный священникъ изъ подъ караула, когда жена изъ неволи бѣжала и за приходомъ въ Умань занесла жалобу о своемъ мужѣ, бывшему тогда въ Умани г. генералу Зоричу, который приказалъ освободить ея мужа; церковь же православная на унію отнята.—Такихъ случаевъ описываются сотни; описанія сохранились въ архивѣ кіевской консисторіи. Они показываютъ, какъ просто хотѣла Польша разрѣшить религіозный вопросъ русскаго народа... Уничиженіе религіи послѣдняго повело къ тому, что когда въ 1798 г. кіевскій митрополитъ Іерофей сталъ осматривать сельскія церкви своей митрополіи, то нашелъ, что—«многія церкви, обветшали, не малеваны; кресты, на куполахъ стоящіе, клонятся къ паденію; полы внутри олтаря и церкви не ровны и отъ гнилости проломались, а гдѣ полы выслаты кирпичемъ, тамъ открылись отъ хожденія ямы; въ иныхъ же церквахъ никакого пола нѣтъ, а одна и та неровная, т. е. съ буграми и долинами, земля, произрастающая отъ влажности траву»... Изъ подробностей того запустѣнія, которое нашелъ митрополитъ по сельскимъ церквямъ, видно, что послѣднія имѣли видъ ветхихъ сараевъ, отличавшихся отъ нихъ лишь крестомъ на крышѣ...

Затѣмъ въ 1892 г. напечатаны статьи: 1) *О могилѣ Аскольдовой въ Кіевѣ* (рукопись к. XVIII в.), 2) *Розысканіе мощей св. стр. кн. Бориса и Глѣба,* 3) *Бѣдственное положеніе прав. духовенства въ Бѣлоцерковскомъ округѣ, въ 1796 и 1797 г.г.*, 4) *Опись Животовской протопопіи въ 1775 г., (№№ 14 и 16),* 5) *Опись церквей уманскаго уѣзда, возсоединенныхъ изъ уніи*, 6) *Къ 50 лѣтнему юбилею Кіево-Десятинной церкви* (поправки прот. П. Л. къ газетной статьи) *и* 7) *Михаилъ, митрополитъ кіевскій XII в.*—Изъ этихъ статей обращаютъ на себя вниманіе примѣчанія редакціи къ составленному въ прошломъ вѣкѣ очерку Аскольдовой могилы; тутъ мы читаемъ: «помѣщая это историческое извѣстіе объ Аск. М., мы хотѣли бы обратить вниманіе читателя на то, что въ семъ извѣстіи, составленномъ за сто лѣтъ до нашего времени, вовсе не упоминается о гробницѣ или гробѣ б. обладателя Кіева Аскольда, погребеннаго здѣсь въ 9 вѣкѣ. Хотя съ нѣкотораго времени указываютъ гробъ Аскольда подъ церковью Аскольдовой могилы, ссылаясь на монастырское пре-

даніе, но намъ достовѣрно извѣстно, что преданіе это образовалось весьма недавно, не раньше 1866 года, и происхожденіемъ своимъ обязано недоразумѣнію простецовъ, участвовавшихъ въ праздновавіи тысячелѣтія отъ времени крещенія Аскольда и Дира, совершенномъ въ этомъ году при настоятелѣ монастыря архимандритѣ Θеоктистѣ, съ чѣмъ вмѣстѣ вспоминалось и первое крещеніе кіевлянъ въ 862 г. греческимъ епископомъ Михаиломъ. Торжество состояло въ томъ, что въ день св. Николая, 9 мая, совершенъ крестный ходъ изъ Кіево-Николаевскаго монастыря на Аскольдову могилу и затѣмъ въ церкви Аскольдовой могилы преосвященнымъ Порфиріемъ отслужены соборнѣ литургія, и по окончаніи литургіи—панихида, на открытомъ воздухѣ, за алтаремъ церкви, по князѣ Николаѣ (подъ которымъ разумѣлся Аскольдъ) и по всѣмъ отъ вѣка преставлшимся православнымъ христіанамъ. Праздничный день, крестный ходъ и прекрасная погода привлекли массу народа на Аскольдову могилу. Хотя въ объясненіи сввершавшагося празднества было роздано значительное количество брошюръ о празднуемомъ событіи, но народу хотѣлось еще знать, гдѣ именно на Аскольдовой могилѣ гробъ Аскольда, о чемъ въ брошюрѣ не говорилось. Разрѣшая по своему этотъ интересовавшій многихъ вопросъ, одни (военные писаря) указывали на то мѣсто за олтаремъ церкви, на которомъ стоялъ преосвященный во время панихиды и гдѣ была какая то могилка неизвѣстнаго покойника, а другіе (изъ монастырскихъ служекъ) говорили: не здѣсь, а подъ церковью, въ склепѣ, (въ которомъ предано землѣ нѣсколько гробовъ съ покойниками, а въ числѣ ихъ здѣсь погребена и Ефросинія Мих—на Воронецъ, незначащаяся въ надгробныхъ надписяхъ). О таковомъ недоумѣніи народа и отвѣтахъ на недоумѣнные вопросы упоминалось, послѣ сего, и за трапезой у настоятеля монастыря; но никто не сдѣлалъ тогда печатнаго разъясненія въ какомъ нибудъ печатномъ органѣ. Лѣтъ 12 спустя, казначей Кіево-Николаевскаго монастыря, донося консисторіи о погребеніи подъ церковью Аскольдовой могилы тѣла ген.-адъют. Карцова, перевезеннаго изъ г. Харькова, нашелъ возможнымъ въ рапортѣ своемъ прописать по своей простотѣ, что гробъ ген. Карцова поставленъ въ склепѣ подъ церковью, рядомъ съ гробомъ князя Аскольда. Въ послѣдствіи оказалось, что мнѣніе это было не единичнымъ о. казначея, его раздѣлили и другіе, ссылаясь уже на монастырское преданіе. Наконецъ въ № 1346 Правит. Вѣстн. за 1891 г. напечатано и въ «Кіевск. Словѣ» тогда же, въ извѣстіи о погребеніи прот.

І. Г. Наумовича, перепечатано, что подъ плоскимъ сводомъ церкви на Аскольдовой могилѣ виднѣется древняя каменная гробница князя Аскольда, убитаго Олегомъ въ 882 г. и здѣсь погребеннаго».— «Для возстановленія истины», редакц. заявляетъ: 1) что никакой каменной гробницы въ склепѣ подъ церковью на Аскольдовой могилѣ нѣтъ и не было, а есть низкое изъ кирпича надгробіе, на которомъ вѣроятно предполагалось положить плиту каменную или чугунную. Его то, по всей вѣроятности, и призналъ о. казначей монастыря за гробъ князя Аскольда. Кирпичъ и его кладка недавняго времени. 2) О существованіи здѣсь гроба Аскольда нѣтъ никакихъ историческихъ указаній, кромѣ извѣстія лѣтописи о томъ, что на могилѣ Аскольда Ольма построилъ церковь св. Николая. Не говоритъ о гробѣ Аскольда Иннокентій Гизель, архимандритъ печерскій, въ своемъ Синопсисѣ, не показывали его здѣсь ни патріарху антіохійскому Макарію въ 1654 году, во время посѣщенія имъ Кіева и Никольскаго монастыря, бывшаго тогда еще на Аскольдовой могилѣ, ни митрополиту московскому Платону, бывшему здѣсь въ 1804 году, и никому изъ высокихъ посѣтителей нынѣшняго вѣка. Наконецъ гробъ Аскольда не былъ извѣстенъ ни одному изъ настоятелей Кіево-Николаевскаго монастыря, въ числѣ которыхъ были Антоній (архіепископъ разанскій), Нектарій (архіепископъ харьковскій), Іоанникій (нынѣ митрополитъ кіевскій), Филаретъ (епископъ рижскій), и до 1886 г. никакого преданія о семъ гробѣ тогда никто не слыхалъ. Такимъ образомъ нѣтъ никакого основанія искать и видѣть теперь подъ церковью Аскольдовой могилы гробъ Аскольда. Нельзя даже сказать и того, въ гробѣ или безъ гроба погребены Аскольдъ и Диръ, такъ какъ надъ ними были насыпаны могилы по языческому обычаю. Но если остатки Аскольда были преданы землѣ и въ гробѣ, то при разныхъ измѣненіяхъ на этой мѣстности въ теченіи 1000 лѣтъ, кости его могли весьма утеряться, какъ остаются намъ неизвѣстными остатки не только многихъ князей, потомковъ св. Владиміра, погребенныхъ въ церквахъ Кіева, но и гробницы многихъ князей и знатныхъ мужей литовскаго періода, положенныхъ подъ поломъ великой лаврской церкви. Сокрытое подъ спудомъ большею частію скрывается навсегда отъ насъ и современемъ теряется изъ памяти человѣческой».—Нельзя не поблагодарить ред. Еп. Вѣд. за эту интересную замѣтку, служащую къ разсѣянію тумана устныхъ преданій, такъ легко усвояемыхъ толпою. Только жаль, что при этомъ не объяснено, попутно, для чего устроенъ былъ склепъ подъ церковью

Аскольдовой могилы, такъ какъ не думается же, чтобы онъ сдѣланъ былъ для погребенія частныхъ лицъ, хотя бы и именитыхъ...

Статья о митрополитѣ кіевскомъ Михаилѣ (П. Л.) составляетъ перепечатку изъ «Кіевск. Старины».

Содержаніе Еп. Вѣд. за 1893 г. богаче предыдущаго года, какъ это видно изъ слѣд. переченя статей: 1) *Слово, сказанное Георгіемъ Конисскимъ въ кіево-софійскомъ соборѣ, при погребеніи Рафаила Заборовскаго, митрополита кіевскаго, 29 ноября, 1747 г.* (№ 1), 2) *Лебединскій Георгіевскій монастырь* (№№ 1—3), 3) *Кіевскій митрополитъ Рафаилъ Заборовскій* (№ 2), *біографическій очеркъ, составленный ок. 1760 г.*, 4) *Рѣчь проф. А. Максимовича при открытіи кіевск. дух. семинаріи, въ 1817 г.*, (№ 2), 5) *Объяснительные параграфы по исторіи западно-русской церкви, С. Голубева*, (№№ 3, 4, 5, 12, и 24), 6) *Рѣчи—о пользѣ словесности, іеромон. Кирилла Куницкаго, и de nexu philosophiam inter et theologiam, проф. И. Скворцова*, (№№ 4, 5 и 8); обѣ произнесены при открытіи кіевск. дух. семинаріи, въ 1817 г., 7) *Подати Subsidium charitativum и emergentia, прот. П. Орловскаго,* (№ 6 и 7), 8) *Въ защиту кіевск. митрополита Петра Могилы, С. Голубева* (№№ 9—11), 9) *О кіево-софійскомъ соборѣ*, по поводу газетной статьи, *прот П. Л—ва*, (№ 11), 10) *Съ какого времени и почему состоящіе въ Польшѣ, на Украинѣ, правосл. монастыри и церкви состояли въ вѣдѣніи переяславскихъ архіереевъ*, (№ 14), 11), *Описаніе малороссійскихъ городовъ, мѣстечекъ и селъ бѣлоцерковскаго полка съ переписью жителей, приведенныхъ къ присягѣ на вѣрность царю Алексѣю Михайловичу*, (№ 15), (перепечатка изъ X-го тома актовъ Ю. и Зап. Россіи), 12) *Статьи о распространеніи уніи въ кіевской митрополіи во втор. пол. XVIII в.*, (№№ 17, 18, 21, 22 и 23), 13) *Объ инструкціи для кіевск. дух. акад. 1763 г, С. Голубева*, (№№ 19 и 20) и 14) и *Протодіаконъ Н. Заградскій, прот. П. Орловскаго*, (№ 23).

Исторія правобережныхъ малорусскихъ монастырей очень бѣдна вслѣдствіе тѣхъ разореній, которыя такъ часто терпѣлъ правый берегъ Днѣпра, при чемъ разорялись и монастыри, а вмѣстѣ съ ними гибли и ихъ архивы. Уже въ прежніе годы на страницахъ Кіевск. Епарх. Вѣд. началось печатаніе историческихъ очерковъ этихъ монастырей по сохранившимся въ консисторскомъ архивѣ матеріаламъ. Здѣсь напечатанъ такой *очеркъ Лебединскоіо монастыря*. основаннаго между 1657 и 1667 г.г. и получившаго первые охранительные универсалы отъ Петра Дорошенка. Исторія монастыря

доведена до его упраздненія въ 1845 г., для поддержанія Чигиринскаго женскаго монастыря, которому и были переданы «жалованье и угодья» Лебединскаго монастыря. Матеріаломъ для очерка послужилъ тотъ же архивъ кіевской консисторіи, въ которомъ, какъ извѣстно, хранятся богатые матеріалы для исторіи церквей и духовенства кіевской епархіи.

Изъ «параграфовъ» г. Голубева могутъ быть отмѣчены слѣдующія замѣтки: Время кончины мстисл. еписк. Іосифа Бобриковича.—Замѣчанія о времени кончины князей Константина и Василія Острожскихъ.—Объ отношеніи Бобриковича къ митр. Могилѣ. Объ игуменствѣ Ісаіи Копинскаго въ Межигорскомъ м—рѣ. Поправка свѣдѣній. О мнимомъ изданіи Слёзкою могилинскаго катихизиса.—Особенно интересныхъ свѣдѣній въ этихъ замѣткахъ не имѣется.

О *«Харитативѣ»* напечатана въ «Кіевск. Старинѣ» за прошлый годъ (мартъ, 382—402) обстоятельная статья того же автора, почему мы и проходимъ молчаніемъ статью Епарх. В—стей.

Инструкція для кіевской дух. академіи составляетъ «мнѣніе академической корпораціи 1753 г. о возможно лучшей постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла въ академіи», при чемъ мнѣніе это выражено въ подробной программѣ преподаванія и въ правилахъ для преподавателей и учениковъ. Документъ этотъ представляетъ собою въ высшей степени цѣнный матеріалъ для исторіи кіевскаго школьнаго образованія въ XVIII в. Думая, что подробная разработка этого памятника могла бы представить благодарную тему для монографіи по исторіи просвѣщенія въ Малороссіи, приводимъ здѣсь нѣсколько выписокъ изъ отдѣла—«чего имянно ректору съ префектомъ наблюдать найприлѣжнѣйше должно». 1) «Понеже въ академіи кіевской отъ давнихъ лѣтъ обучаютъ учениковъ латинскому языку по грамматики Еммануила Алвара, которая малымъ дѣтямъ крайно темна, невразумительна, непорядочна, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ недостаточна, а въ иныхъ премного лишняго имѣетъ, того ради двумъ острѣйшимъ, надежнѣйшимъ и довольно въ грамматической наукѣ успѣвшимъ учителямъ приказывать, дабы они изъ разныхъ грамматикъ новѣйшихъ авторовъ, кои къ понятію малыхъ дѣтей примѣнялись, регули самыя нужныя собравъ, вновъ грамматику сочинили; однако не исключая изъ оной польскаго языка, но примѣняясь піарской грамматикѣ, въ Варшавѣ 1760 г. напечатанной, а особливо хорошо бы для примѣру въ таковомъ дѣлѣ сыскать—послѣ

духовн. реглам., на л. 47, въ п. 6-тую грамматику, которая напечатана въ Парижѣ, повелѣніемъ короля Людвика четвертогонадесять, ибо оная грамматика такъ кратко и совершенно заключенна, что можно надѣятися остроумного ученика за единъ годъ научить языка латинскаго, *когда у насъ за пять и шесть лѣтъ* мало кто постизаетъ, что можно знать, потому что студентъ, изъ философіи или богословіи изшедшій, не можетъ перевесть и средняго стиля латинскаго». (§ 4) 2) «Донелѣ опредѣленные учители сочинятъ въновъ грамматику, то учить по грамматикѣ scholarum piarum ad usum iuventutis, въ Варшавѣ 1760 г. напечатанной...» (§ 5). 3) «Дабы ученики могли какъ вышеписанную грамматику, такъ и другія для классовъ и для вышшихъ школъ необходимонужныя книги легко получать и въ покупкѣ ихъ никакой нужды не узнаватъ, а чрезъ то и въ ученіи упущенія не имѣть, то учредить при академіи кіевкой, — по примѣру академіи санктпетербургской и университета московскаго, книжную лавку для продажи изъ оной разныхъ книгъ. А въ учрежденіи оной поступить слѣдующимъ порядкомъ. 1) Возимѣть по прежнему писменную конференцію съ вратиславскими или липскими (лейпцигскими) книгопродавцами чрезъ кіевскихъ купцовъ Стефана да Івана Андреевыхъ. 2) Учинить съ ними, книгопродавцами, писменной контрактъ, чтобъ они тѣ толко книги и то цѣною бусходною, а не высокою, для академіи присилали, какъ именно будутъ требованы, а безъ требованія бы никакихъ отнюдь не насилали, какъ то сіе прежде бывало...» (§ 6). 4) «Если какіе господа требовать станутъ такихъ инспекторовъ (т. е. гувернеровъ для своихъ дѣтей), которые бы къ наученію нѣмецкому и французскому языкамъ могли быть способные, то въ таковыхъ обстоятельствахъ, буди изъ студентовъ, обучающихся богословіи и философіи, крайно не сыщутся, опредѣлять въ инспекторскую должность и учениковъ реторики, однакожъ при томъ богословіи и философіи учащимся всегда напоминать то, что естли они не будутъ языкамъ разнымъ обучатся, то и мѣстами никакими не будутъ снабдѣны». (§ 18). 5) «Обычай древній въ академіи кіевской есть: ежегодно въ мѣсяцѣ маіи отъ 9-го числа по 1 число сентября, отпускать учениковъ риторики, поэтики и синтаксимы бѣдныхъ, нищихъ родителей лишившихся и вовся никакова же питанія ни откуду не имущихъ, для испрошенія себѣ милостыни. Но понеже подъ видомъ таковыхъ, родителей нескудныхъ и пропитать ихъ могущихъ имѣющіе, а особливо изъ священническихъ сыновъ, обманно просятъ пашпортовъ,

единственно для того, учобъ не учиться, но прежде времени отлучась отъ академіи, шататься по разнымъ мѣстамъ, или безъ вѣдома академіи, гдѣ нибудь остатся для наученія дѣтей господскихъ или въ собственномъ своемъ домѣ всуе время проживать, для того префекту, когда убогіе ученики просятъ пашпортовъ для испрошенія милостыни, накрѣпко взыскивать и отъ другихъ старшихъ требовать достовѣрныхъ свидѣтельствъ, подлинно ли оные ученики не могутъ себе вовсе снабдѣвать, и буди явится, что точно они таковаго состоянія, то отпускать въ малороссійскіе точію и слободскіе полки, а далѣе никуда ходить не дозволять, на срокъ до первого сентября; а кто явится изъ отпущенныхъ после первого сентября и не покажетъ на то никакого правилного резона, такова за явкою въ академію наказывать»... (§ 24).

Послѣ преобразованія Кіево-Софійскаго монастыря въ кафедральный соборъ (1786 г.), въ послѣдній, по штату, потребовался протодіяконъ; первымъ протодіакономъ здѣсь былъ Топольскій, родомъ изъ Батурина, но голосъ у него оказался не особенно благозвученъ, и онъ былъ замѣненъ діакономъ *Заградскимъ*, родомъ изъ подъ Переяслава. Во время трехмѣсячнаго пребыванія въ Кіевѣ Екатерины II каждый разъ, когда она пріѣзжала на богослуженіе въ Софійскій соборъ, соборный протоіерей знаменитый Леванда приглашалъ къ себѣ для сослуженія Заградскаго. Кромѣ голоса, Заградскій пріобрѣлъ себѣ извѣстность еще и какъ замѣчательный церковный чтецъ. Вообще это былъ человѣкъ очень почтенный по тщательности исполненія своихъ обязанностей, которыя онъ притомъ расширялъ гдѣ только могъ. Такъ напр., во время наплыва въ Кіевъ богомольцевъ, Заградскій, послѣ ранней обѣдни, облачившись въ стихарь и перепоясавшись ораремъ, открывалъ главныя царскія врата и, ставши около нихъ, объяснялъ богомольцамъ мозаическія изображенія тайной вечери и нерушимой стѣны, и въ краткихъ, удобопонятныхъ словахъ разсказывалъ исторію Софійскаго собора и находящейся въ нѣй святыни »[1]). «За свой громогласный, благозвучный голосъ, за свое благоговѣйное служеніе о. Заградскій пользовался искреннею благорасположенностью всѣхъ кіевлянъ; его высоко цѣнили и кіевскіе архипастыри и высшія военныя и гражданскія власти г. Кіева. Онъ былъ не безъизвѣстенъ и Петербургу.

---

[1]) Какъ много теряютъ теперешніе кіевскіе богомольцы, блуждая по церквамъ въ видѣ овецъ безъ пастуха...

Когда въ 1810 г. открылось протодіаконское мѣсто при дворцовой церкви въ Петербургѣ, то об.-прокуроръ синода спрашивалъ кіевскаго митрополита не можетъ ли онъ указать человѣка годнаго для этого мѣста. Митрополитъ указалъ на Заградскаго, объяснивъ, что «у сего протодіакона голосъ свѣтлобасистый; онъ начинаетъ contra d и восходитъ до горы f свободно». Заградскій былъ вызванъ въ Петербургъ для испытанія. Получивъ изъ консисторіи 250 р. на дорогу, Заградскій тѣмъ не менѣе поѣхалъ въ столицу въ телѣжкѣ, одною лошадью; ѣхалъ онъ такъ медленно, что доѣхалъ въ Петербургъ, когда протодіаконское мѣсто при дворѣ было уже замѣщено другимъ. Тѣмъ не менѣе Заградскаго испытали, нашли служеніе его благолѣпнымъ, но мѣсто уже было занято и Заградскій вернулся въ Кіевъ, привезя изъ столицы подаренные ему 300 р. и бархатную рясу. Заградскій оставался протодіакономъ до тридцатыхъ годовъ и умеръ глубокимъ старикомъ въ 1841 г., 74 л. отъ роду.

Съ 1894 г. Кіевск. Еп. Вѣд. перемѣнили своего маститаго, «почти всегдашняго» редактора о. прот. П. Г. Лебединцева; новымъ редакторомъ назначенъ прот. П. Троцкій. Оглянувшись назадъ, новый редакторъ нашелъ нужнымъ высказать свои мысли и желанія по предстоящей ему работѣ: «тридцать съ лишнимъ лѣтъ тому назадъ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, счастливая мысль пришла одному изъ видныхъ дѣятелей нашего епархіальнаго духовенства, еще и до сихъ поръ, благодареніе Богу, здравствующему, основать мѣстный епархіальный органъ для кіевскаго духовенства; мысль эта была почти новою; о подобныхъ печатныхъ органахъ тогда почти и недумали въ другихъ епархіяхъ. Программа «Кіевск. Епарх. Вѣд.», утвержденная Святѣйшимъ Синодомъ, была такъ проста и практична, что нашла себѣ сочувствіе въ энергичныхъ дѣятеляхъ и другихъ епархій, и мало по малу почти каждая епархія русская обзавелась своимъ печатнымъ епархіальнымъ органомъ, по примѣру, должно быть, «Кіевск. Епарх. Вѣдомостей». Нельзя сказать, однако-же, чтобы «Кіевск.. Епарх. Вѣд.» за свое 30-тилѣтнее съ лишнимъ существованіе всегда шли впереди другихъ подобныхъ епархіальныхъ органовъ: младшія, такъ сказать, сестры иногда опереживали по содержанію и качествомъ свою старшую сестру. И теперь нужно сознаться, нѣкоторыя Епарх. Вѣд., даже городовъ не академическихъ, и содержательнѣе, и жизненнѣе «Епарх. Вѣд. Кіевскихъ». Причинъ—то роста, то упадка нашего мѣстнаго епархіальнаго органа было нѣсколько; о нихъ мы не станемъ теперь упоминать. Но, при всемъ томъ, нужно отдать справедлевость и

тому, что сдѣлано трудившимися въ этомъ мѣстномъ органѣ. «Кіевск. Епарх. Вѣд.» значительно сократили дѣловую переписку разныхъ мѣстныхъ епархіальныхъ учрежденій и, что особенно важно, дали возможность разнымъ распоряженіямъ начальства доходить по назначенію гораздо скорѣе, чѣмъ это было прежде, когда такъ называемыя *курсоріи* (разныя дѣловыя бумаги, синодальные, консисторскіе и другіе указы) разносились отъ одного села къ другому причетниками, ихъ женами и дѣтьми... Тѣмъ больше нужно сказать о неоффиціальной части «Кіевск. Епарх. Вѣд.». Второй отдѣлъ неоффиціальной части «Кіевск. Епарх. Вѣд.»—исторія мѣстная съ церковной стороны. Этотъ отдѣлъ нашихъ «Еп. Вѣд. за прежнее время очень богатъ самыми разнообразными статьями, особенно благодаря археологическимъ и церковно-историческимъ трудамъ почти всегдашняго редактора «кіевск. еп. в—тей» за 30-тилѣтіе ихъ существованія, о. прот. П. Г. Лебединцева. Самое интересное время въ церковно-исторической жизни нашего края—это вторая половина прошлаго вѣка, время борьбы православія съ уніею; время это значительно прояснено, благодаря добытымъ и помѣщеннымъ на страницахъ «Еп. Вѣд.» матеріаламъ почтеннаго редактора П. Г. Лебединцева... Отъ прошлой исторической жизни естественъ переходъ къ жизни текущей. На страницахъ «Ківск. Еп. Вѣд—тей» изображалась ежегодно современная епархіальная жизнь, но нельзя сказать, чтобы изображеніе это было полное и картинное, а живописать есть что, особенно лицамъ, близко стоящимъ къ епархіальной жизни, стоящимъ, такъ сказать, у источника этой самой жизни. Не только борьба православныхъ съ современнымъ штундизмомъ въ штундистскихъ приходахъ, не только отношенія кулачества и еврейства къ быту простого селянина, но и взаимныя отношенія поселянъ—общественный ихъ бытъ, семейный, религіозное міросозерцаніе, бытовые обряды, повѣрья и пр. и пр.—сколько представляютъ матерьяловъ для изображеній картинныхъ, интересныхъ, поучительныхъ! Да и въ самомъ быту духовенства недалекаго прошлаго и современнаго—сколько представляется чертъ симпатичныхъ, которыя напрашиваются на бумагу и съ интересомъ были бы прочтены не только современными сопастырями, но и нашими преемниками. И на сколько вопросовъ жизненныхъ и поучительныхъ навели бы многихъ эти бытовыя картины!... Нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ могли бы быть и рѣшаемы общими силами на страницахъ нашего общаго литературнаго органа... Настоящею статьею мы дѣлаемъ кличъ къ собратіямъ нашимъ по святому служенію, просимъ ихъ ожи-

виться, пріободриться и заговорить живымъ сердечнымъ словомъ въ общій слухъ о всемъ томъ, о чемъ слѣдуетъ заговорить; просимъ не стѣсняться въ своихъ кореспонденціяхъ»...

Дѣйствительно, никто не стоитъ къ народу ближе сельскаго духовенства, никому лучше этого духовенства не извѣстенъ «общественный и семейный бытъ народа, религіозное его міросозерцаніе, бытовые обряды, повѣрья»... И какимъ интереснымъ матеріаломъ могли бы наполниться страницы Еп. Вѣд., если бы пастыри захотѣли подѣлиться съ читателями своими свѣдѣніямм о пасомыхъ... Къ сожалѣнію, мечты объ этомъ, большею частью, такъ и остаются мечтами... Что успѣетъ сдѣлать новый редакторъ Кіевск. Еп. Вѣд. въ этомъ отношеніи, поживемъ—увидимъ.

Изв статей историко-этнографическаго содержанія напечатанныхъ въ 1894 г. должны быть отмѣчены слѣдующія:

1) *Матеріалы для исторіи кіевской епархіи*, (№№ 1—5 и 12) заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія о православныхъ церквахъ разныхъ «протопопій» кіевской епархіи во втор. полов. XVIII в.

2) *Церковная лѣтопись с. Рубанаго Моста,* уманскаго уѣзда, (№ 10) свящ. Ал. Козловскаго, представляетъ собою образчикъ тѣхъ описаній прихода, которыя теперь требуются епархіальнымъ начальствомъ отъ приходскихъ священниковъ. Такія лѣтописи пишутся по приходамъ уже давно и нѣкоторыя изъ нихъ по Черниговской напр. губерніи, были печатаемы въ мѣстныхъ Еп. Вѣд. И содержательны, и полезны могутъ быть эти лѣтописи при одномъ условіи, если *лѣтописцы*, не удаляясь отъ фактовъ, будутъ просто излагать обстановку и содержаніе прошлой и настоящей жизни своихъ прихожанъ. Лѣтопись с. Рубанаго Моста (обыкновенно называемого въ народѣ Рубанкою) начинается объясненіемъ, что «поселокъ этотъ въ началѣ составлялся изъ людей сбродныхъ, что доказываютъ до сихъ поръ существующія фамиліи, выражающія собою мѣстности, откуда выходили предки: Краснокутскій изъ с. Краснаго Кута, Полищукъ изъ полѣсья, Ищукъ—искавшій мѣста (sic). Въ особенности распространена послѣдняя фамилія, можетъ быть потому, что бѣглые, по ясной причинѣ (?), нехотѣли объявляться, откуда они пришли. Дѣйствительность этихъ предположеній мнѣ доказывали мѣстные старики, которые сами знаютъ или слыхали отъ своихъ дѣдовъ о подобномъ происхожденіи многихъ фамилій». Приведенное мѣсто изъ «лѣтописи» не заключаетъ въ себѣ ни одного годнаго факта для той лѣтописи, которая желается... Прежде всего, каждое поселеніе

возникаетъ изъ люда пришлаго, почему с. Руб. Мостъ въ этомъ отношеніи и не можетъ составлять какого-нибудь исключенія; затѣмъ, прозвища по мѣсту прежняго жительства (Нѣжинскій, Слуцкій и т. д.) такъ обыденны, что сами по себѣ ничего еще доказывать не могутъ. Наконецъ, если *лѣтописецъ* пускается въ объясненіе мѣстныхъ прозвищъ, то требуются не гаданія его, а факты. Говоря, что прозвище Ищукъ значитъ «искавшій мѣста», лѣтописецъ Руб. Моста очень ошибается. Ищуки происходятъ отъ *Иськовъ*, т. е. Осиповъ; на лѣвомъ берегу Днѣпра это были бы—Ищенки, а на правомъ они—Ищуки, какъ сыновья Федоровъ—Федоруки, Степановъ—Степанюки и т д. Говоря о религіозномъ состояніи прихожанъ и указывая, что его прихожане «не знаютъ даже того, почему они зовутся христіанами» (!). Лѣтописецъ старается извинить себя и говоритъ очень странныя вещи: «У меня *пятнадцать лѣтъ* на каждой литургіи, вмѣсто причастна, читаются главнѣйшія молитвы и люди ходятъ въ церковь; но ни одинъ старикъ, ни одна женщина, въ особенности ни одна дѣвушка, не умѣетъ правильно молиться. Молятся такъ, какъ научили, а научили такъ, какъ молились еще при Петрѣ В. или Екатеринѣ...» И далѣе: «для того, чтобы прихожане понимали свою вѣру (!), я сказалъ около 800 поученій, сказалъ наизустъ, понятно и съ энергіей. Но могу утверждать, что научилъ очень немногихъ».. Жалко, что при этомъ не приведена ни одна изъ этихъ 800-тъ проповѣдей; тогда легче было бы объяснить ихъ неуспѣхъ... Значитъ, что нибудь еще нужно для сказанныхъ 800 поученій, чтобы они крестьянъ учили чему нибудь... Вообще лѣтопись с. Руб. Моста можетъ служить, между прочимъ, указаніемъ—почему на «кличъ» новаго редактора Еп. Вѣд—тей едвали будутъ получены желаемые отклики...

3) *Изъ воспоминаній о митрополитѣ Евгеніѣ*, (№ 10) заключаетъ въ себѣ припоминаніе одного кіевскаго академиста о содержаніи наставленія, которое произнесено было ученымъ іерархомъ окончившимъ академическій курсъ студентамъ въ тридцатыхъ годахъ.

4) *«Прощи» или «подзѣньканья»* (№ 12) представляетъ собою интересную этнографическую замѣтку, перепечатанную изъ Под. Еп. Вѣд. «Въ нѣкоторыхъ приходахъ Подольской епархіи есть обычай при погребеніи почетныхъ крестьянъ говорить такъ называемыя *прощи* или *подзѣньковання*. Прощи, или подзѣньковання—это особый, своеобразный видъ поученій, произносимыхъ при погребеніяхъ. Въ тѣхъ приходахъ, гдѣ прощи практиковались и практикуются,

простой народъ очень любитъ ихъ,—и почти всегда, за весьма немногими исключеніями, крестьянинъ, приглашая священника совершить погребеніе умершаго члена семьи, проситъ сказать при этомъ и прощу, предлагая за прощу даже особое вознагражденіе. Прощи въ такихъ приходахъ произносятся не только при погребеніи стариковъ и старухъ, но и при погребеніи скончавшихся другихъ возрастовъ, а иногда и при погребеніи младенцевъ. По содержанію своему, прощи или подзѣнькованья представляютъ обычныя надгробныя поученія съ присовокупленіемъ прощанія отъ лица умершаго съ родными и знакомыми (отсюда и слово «проща»), а также благодарности умершихъ за вниманіе и участливость при жизни и по смерти (отсюда польское слово «подзѣнькованья»). Нѣкоторыя священники присоединяютъ къ этому еще и завѣщаніе или послѣднюю просьбу умершаго къ остающимся въ живыхъ»... Засимъ авторъ замѣтки приводитъ отрывокъ одного изъ такихъ поученій, сказаннаго при погребеніи крестьянки ушицкаго уѣзда; частичку этого отрывка приводимъ здѣсь. «И такъ, сказавши послѣднее «прости» новопреставленной, *выслушаемъ въ свою очередь и отъ нея послѣднее прощальное слово, которое она сказала бы намъ, если бы уста ея, сомкнутыя смертью, отверзлись для слова.* Въ этомъ прощальномъ словѣ раскроются предъ нами ея предсмертныя, невысказанныя думы и желанія—послѣдній плодъ ея любви къ роднымъ и знакомымъ.—Прощайте, милые мои дѣточки и внуки. Прощайте и всѣ родные! уже не видѣться мнѣ больше съ вами въ мірѣ семъ, не встрѣчаться, не говорить съ вами, не слушать вашихъ привѣтливыхъ рѣчей. Спасибо вамъ, дѣти, за вашу ласку и привязанность ко мнѣ, за ваши заботы обо мнѣ въ мои старческіе, немощные дни. Спасибо вамъ, что въ тяжкой болѣзни моей вы не оставляли меня и всячески старались облегчить ее... Такъ какъ больше мы уже не встрѣтимся въ этомъ мірѣ, такъ какъ чрезъ нѣсколько минутъ приметъ до страшнаго суда мое разрушающееся тѣло мать его земля сырая и на вѣки скроетъ его отъ взоровъ вашихъ мракъ тѣсной могилы, то въ послѣдній разъ, чрезъ отца своего духовнаго, молю васъ и напоминаю вамъ: живите, пока Богъ поможетъ вамъ, свято и по христіански, не чините обидъ и несправедливостей ближнимъ» и т. д. и т. д. Авторъ такъ заключаетъ свою замѣтку: «такое поученіе, съ чувствомъ произнесенное, производитъ громадное впечатлѣніе на нашихъ простыхъ слушателей... Но слѣдуетъ и то сказать, что нѣкоторые священники, *желая возбудить чувство слуша-*

телей и довести его до извѣстной степени напряженія, вдаются при этомъ въ крайности... Такъ, къ прощанію съ родными приплетаютъ и прощаніе съ порогами, чрезъ которые ходилъ умершій, и зеленый садикъ, и любимую скотинку, и тѣхъ воловъ, которые довезутъ умершаго до мѣста его послѣдняго упокоенія...» Конечно, при большемъ развитіи народъ перестанетъ интересоваться иллюзіей «прощи»...

5) *Отрывокъ изъ церковно-приходской лѣтописи с. Мал. Сквирки, сквирскаго уѣзда*, (№ 13), показываетъ, что епархіальному начальству слѣдовало бы точнѣе обозначить цѣль и предметъ рекомендованныхъ имъ приходскихъ лѣтописей, чтобы не происходило траты времени у лѣтописцевъ на разрѣшеніе вопросовъ: «что и какъ долженъ я писать въ своей церковно-приходской лѣтописи?» Отвѣтъ на этотъ вопросъ (стр. 363—470) *только* и составляетъ напечатанный здѣсь отрывокъ. Думается, что печатать подобныя литературныя упражненія незачѣмъ.

6) *Исключеніе изъ титула митрополитовъ кіевскихъ словъ «митрополитъ всея Малыя Россіи»*, (№ 18), прот. П. Орловскаго, произошло въ 1767 г. по слѣдующему частному случаю: тогдашній гадяцкій полковникъ Антонъ и братъ его роменскій протопопъ Константинъ Крыжановскіе (оба выкрещенные евреи) рѣшили отправить своихъ сыновей въ лейпцигскій университетъ, для окончанія образованія, полученнаго ими въ кіевск. дух. академіи, причемъ К. Крыжановскій согласился самъ ѣхать съ молодыми людьми за границу и остаться тамъ, пока они будутъ учиться, на что назначенъ былъ двухлѣтній срокъ. За двухлѣтнимъ отпускомъ протопопъ Крыжановскій и обратился къ кіевскому митрополиту, а когда послѣдній ограничилъ отпускъ восьмью только мѣсяцами, то полковникъ Крыжановскій обратился съ просьбою въ синодъ—разрѣшить брату двухлѣтній отпускъ. Въ отвѣтъ на эту просьбу синодъ отвѣтилъ указомъ кіевскому митрополиту, что отпускать протопопа заграницу совсѣмъ не слѣдовало, почему предписалъ; «помянутого протопопа Константина изъ Саксоніи возвратить въ Малороссію», и кромѣ того, при этомъ добавилъ: «а какъ изъ даннаго тому протопопу изъ консисторіи ваш. преосв—ва указу оказалось, что в. пр—во въономъ

указѣ именованы митрополитомъ кіевскимъ, галицкимъ и всея Малыя Россіи, а оная Малороссія не въ единой кіевской в. п—ва епархіи, но еще у двухъ преосвященныхъ состоитъ, то одному в. пр—ву таковаго титула присвоять себѣ не должно, и для того впредь в. пр—ву митрополитомъ Малыя Россіи себя не именовать...» Тогдашній митрополитъ Арсеній сталъ было возражать, ссылаясь на жалованныя грамоты к. XVII и нач. XVIII в., а когда эти возраженія не имѣли благопріятныхъ послѣдствій, то просьба о возвращеніи Кіевскимъ митрополитамъ прежняго ихъ титула была включена въ составленный тѣмъ же митрополитомъ проектъ «о дарованіи малороссійскому духовенству разнаго рода выгодностей», который долженъ былъ поступить въ «коммисію о сочиненіи новаго уложенія...».

7) *Странствующій украинскій философъ Гр. Сав. Сковорода* (№ 20), очеркъ свящ. Н. Стеллецкаго, составленный по случаю столѣтія со дня смерти Сковороды.

8) *Письмо Кіевск. митроп. Рафаила къ молдавскому митрополиту* съ объясненіемъ, въ чемъ состоитъ заблужденіе раскольниковъ *(пилиповцовъ)*, поселившихся въ Молдавіи.

9) *Рождественскія колядки или славленіе Христа* (№ 24), Г. Лисянскаго, описаны такъ, какъ онѣ практикуются теперь въ звенигородскомъ уѣздѣ.— «Въ первый день праздника, послѣ вечерни, колядники собираются... Чтобы эффектъ съ освѣщеніемъ изъ бумажнаго фонаря (съ помѣщаемымъ въ срединѣ прозрачнымъ изображеніемъ Рождества Христова), былъ полный, поджидаютъ, пока стемнѣетъ, —зажигаютъ звѣзду (т. е. приготовленный заранѣе «зубчатой формы «бумажный фонарь) и идутъ къ священнику. Священникъ, дабы выразить свое уваженіе къ дѣлу, приглашаетъ ихъ въ домъ, стоя, выслушиваетъ одну—двѣ колядки [1]), жертвуетъ отъ себя нѣсколько копѣекъ и преподавъ имъ благословеніе, отпускаетъ съ пастырскимъ наставленіемъ—честно исполнить свой долгъ. Отъ священника колядники идутъ къ ближайшему хозяину, отъ того къ

[1]) Не всѣ священники такъ поступаютъ. Нѣкоторые ограничиваются только сухимъ разрѣшеніемъ, а другіе открыто порицаютъ этотъ обычай и даже, къ не удовольствію прихожанъ, запрещаютъ „колядку“, ссылаясь на случающіеся безпорядки.—*Примѣч. автора статьи.*

другому и такъ далѣе, пока не обойдутъ всего села. Передъ каждымъ домомъ или въ домѣ поютъ не больше одной «колядки» заканчивая и пожеланіемъ хозяину: «Добрый вечиръ, пане господарю! Поздравляимъ тебе съ цимъ празныкомъ — Рожествомъ Хрыстовымъ,—зъ мыромъ, покоемъ, добрымъ здоровьемъ! Дай намъ, Боже, цей празныкъ отправадыты та нового году дочекаты, писля нового году—Богоявленія, писля Богоявленія—Воскресенія, а вы, коляднычки, скыдайте шапочкы, та кажить; дай Боже!» Привѣтъ говоритъ «береза» [1]); при послѣднихъ же двухъ словахъ онъ оборачивается ко всѣмъ, а тѣ, снявъ шапки, вмѣстѣ съ нимъ громко кричатъ: «Дай Боже!» Благодарный хозяинъ выноситъ имъ за трудъ хлѣбъ, куски сала,—колбасу, а иногда и денегъ. Хлѣбъ берутъ въ мѣшки парни. Чтобъ не бытьне ожиданными гостями, колядники извѣщаютъ хозяевъ о своемъ приближеніи звономъ маленькаго церковнаго колокольчика. Черезъ два—три дня они успѣваютъ обойти все село. «Староста» съ казначеемъ или уполномоченными отъ компаніи сосчитываютъ хлѣбъ, устанавливаютъ цѣну и продаютъ желающимъ купить. Вырученныя отъ продажи деньги присоединяются къ общей суммѣ и отдаются на сохраненіе церковному старостѣ. Староста, съ вѣдома священника, можетъ пустить ихъ до времени въ оборотъ. Чрезъ лѣтъ пять-шесть накопляется порядочная сумма колядницкихъ денегъ. На эти деньги, по желанію колядниковъ, покупается или колоколъ, или крестъ въ церковь, обновляются иконы, а иногда они идутъ на ремонтъ или постройку церковно-приходской школы.

Родина «колядки», вѣроятно, Галиція, тамъ она имѣетъ такъ сказать права гражданства. Въ Галиціи поютъ ее не на улицахъ только, какъ это бываетъ у насъ, но и въ храмахъ, вмѣсто причастныхъ стиховъ. Этотъ обычай освящаетъ «колядку» и предохраняетъ ее отъ извращенности...» [2]).

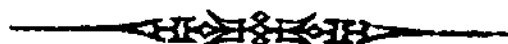
---

[1]) Авторъ говоритъ что „распорядителями колядокъ въ Малороссіи называются и старостами“ или „березами“.—Послѣднее названіе относится, повидимому, только къ правому берегу.

[2]) Статья заключена такимъ примѣчаніемъ редакціи: „къ сожалѣнію, по независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ, мы не можемъ помѣстить здѣсь присланныхъ намъ авторомъ девяти колядокъ, переложенныхъ даже на ноты“.

Изъ этой замѣтки видно, что колядники на правомъ берегу Днѣпра, употребляя собираемыя ими подачки на нужды церкви, примкнули къ церковнымъ братствамъ. Къ сожалѣнію, авторъ не говоритъ— повсемѣстное ли это явленіе въ правобережной Малороссіи.

А. Л.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Н. В. ЛИСЕНКО,

имѣя намѣреніе издать сборникъ обрядныхъ малорусскихъ пѣсенъ (веснянкы, петривошни, купальски, зажнывни, обжыночни, весильни, колядкы, щедривкы друг.), убѣдительнѣйше проситъ уважаемыхъ любителей и любительницъ музыкальнаго народнаго творчества, имѣющихъ уже въ своемъ распоряженіи пѣсенный матеріалъ упомянутаго рода, тексты мотивы, сообщать ему таковой по адресу: Кіевъ, Маріинско-Благовѣщенская ул., д. № 89.

Матерьялъ этотъ, драгоцѣнный по глубокой древности своей, на глазахъ нашихъ изчезаетъ изъ народнаго пѣсеннаго обихода, и на обязанности родинолюбцевъ лежитъ сохранить хотя бы остатки этого оригинальнаго матерьяла въ интересахъ всесторонняго изученія родины.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ
НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ

Литературный и Научно-Популярный Иллюстрированный Журналъ

„ПО МОРЮ И СУШѢ"

издаваемый въ Одессѣ по слѣдующей программѣ:

1) Хроника столичной, мѣстной и провинціальной жизни за недѣлю; 2) Популярно-научныя статьи и замѣтки по всѣмъ отраслямъ знанія; 3) Романы, повѣсти, разсказы, путешествія и стихотворенія; 4) Обозрѣніе новостей литературы и искусства; 5) Письма, вѣсти и слухи отовсюду; 6) Статьи и извѣстія по морскому и желѣзнодорожному дѣлу; 7) Фельетонъ; 8) Справочный отдѣлъ; 9) Отвѣты редакціи и 10) Объявленія.

Въ этомъ году помѣщены между прочимъ:

«Танцовальный вечеръ» Олены Пчилки; «Золотая писанка» ея же; «Въ Одесскомъ Подземельѣ» П. Вл.—ко; «Кошка помѣшала» Д. К. А. Шра-

ма; «Гоголь» проф. А. И, Маркевича; «Пушкинъ на Югѣ Россіи» Н. В. Ястребова; «Шевченко—другъ семьи» А. Каневскаго; «Костомаровъ» А. С—каго; «Шафарикъ», «Вольта», По поводу юбилеевъ проф. А. И. Маркевича и проф. В. А. Антоновича; А. С—кого; «Малорусскія стихотв. Кольцова» М. Комарова и проч. Очерки Кореи, Абиссиніи, Придунайской Бессарабіи, «О вліяніи благосостоянія крестьянъ на ихъ громотность» Н. Борисова; «Какъ сдѣлать Россію проѣзжей, «О предсказаніи погоды» Л. А. Злотина; Поѣздка на могилу Т. Г. Шевченко, С. Е. Письма: изъ Бессарабіи Радова; изъ Ананьевск. уѣзда Ч—ко; съ берег. Темзы Бичъ-Богуславскаго, изъ Черноморіи Стиверскаго и пр.

Текстъ иллюстрируется портретами и др. рисунками.—При журналѣ періодически выпускаются приложенія.

Подписная цѣна на журналъ „По Морю и Сушѣ" съ приложеніями (съ пересылкой и доставкой).

На годъ 4 руб. — На полгода 2 руб.

Отдѣльные №№ продаются по 10 коп.

Подписка принимается въ Одессѣ, въ Редакціи журнала «По Морю и Сушѣ» (*Софіевская, домъ № 18, кв. № 19*).

3—2

КАЛЕНДАРЬ ДЛЯ ЛИТЕРАТОРОВЪ

(ЗАПИСНАЯ КНИЖКА).

НА 1896-Й ГОДЪ.

Обычныя календарныя свѣдѣнія. Частныя свѣдѣнія о литературныхъ учрежденіяхъ, о литераторахъ, типографіяхъ, издателяхъ, редакціяхъ и пр. Такимъ образомъ, Календарь окажется пригоднымъ не только литераторамъ, публицистамъ и ученымъ, но также редакторамъ, издателямъ, книготорговцамъ, типографамъ и вообще всѣмъ, соприкасающимся съ литературнымъ и печатнымъ дѣломъ. Въ виду этого, издатель «Календаря» проситъ всѣ существующія въ Россіи редакціи, типографіи и издательскія фирмы прислать свои свѣдѣнія и условія сотрудничества у нихъ, печатанія и изданія; свѣдѣнія эти будутъ напечатаны въ текстѣ. Объявленія принимаются по слѣдующимъ цѣнамъ: а) передъ текстомъ: цѣлая страница—50 руб., полъ-страницы—25 руб., четверть страницы—15 руб.; б) позади текста: цѣлая страница—15 руб., полъ-страницы—10 руб., четверть страницы—5 руб., 1/8 страницы—3 рубля. Обращаться по слѣдующему адресу: Москва, Тверской бульваръ, Сытинскій пер., д. 4, кв. 8, *Ив. Гавр. Совѣтову.*

2—1

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ L, 1895 г. Іюль, Августъ и Сентябрь.

ОТДѢЛЪ I-й

ОТДѢЛЪ II-й.

Пятокъ. 27. День былъ хмарній и черезъ увесь день дощъ ишолъ; у вечери вияснилось; ночъ свѣтла и тиха, толко холодна.—Сегодня погребенъ Количевъ въ монастирѣ дѣвичомъ Глуховскомъ, въ трапезѣ. Демянъ Кузмѣнскій отправленъ въ Роменъ и данъ ему приказъ объ роздѣлки сторони степу Гамалѣевского, приказчиками Розбишовскими завладѣнного, и сторони денегъ Якубовичевыхъ, о чемъ и къ Несторовичу писалемъ, и до родителки писалемъ, зъ поздравленіемъ. Емужъ, Демяну, далемъ на дорогу 20 р.

Субота. 28. День былъ свѣтлий и погодній, толко холодноватъ; ночъ погодна, холодна.—Рано билемъ у п. Михайловой; обѣдалемъ вдому зъ род. и женою.—Доплатилемъ годовую плату молодику Василю Филимонову 3 р.

Неделя. 29. День билъ свѣтелъ, тихъ и тепловатъ; ночъ холодна, свѣжа, тиха.—Злотнику иноземцу далемъ на сережокъ паръ двѣ діаментовъ да кутенковъ (?) 10, рубѣновъ меншихъ 18, а болшенкихъ 2, золота заважило 6 червон., а обѣщалъ отдѣлатися за два мѣсяца.—Рано били на томъ боку у п. гетмана, обѣдалисмо вдому, и по обѣдѣ жена поехала и взяла на дорогу 3 р. Потомъ родитель отехалъ въ Кролевецъ. Увечеру ездилемъ до п. Михайловой и посидя, повернулемся назадъ.

Понедел. 30. День и ночь были противъ вчорайшихъ во всемъ сходніе. Рано ездилемъ до п. гетмана, а потомъ на молебенъ, зъ церкви до Мякинина зъ Тургеневимъ посѣщать ходилемъ, поневажъ онъ заболѣлъ на фебру. Обѣдалемъ у себе.—По обѣдѣ п. Михайло, братъ, пріездилъ ко мнѣ и обявлялъ писмо доктора Бидлова, который, къ гетману пишучи о болезни п. Михайловой, обявляетъ свое мнѣніе, что оная болѣзнь пришла ей ех... (*не разобрано*). Да онъ же п. Михайло сказивалъ по вѣдомостямъ, что епископа Чернѣг. приговорено вислать указомъ зъ Черн. въ Кіевъ, а тамъ розискать, Волчанскому, Трофимову и еще комусь третому, объ обидахъ.—Передъ вечеромъ поехалемъ зъ Глухова до Некрасова, оттоль до Дунайця и тамъ въ дворцѣ Михайла, брата, ночовалемъ.—Господареви на проездъ далъ 2 р.

Вовтор. 31. День и ночъ были хмарніе отъ туману, холодноватіе, тихіе. Зъ Дунайця лѣсомъ, напрошки, до Уздицѣ переѣхалемъ, куда будетъ зъ полмилѣ, и пріѣхалемъ просто въ пасѣку, где обѣдали и ночовали.—Пчоли моей Уздицкой были всеей 350, въ томъ числѣ молод. 50, а зъ числа старой подкопнихъ (ульевъ) было 58; убили молодой 20, старой 10, итого 30, подрѣзали 144, осталось въ зиму на точкахъ 320. Меду зъ убитихъ взяли дѣжечокъ 2, болшую и меншую, зъ подрѣзанихъ зъ полтретѣ дѣжечки, якую въ пасѣцѣ поставили.—Попъ Уздицкій Прокопій приходилъ къ намъ посѣтить насъ и тутъ же зъ нами обѣдалъ, а зъ мною билъ братъ Іванъ и попъ Сидоръ.

Септевр. мѣсяць. Середа. 1. День билъ похмурний, въ началѣ дощикъ невеликій ишолъ, а потомъ престалъ; ночь тиха, хмарна. Рано поехалисмо зъ пасѣки и пріѣхали на обѣдъ у Тулиголови, где явился Юрко молодикъ и привезлъ писма о повоженняхъ поліовихъ, а именно: у футорѣ Гамал. сѣна поденними косарами укошено скиртъ 15, а что на сотнѣ давано, тихъ скиртъ 15, жита нажали копъ 11, сира дѣжокъ 5, масла фасокъ 4. Въ Сухоносовцѣ жита нажали копъ 77, вимолотъ зъ копи четверикъ Луб. а навѣяли жита Чорнуск. четв. 24. Дядя (*прозвище*) купилъ воловъ 10 въ Густинѣ [1]) купилъ ободовъ 6, колѣсъ 16,... въ Кримъ... млинъ въ Куренѣ зробить нанялъ мѣрочника за 9 копъ. Жито въ Чорнухахъ продается четверикъ по гривнѣ. Сѣна укошено скиртъ 15 на купленномъ степу. Въ Кривой Рудѣ нажали ячменя 20 копъ, сѣна скиртъ 10, сира пудъ 4, масла фасокъ 7. Въ Перервинцахъ скиртъ сѣна зъ 30; косъ 4 продались на готовіе денги по 10 алт. Жита нажато копъ 25, ячменю копъ 40, а просо почали жать.—Родитель пріѣхалъ на ночъ въ Тулиголови, где и ми ночовали.—Пчоли било здѣсь, въ Тулиг., 48, зъ которихъ убили самой подлой 18, а осталось на зиму 30.

Четвергъ. 2. День билъ отчасти хмарный, холодній, после свѣтлій. Ночь свѣтла, тиха, холодна.—Сегодня рано родитель по-

---

[1]) Въ Густынскомъ монастырѣ на ярмаркѣ.

ехалъ въ Глуховъ, а я въ Кролевецъ, куда ехалъ конемъ поменше 3-хъ часовъ, а пріѣхавши, обѣдалъ у дворѣ тіотки п. Павловой. По обѣдѣ былъ у Тургенева и, по лавкахъ ходя, купилъ кофе, штуку полотна галанского и лимонъ, щербетъ слоикъ.

Пятокъ. 3. День отчасти хмарній, а отчасти свѣтлій, тихій да холодній. Ночь таковажъ.—Леску, кравцю, далемъ за работу его 5 р. да за оксамитъ до епанчи 50 к. Далемъ на покупки Климу до прежнихъ 20 р., еще 30 р., да Шоху 20 р. Жена пріѣхала на ночь зъ дѣтми зъ Новгородка.

Субота. 4. День свѣтлій, теплій и тихій; ночъ свѣтла, тиха и ядрена. Сегодня родитель пріѣхалъ въ Кролевецъ зъ Глухова и, ходя въ лавкахъ, купилъ дочерамъ моимъ: Ганнусѣ—парчѣ алой, а Пазѣ бѣлокосу по портищу. Промѣнялемъ шаги зъ чехами, а на всякой... взялъ по 10 алт. наддачи.

Недѣля. 5. День свѣтлій, теплій, але велми вѣтряний и ночъ таковажъ. Городъ Кролевецъ въ самую обѣдную годину, о полднѣ, загорѣлся отъ нѣякогось Савчиного двора, где синъ посадского русского ма...зъ кродѣчки стрелявши, запалилъ, отчего болше 50 дворовъ згорѣло зъ немалою утратою купцовъ—грековъ, русскихъ, а наипаче жидовъ и татаръ. Людей нѣсколко человѣка згорѣло, коней десятковъ около трехъ. Мы заледво отратовали стѣни имбару родителского. Сестра п. Чарнишева пріѣздила до насъ, а я вечеромъ ходилъ осматривать пожару, да зайшолъ до графа Гаврила Рагозѣнского, у которого постановили такъ, что онъ мѣлъ писать въ Парафѣевку до старости своего Топалского, дабы онъ зехалъ заразъ въ Розбишовку для изслѣдованія о степу между нами спорномъ, Гамалѣевскомъ.

Понеделокъ. 6. День былъ вѣтряний, холодноватъ, а вѣтеръ западний; дощикъ маленькій отъ хмаръ перебѣгаючихъ; таковажъ и ночъ. Сей день тутъ пробавили въ Кролевцѣ. Купилемъ коня верхового карого, нѣмецкого, у Бублика Чернѣг., за 60 р. Посланъ Юрко въ Роменъ за кони, пригнать ихъ; черезъ котораго писалъ я до Несторовича о Якубовичу и графу Гаврилу сторони нашей интерессa футорного.

Вовтор. 7. День былъ вѣтряний, хмарній и холодній, ночъ тиха, холодна зъ дожчемъ, которій зъ полночи пересталъ ити. Купилемъ у Юрія Грека матеріи и далемъ ему карту онимъ матеріямъ, за которіе еще ему не платилемъ, а именно: канавацу локот. 20, а локоть по 7 гривенъ и по 5 копѣекъ, матеріи блакитной, златоглавной, 4 локтѣ зъ чверткою, локоть по 2 р. зъ полтиною, да тоей же матеріи 12 локоть и пол., локоть по 2 р. и по 45 копѣекъ да двѣ оки тютюну тур., око по 8 гривенъ, итого 56 р. и 62 к. Поехалисмо рано зъ Кролевца до Подолова, где у сестри и обѣдали зъ род., а оттоль поехавши, позно пріехали въ Воронѣжъ, куда ехали часовъ зъ 4 и тамъ у Кузми Заруцкого ночовали. Юрій Грекъ остался виноватъ мнѣ за комору 11 р., а дванадцятого отвернулъ тому, кто передомъ нанялъ билъ комору нашу отъ рускихъ купчиновъ.

Середа. 8. День былъ хмарній и холодній, дощъ ишолъ едва не черезъ увесь день, такова и ночъ. Рано зъ Воронѣжа пріехалисмо до монастира Гамалѣевского зъ родителемъ, где обѣдали и ночовали.

Четвер. 9. День былъ зъ ранку дощеватъ, а потомъ свѣтелъ и отчасти тепелъ, ночъ свѣтла, а къ свѣту хмарна и холодна. По обѣдѣ зъ монастира поехалъ родитель у Кролевецъ, а мы въ Маковъ, где купилемъ бочку вина лагонского за 23 р. у маляра, и пріехали позно въ ночъ въ Глуховъ.

Пятокъ. 10. День былъ хмарній и холодній, ночъ свѣтла, тиха зъ морозомъ. Старостѣ тулиг. Роману далемъ на росходъ тамошній 3 р., да ему далемъ футро сѣрое и киндякъ. Ездилемъ въ городъ и былъ у ясневел. и у Тургенева. П. Михайловую засталемъ при прежней болезни.

Субота. 11. День былъ хмарній и холодній, ночъ вся мокра, понеже дожчъ ишолъ до свѣту. Обѣдалисмо сами въ себе, а по обѣдѣ ездилемъ до Турковского писара, и тамъ посидѣвши мало, повернулемся назадъ позно и засталемъ родителя, повернувшагося зъ Кролевца. Архиерей Рафаилъ Заборовскій, архиепископъ кіевскій, зъ Москви въехалъ въ Глуховъ и сталъ квартерою въ дворѣ Ма-

нуйловича, асаула енер., у которого гетманъ и многіе зъ насъ при немъ были и благословеніе приняли. Гаврилець, служка, за свою вину наказанъ и отдаленъ отъ двора, а денги, у его бывшіе, зъ шинковъ собранніе, и завѣдыванне шинковъ вручено Тарасови, у которого отобралемъ тихъ денегъ, Гаврилцемъ собраннихъ, 8 р. 8 а. и 1 д.

Неделя. 12. Во весь день дощикъ ишолъ и гразно стало велми, въ ночѣ перестало дощить, однако жъ ночъ хмарна и вѣлgотна. Архиепископъ Кіевскій служилъ службу Божую у святихъ Анастасій и обѣдалъ у гетмана зъ всѣмъ духовенствомъ, где и старшина вся енер. и мы кушали и подпіяли. Тогда жъ Шпаковскій, архимандритъ Нѣжинскій, для ссори съ ясневел., вщавшойся отъ него, висланъ вонъ зъ банкету. Зъ Крисіокъ привезено 3 куфи гор. воловиками, а староста пишетъ, что 1 куѳа, носат. 12 и квартъ 14, 2 куѳ., а нос. 12 и квартъ 16, третая нос. 10 и квартъ пол. 4., а воловики туда привезли отсюду жита 11 четвер.

Понеделокъ. 13. День хмарній, а потомъ свѣтлій, теплій и тихій, ночъ свѣтла, тиха и холодна. Жена взяла на росходъ 16 р. и реестръ вновъ завела. Купилемъ... ниву и обложокъ, прозваніемъ Менкова, у Шовкуна Сварковского за 6 р. Климъ, повернувшись зъ Кролевця, привезлъ денги должніе, якіе взялъ билъ у его Василь Тищенко 29 чер. и 4 таляр. быт. П. Петрова, полковника луб., и Петрова Кулябкова пріехали зъ Лубенъ сюда.

Вовтр. 14. День былъ хмарній, у вечери и черезъ всю ночъ дощъ ишолъ. Обѣдалисмо въ дому зъ род., а у вечеру ходилемъ до капитана Воейкова, где зъ род. долго просидѣвши, повернулисмося домой. Получилемъ письмо отъ Валкевича зъ требованіемъ извѣстія о походѣ и болезни п. Михайловой.

Середа. 15. День былъ хмарній, ночъ хмарна жъ. Архиерей, позавчора поехавшій въ монастиръ Петропавловскій, повернулся назадъ, у которого мы зъ род. были по службѣ, и после полдня часа 4-го у его жъ на вечеринцѣ были жъ, где билъ гетманъ, старшина енер. и великорос. персони, Тургеневъ, Воейковъ и Топѣлскій.

Четвер. 16. День былъ по болшой части свѣтлій, нѣжъ хмарній, отчасти тепелъ, воздухъ сухъ, ночъ сперва свѣтла, потомъ хмарна, мало сухого воздуха. Рано зъ родителемъ ездилемъ до архиерея Кіевского, зъ которимъ имѣлемъ розговоръ о монастиру Гамалѣевскомъ и пустинцѣ Мутинской, да о рештѣ денегъ Ѳорчиныхъ [1]) предлагалъ мнѣ онъ, архиерой. Гетманъ сказивалъ намъ, бунчуковому товариству, чтобъ вибрать намъ ротмистра, на что отказали, что у насъ инного нѣтъ коммендѣра опрочъ его и бить не надлежитъ. Обѣдали родитель и я и Тургеневъ у капитана кгвардіи Воейкова.

Пятокъ. 17. Сей день и ночъ были отчасти свѣтліе, тихіе и тепловатіе, къ свѣту туманъ. Архиерей Кіевскій Рафаилъ Заборовскій виехалъ зъ Кролевца въ Кіевъ, въ конвояхъ ему опредѣленний Федоръ Заборовскій, бунчуковый товаришъ, поехалъ же. Я ездилъ до футора и Сваркова конемъ каримъ помочникомъ (?), где и ночовалъ. До гетмана отъ Вейзбаха принесено писмо о виходѣ въ походъ.

Субота. 18. День и ночъ были противъ вчорайшихъ во всемъ сходни. Приехалемъ зъ Сваркова на службу до ст. Анастасіи, а обѣдалъ у гетмана. По обѣдѣ сидѣлъ у п. Михайловой, которая велми тескнѣла въ болезни. Пріехавши домой, у лазнѣ милемся. Получилемъ зъ Москви отъ Желяза штани оба лосиніе, за которіе, что мились, далъ онъ 1 р., табаку картузовъ 3, по 20 а., за табакъ кручений 1 р., за тертушку 20 к. да белѣ (?) женѣ прислалъ за 1 р.

Неделя. 19. День былъ противъ вчорайшого, ночъ хмарна и тепла. Рано былисмо у гетмана, а обѣдали зъ женою въ дому, а род. у гетмана. У вечеру знову ездилемъ до гетмана, где онъ далъ мнѣ табаку тур., а я далъ ему картузъ табаку.

Понедел. 20. День сперва хмаренъ и дожчеватъ, а потомъ свѣтелъ, тепелъ, ночъ свѣтла тепла жъ. Рано былемъ у гетмана и тамъ обѣдалемъ. Овса четверикъ купилемъ за рубля.

---

[1]) Архіерея Горки.

Вовтор. 21. День былъ сперва свѣтлій, потомъ хмаренъ, знову свѣтелъ, къ вечеру воздухъ сухъ, ночъ свѣтла, холодновата. Принималемъ тинктуру проносную, капель 110, которая не дѣйствовала, ажъ мусѣлемъ после принять Canelimagog (?) 100 капель, и било операцѣй зъ десятокъ. Зъ Березнякомъ стар. Крис. прислалъ 3 куфи гор., зъ Крисіокъ, еще до прежнихъ.

Середа. 22. День былъ сперва свѣтлій, а проч. и ночъ сходніе вчорайшимъ. Ездилемъ рано до гетмана, обѣдалисмо у себе, по обѣдѣ знову ездилемъ въ городъ и, бувши у склепу, понасипали вина, а потомъ заездилемъ до п. Михайловой. Стар. Тулиг. 2 р. дано на заплатку винникови, который меклембурцямъ задолжился. Черезъ Кононця писалемъ до родителки привѣтъ, до брата Марка, до стар. Сухонос. и Перер. о Яремѣ, чтобъ онъ съ козаками перерв. билъ ко мнѣ къ Гадячому; до Демяна о томъ, чтобъ описался о себѣ и явился въ переходѣ томъ.

Четвор. 23. День и ночъ были вчорайшимъ сходніе, толко гараздъ холоднѣйшіе, нѣжъ прежніе. Рано былъ я у гетмана и у п. Михайловой, а обѣдалъ у секретара Топѣлского и подпіяхомъ тамже. Маляреви Якиму Єлѣнскому заплатилемъ за вино 10 р., а еще надлежитъ 13 р. Украдено у мене въ склепу 6 пуд. воску, якого было „ “ грудъ. Принесено писмо отъ генер. Девейзбаха, чтобъ гетманъ рейтировался въ свою резиденцѣю и полки въ доми возвратимѣлись по вѣдомостямъ, ибо татаре на черкеси пойшли и намъ нѣчого противного отъ ихъ не надѣятися.

Пятокъ. 24. День былъ и ночъ вчорайшимъ во всемъ и въ холодѣ сходни. Рано былемъ у гетмана и на молебнѣ. Пуховичу заплатилъ я за шапку 60 а.

Субота. 25. День былъ и ночъ холодноватіе, хмарніе, тихіе, подобніе прежнимъ. Рано былъ я у гетмана, а обѣдалъ дома, по обѣдѣ ездилемъ до Андрея Миклашевского, зъ которимъ, ехавшимъ до Воргла, на крестини до п. Стефана (Миклашевскаго), стрѣтилемся, заехалемъ до Борковского и до капитана Семеновского полку Апраксина, вновъ пріехавшого въ Глуховъ, заехалемъ. Комендантъ

новий нѣжинскій на мѣсто Толбухина явился зде. Потоцкій, староста Белскій, зъ Полщи едетъ въ Москву.

Неделя. 26. День былъ хмаренъ, а болшъ свѣтелъ, ночъ сперва погодна, а потомъ вѣтеръ и дожчъ. До гетмана пріехалъ graфъ Апраксинъ зъ своею свитою и обѣдалъ, а я, въ дому зъ женою пообѣдавши, поехалъ до Воргла, а ехалъ часовъ болше пяти. Пріехавши въ Ворголъ, засталисмо п. Андрѣя и Івана Миклашевскихъ и Ширая третего, а четвертого Демяновича, зъ которими и ночовалисмо и подпіяхомъ у новомъ дворѣ, дядѣ п. Стефана.

Понеделокъ. 27. День былъ хмаренъ и вѣтрянъ и холоденъ велми, ночъ тиха, свѣтла и холодна. Рано п. Андрѣй Миклашевскій и Іванъ и Демяновичъ поехали зъ Воргла въ свояси, а я зъ женою и п. Стефаномъ и Кондзеровскою обѣдалисмо, а по обѣдѣ поехалемъ зъ п. Стефаномъ, а пріехалемъ уже при смерку у футоръ Калюжновскій, а оттоль у Сварковъ, где и ночовалемъ.

Вовтор. 28. День былъ холоденъ, однако жъ тихъ и свѣтелъ и ночъ такова жъ, погодніе. Рано пріехалемъ въ Глуховъ и былъ у гетмана, где гостѣ Степанъ Апраксинъ и протч. и старшина енер. и я зъ Борковскимъ обѣдали, а по обѣдѣ поехалъ я зъ п. Михайломъ до его Апраксиновой квартери, где напившись доволно, зайшли до обозного енер., где шумни были всѣ, Апраксинъ, Бабарикинъ и Чибишовъ молод., Тургеневъ, Воейковъ, Топѣлскій, маіоръ Хрущовъ, п. Михайло, я и Борковскій.

Середа. 29. День и ночъ были изрядніе, свѣтліе, тепліе и тихіе, къ свѣту морозъ. Пявици приставлялъ себѣ и зъ дому нѣкуда не ездилъ. Василець ключникъ за свою вину и за побѣгъ скаранъ. Графъ Апраксинъ и Борковскій въ Москву отехали.

Четвер. 30. День былъ сперва свѣтлій, потомъ хмарний зъ дожчомъ малимъ, ночъ хмарна, тиха и тепловата. Котляреви на первий его разводъ далемъ ему мѣди полтора пуда и 5 р. Да ему жъ на труби далемъ полтора жъ пуда. Обѣдалемъ у гетмана, а потомъ въ дому былемъ, у вечеру знову ездилемъ и отклонился затимъ, что ординованъ зосталъ ехать въ Полтаву до генерала Девейзбаха въ

войсковомъ интерессѣ, сторони роставки драгунъ на квартери, и заехалъ оттуду до Тургенева, где посидѣвши, отехалемъ домой.

М-ць октоврій. Пятокъ. 1. День былъ почасти погодній и похмурний, ночъ такова жъ У пана гетмана банкетъ былъ, где всѣ обѣдалисмо и капитанъ Воейковъ, Тургеневъ и Топѣлскій, и подпіяхомъ. Експедицѣю отобралемъ зъ канцеляріи енер. до Девейзбаха, куда ехать мнѣ, показано договариватись мнѣ съ нимъ стороны сустентацѣи драгунской, даби обидъ не было.

Субота. 2. День и ночъ подобніе прежнимъ. Приказъ отданъ паний, что кому надлежитъ чинить и на ганишъ 12 р. Писмо писалемъ до Ша... въ Сѣвскъ, чтобъ онъ подрадился поставить мнѣ ржи, а о чомъ уговоруватись поручилемъ Климу, на 500 чотвертей по 20 а. по крайней мѣрѣ. Рано, простившись зъ родителемъ, женою и дѣтми, поехалемъ на обѣдъ въ Ярославецъ, а тамъ отобѣдавши и простившись зъ Занковскимъ, явившимся у мене, отехалемъ на ночъ въ Камень, где и заночовалемъ.

Неделя. 3. День былъ холодноватъ и сперва свѣтелъ, потомъ хмаренъ, знову свѣтелъ, знову хмаренъ, при концу свѣтелъ, ночъ хмарна зъ сильнимъ дожчемъ, потомъ свѣтла, толко якъ у день, такъ и въ ночѣ силний вѣтеръ полуночний, подобний вчорайшому. Рано съ Каменя поехалемъ водою, Сеймомъ, въ лодцѣ, и пріехалемъ въ Хижки, на якой лодцѣ и коляска била; тамъ въ Хижкахъ обѣдалемъ. Отъ Хижокъ поехавши, о полднѣ пріѣхалемъ въ Смѣлое о полъ 2-й год., и ночовалемъ въ дворѣ родителскомъ.

Понеделокъ. 4. День былъ почасти хмаренъ, а почасти свѣтелъ, зъ силнимъ на збитъ вѣтромъ, ночъ свѣтла и холодновата и тихшая. Рано зъ Смѣлого пріехалемъ въ Роменъ и засталъ родителку и брата Марка въ добромъ здоровю, и со мною вкупѣ жъ ахтирскій сватъ Петръ Яковлевичъ, а по обѣдѣ, написавши писма въ Глуховъ, до родителя и жени, о своемъ поволженню, отехалемъ въ свой путь и пріехалъ передъ полноччю въ свой футоръ новий Артополотскій, где и ночовалемъ.

Вовтор. 5. День былъ израдній и погодній, толко къ вечору хмаренъ и маленко дожчъ, ночъ хмарна жъ и дожчевата мало. У

футорѣ приказалемъ Демяну ехать въ Сухоносовку и Перервинцѣ; у Сухонос. о винницѣ, чтэбъ на 6 казановъ робить, о млину Курѣнскомъ, объ Алексѣю, чтобъ его виславъ въ Глуховъ, о Певиправѣ въ Глуховъ, чтобъ ишла на Гамал. футоръ, а въ Перервинцяхъ зревѣдовать конѣ, цену установить за здохлого коня дрикганта, осмотрѣть сѣна; а самъ поехалемъ въ Розбишовку, а ехалемъ болшъ милѣ, а оттоль прiехалемъ до Гадячого, въ 2-хъ миляхъ добрихъ отстоячого отъ Розбишовки, где въ Гадячомъ въ замку у Казановича и обѣдалемъ, а по обѣдѣ прiехалъ туда къ намъ въ гостѣ новопожалованний генералъ маiоръ Гайденрейхъ, зъ которимъ такожъ и зъ Покорскимъ доволно посидѣвши, отехалемъ позно зъ Гадячого и, уехавши верстъ зъ 30, прiехалемъ до Зѣнкова городка, где и ночовалемъ, и при мнѣ Зѣнковъ горѣлъ, але скоро угасили. Въ Розбишовцѣ Хоролъ рѣка, у Гадячомъ Псiолъ, а въ Зѣнковѣ—Грунь.

Середа. 6. День былъ безмѣрно вѣтрянъ, помѣрно холоднiй, отчасти хмарний, ночъ тиха, свѣтла и погодна. Зъ Зѣнкова рано поехалемъ и прiехалемъ до Опошней городка, за 30 верстъ отстоящого, где и обѣдалемъ. А по обѣдѣ уехалемъ 5 верстъ до села Кочубеевого Диканкѣ, оттоль 16 верстъ до Жуковъ, его жъ маетности, где у его билъ, и у попа Iвана ночовалъ.

Четвер. 7. День былъ свѣтлiй, по болшой части холодноватъ, вѣтеръ утихъ, къ вечеру хмарно, въ ночѣ дожчъ не великъ, къ свѣту вияснилось и стало тихо. Рано зъ Жуковъ виехалъ и уехалъ верстъ 9 до Полтави, где имѣлъ квартеру въ дому умершого писара полкового Богаевского. По службѣ ходилъ я зъ Михайломъ Прездецкимъ (которiй зде у индукторскихъ зборщикахъ) до коменданта Iвана Лаврентiевича Чечерина, у которого и кушалъ, а по кушанню его коляскою, зъ нимъ же, прiехалемъ на мою квартеру и тутъ застали Добронѣцкую старую зъ дочерю, за полтавскимъ войтовичемъ бившую, и вскорѣ оной комендантъ отехалъ, а я писалъ зъ Полтави писма въ Глуховъ, до гетмана, родителя и жени, обявляючи о своемъ обращеню и для пересилки отдалъ онiе писареви полковому Руновскому. Виехалемъ зъ Полтави въ дорогу къ Орчику

и уехавши верстъ зъ 10 черезъ Ворскло рѣку, якая подъ Полтавою течетъ, пріехалемъ до слободки генерала Девейзбаха у Коломака рѣчки, пятий годъ осаженной, въ 50 хат. состоящой, а зовемой двоякимъ чили троякимъ именемъ Коломачокъ, Генераловка и Ковалювка, где и ночовалемъ у войта тамошнего. Попъ Жуковскій Іванъ сказивалъ о знахору, въ зѣлляхъ искусномъ, который живетъ въ опошнянской сотнѣ, въ селѣ Пѣвняхъ, маетности Богаевскихъ, а зовется Микита Москаленко.

Пятокъ. 8. Ранокъ свѣтлій, день хмарний, у вечеру вияснилось и въ ночѣ сперва, а потомъ сталъ вѣтеръ и хмарно. Поехавши рано зъ Коломачка, пріехали до слободи другой енерала Вейзбаха, въ 40 верстахъ отстоящей, а на серединѣ дороги отпочивали, у Кагамлика яра такъ прозиваемого, где копанки зъ водою. Пріехавши же въ Карловку, надъ Орчикомъ рѣчкою въ низу поселенную, билемъ у генерала Девейзбаха, где засталемъ генерала порутчика Дукляса, барона Крекіорта и другихъ кушавшихъ; у вечеру отехалемъ отъ его въ свою квартеру.

Суббота. 9. День былъ похмурний зъ жестокимъ велми вѣтромъ, передъ вечоромъ тихо стало и дощикъ ишолъ, въ ночѣ тожъ сперва дожчъ ишолъ, передъ полноччю вияснилось и тихо стало до свѣта. Имѣлъ я авдиенцѣю у генер. де Вейзбаха, которій на первий пунктъ инструкцѣи моей, о бранню сѣна вѣсомъ, сказалъ, что пробовать будетъ сколко заважитъ чистого сѣна. О видачѣ денгами за провіянтъ сказалъ, что нелзя того дѣлать, а совѣтъ свой далъ, даби тіе полки провіянтъ и фуражъ, а другіе за ту ихъ видачу денги платили по табелной ценѣ. Получилъ я листъ отъ гетмана и копію репортицѣи, въ листѣ требуется по мнѣ, даби я домагался репортицѣи на наличное число и вѣдомости откуду денги получать на заплату провіянту, мекленбурцамъ видавать имѣючогося. Обѣдалемъ у енерала и, долго просидѣвши, позно пріехалъ въ свою квартеру.

Неделя. 10. День былъ хмарній, холодний, вѣтряний, толко жъ безъ дощу. Ночъ тихша, свѣтла, холодна. Рано генералъ порутчикъ графъ Дуклясъ зъ женою своею отехалъ до линѣи. Пріехалъ сюда генералъ маіоръ Гейденрейхъ, а потомъ полковникъ Леслѣ,

зъ которими я увидѣвшись, былъ зде на службѣ, а потомъ у енер. Девейзбаха и имѣлъ аудиенцѣю и слишалъ резолюцію его въ нѣкоторихъ пунктахъ, а въ другихъ отложилъ до понеделка. Обѣдалемъ у него жъ и до вечора просидѣлъ, а въ вечеру отехалъ до своей мѣзерной квартери.

Понеделокъ. 11. День былъ холодній зъ жестокимъ вѣтромъ, ночъ свѣтла, но студена. Обѣдалемъ у генерала Девейзбаха, а передъ обѣдомъ и после обѣда составляли пункта въ резолюцію капитанъ Іванъ Вилимовичъ Роппъ, где и я пригодившись способствувалъ. Ездилемъ на квартеру, потимъ у вечеру знову пріездилемъ до генерала, и позабавивши зде знову при пунктахъ, отехалемъ въ квартеру. Обявлялемъ генералу Девейзбаху о листѣ гетманскомъ сторони репортицѣи прислання и вѣдомости о денгахъ.

Вовтор. 12. День былъ тихшій отъ учорайшого и зранку хмарно и мокровато, а потомъ свѣтло отчасти, ночъ зъ морозомъ свѣтла и тиха. Рано билъ я у капитана Роппа и въ ихъ канцеляріи съ нимъ, потомъ у Гайденрейха, знову въ канцеляріи, где розсердился за то, что переписаннихъ пунктовъ не дали мнѣ читать, на квартеру отехалъ, а потомъ до генерала пріехалъ, где рано въ 11-мъ часу и обѣдали. По обѣдѣ отехалъ генералъ Вейзбахъ до крѣпости ст. Іоанна на линѣю, а я отъ Василія Савича Кожина, капитана и за атютанта управляючого, отобравши резолюцію и листъ къ гетману, пріехалемъ на свою квартеру, куда пріехалъ мимоездомъ Кожинъ, и випивъ по 3 стакана вина, поехалъ за енераломъ. Віехалъ и я зъ Карловки и пріехалъ до другой слободи его жъ енерала, возвратно въ 4-хъ миляхъ отстоящой, именуемой Коваловки, где на прежней квартерѣ и ночовалемъ.

Середа. 13. Снѣгъ. День былъ сперва свѣтелъ и тихъ, толко отъ прежнихъ всѣхъ холоднѣйшій, а о 10-мъ часу въ первое снѣгъ сталъ ити, а ишолъ до 3-го часа, потомъ стало вияснюватись, ночъ тиха, ясна и велми холодна. Рано зъ слободки енералской Коваловки вставши, пріехалъ въ Полтаву передъ службою рано же и, ставши на прежней квартерѣ моей у Богаевской, тутъ зъ нею и старою Добронѣзкою, и зъ судею Василемъ Зелененкимъ, и

писаремъ пол. Руновскимъ, обѣдалемъ, а по обѣдѣ заходилъ до Чичерина и зъ нимъ до Гайденрейха, которого пожекгнавши, поехалемъ въ путь свой, и пріехалъ до Жуковъ за видна, а оттоль до Диканки, отъ Жуковъ въ 2-хъ миляхъ отстоящой, где и ночовалемъ у попа. Сукна 5 локот. темноватого купилемъ, по полъ 9 зол. локоть.

Четвер. 14. День былъ холодний и передъ полуднемъ снѣгъ ишолъ въ другій разъ, до другого часа, а потомъ тихо и мокро и хмарно, якова и ночъ вся была. Въ Диканцѣ обѣдалемъ у Кочубея, а по обѣдѣ уехалемъ верстъ 5 до городка Будищъ, а оттоль до Опошней 9 верстъ, зъ Опошней уехалемъ верстъ 30 зъ залишкомъ до Зѣнкова, где и ночовалемъ.

Пятокъ. 15. День былъ хмарний почасти и свѣтлій потомъ, но холодний, ночъ сперва свѣтла и велми холодна, потомъ хмарна зъ отлигою и вѣтромъ. Рано зъ Зѣнкова виехавши, уехалъ верстъ 29 до Гадяча за 4 часа и заѣхалъ въ замокъ до Казановича. Тутъ въ Гадячу ярмарка на Парасковею, сего октовр. 14 числа. Ходилъ я на ярмарокъ зъ Казановичемъ и купилъ отласу китайского полъ 8 локтя, локоть по 8 гривенъ, сафяну два за 12 зол., рюмку кришталную зъ кришкою за 4 гривни и столъ каменний на полъ 2 рубля, то все взялъ зъ собою, а столъ Казановичъ имѣлъ переслать въ Глуховъ. Поехалемъ зъ Гадяча до Розбишовки, год. 2 ехалъ, а миль 2 добрихъ, зъ Розбишовки болшъ милѣ до футора моего Артополотского, где и заночовалемъ. Тутъ у футорѣ отъ дворника увѣдомился, что староста Сухон., зъ виправи едучи, забралъ отсель масла дѣжечокъ 5, а шестой гладушъ, сира 7 дѣжечокъ, вовни рунъ 50, а ярочей рунъ 27, гусей 5, воловъ 2 кривихъ, валаховъ 10.

Суббота. 16. День былъ отчасти похмурний, холодний безъ великого вѣтру, ночъ хмарна зъ отлигою и дожчемъ, къ свѣту холоднѣй и зъ снѣгомъ невеликимъ. Поехалемъ рано зъ футора своего и пріехалемъ на обѣдъ въ Роменъ, засталъ матку и братовъ Семена, и Марка, и Луку, и братовую при добромъ здоровю. Кровъ пускалемъ банками и у лазнѣ милемся.

Неделя. 17. День былъ холодний, хмарний изъ снѣгомъ, за полдень ишовшимъ, къ вечеру хмарно зъ отлигою, ночъ сперва хмарна, потомъ свѣтла, тиха и холодна. Въ Ромнѣ на службѣ билъ и отобѣдалъ зъ родителкою и братами, а потомъ отехалъ и пріехалъ на ночъ въ Смѣлее, где и переночовалъ у Греся.

Понеделокъ. 18. День былъ свѣтлій, тихій, но холодний, ночъ такова жъ весма. Рано зъ Смѣлого ставши, поехалемъ черезъ городокъ до слободи Чернецкой около 3-хъ миль, ехалъ близь 3-хъ часовъ, оттоль до Грузкой болше 2-хъ миль, а ехалъ болшъ 2-хъ часовъ, отъ Грузкой до Хижокъ, на Духановку, полъ 3 часа, а въ Хижкахъ обѣдалъ. По обѣдѣ, черезъ Сеймъ перевюзшись, до Каменя, зъ Каменя пріехалемъ до Воргла, до п. Стефана Миклашевского, у которого вечералемъ и ночовалемъ. Человѣкъ его, повернувшійся зъ Астраханѣ, Зѣнко сказивалъ мнѣ, что мой Остапець пъетъ, что 50 р. заплатилъ нѣякомусь человѣку, а Рудкову 20 р. моихъ денегъ, да за табакъ якоби взяли 150 р. и отдалъ оніе Гаврило князю Уракову, а гор. цѣла. Осипъ Несторовъ, посадскій царичинскій, у которого Остапъ поскладалъ де що свое.

Вовтор. 19. Морозъ. День былъ свѣтлій, тихій, але зъ морозомъ великимъ, такъ что въ первое грязь замерзла и здержала на себѣ коней и вода по ставкахъ по берегахъ постиналася, ночъ тожъ тиха и гараздъ холодна. Поехалемъ рано зъ Воргла, а пріехалемъ передъ обѣдомъ въ Глуховъ, где заехалъ до пана гетмана и тамъ, отдавши пункта рѣшителніе, данніе мнѣ отъ генерала Девейзбаха, обѣдалъ и по обѣдѣ билъ у п. Михайловой, которую тожъ безъ поправи болную засталъ и отехалъ въ свой домъ, где родителя уже не засталъ, отехавшого въ Роменъ вчорайшого дня. Посѣщали насъ сестра Чарнишева и Мануйловичева, асаулка енер.

Середа. 20. День и ночъ были свѣтліе, тихіе, холодніе зъ болшимъ отъ вчорайшого морозомъ. Рано ездилемъ до гетмана, где дочъ умершую Горленка Андрея погребли. Обѣдалемъ въ дому, по обѣдѣ былъ у Тургенева и Воейкова, а обѣдали съ нами сестра Чарнишева, Кондзеровская, Гапка и Голубиха.

Четвер. 21. День и ночъ были такіе, якъ и вчорайшіе. Рано была у мене сестра Чарнишиха, а я по обѣдѣ ездилъ до Красной Горки, также до Никифора Іванов. Львова, подполковника.

Пятокъ. 22. День былъ также свѣтлій, тихій, холодній зъ морозомъ и ночъ такова жъ, а после полночи захмарило, якобы на снѣгъ къ свѣту. Панъ гетманъ заболѣлъ на констипацѣю, которую докторъ улѣчилъ Бокъ. Пріехала виправа Сухоносовская и съ нею стар. Сухонос. Демянъ и Ярема, а привезли зъ Сухоносовки габелковъ 10, шкуръ товарачихъ стар. 6, шкуръ конскихъ 4., вовни бѣлой стар. 164, вовни чорной стар. 154 рунъ, вовни чорной ярачой рунъ 68, а бѣлой ярачой 63, шкуръ овечихъ 18, масла дѣжечокъ 8, сира кадовбовъ 4, гороху тамошнихъ луб. четвер. 4, соли бочку; а зъ Перервинець: вовни, бранки осѣнной, рунъ 156, вовни весняной, бранки жъ, 160, овчинъ чиненихъ 10, дойва: масла дѣжокъ 3, а сира 3; зъ футора Артополотского вовни чорной, старой, рунъ 52, вовни бѣлой, старой, рунъ 28, чорной ярачой вовни 38, бѣлой 59, масла фасокъ 5 и гладушъ, сира дѣжечокъ 7; да староста Перервинскій листомъ своимъ зъ Яремою показалъ, что за разданную имъ и шинкарами гроши, учинилъ онъ сѣна скиртъ 34, по 100 копиць, а Ярема уробилъ сѣна, за 30 р., скиртъ 16, по 100 копиць, пашнѣ зняли съ поля жита 25 коп., гречки 40, пшеницѣ 13 коп., ячменю 40, овса 93, а на прійдучій годъ посѣялъ 13 четвер. Луб.

Суббота. 23. День былъ хмарний и ночъ зъ малою отлигою, якоби на снѣгъ, а не на дожчъ. Ездилемъ въ городъ до Турgенева, оттоль до гетмана, которого не видѣлъ за болезнію его, а въ обозного енерелного именинника обѣдалъ зъ протчіими персонами і подпіяхомъ, оттоль заездилемъ до Львова, а въ него посидѣвши повернулся назадъ.

Неделя. 24. День былъ хмарній, тихій, але холодній и ночъ такова жъ. Рано у гетмана былъ, которого не видѣлъ за болезнію. По службѣ обѣдалъ у обозного енералного за его нинѣшнее тезаименитство и позно оттуду поехавши, заехалемъ до Львова и въ него посидѣвши, повернулся домой.

Понеделокъ. 25. День и ночъ таковіе жъ были, якъ и вчора зъ морозомъ. Ездилемъ въ судъ за дѣломъ сестри Чарнишевой зъ Кропоткинимъ княземъ и, прочитавши тое дѣло, по которому правитъ на ней 1643 р., упросилемъ Хрипунова объ отсрочки на неделю поноровить ей сестрѣ. Принесенъ указъ правителствующаго сената до полковника Тургенева, октовр. 12-го зъ Москви отпущенний, въ якомъ показано, дабы индукту дать малороссиянамъ въ откупъ, виключя грековъ и рускихъ. У п. Михайла дочъ Анастасія маленкая умре отъ оспи и погребли оную у церквѣ Николая св.

Вовтор. 26. День были хмарній, але холодній, ночъ свѣтла, тиха, зъ морозомъ. Подалъ я челобитную въ к—рію минѣстерскую о индуктѣ, чтобъ мнѣ оная отдана въ откупъ, а я наддалъ надъ наддачу Гудовичеву 300 р. Обѣдалисмо у Тургенева обозній, судія, асаулъ и Турковскій и господа великорос. У вечеру заездили ко мнѣ капитанъ Воейковъ и Топѣлскій секретаръ.

Середа. 27. День былъ свѣтлій, холодній, тихій и ночъ такова жъ. Обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ жена поехала въ Роменъ. У вечеру ездилемъ въ городъ до Львова въ дѣлѣ сестри Чарнишевой.

Четвер. 28. День былъ похмурний, но холодний, ночъ свѣтла, тиха, но холодна. Торгъ чиненъ былъ объ индуктѣ, которую виторговалъ себѣ Петро Турнавіотъ за 20 тисячъ рублей наддачѣ надъ прежную суму 1302 р. 48 копѣекъ. Обѣдалемъ въ дому; Тургеневъ картузъ табаку, а Турнавіотъ око дарили. У вечеру былъ я у Мякинина и Турковского, также на пастовнику у сестри Чарнишевой и у Чуйкевича Өедора. Далъ писмо на себе Петро Стерѣевичъ о небранню индукти съ моихъ промисловъ.

Пятокъ. 29. День былъ отчасти вѣтрянъ и отчасти хмаренъ, але холоденъ, такова жъ и ночъ. Рано сторжился я зъ расколщикомъ зъ слободи Радулѣ на 12 подводъ до Кролевца [1]), зимнего пути, по 12 р., а оттоль по 6 р., и задатку ему 12 ефимковъ дать, далемъ Климу. Сережки рубѣновіе съ діаментами отискалемъ

[1]) Кенигсбергъ.

одни отъ злотника, а другіе остались. Росписки подавалисмо межи собою я и капитанъ гвардіи Петръ Петровичъ Воейковъ на 300 четвертей ржи, четверть по 24 а. поставить сеей зими. Поехалемъ зъ Глухова и пріехалемъ после полдня у Волокитинъ, оттоль на Бѣліе Береги, и тамъ перевезшись черезъ Сеймъ, пріехалъ до Ѳвѣнтовой деревнѣ (въ которой помѣщики Войновъ да Ведеринъ), отстоящой отъ перевозу въ милю невеликую, где и заночовалемъ.

Суббота. 30. День и ночъ были таковіе, якъ и вчорайшіе. Рано зъ Ѳвѣнтовой поехавши, пріехали до Грузкой, куда будетъ миля до Ѳвѣнтовой и обѣдали, а зъ Грузкой по обѣдѣ поехавши, прибили передъ смеркомъ въ Смѣлое и стали у Ѳрека. Отдохнувши часовъ зъ 3, поехали и пріехали въ Роменъ ополночи, ехалъ часовъ 4.

Неделя. 31. День былъ свѣтлій зъ неболшимъ вѣтромъ, холодний и ночъ такова жъ. Засталемъ зде въ Ромнѣ родителей обоихъ, жену мою зъ дѣтми, брата Марка зъ братовою, здоровыхъ, а братъ Семенъ виехалъ у четверъ зъ веселною кампанѣею въ Прилуку и съ нимъ сотникъ Роменскій, протопопъ и швакгеръ Якимъ Троцкій.

М-ць Ноеврій. Понеделокъ. 1. День былъ свѣтлій, погодній, холодній, вѣтрянъ отчасти, ночъ холодна жъ, свѣтла, безъ вѣтру однакъ. Обѣдалисмо въ дому родителскомъ, по обѣдѣ картами забавлялисмося. Овса 5 мѣховъ купилемъ, мѣхъ по 8 копѣекъ. Параскова Даниловна Апостоловна, жена брата п. Михайла Скоропадскаго, 24 недели болѣзновавшая, противъ вовторка въ ночѣ умре и погребена въ Глуховѣ у церквѣ ст. Николая, въ склепу.

Вовтор. 2. День былъ хмарний зъ вѣтромъ полуденнимъ да холоднимъ, ночъ хмарна жъ безъ таковаго жъ вѣтру, да холодна. Братъ Семенъ зъ невѣстою своею, дочеру Якима Горленка, хоружого енералного, дѣвицею Зѣновіею, пріехалъ въ Роменъ, которого я зъ тіоткою п. Павловою стрѣтилъ и веселний актъ его сей совершился теперъ и мы за полночь прогуляли и съ нами маіоръ Якобѣй и проч. Риби вялой купили линовъ голова 1 р. и 30 к., лящовъ вялихъ голова 1 р. и 20 к. за два дроби соли, вѣсу въ нихъ пудъ 13 фунт. 35, а пудъ по 28 к., итого 3 р. 74 к. Пушечку зъ кресивомъ 4 а. (?) попонъ на конѣ 4 по 40 а., итого

4 р. 80 к. За 20 локоть таеи 6 р. 40 а. а локоть по 16 шаг. Парgаменту полъ 2 золотника, 15 а., чулокъ пара 20 а., за вина квартъ 15, а кварта по 2 а., далъ 1 р. 5 к. Хутро песковое шлемовее 11 р. и 50 к.

Середа. 3. День и ночь были хмарніе, тихшіе и теплѣйшіе зъ отлигою. Сегодня веселніе члени поехали перезвою, а мы обѣдали зъ род., а по обѣдѣ были у мене Столповскій и Булавкинъ. Турgеневъ пріехалъ въ Роменъ и сталъ у сотника Роменскаго, куда я ходилъ и, посидя доволно, поворнулся въ домъ.

Четвер. 4. День и ночъ были противъ вчорайшихъ сходни, толко зъ болшимъ вѣтромъ полуденнимъ. Сватъ Якимъ Горленко, хоружій енер., зъ женою, обозній прилуцкій и Милорадовичъ зъ женою пріехали въ Глуховъ и съ Турgеневимъ обѣдали и подпивали. Увѣдомились ми о смерти п. Михайловой, позавчора умершой.

Пятокъ. 5. День былъ хмарній зъ отлигою знатною, у вечерѣ дожчъ и въ началѣ ночи, а потомъ хмарно зъ единакимъ же воздухомъ. Пріехалъ полковникъ ахтирскій Лесевицкій, котормй зъ хоружимъ енер. и протчими обѣдали зде у родителя и подпивали. Івану Кучеровскому за дриgанта буланого 6 ефимковъ, а 9 доплачу.

Субота. 6. День былъ хмарний, очинь вѣтряний зъ мокротнимъ воздухомъ въ началѣ ночи. Дожчъ силний ишолъ, передъ полноччю престалъ, а хмарно до свѣта. Обѣдали веселніе гости и Турgеневъ, у вечеру ездилъ я до Турgенева, а оттоль до свата хоружого енер., съ которимъ и простился. Заплатилемъ брату за коня вороного 10 ефимковъ, Марку. Далемъ музицѣ 5 р. за труди.

Неделя. 7. День былъ вѣтрянъ зъ перемѣною воздуха и почасти свѣтелъ, ночъ свѣтла зъ морозомъ и тиха велми. Передъ свѣтомъ веселніе свати всѣ поехали во свояси, а у насъ обѣдалъ полков. ахтирскій Лесѣвицкій, по обѣдѣ у вечеру ездилъ я до Турgенева. Купили ледянки соли пудъ по 15 да по 14 шаговъ, а пудовъ 14, да кримки соли полъ 3 бочки, бочка по 6 р., а полъ бочки за 7 зол., да виризубовъ 30, по 5 коп. вирозубъ, да вина волоского 21 кварта по 2 а., да обротей 10, 10 полругъ, да 15

торбъ волосяныхъ, спалня лазебная 15 а., панюй чулки 50 к., цукру ліодового фунт. 8 —2 р. 40 к., риза паперу 1 р. 5 к.

Понеделокъ. 8. Снѣгъ и дорога санная первая. День былъ свѣтлій, тихій, къ вечору воздухъ перемѣнился, но вѣтеръ полунощний. Черезъ всю ночъ снѣгъ въ первое пошолъ и покрилъ землю гараздъ, что и санками ездили люде. По службѣ зайшли до насъ Турgеневъ и полковникъ ахтирскій, которій и обѣдалъ у насъ, а Турgеневъ отехалъ въ Глуховъ. По отходѣ полковника, асаулъ полковий ахтирскій Боярскій со мною и швакгромъ Троцкимъ переглядали вещей, за братовою покойною п. Семеновой даннихъ. Старости оба пріехали сюда, зъ которихъ Сухоносовскій привезлъ 21 р., а 9 р. нѣтъ. Такъ же мужикъ Сухонос. Дядя привезлъ 27 р. зъ залишкомъ, оставшихся отъ куплѣ воловъ, а воловъ купилъ 22 за 71 р.

Вовтор. 9. День былъ свѣтлій, холодній зъ морозомъ и тихій до вечора, а въ ночѣ отлигло, къ свѣту снова морозъ. Рано я, а потомъ родитель ездилъ до полковника ахтирского, зъ которимъ постановили такъ, чтобъ онъ вещи покойной п. Семеновой принялъ до себе, до возраста унука Івася, якимъ вещамъ положена цена теперъ взятимъ 900 р., а прежде оставшимся тамъ 500 р., якіе вещи и отобралъ повѣренний отъ него писаръ полковий Алексѣй Кобилецкій, а онъ отъ себе писмо далъ полковничее и роспиcку. Орановскій попъ и другій попъ Свѣтъ пріехали и съ нами ужинали.

Середа. 10. День былъ съ морозомъ, а между тимъ и зъ отлигою и съ перемѣною воздуха, а особливе въ ночѣ отлига и снѣгъ зъ дощемъ ишолъ, до свѣта самого. У gрека Димитрія, по писму, данному мнѣ отъ войта Нѣжинского, взялъ парчу золот. по 8 р. локоть, локоть 13 одной, а другой 26, итого 39 локот., а прикупили локоть 1 до 13 локот.

Четвер. 11. День былъ увесь мокрий, понеже дощъ ишолъ до ночи, а въ ночѣ снѣгъ доволний зъ вѣтромъ холоднимъ и морозъ. Поминаніе было о умершихъ и потому обѣдъ попамъ и дякамъ имѣлся зде, зъ которими родитель и я обѣдали. Старости отправлени въ доми Сух. и Пер., приказано первому: 1) за 9 р. и 7 к.

и за 4 р. итого за 13 р., возовъ спорадить 10 воловихъ и 60 колѣсъ: 2) о коняхъ; 3) о горѣлцѣ, чтобъ безъ перерывки; 4) о присилкѣ теперъ сюда 10 воз. вол., для отвозу ганишу и проч. А Перерв. 1) о станѣ, чтобъ знять помостъ и тамъ конѣ ставить; 2) трохъ четвертаковъ взять на станю; 3) дрикгантовъ укривать, чесать и въ неделѣ разъ мить; 4) о присилкѣ 50 кущовъ персика.

Пятокъ. 12. День былъ холодній, хмарній, а у вечеру еще снѣгъ и через ночъ всю ишолъ. Сегодня заплатилъ жидамъ за мѣдь 3 пуда по 8 р. и по 70 к. 13 червонихъ и 22 к., за таеи 16 локоть, локоть по 16 шаг., 5 р. и 12 к. да за парчю золот. локоть 8 ₰. Жена зъ медіяни кровъ пускала для дихавичной своей болезни.

Субота. 13. Санная дорога. День былъ холодний, воздухъ полнощний зъ вѣтромъ и зъ снѣговою метелицею, а смеркомъ перестал ити, ночъ холодна жъ зъ морозомъ и вѣтромъ. Обѣдалисмо въ дому зъ родителми, а по обѣдѣ родители обое поехали въ Бубни, а мы остались и ночовали.

Неделя. 14. День былъ тихій, холодній, хмарний почасти, а почасти свѣтелъ, ночъ хмарна и тиха, зъ переходомъ вѣтру отъ полунощи на полудень. Рано віехалисмо зъ Ромна мы обое зъ дѣтми и братъ Семенъ зъ братовою и пріехали саннимъ поездомъ въ Бубни на службу, а ехали часовъ 2; по службѣ зъ родителми, зъ братомъ Семеномъ и братовою и шваkгромъ Троцкимъ и сестрою обѣдалисмо у отца Павла Свѣта, у котораго были крестини дочери его Маріи, воспріемники были Өедоръ Заборовскій да матка. Алексѣй Полуденскій оставленъ въ Ромнѣ смотрѣть оставленного тамъ ганишу 110 пуд. и 13 фунт. и протчіихъ рѣчій, о которихъ зде приложенъ реестръ, ему жъ въ запасъ даленъ 10 червоннихъ, если трафится купить ганишъ по 22 а., а не болшъ.

Понеделокъ. 15. День былъ зъ отлигою и зъ невеликимъ снѣгомъ, хмаренъ, тихъ, такова и ночъ. Рано до обѣда у Бубнахъ пробавилисьмо и обѣдали зъ родителми, братами и Троцкимъ. А по обѣдѣ родитель поехалъ на Курени, а мы, отклонясь матцѣ, поехали до Федора Заборовского въ Глобувку, где ихъ дворъ и млинъ

на рѣчцѣ Ромнѣ, отъ Бубновъ назадъ къ городу Ромни имѣется оний футоръ и будетъ верстъ зъ 3. Пріехалисмо туда у вечеру и видѣлъ я велми утѣшний способъ ловлення рибъ, а именно: болшіе кошн понижше лотоковъ при колесахъ ставляютъ, у которіе риба отъ придухи ради свѣжей води идетъ, и когда пріидетъ къ лоткамъ, то уже тамъ вода импетомъ своимъ женетъ оную внизъ къ кошу и за еднимъ разомъ черезъ нѣсколко часовъ, поставленъ билъ кошъ, который когда витягли, то до килкадесятъ разной величини щукъ живихъ налѣчилось. Тутъ оставили станокъ съ колесами отъ спалнѣ. До Димитрія Грека, индуктора, зъ Бубновъ посилалемъ черезъ нарочного его посланного копію обовязателного писма Стериевичевого (Тернавіота) за рукою моею.

Вовтор. 16. День былъ и ночъ весма зъ вчорайшими сходніе, толко вѣтеръ силнѣйшій мало отъ полуденной сторони. Рано вставши, зъ Глобувки уехали верстъ зъ 3 до села Мокѣевки, а оттоль зъ милю до Хмеліова, а зъ Хмеліова до Смѣлого, где у Якова Дуброви становиско и обѣдъ имѣли. А по обѣдѣ уехали миль 2 до слободи Чернецкой манастира Печерского, где у дворцѣ стали и ночовали.

Середа. 17. День былъ сперва съ отлигою, а къ вечеру и черезъ ночъ свѣтло, и морозъ безъ вѣтру, а отъ полночи отлига знову и хмарно. Поехали ми рано зъ слободи и уехали болше 2-хъ миль до Грузкой, а отъ Грузкой милю добрую до Свѣнтовой, где и обѣдали, куда тамошній помѣщикъ Петръ Войновъ приходилъ ко мнѣ. По обѣдѣ, увѣдомившись ми, же невозможно на Сеймовий перевозъ ехать, за тимъ что сталъ Сеймъ, да еще не ездятъ черезъ его, поехали зъ Свѣнтовой до Путивля, куда будетъ зъ Свѣнтовой до греблѣ на Сейму верстъ зъ 7, до Вязюнки, где и ночовали у чернецкомъ дворѣ, а чернецъ билъ монахъ монастира Петропавловского Сидоръ стар.

Четвер. 18. День былъ зранку хмаренъ и холодноватъ, зъ полудня тепловатъ и стало роставать; до вечора ночъ свѣтла зъ приморозкомъ. Рано зъ Вязюнки поехали до Холопкова села миль 2 среднихъ, оттоль до футора нашего Калюжновского верстъ зъ 5,

зъ футора до Сваркова столко жъ, пріехавши мы и обѣдали, а по обѣдѣ на ночъ въ Глуховъ.

Пятокъ. 19. День былъ по болшой части и свѣтлъ, и теплъ и знатно роставало. Ночъ свѣтла зъ силнимъ морозомъ. Рано я ездилъ въ городъ до брата п. Михайла, зъ которимъ доволно посидя и поплакавъ о печали его, повернулся въ домъ и засталъ родителя пріехавшого. Жита купилисмо четвериковъ глух. 23 и 2 четвертини, платилъ Климъ денгами, отъ Тараса и Забари взятими (и отъ Карабута и Сиваченка отобранними, четверикъ по 5 коп. зъ 6 к.).

Субота. 20. День былъ сперва холоденъ, потомъ теплъ и роставало къ вечеру и въ ночѣ, которая была зъ вѣтромъ, морозъ. Рано у п. Михайла, у гетмана, обѣдали у себе, у вечеру въ лазнѣ мылся. Царевна Параскевія Івановна, преставлшаяся въ прежнемъ м—цѣ, погребена у Вознесенскомъ монастиру.

Неделя. 21. День былъ и ночъ сходніе во всемъ вчорайшимъ, толко вѣтру не было и морозъ болшій гараздъ въ ночѣ, а въ день таяло. Обѣдалисмо всѣ и родитель у гетмана, я у вечеру заехалъ до Турgенева, где засталъ подпилихъ многихъ гостей: Топѣлского, Ма.... и проч., зъ которими и я тягнулъ. Оттоль заехалъ до Воейкова и, тамъ посидя, повернулся въ домъ шуменъ.

Понеделокъ. 22. День былъ хмарний, але холодний, безъ отлиги, ночъ зъ вѣтромъ холоднѣйшая. Купили жита 25 четвертинъ и осмину, а Климъ платилъ по 2 р. 53 к. Обѣдалисмо въ дому, у вечеру протопопъ здешній пріездилъ.

Вовтор. 23. День и ночъ во всемъ прежнимъ и вчорайшимъ сходніе. Обѣдаломъ сегодня зъ родителемъ у пана гетмана, а по обѣдѣ просидѣлъ у брата п. Михайла до вечора и повернулемся домой позно. Поминали п. Михайлову, которой третини преставленія.

Середа. 24. День былъ зъ отлигою и съ полдня снѣгъ ишолъ до вечора и въ ночѣ, а пересталъ ити передъ полноччю и къ свѣту морозецъ. Праздновали сей день тезоименитства царевни Екатерини Іоанновни и обѣдали многіе у пана гетмана и подпіяхомъ, у вечеру заездилемъ оттоль до Турgенева, а оттоль до Федора Савича, гдѣ просидѣлъ зъ Петромъ Кулябкою.

Четвер. 25. День былъ зъ морозомъ, ночъ холоднѣйшая, хмарніе и тихіе. Рано проездился на Красную Горку и до млина Радіоновского, обѣдалемъ въ дому, а у вечеру ездилъ до п. Михайла и тамъ просидѣлъ долго въ ночъ. Данченко, полк. стар. козакъ, пріехалъ съ Москви и привезлъ указъ, чтобъ въ обидахъ отъ архиерея Чер. розискивать полковнику нѣжинскому Хрущову, да другому въ товарищахъ зъ полковой старшини, а зъ духовенства ігумену Николского монастира кіевского Волчанскому, и архидіякону кіевскому жъ Трофимовичу, а ему жить въ Кіеви до окончанія розиску. Другій указъ прежде присланъ, чтобъ зъ корпуса Мекленбурского виключить поляковъ и малороссіянъ, а еднимъ мекленбурцамъ получать провіянтъ и фуражъ безденежно, а вибранныхъ не мекленбурцовъ въ армею розобрать. Панъ гетманъ далъ мнѣ слѣдствіе, у Стар. полку, въ сотнѣ погарской, учинившееся, что Исай, намѣсникъ Чолнского монастира Кіево-Печерской Лаври, на погарскихъ ґрунтахъ слободу заводитъ.

Пятокъ. 26. День былъ и ночъ сходніе вчорайшимъ, толко вѣтеръ полуденний болшій показался у вечеру. Отъ сестри Чарнишевой пріехалъ Старжинскій зъ тимъ, что въ дѣлѣ князя Кропоткина, которого зде въ повѣренныхъ маіоръ Хрипуновъ ходитъ, посланніе поручикъ Белянкинъ зъ 9 человѣками солдатъ, да Іванъ Пироцкій, пріехавши въ село Подоловъ, въ дворъ ея, сестринъ, арештуютъ все ея имѣніе и Дяковского, также и Старжинского били, отъ которого составленна челобитная давана имъ была и непринята, якую я черезъ Тараса посилалъ въ судъ енер. и тутъ непринята. Юско зъ другими служками послани въ Роменъ на 10 возахъ и съ ними до Алексѣя 80 р. да 40 ефимковъ для куплѣ ганишу и тютюну, а Юскови на дорогу далемъ рубля. Писалемъ до родителки и п. Марка и приказовъ два далемъ Алексѣю и Юскови.

Субота. 27. Морозъ. День былъ хмаренъ зъ морозцемъ, ночъ силна (?) зъ силнимъ велми морозомъ и таковий морозъ впервіе показался; толко безъ вѣтру. Сторжился я и родитель зъ сѣвскими посадскими на жито, чтобъ имъ поставит ь300 четвертей въ Кро-

левцу, по 25 а. по 2 к., а 300 четвертей тулиг. по 24 а. и по 2 к., и задатку у мене взяли 60 р. Обѣдалисмо зъ родителемъ у гетмана, где челобитная сестри Чарнишевой въ нуждѣ еи отъ посланнихъ зъ суду чинячихся принята, а я у вечеру составлялъ унѣверсалъ въ судъ по тому дѣлу.

Неделя. 28. День былъ свѣтлій зъ жестокою стужею и ночи половина болшая такова жъ, а къ свѣту стало хмарно и малая отлига показалась. Составилемъ унѣверсалъ въ дѣлѣ сестри моей Чарнишевой, зъ которимъ до п. Михайла ездилемъ, а оттоль до п. Өедора Савича, гдѣ гетманъ, п. гетманова, род., старшина енер., Воейковъ и проч. обѣдалисмо и подпіяхомъ, тутъ я въ розговоръ въ дѣлѣ Чарнишевой зъ Лвовимъ уступилъ необичайний.

Понедел. 29. День былъ зъ единокою отлигою малою, по обѣдѣ стало вияснюватись, ночъ болѣе ясна, нѣжели хмарна и воздухъ неотмѣнний. Проежджалемся по вчорайшомъ хмелю. Обѣдалисмо у себе, у вечеру знову ездилемъ до п. Стефана Миклашевского, оттоль до Воейкова капитана, гдѣ просидѣлъ долго у ночъ. Вѣжевскій шинковнихъ денегъ своего збору отдалъ 5 р. Климъ да Вѣжевскій зговорились зъ ґрекомъ и наняли въ городѣ склепу половину, хати и лiодницу на годъ за 21 р., а вимовили то, чтобъ ему мое вино нѣмецкое шинковать, также у склепу класть що потреба будетъ.

Вовтор. 30. День былъ хмарній, але холодний, ночъ мало свѣтлѣйшая, но холоднѣйшая. Рано были у гетмана передъ службою и по службѣ, а обѣдали у себе зъ род. и у вечеру никуда не ездилемъ.

Декавр: м-ць. Середа. 1. День былъ свѣтлій зъ морозомъ жестокимъ, такова жъ и ночъ была. Купили родитель и я штуку бѣлой зъ сребромъ матеріи, локоть по 12 зол., а сколько локоть я не мѣрилъ, а купили у Юрія ґрека Ѳуґи. Обѣдалисмо у себе, а по обѣдѣ ездилемъ до п. Михайла, зъ которымъ посидѣвши въ ночъ, повернулемся позно въ домъ свой. Увѣдомилемся отъ п. Михайла, что до суду енер. посиланъ былъ канцеляристъ за дѣломъ Кочубея взять оное зъ суду до гетмана, толкожъ Лвовъ подполков-

никъ, присядящій судови, не видавши самъ зъ п. обознимъ енер. и судею приносилъ, которие когда приказалъ онъ предъ гетманомъ честь, а п. Михайло вступилъ въ розговоръ зъ гетманомъ, чтобъ оно все, а не виписка, было принесено и оставлено для вящшого разсмотренія, онъ, разсердясь, ухватилъ дѣло зъ рукъ канцеляристи и пойшолъ домой. Да онъ же Холодовичу, канцеляристѣ, посиланному рано зъ унѣверсаломъ въ той же судъ въ дѣлѣ сестри Чарнишевой, жеби ей собственного имѣнія не арештовать, сказалъ, хвалячись оную въ турму посадить, а на унѣверсалъ отвѣтствовать отложилъ до завтрейшого дня.

Четвер. 2. День былъ тихій, холодний, хмарний зъ снѣгомъ, ночъ такъ же холодна зъ вѣтромъ и свѣтла. Обѣдалемъ у гетмана, сидѣлемъ у п. Михайла, заездилъ до Турgенова и, заставши его сонного, повернулемся въ свой домъ. Купилемъ бѣлой матеріи зъ сребромъ полъ 12 локтя по 12 зол. у Юрія Gygи.

Пятокъ. 3. День былъ тихій, холодній, хмарний отчасти и ночъ такова жъ. Юрію Gygѣ и Петракію, зятю Мойсѣя Новицкого, асаули пол. нѣжинского, позичилемъ 339 червон. иноземскихъ, а срокъ отдачи декавр. 1-го 1732 году, которіе и карту дали на себе. Далемъ Івановнѣ, при Климу, ефим. 200 розмѣнять по 1 р. и по 4 к.

Субота. 4. День былъ хмарний зъ доволнимъ снѣгомъ, ночъ такова жъ. Обѣдалисмо у пана гетмана, а по обѣдѣ, по злеценню гетманскомъ, допрашивалъ я зъ Турковскимъ и бунчучнимъ Борозною Демяна Оболонского, Мануйловича и Ладунку, канцеляристъ судовихъ, въ показаннихъ на ихъ взяткахъ отъ Лисовской и сина ея Димитрія. Зъ суда енер. прислано доношеніе къ гетману отвѣтное на унѣверсалъ, который въ оний судъ посланъ по дѣлу сестри Чарнишевой, что ея имѣніе заарестовано за долгъ мужа еи Чарниша, въ иску князя Кропоткина.

Неделя. 5. День былъ хмарний зъ доволною метелицею, особливе около и после полдня. Ночъ была хмарна, але холодна. Воейкову капитану во первихъ далемъ 16 р. за подрадную рожъ 300 четвертей, которую онъ мѣетъ зде мнѣ поставить въ Глуховѣ,

а четверть по 24 а., въ якихъ денгахъ онъ и росписался. Обѣдали у насъ Турgеневъ, Воейковъ и Топѣлскій, у вечеру былъ швакгеръ Яковъ Полуботокъ и тіотка Кондзеровская. Сеей ночи повезено Танского, пол. Переяслав., въ Москву.

Понедел. 6. День былъ хмарний, потомъ свѣтелъ и ясенъ, знову хмаренъ, ночъ хмарна зъ силнимъ вѣтромъ полуденнимъ и зъ снѣгомъ. Обѣдалисмо у пана гетмана, откуду домой повернулемся, где черезъ новихъ Луб. завѣдовцевъ получилемъ зъ Ромна и отъ Столповского писма зъ приложеннимъ переводомъ g.... (?) Яворского. Увѣдомилемся, что по новомъ опредѣленію ея в-ва состоялся указъ бить указному числу генералитета и что въ низовий корпусъ опредѣленъ gрафъ Дуклясъ, генералъ-порутчикъ.

Вовтор. 7. День былъ почасти свѣтлій и почасти хмарний зъ отлигою, ночъ ясна зъ морозцемъ. Сегодня обѣдалемъ у гетмана, по обѣдѣ отехалемъ домой, а у вечеру знову билъ у п. Михайла и просидѣлъ у него до полночи, исправляя унѣвер. въ судъ за сестрою Чарнишевою. Сегодня допрашивать отставили канцеляристу Оболонского и проч., за взятки, а Лисовского на завтрейшій день.

Середа. 8. Снѣгъ стаелъ. День таковъ билъ, якъ и вчора, ночъ хмарна зъ долгимъ дожчемъ, полуденний вѣтеръ. Сегодня Лисовского Димитрія допрашивали бунчучний и я о взяткахъ канцелярійскихъ, и Львова. Обѣдалемъ у п. гетмана, сидѣлемъ у п. Михайла и повернулемся домой.

Четвер. 9. День и ночъ были почасти свѣтли и почасти хмарни, толко жъ день зъ отлигою, а ночъ зъ морозцемъ, около полночи и къ свѣту морозъ болший. Обѣдалисмо у гетмана, а по обѣдѣ ездилемъ до архимандрита Троецкого Чернѣговского зъ швакгромъ п. Яковомъ, а оттоль до Воейкова Петра, гдѣ просидѣлемъ долго зъ родителомъ. Вчорайшого дня пріехавший сюда миргородскій Остроградскій безносий зъ синомъ, которихъ велено висилать въ Москву, обѣдали у столу.

Пятокъ. 10. День былъ погодний, тихій зъ сухимъ морозомъ, ночъ свѣтла зъ болшимъ морозомъ, а къ свѣту жестокій морозъ.

Сей день пробавилисмо, читаючи дѣло п. обозного енер. зъ архимандритомъ Троецкимъ Чернѣговскимъ.

Субота. 11. День былъ зъ жестокимъ морозомъ, сухій, свѣтлій и ночъ такова жъ. Сегодня обѣдалисмо у гетмана, слухали дѣла Лисовскихъ и допрашивали канцеляристъ бунчучний и я. Купилемъ злотоглаву бѣлого зъ зеленимъ 27 локоть, по 12 зол., да дуклѣ 20 локоть, по 75 копѣекъ.

Неделя. 12. День и ночъ были зъ жестокимъ морозомъ, противъ вчорайшихъ свѣтліе и тихіе. У гетмана по службѣ при Тургеневу, Воейкову, Топѣлскому, обозномъ енер., асаул. Мануйловичу, Турковскомъ, Шпешаку, Тройнѣцкомъ, Лебедеву, Алекс. Арсеніеву бранились ми зъ Лвовимъ, онъ сказалъ лгалъ[1]) и проч., что я ему взаемне отказивалъ. Обѣдалемъ у гетмана, а у вечеру сидѣлъ долго у обозного енер. зъ бунчучнимъ и Мировичемъ.

Понеделокъ. 13. День былъ свѣтелъ зъ жестокимъ морозомъ и тихъ, у вечеру снѣгъ невеликій, толко жъ холодно, ночъ была зъ малою отлигою. Рано былъ я у гетмана, а обѣдалъ въ дому зъ родителемъ, жена на пастовнику зъ сестрою Чарнишевою. У вечеру былъ я у Воейкова и у жени его.

Вовтор. 14. День былъ хмарний зъ невеликимъ снѣгомъ, ночъ хмарна жъ, однако жъ холодна. У ġрека другого взялъ я полъ 13 локтя златоглаву по 12 зол. и платить отсрочилъ на долшое время. Поминаніе сорочинное о п. Михайловой было и ми обѣдали у гетмана, а у вечеру ездилъ я до обозного енер. и, посидя, повернулся назадъ въ домъ свой. Юско пріехалъ и привезлъ оставленніе въ Ромнѣ станки, такъ же соли куфу, риби, вялую осятрину, вирозуби солоніе и меду полъ 2 вѣдерка. Подалемъ явочное челобитте гетманови въ безчестіи моемъ, отъ Лвова показанномъ.

Середа. 13. День и ночъ были сходніе во всемъ вчорайшимъ. Капитану ġвардіи Воейкову другимъ разомъ далемъ 84 р. да 8 р., итого всѣхъ далемъ половину денегъ за жито, а именно 108 р.,

---

[1]) Въ изданіи 1859 г. напечатано—*лжемъ*, но кажется, что слѣдуетъ читать—*лгалъ*.

а жита его теперъ подводи первимъ разомъ привезли четвертей 86, въ чомъ я и онъ росписалисмося. У судѣ енер. Львовъ салдата на мѣстѣ жолдака поставилъ, бодто для своей якойся безпечности, а унѣверсала гетманского въ судѣ не принялъ. Обѣдалемъ зъ п. Михайломъ и у вечеру просидѣлемъ долго съ нимъ. Получилъ писмо зъ Астраханѣ отъ Остапа Свѣтакэ, въ якомъ обявляетъ о себѣ и что отправились сюда зъ денгами Андрей да Гаврило оттоль, а вина ведро по 1 р., а ручка тютюну по 3 к. продани, а отправились октовр. 28 дня. Капитанъ Воейковъ и секретаръ Топѣлскій поехали въ Переяславль розискивать объ обидахъ, полку тамошнему починенныхъ отъ Танского Переяславского (полковника).

Четвер. 16. День и ночъ были таковіе, якъ и вчора. Допрашивани ġрекъ Петро Полонскій и Войтенко старод. въ дѣлѣ Лисовскихъ. Обѣдалемъ у столу гетманского, у вечеру ездилемъ до сестри Чарнишевой и позно повернулемся въ домъ. У Клима отобралемъ денегъ 104 р., якіе онъ взялъ у Івановни за таляр. бит., а еще 104 у еи, да у Клима жъ отобралемъ 4 р. и 6 а., а 2 р. Петро кухаръ, якіе онъ виминялъ за ефимки и сіи у его не должни бить въ пріемъ записани.

Пятокъ. 17. День и ночъ были таковіе, якъ и прежніе. Праздновали имени(ны) гетманскіе и подпіяхомъ; у вечеру поехалемъ отъ п. Михайла зъ Іваномъ Гамалѣею ко мнѣ и, напившись у мене чаю, повернулъся онъ къ себѣ, а я спать лѣгъ. Увѣдомился я, что Голубихи Андрѣевской (изъ с. Андреевки) Кролевецкой сынъ, оженившійся теперъ, умре. Послани у Криски ревѣдовать старости Дуброва и Пѣщанскій зъ приказомъ въ 10 пунктахъ.

Субота. 18. День и ночъ было таковіе, якъ и прежніе. Не ездилемъ никуда зъ дому за вчорайшимъ хмелемъ, у вечеру толко былъ у бунчучного енер., зъ которимъ доволно посидѣвши, повернулемся домой.

Неделя. 10. День и ночъ таковіе были, якъ и прежніе. Рано зъ родителемъ ездилисмо до Турġенева, гдѣ, поговоривши зъ нимъ и маіоромъ о дѣлѣ сестри моей Чарнишевой и показавши имъ грамоту, въ которой именно означенъ Подоловъ Голубовъ, отехалемъ

до гетманского двору и служби, Божой вислухавши у ст. Николая, обѣдалемъ; по обѣдѣ ездилемъ до Турgенева и, посидя тамъ за шахматами, пріехалемъ домой позно. Увѣдомился я, что Оболонскій въ своей винѣ, что взятки бралъ, а именно 16 блюдъ циновихъ, якъ самъ показалъ, у Лисовской, прощенъ отъ гетмана, которій долго у вечеру сидѣлъ у п. Михайла, куда и я пріехалъ и сидѣлъ долго въ ночѣ.

Понедел. 20. День былъ свѣтлій, сперва зъ болшимъ отъ прежнихъ морозомъ, а потомъ хмарний и ночъ хмарна жъ, але однаково жъ холодніе. Вѣжевскій мой въ судѣ енер. далъ чолобитную отъ имени сестри моей п. Чарнишевой, которого Львовъ велѣлъ посадить за караулъ и колодку збить и сидѣлъ сутки. Холодовичъ, канцеляристъ, сынъ сотника Воронѣжского Холодовича, поехалъ въ Москву, черезъ которого писалъ я до сотника, чтобъ переслалъ писмо мое въ Астрахань до Остапа Свѣтака.

Вовтор. 21. День былъ сперва зъ снѣгомъ, которій вскорѣ перестaлъ, и день и ночъ были хмарніе и холодніе. Миколай Товкаченко Крисковскій пріехалъ зъ Gданска, привелъ лошадей кобилицъ 2 и жеребя малое, вороніе всѣ, за 110 талярь тамъ купленнихъ; да gалıонку золот. цѣвокъ 27, а тамошней ваги 30 по 5 зол., gалıонку сребранихъ цѣвокъ 11, а тамошней ваги 12 за 12 таляр., шовку фунтовъ 2 за 32 зол., котoрий привезлъ, и червон. 178. Вѣжевскій и сей день у судовой избѣ подъ карауломъ сидѣлъ.

Середа. 22. Повторний снѣгъ. День былъ холоденъ и ночъ велми, у день маленкій проривался снѣгъ, въ началѣ ночи метелиця и до свѣта. Вѣжевскимъ подалъ я челобитную гетманови на Львова и потому написано въ судъ енер. справку прислать въ енер. к-рію, почему онъ посаженъ. Миколай Товкаченко отправленъ и дано ему 4 р., киндякъ зелений и футро сѣрое и писалъ я до Дуброви и Клима зраховать его. Вѣжевского Львовъ после справки велѣлъ солдатамъ отвесть на обвахтъ, ради которого хочай и ездилъ я до Турgенева, однако жъ Турgеневъ сказалъ, что къ нему писма Львовъ объ немъ не присилалъ, а по чіему приказу принятъ оній Вѣжевскій подъ караулъ, судъ завтра изслѣдуетъ.

Четвер. 23. День былъ холодний зъ метелицею снѣговою, ночъ холоднѣйшая, свѣтлая. Рано отдалемъ явочное челобитте Турgеневу о своемъ Вѣжевскомъ, а отъ гетмана писано до Турgенева о свободѣ его зъ подъ караулу, по очистки Оболонского сказкою, что за нимъ дѣла нѣтъ никакого. Пріехалъ Старжинскій зъ потретимъ писмомъ просителнимъ отъ сестри въ дѣлѣ и чтобъ его нарадить въ Москву подводою, нанявши оную.

Пятокъ. 24. День збитъ холодний, отчасти мало снѣженъ, у вечеру зъ метелицею, ночъ холодна, велми хмарна и къ свѣту метелица. Сегодня причащался я и у вечеру заходилъ до Турgенева, котори
й сказивалъ мнѣ, что получилъ онъ листъ гетманскій о Вѣжевскомъ моемъ, къ нему писанный, чтобъ свободилъ его зъ подъ караулу и что на тотъ листъ писалъ онъ до Лвова и что Лвовъ отвѣтствовалъ такъ, что я де въ понеделникъ къ нему отпишу, для чего де я оного человѣка за карауломъ держу.

Рождество Х-во. Субота. 25. День былъ зъ жестокою метелицею, у вечеру потеплѣло и сталъ дожчъ ити черезъ всю, почитай, ночъ зъ силнимъ полуденнимъ вѣтромъ. Рано ездилемъ зъ родителемъ до Турgенова и гетмана посля для поздравленія, у гетмана и обѣдали, у вечеру знову били у Турgенева, который сказивалъ, что Лвовъ говорилъ про Вѣжевского, которого якоби для того удержалъ онъ за карауломъ, чтобъ онъ подложно зъ челобитною явился вмѣсто повѣренного Чарнишевой.

Неделя. 26. День былъ мокрій зъ уставичнимъ дожчемъ, а въ началѣ ночи снѣгъ пошолъ и примерзло къ свѣту. Сегодня били въ службѣ ст. Анастасіи, а по службѣ били у гетмана и у п. Михайла и домой пріехалемъ зарання, поигравши въ дами. Старжинскій поехалъ въ Москву зъ чолобитною отъ сестри Чарнишевой.

Понеделокъ. 27. День былъ свѣтлій зъ жестокимъ морозомъ, такова жъ и ночъ. Были у службѣ ст. Михайла, а обѣдалисмо у себе зъ род., Конзеровскою и Гапкою. По обѣдѣ впервое п. Михайло пріездилъ ко мнѣ, а я у вечеру знову у его билъ и въ дами игралъ. Увѣдомился я отъ Турgенева, что Лвовъ отвѣтомъ своимъ къ нему показалъ, будто онъ не моего слугу, а Чарнишевой, Павла

Ижевского держитъ за карауломъ за подступъ у суда енер., что чужий служителъ подалъ челобитте и въ томъ порознился зъ собою.

Вовтор. 28. День былъ зъ отлигою и вѣтромъ жестокимъ полуденнимъ, а потомъ дожчъ. Ночъ зъ отлигою жъ, а потомъ стало къ свѣту примерзать. У гетманскомъ дворѣ обѣдалисмо и пломѣнникъ Сави Рагозѣнского Мойсей Івановичъ, до которого по обѣдѣ зъ п. Михайломъ ездилисмо.

Середа. 29. День былъ холодноватъ зъ морозомъ, у вечеру малий снѣжокъ, ночъ холодна жъ. Семенъ Тимофѣевъ сынъ Кишкинъ, полковникъ и комендантъ новий Глуховскій, пріехалъ съ присягами о наслѣднику, кого ея величество опредѣлитъ, чего ради гетманъ и ми вси присягали у соборной церквѣ. По службѣ обѣдали у гетмана Тургеневъ, Кишкинъ и протчіе. Сотникъ Глуховскій Федоръ Емеляновичъ отъ пуслини (водяной) умре. Черезъ Лобаса рано отправилисмо въ Москву писма до князя Шаховского и до Желяза, до которого послалъ я и штани лосиніе. Жестянку наложилемъ сахару ліодового.

Четвер. 30. День былъ холоденъ зъ ранку, снѣгъ ити началъ, а потомъ сполдня пересталъ, ночъ холодна, хмарна и вѣтряна. Отъ Желязи зъ Москви привезена мнѣ первая покупка: чайниковъ 2 за 20 а., да осятеръ 1 за 30 а., да каваpy 10 фунт. за 80 коп., итого 2 р. 30 к. Родителка пріехала въ Глуховъ и обѣдалисмо вкупѣ, и никуда не ездилемъ.

Пятокъ. 31. День былъ холодний, хмарний и отчасти вѣтряний, ночъ сперва свѣтла, однакожъ холодна и до свѣта таковажъ зъ жестокою стужею. Увѣдомился я, что Львовъ, подполковникъ, былъ у гетмана впервое по ссорѣ, а мы были у службѣ ст. Анастасіи и обѣдали въ дворѣ гетманскомъ; а по обѣдѣ ездилемъ до Кишкина, а не заставши его, повернулемся домой. У лазнѣ милемся.

Le portrait d'un veritable honnette homme.

Rendez au Createur ce qu'on lui doit rendre,
Reflechissez avant que de rien entreprendre,

Point de societés qu'avec d'honnettes gens
Et ne vous flattez point de vos heureux talens, etc. etc.
L'on dit que ces vers sont composés par l'archeveque de Cambrai.

На м-ць порцѣя: муки четверичковъ—2, крупъ гарнецъ—1, соли фунтовъ—2, а денгами копѣекъ—43; рацѣя: сѣна возовъ мѣрнихъ 2, овса гарцевъ 60, соломи кулей 30, дровъ возовъ мѣрнихъ—2, а денгами 75 копѣекъ, за порцѣю и за рацѣю денгами всего 118 копѣекъ.

Затѣмъ слѣдуетъ рецептъ.

1732 годъ. Генварь м-цъ.

Субота. 1. День былъ свѣтлій, тихій зъ жесточайшимъ морозомъ, ночъ отчасти хмарна, толко жъ равномѣрной стужи. Рано зъ родителемъ ездили до Турgенева, оттоль до гетмана для поздравленія, а службы у Николая вислухавши, обѣдалисмо у него, по обѣдѣ пріехалемъ домой и никуда не ездилъ. Уже другимъ разомъ прійшли подводи Крисковскіе и теперъ привезли дерева 20 зъ Погорѣловки, да стар. Крисковскій пишетъ, ускаржаючись на попа и брата его Ляха и что подводчики въ Кенѣшперgъ проехали Криски въ Новгор. за медомъ, а оттоль будутъ назадъ для забору товару.

Неделя. 2. День былъ свѣтлій, тихій зъ жесточайшимъ же морозомъ и ночъ такова жъ. Рано былъ я у гетмана, обѣдалъ зъ родителми въ дому, у вечеру билъ у коменданта Кишкина, а оттоль у п. Михайла, зъ которимъ въ дами игралъ. Сказивали мнѣ, что вчера Турgеневъ говорилъ гетманови о челобитной, ему поданной отъ Лисовской на Львова.

Понед. 3. День былъ и ночъ также тихіе, свѣтліе и жестоко холодніе. Не ездилемъ зъ дому никуда, а лѣчилъ свою болѣзнь горловую плосканнемъ, а родители и жена кушали у асаули енер. Мануйловича. Стар. Крисковскій пріехалъ и обявилъ о подводахъ, пріехавшихъ въ Криски, что до Кролевца пруского.

2. Григорій Криштофоровъ, бунч. товар.

3. Марія, (Христофоровна), была за сыномъ Стародубск. войта Спиридона (Ширая), а потомъ за полякомъ; умре безъ потомства, монахинею въ Макошинскомъ дѣвичемъ монастырѣ.

4. Евдокія (Христофоровна), была за значк. тов. Федоромъ Грембецкимъ; умре безъ потомства.

5. Анна (Христофоровна), была за сотникомъ Любецкимъ Константиномъ Савичемъ.

6. Григорій Григоріевъ Фридрикевичъ, (внукъ Христофора), д. ст. сов., умре безъ потомства.

7. Ульяна Константиновна Енькова, дочь Конст. Савича. Ея сыновья и дочери: Дмитрій, Николай, Андрей, Иванъ, Марья Милорадовичева, Федосья Карабанькова, Анна Шафонская. (*Съ подлинника*).

II. Бумаги о женитьбѣ Ивана Степановича Лашкевича на Настасьѣ Петровнѣ Милорадовичъ и частная ихъ переписка.

Мужское потомство извѣстнаго Черниговскаго полковника и наказнаго гетмана Павла Полуботка прекратилось въ лицѣ его двухъ внуковъ, бунчук. товарищей Семена Яковлевича († 1752 г.) и Василія Андреевича († 1768 г.); отъ послѣдняго дѣтей не осталось, а у Семена Яковлевича отъ второй его жены, Настасьи Степановны Леонтовичъ (р. 1732 † 1802), осталось двѣ дочери, Софья (р. 1747 † 1773) и Федосья; Софья была замужемъ за Черниговскимъ полковникомъ Петромъ Милорадовичемъ (р. 1723 † 1799), а Федосья за Михайломъ Стороженкомъ; у Федосьи дѣтей вовсе не было, а Софья оставила сына Григорія (р. 1766) и двухъ дочерей, Настасью (р. 1769) и Марью, (р. 1772); послѣдняя, Марья, умерла въ 1788 г. и Настасья Петровна стала одною изъ богатѣйшихъ въ Малоросіи невѣстъ, такъ какъ по литовскому статуту она имѣла право на половину материнскаго имѣнія. Не смотря на сиротство, обѣ дочери Милорадовича были старательно воспитаны, что разумѣется только увеличивало извѣстность среди невѣстъ оставшейся въ живыхъ Настасьи Петровны. «Она была отдавана въ пенсіоны, первѣе, въ Нѣжинъ, къ пенсіонеру Шту-

чу, второе, къ тому-жъ самому Штучу въ Кіевъ, а послѣ оныхъ пенсіонеровъ, къ французской мадамѣ, жившей въ домѣ Черниговскаго губернатора Андрея Степановича Милорадовича, гдѣ она находилась въ наукахъ чрезъ шесть лѣтъ. Сверхъ того, была выписана для нее изъ С.-Петербурга мадамъ, которая и находилась въ Боровичахъ».... Такъ писалъ отецъ Наст. П—ны въ 1790 г., когда разсорился съ этою своею дочерью изъ за ея брака. Ссора произошла по слѣдующему поводу. Пробывъ нѣсколько лѣтъ у «пенсіонера» Штуча, Н. П—на стала жить у своего дяди Андрея Степановича М—ча, въ Воронковѣ; отсюда ее выпросила у отца къ себѣ бабушка Настасья Степановна, жившая въ с. Боровичахъ (Городницк. уѣзда), куда Н. П—на и переѣхала въ 1783 г., какъ видно ниже изъ письма ея отца. Бабушка эта происходила отъ Христофора Фридрикевича (см. стр. 48), у котораго былъ одинъ сынъ Григорій; сынъ этотъ былъ женатъ на Федосьѣ Томаровнѣ, за которою взялъ богатое приданное (бывшія имѣнія Бѣлоусскаго сотника Василія Болдаковскаго); но Григорій Христофоровичъ Фр—чъ пожилъ недолго и умеръ, оставивъ одного сына Григорія, а молодая его вдова послѣ нѣкотораго романа, вышла замужъ за Степана Леонтовича, «который примандровавши съ Полщи, жилъ въ дѣтей покойнаго Войцеховича, сотника Седневского, инспекторомъ, и тамъ съ собою познавшися, оженился на Томаровнѣ». Отъ второго мужа Федосья Томаровна имѣла двухъ сыновей: Степана (женатаго на Софьѣ Васильевнѣ Дунинъ-Борковской) и Ивана, и четырехъ дочерей, изъ которыхъ старшая и была Настасья Степановна, вышедшая затѣмъ замужъ за Семена Полуботка и сдѣлавшаяся такимъ образомъ тещею Петра Степановича Милорадовича, а вмѣстѣ съ тѣмъ и бабушкою дочери послѣдняго Настасьи Петровны. Настасья Степановна была очень умная женщина и при этомъ еще и вполнѣ грамотная, что́ встрѣчалось рѣдко среди малорусскихъ «матронъ» конца XVIII в.— Вотъ у этой то бабушки и поселилась ея внучка Настасья Петровна. Нѣтъ сомнѣнія, что тогдашніе женихи хорошо знали о богатствѣ этой невѣсты, но изъ нихъ «адрессовались» къ отцу только двое: бунч. товарищъ Михаилъ Борковскій и кригсъ коммисаръ Василій Лаврентьевичъ Селецкій, но оба жениха не пришлись по нраву невѣсты, хотя отецъ, повидимому, былъ согласенъ на ихъ сватовство. Другіе женихи не являлись; говорили при этомъ, что отецъ удаляетъ жениховъ «по своему пристрастію къ дитинному имѣнію». Прожила Н. П—на у бабушки лѣтъ пять и достигла такихъ лѣтъ, когда о ней можно было, по тогдашнему, сказать, что «не къ лѣтамъ, а изъ лѣтъ уже

идетъ». Въ старой Малороссіи дѣвушки выходили замужъ рано и двадцатилѣтняя невѣста уже не считалась молодою. Поэтому бабушка стала заботится о замужествѣ своей «Настеньки». Въ концѣ 1779 г, подходящій женихъ нашелся. Нашли его родственники Настасьи Ст—ны, и, кажется, главною свахою при этомъ была жена ея брата Софья Васильевна (жена Степана Ст—ча Леонтовича). Женихъ этотъ явился въ лицѣ молодого майора Ивана Степановича Лашкевича (р. 1765 † 1822). Это былъ сынъ довольно богатаго «пана» сѣверной Малороссіи Степана Ивановича, человѣка довольно образованнаго, который и сыну старался дать солидное образованіе [1]). Поэтому Иванъ Ст—чъ Лашкевичъ учился въ Московскомъ университетѣ, будучи въ тоже время записанъ капраломъ въ Измайловскомъ полку. Долго ли оставался въ университетѣ Ив. Ст—чъ—неизвѣстно, но въ 1784 г. онъ былъ капитаномъ, а двадцати лѣтъ отроду вышелъ въ отставку съ чиномъ секундъ-майора. Въ это время Ив. Ст—чъ, несмотря на свою молодость, былъ человѣкомъ уже вполнѣ самостоятельнымъ, такъ какъ отецъ его умеръ въ 1782 г. Объ этомъ женихѣ Настасья Степановна поспѣшила увѣдомить затя, которому, разумѣется, женихъ предварительно долженъ былъ представиться. Извѣстіе это Милорадовичъ встрѣтилъ съ большимъ неудовольствіемъ. Возникшая по этому поводу переписка, между тещею и зятемъ съ одной стороны и отцомъ и дочерью съ другой, составляетъ содержаніе слѣдующихъ за симъ писемъ.

1. Петра Степановича Милорадовича къ тещѣ, 1788 г.

Письмо ваше зъ Боровичъ, сего ноября отъ 20, я имѣлъ честь получить 23-го числа, въ которомъ изволите писать, что вы получили извѣстіе отъ братца вашего Степана Степановича, который пишетъ къ вамъ, что онъ вмѣстѣ съ Лашкевичемъ будетъ по первой зимней дорогѣ къ вамъ, а сынъ мой пріѣхавши отъ меня, обявилъ вамъ, что я ненамѣренъ отдать дочь мою за нево, и вы не изволите понимать для чего бы я сіе дѣлалъ, и что дочь моя уже не пятнадцатилѣтняя, но уже двадцать лѣтъ въ мѣсяцѣ мартѣ будетъ, и что братецъ вашъ Степанъ Степановичъ не можетъ выхвалить его пер-

[1]) Подробныя и любопытныя свѣдѣнія о Ст. Ив. Лашкевичѣ см. въ „Кіевск. Старинѣ“ 1887 г., № 12.

сону и домоводство по частому съ нимъ обращенію, и по сказкамъ ево не такъ убогъ, какъ я думаю; на что вамъ имѣю обявить: я весьма доволенъ и благодарствую братцу вашему за ево стараніе, покорнѣйше жъ прошу принять во уваженіе и мое родителское о дочери моей попеченіе, которимъ я обязанъ естественно болше всѣхъ сродственниковъ. Я господина Лашкевича не охуждалъ, и ни богатымъ, ни убогимъ ево почитать не могу, ибо я ни ево самого, ни имѣнія ево не знаю, а синови моему я говорилъ, чтоби онъ обявилъ мое мнѣніе, которое состоитъ въ томъ, что я къ виданью дочеры моей не могу прежде приступить ни за господина Лашкевича, ни за кого другого, не знавши ни дому, ни имѣнія ево, ни удѣлу, съ которого всякой женихъ по силѣ общественного узаконенія долженъ, прежде сговору, всего за своей невѣстой на третой части своего недвижимого имѣнія получить, тоесть записать урядовымъ порядкомъ... (засимъ часть письма истлѣла).

Ежели же, по мнѣнію вашему, дочь моя не молодая, то есть способъ, черезъ который она скоро помолодѣетъ, который состоитъ въ рукахъ вашихъ, именно жъ, ежели по неоднократному своему внуковъ вашихъ обнадеживаю, дочерѣ моей запишите и опредѣлите Боровичи, такъ какъ и господина Лашкевича мать записала сынамъ своимъ отческую свою деревню, то дочь моя не токмо помолодѣть можетъ, но и болше, когда дѣйствително узнаетъ, приятнѣйшой здѣлается всякому благородному жениху, которого Богъ ей опредѣлитъ. Въ прочемъ я бы болше предъ вами изяснился, но о таковыхъ дѣлахъ на писмахъ не можно трактовать, и не могу къ вамъ пріѣхать по причинѣ приключившойся мнѣ простудной болѣзни, отъ которой я нахожусь въ слабости, и стражду кашлемъ и насморкомъ, отъ которого имѣю боль въ головѣ.

2. Отвѣтъ Настасьи Степановны зятю.

Вы на мое прежнее письмо рѣшително ничего не написали, а написали то, что до меня не принадлежитъ, ничево не значитъ, то естъ ни намѣренія, ни отказу и въ... только пустіе переписки, а между тѣмъ пріѣдетъ женихъ и тогда что мнѣ дѣлать—судѣте и пожалуйте... мене уволнитъ, что вы хотите и въ заправду записать вашей дочерѣ то... (Далѣе часть письма истлѣла) отказъ напишите, дабы я могла отвѣчать по вашему рѣшенію, а прямо потому напишу до брата, чтобъ ему отказалъ. Вотъ одного толко я требую.—Естли при томъ

у васъ есть женихъ на примѣтѣ такой отдѣлной, какого вы желаете, то сему не грѣхъ и отказать; буди же нѣтъ, то уважте на все, а особливо на лѣты вашей дочерѣ, которой не къ лѣтамъ, но изъ лѣтъ идетъ, которая, какъ вы пишете, отъ Боровичъ помолодѣетъ. Нѣтъ, дайте ей и ввесь свѣтъ, то ничто не поможетъ наградить потерявшіи лѣта; а особливо ее и меня тревожатъ ежеденно видимые образцы, какъ то: Борознина дочь, которая еще мене старѣе, въ дѣвкахъ по сіе время, нещастные Лизогубовны и Гудовичева, а къ нимъ и Базилевсковна, которая 70 тысячь имѣетъ денегъ и 600 душъ. Подумайте со всякимъ уваженіемъ и поступите, какъ вы знаете; все про все въ вашей волѣ, а я только любя ее, пишу къ вамъ сіе, и больше о семъ писать не буду, увѣряю.

Что касается до Боровичъ, то я и сама не знаю, кому оные достанутся, но толко знаю то, что некому иному, какъ вашимъ же дѣтямъ или Николашенки.

Буди вы согласны будете на сего жениха, то и о перстнѣ не забудте.

3. *Зять тещѣ.*

Писмо ваше зъ Боровичъ отъ 11 числа я получилъ, на которое въ отвѣтъ вамъ имѣю честь объявить, что писать мнѣ къ братцу вашему Степану Степановичу, чтобы онъ съ пріѣздомъ съ господиномъ Лашкевичемъ не спѣшилъ, не слѣдуетъ, для того, что ни я зъ Степаномъ Степановичемъ, ни онъ со мною о семъ дѣлѣ ни слова не говорилъ, а говорилъ онъ съ вами и рекомендовалъ его, то вамъ и писать къ братцу вашему о семъ есть заприлично. Ежели, по провѣдованіе про жениха на меня пенять изволите, напрасно, ибо вамъ самимъ исвѣстно, что я былъ въ отлучкѣ въ степу, гдѣ я прожилъ, по моимъ необходимостямъ, до послѣднихъ чиселъ октября мѣсяца, отколь пріѣхалъ октября 28-го. Пріѣхавши же былъ боленъ двома болѣзненными припадками, отъ которыхъ и понынѣ нахожусь въ слабости, а болше еще къ тому я по волѣ Божіей лишился дочери моей меншой, которой еще не успѣлъ опоминать по христіанскому закону. Сихъ то ради причинъ нѣкогда было мнѣ о жениху провѣдовать; однакъ вы сего не изволите принимать во уваженіе и комнѣ пишете зъ своимъ неудоволствіемъ, да я и не могъ знать сего, какъ вы нынѣ пишете, чтобы я могъ провѣдать объ немъ отъ Петра Антоновича Милорадовича, а нынѣ узнавши отъ васъ, прошу меня увѣ-

домить, какъ господину Лашкевичу имя, званіе или чинъ его, дабы я могъ писать къ Петру Антоновичу, а безъ сего писать не можно. Въ писмахъ же моихъ я васъ ни въ чемъ не оскорблялъ, а писалъ къ вамъ самую справедливость, которою нимало не далъ вамъ притчины къ неудовольствію вашему; развѣ вамъ то кажется противно, что я ни предъ кимъ и ни въ чемъ лстить и лукавить не умѣю, и въ томъ прошу покорно меня извинить, ибо я никогда себѣ невоображалъ и не надѣялся, что нынѣ отъ васъ слышу И что сынъ мой съ невѣстою у нашемъ домѣ и изъ вашей волѣ по нынѣ прожилъ, то чтобъ сіе вамъ было противно и въ тягость, я никогда такъ же не надѣялся; а что я писалъ къ вамъ о распредѣленіи вами владѣемого имѣнія, то и сіе писалъ я не съ тѣмъ, чтобъ вамъ было досадно и сего никогда не думалъ, но по тому резону, что вы давно сами о семъ отзивались и многократно меня, а особливо наслѣдниковъ, внуковъ вашихъ, увѣрали; нынѣже, какъ вижу вашу перемѣну, то сіе до меня не относится, а касается до наслѣдниковъ внуковъ вашихъ, и когда вы и сіе почитаете за противность, то какъ я прежде сего, такъ и въ предъ васъ безпокоить не буду. Присемъ посылаю вамъ степового коровяго масла четыри пуди, которое прошу принять и приказать обратно отъдать кадушку.

4. Зять тещѣ.

Не могучи отвѣчать такъ скоро на ваше писмо, полученое мною изъ Смячи, минувшаго генваря отъ 22-го числа, касателно г. Лашкевича, нарочно ездилъ я въ Черниговъ, гдѣ найшолъ пріятелей моихъ, отъ которихъ совершенно увѣдомился, о домѣ, о фамиліи и другихъ обстоятелствахъ; много я разсуждалъ, ища благополучія дочери моей по должности своей и по естественному моемъ усердію къ ней, которая въ меня есть одна, а затѣмъ въскорѣ, тоесть сего февраля 6, пріѣздилъ ко мнѣ г. Лашкевичъ съ писмами отъ матушки своей и отъ Агафіи Давыдовны госпожи Журмановой, и я съ нимъ увидѣвшись, говорилъ въ касающихся обстоятелствахъ въ намѣреніи его, и открылось мнѣ, по доволному испитанію и разсужденію, что я вовсе немогу приступить къ согласію моему, въ удоволствіе требованія, какъ матушки ево, такъ и ево самого, по многимъ резонамъ и обстоятелствамъ, о чемъ я, какъ ему самому, не касаясь нималѣйше и не отнимая отъ него никакихъ достоинствъ, словесно обявилъ и къ матушки ево отписалъ; чтожъ принадлежитъ до попеченія и усердія

вашего къ дочерѣ моей, то я благодарнымъ и чувствителнымъ сердцемъ пріемлю, однакъ рекомендующійся г. Лашкевичъ не столъ завиденъ, чтобъ спѣшилъ бы я съ моею дочерью, особливо же, не обяснившись брату моему, по природной связѣ братерства, и неотобравши отъ него мнѣнія, не могу рѣшится на всекрайнѣйшее расположеніе о дочерѣ моей, имѣя у себе, по волѣ Божіей, толко еѣ одну, въ такомъ важномъ пунктѣ, каковъ есть сей. Итакъ, несомнѣнно надѣюсь, что она по милости всемогущого Бога получитъ жениха превосходнѣйшого дарованіями, соразмѣрно собственного состоянія достойного, о чемъ всегда стараясь, молю Создателя нашего и на его несомнѣнно надѣюсь. Въ протчемъ за пріѣздомъ моимъ къ вамъ словесно, а не писменно, вамъ обяснюсь. 1789 г., февраля 8. Изъ Жукотокъ.

5. *Отвѣтъ тещи.*

Въ писмѣ вашемъ я нашла неожидаемое, неменше темное въ столь важномъ дѣлѣ, кромѣ ясности въ томъ, что за пріѣздомъ къ вамъ г. Лашкевича, открилось вамъ по доволному испытанію и разсужденію, что вы вовсе не можете приступить, по многимъ резонамъ и обстоятелствамъ, къ согласію и рекомендующійся женихъ не столь завиденъ, дабы спѣшить вамъ съ вашею дочерью. Особливожъ не объяснившись братцу вашему и не отобравши отъ его мнѣнія, не можете рѣшится на всекрайнѣйшое расположеніе, и что дочь ваша, по милости всемогущаго Бога, получитъ жениха превосходнѣйшаго, о чомъ вы всегда стараяся, молите Создателя нашего и на его несумнѣнно надѣетесь. Изъ сего можно ли и знать, что вамъ открылось и какіе тѣ резоны и обстоятельства, вы ихъ не поясняете, такъ какъ и того, какого именно вы превосходнѣйшаго жениха для нее ожидаете; а что до объясненія съ братцемъ вашимъ, то кто вамъ припятствовалъ и препятствуетъ объяснятся. Скажите же теперь, пожалуйте, не явное ли ваше откривается нежеланіе видѣть дочь вашу замужемъ, совѣсти вашей судить оставляю. Уже теперь не въ такихъ лѣтѣхъ она, чтобъ ей ожидать неизвѣстнаго жениха, равно и отказывать сему жениху безъ ея воли вы не могли, учинивъ прежде еще прошедшаго лѣта ваше распоряженіе сему г. Лашкевичу къ дочерѣ вашей пріѣхать, съ тѣмъ чтобы ни отказать ему, ни слова не дать безъ васъ. Какіе же послѣ сего завелися съ вами у меня переписки, вамъ оныя извѣстны, такъ какъ и мнѣ. А между тѣмъ дочери вашей онъ

противнымъ не показался и теперь она о семъ на писмо ваше пишетъ къ вамъ, прося вашего благословенія, а мнѣ осталось толко совѣтъ мой искренной сказать вамъ въ томъ, что лучше двадцатолѣтной вашей дочерѣ дать волю въ избранномъ женихѣ. Ей съ нимъ жить, худо ли или хорошо, сожалѣть на васъ не будетъ. Должна вамъ потомъ пояснить, что онъ человѣкъ благородный, а притомъ имѣетъ чинъ непослѣдней, въ обхожденіи порядочемъ и честенъ, и имѣніемъ неубогъ, а съ присовокупленіемъ дочери вашей имѣнія и весма достаточенъ будетъ помѣщикъ. Я моими глазами видѣла его домъ и поогромности его не нахожу ни у васъ, ни у насъ лучшого дому, увѣряю. Какъ ваши нынѣшніе писма застали его неотѣхавшого отъ себя, то я разсудила дать ему совѣтъ съ вашими отказными писмами къ его матерѣ и теткѣ до времени удержатся. Пожалуйте, получше посудите сіе дѣло и уважте на всѣ случаи, какъ родитель для дочери своей, недопуская ее къ отчаянію, дабы послѣ не жалѣть. Болѣе бы писала, но оставляю до свиданья съ вами.

6. Зять тещѣ.

Сего февраля 12 числа получилъ я еще отъ васъ писмо, писаное изъ Смячи 11, и всіо ободномъ дѣлѣ и матеріи, о которой я предсимъ доволно къ вамъ уже писалъ, и мнѣ кажется напрасно вы изволитѐ безпокоится и хлопотать, а притомъ меня и обижать въ писмахъ вашихъ выраженіями, чего я никогда не надѣялся и не заслужилъ, а притомъ вамъ объявляю: я г. Лашкевичу, ни лѣтомъ прошедшого году, ни сего году зимою, къ дочери моей пріѣзжать не позволялъ, какъ вы въ письмѣ пишете, но пріѣхалъ онъ въ вашъ домъ въ прошедшемъ генварѣ мѣсяцѣ. И какимъ бы образомъ я позволялъ пріѣздить человѣку, которій мнѣ никогда нипочему ни малѣйше невѣдомій, да и не ко мнѣ и не въ мой домъ, но представилъ его къ вамъ братецъ вашъ Степанъ Степановичъ изъ супругою своею, которого вы продержали у себе болше недѣли. Вамъ то такъ было угодно, а не мнѣ. Въ протчемъ покорно прошу не восхвалять дому его, которій есть, какъ изволите писать, лутче моего и вашего выстроенъ, болшимъ количествомъ стѣнъ и покоевъ, а ежели вы удивляетеся, то покрайней мѣри мене не удивляйте. Еще вамъ объявляю, что я какъ предъ симъ къ вамъ, такъ и нынѣ пишу, что нѣтъ моей воли, желанія, ниже согласія быть женихомъ г. Лашкевичу для дочери моей, и скажу вамъ сіе, что я о дочерѣ моей раз-

суждаю и пекусь, смотря какъ душевными, такъ и тѣлесными очима, такъ какъ еѣ отецъ, чему есть свидѣтель Сердцевидецъ, а не такъ, какъ прочіе еѣ сродственники. Получажъ вы отъ меня прежнее писмо и узнавши мое несогласіе, вовсе напрасно г. Лашкевичу совѣтовали удержатся съ отѣздомъ съ писмами къ матушки и тіотушки ево. 1789 г., 12 февраля. Жукотки.

7. *Теща зятю.*

Изъ вашего письма, вчерась полученного, явственно вижу ваше на меня неудовольствіе, на которое я ни чемъ не заслужила и вамъ могу чистосердечно сказать, что отъ васъ я обижаюсь всѣми вашими выраженіями, когда вы отрицаясь своихъ словъ сказанныхъ въ Боровичахъ, вините меня. Припомните, предъ выѣздомъ вашимъ въ степъ, какъ я изъяснила вамъ о замужествѣ дочери вашей, именно о г. Лашкевичѣ вамъ объявила, что онъ намѣренъ съ братомъ моимъ Степаномъ Степановичемъ пріѣхать, требуя вашего на тотъ случай положенія, естли пріѣдетъ, то что ему сказать, и вы отвѣчали и положили—пусть пріѣдетъ, но ни слова ему не давать, ни отказывать, и даже когда я выговорила, что ѣдучи по дорогѣ къ брату, заѣду къ матери его, то вы сіе подтвердили, сказавъ именно сими словами: весьма хорошо здѣлаете, естли заѣдете. Я сего не вымышляю, убей меня Богъ. А къ большему доказательству на всѣ письма ваши ссылаюсь и благодарствія, въ коихъ писали точно сими словами: я весьма доволенъ и благодарствую братцу вашему за его стараніе. Такъ же просите меня, чтобъ я написала къ брату моему Степ. Степановичу, дабы онъ не спѣшилъ ко мнѣ съ пріѣздомъ съ г. Лашкевичемъ, по болѣзни тогдашней вашей. Теперь же пишите, что вы г. Лашкевичу ни лѣтомъ прошедшаго года, ни сего зимою, къ дочери вашей пріѣжать не позволяли. Посудите же изъ сего себе и мене, и можно ли мнѣ досады ожидать отъ васъ въ сей явной моей правотѣ, я далѣе не распространяю. Кромѣ сей чувствительнейшой отъ васъ для меня обиды, что вы непрелично коснулись въ семъ же письмѣ задѣть брата и невѣстку мою, ничемъ вамъ непогрѣшившихъ, что будто представилъ г. Лашкевича ко мнѣ братъ мой съ своею супругою мимо знаніе ваше. За симъ не осталося уже мнѣ въ сей матеріи далѣе размножать, а прошу прилежно васъ дочери вашей, яко совершеннолѣтней, дать волю въ избраніи себѣ жениха, не относяся къ собственному вашему выбору неизвѣстного жениха. 1789 года, февраля 14. Смячь.

8. Петра Степановича Милорадовича дочери.

До нынѣ я по причинѣ той, что не могъ быть въ Боровичахъ, и съ тобою видѣтся, по случаю болѣзни моей, не могъ объявить тебѣ о происходившихъ обстоятелствахъ въ разсужденіи жениха, рекомендованного бабушки твоей отъ Степана Степановича, а нынѣ бывши у Черниговѣ, проведалъ и спиталъ отъ пріятелей моихъ, а наконецъ пріѣзжалъ ко мнѣ и самъ онъ. Я съ нимъ говорилъ и доволно узналъ по многимъ резонамъ, которіе тебѣ неизвѣстны, что сей женихъ ни съ какой стороны и ни почему быть тебѣ не можетъ, о чемъ я ему объявилъ и къ матушкѣ его отписалъ. Для того о семъ и тебѣ предварително, до свиданья моего, объявляю. Я по усердію моему и родителской должности, имѣя попеченіе о дѣтяхъ моихъ, всегда прошу отъ всемогущого Создателя нашего, какъ о сынѣ моемъ, которого уже Богъ благословилъ супружествомъ, такъ и о тебѣ, какъ ты одна у меня одна дочь дѣвица, чтобъ Онъ, по всемогуществу своему и милости, сотворилъ съ вами милость и благословеніе, и какъ сынъ мой, по его милости и благословенію отца своего, получилъ супружество, такъ и тебѣ даровалъ супруга, съ которымъ бы ты участь житія своего долгоденственно и благополучно препровождала, и несомнѣнно надѣясь на Бога, что онъ съ превосходнѣйшими дарованіями даруетъ тебѣ жребій въ женихѣ, причемъ ты несомнѣнно должна уповать на Бога, не полагаясь и не увѣряя себя посторонним людскимъ совѣтамъ въ такомъ важномъ пунктѣ, каковъ сей есть и который зависитъ отъ опредѣленія Божія, и по заповѣди его отъ благословенія родителского. 1789 г., 8 Февраля. Жукотки.

9. Отвѣтъ дочери.

Письмо ваше родительское получить я имѣла честь и щастіе, но безщастною себя вижу, что вы, милостивый родитель, отказываете г. Лашкевичу, которой мнѣ явился не противнымъ, повелѣвая мнѣ ожидать жениха съ превосходнѣйшими дарованіями. Милостивѣйшій мой родитель, простите меня за дерзость въ семъ случаѣ, и не почитайте меня вѣтреною и непослушною; я ваша найвиновнѣйшая во всемъ дочь, прошу одного сего: удостойте, не откажите въ моемъ выборѣ многомостнѣйшимъ благословеніемъ вашимъ, отъ коего все мое благополучіе щитаю. Никогда бы я не осмѣлилась на сіе, естлибы не угрожало меня, Боже сохрани, по смерти вашей и бабуш-

ки остатся въ дѣвкахъ. Всенижайше и всеприлѣжнѣйше прошу уважить родительски на все, при томъ взглянуть и на лѣти и благословить меня, какъ единую вашу, по гробъ всепослушнѣйшую дочь, сего одного отъ васъ, моего милостивѣйшаго родителя, прошу и несумнѣнно получить ожидаю.

10. Другое письмо отца дочери.

Письмо твое изъ Смячи отъ 11, я получилъ сего февраля 12 числа, съ писмомъ бабушки твоей. Сожалѣю и удивляюсь, что ты себя безъщастною называешъ въ разсужденіи рекомендующагося Лашкевича; я за сіе на тебя не сержусь, ибо я знаю, что ты къ тому доведена совѣтами; ты доволно могла видѣть изъ писемъ моихъ къ бабушкѣ твоей, что я не согласенъ въ такомъ выборѣ для многихъ и важныхъ причинъ, о которыхъ ни тебѣ, ни бабушкѣ твоей объявлять на писмѣ неудобно, а послѣ ты словесно услышишь. Я въ выборѣ жениха принужденія тебѣ не дѣлаю, кромѣ моего отеческого совѣта, и получа отъ меня и видѣвши такъ же бабушкино писмо, должна на томъ и остановится и никакихъ разговоровъ не слушатся, а слушатся совѣта родителского, и внушить себѣ, что въ такихъ важныхъ дѣлахъ, которыя единственно зависятъ отъ опредѣленія Божія родителскимъ благословеніемъ; и такъ ты должна уповать на милосердіе всемогущества Божія и при томъ несомнѣнно надѣятся, что получишъ съ превосходнѣйшими дарованіями выборъ свой и мое къ тому благословеніе, о чемъ я такъ же несомнѣнно полагаюсь на Бога, молю и уповаю на него, то г. Лашкевичѣ нѣтъ отъ меня ни согласія, ни воли, ни благословенія моего къ тебѣ. 1789 г., 12 февраля. Жукотки.

11. Отвѣтъ дочери.

Всенижайше и наипокорнѣйше благодарю вамъ, милостивѣйшему моему родителю, что вы на меня не изволите гнѣватся въ разсужденіи г. Лашкевича, хотя ужъ благоволили прописать въ присланномъ ко мнѣ письмѣ, что я доведена совѣтами въ выборѣ сего жениха, но признатся должна, что ни чіи совѣты тутъ не были, кромѣ одно мое собственное желаніе. Вамъ, моему милостивѣйшему родителю, извѣстно сколь много совѣтовъ я имѣла отъ всѣхъ родственниковъ о М. М. Борковскомъ, но когда моей преклонности къ нему не было, то никто усовѣтовать не могъ. И какъ въ вашемъ письмѣ милостивѣйше изволили написать, что вы въ выборѣ жениха принужденія мнѣ не дѣлаете

то сіе почитая свято милостивѣйшимъ благословеніемъ, дерзаю со всепреданнѣйшею моею покорностію просить подтвердить сей мой выборъ вашимъ родительскимъ святѣйшимъ, милостивѣйшимъ благословеніемъ.

Послѣ этой переписки, Милорадовичъ, повидимому, рѣшилъ забрать дочь отъ тещи, для чего и отправился въ Боровичи. О предстоящемъ пріѣздѣ зятя—тещу заблаговременно увѣдомили и она поспѣшила отправить внуку отъ себя въ с. Смячъ (Городницк. у.), къ брату Г. Г. Фридрикевичу, у котораго въ это время гостилъ С. С. Леонтовичъ съ женою. Не заставъ дочери въ Боровичахъ и узнавъ, что она уѣхала въ Смячъ, Милорадовичъ поѣхалъ въ это село, но дочь возвратиться къ отцу незахотѣла... Поѣздку свою въ Смячъ Милорадовичъ подробно описываетъ въ письмѣ (писано 25 мая), которое помѣщается ниже. Непослушаніе дочери и, кромѣ того, грубое отношеніе, при этомъ посѣщеніи, къ нему братьевъ тещи, вызвали со стороны М—ча жалобу въ судъ—«о безчестіи и обидѣ, причиненной ему Милорадовичу, въ с. Смячи со стороны Фридрикевича и Полуботковой». Не оставляя однакожъ желанія возвратить дочь въ свой домъ, М—чъ попробовалъ подѣйствовать на нее чрезъ сына, который и написалъ къ сестрѣ вслѣдъ за симъ помѣщаемое письмо.

12. Григорія Петровича Милорадовича къ сестрѣ.

Государыня моя, любезная сестрица Настасья Петровна. Пріѣхавъ обратно изъ Глухова, съ какимъ удивленіемъ узналъ я о поступкѣ вашемъ, поразившемъ отца нашего въ крайнюю печаль, не могу изъяснить вамъ, какъ и слѣдствій, побудившихъ васъ на безпримѣрное дѣло.

Не говорю я ни о состояніи, ни о воспитаніи вамъ благородной дѣвицы соотвѣтствуемыхъ, отъ юности вашей вамъ всѣянныхъ, потому что и въ самомъ среднемъ родѣ людей подобный поступокъ, дѣтей противъ отцовъ своихъ, столь гнусенъ, сколько и вовся простительнымъ быть не можетъ.

Вы можете меня за выраженіе мое извинить, какъ единого вашего родного брата, привязаннаго искренностію и сей горестной случай въ своемъ сердцѣ носящаго.

Если же вы, впервомъ разѣ, будучи встревожены чіими либо внушеніями, что нерѣдко бываетъ, не могли сообразить, какіе вы

предприняли мѣры, не времянно, но на всю вашу жизнь чести вредящіи. Я бы хотѣлъ знать, кто можетъ и чемъ доказать побудившіе причины, которыхъ жестокости примѣру не знаю,—но теперь имѣли вы время помыслить и ускромить волнованіе души вашей самымъ простымъ, но чистымъ разсудкомъ.

Подумайте, любезная сестрица, чемъ отецъ нашъ предъ вами такъ много погрѣшилъ, чемъ и какое подозрѣніе заслужилъ и какіе бы причины родителя противъ дочери неестественнымъ образомъ до неограниченной ненависти васъ поставить могли. Читали ли вы гдѣ въ исторіи или могли ли когда слышать, чтобъ дѣти и противъ самой жестокости родителей своихъ столь дерзостно пошли. Притворятся явно, обманывать, скрываться—сажать себя въ заключеніе, изрекатся отъ власти отцовой, почитая себя непринадлежащей и наконецъ даже подать случай къ удаленію отца толпою подлыхъ людей. Поступокъ вовся противный природѣ и всякимъ и вездѣ законамъ.

Когда жъ уже все сіе злополучіе приключится могло, то остается еще время вывесть себя изъ сего лабиринта и поспѣшить сколько можно на сокращеніе мятежа и взять средства къ успокоенію вашего духа и къ смягченію родительскаго тяжкаго оскорбленія.

Пріѣзжайте ко мнѣ смѣло, я беру васъ по самой искренности и чести въ безопасное отъ всего для васъ пристанище, въ совмѣстное со мною помѣщеніе. Предъ Богомъ вамъ сказываю—не можетъ коснуться до васъ никакое и малое огорченіе;—будьте, любезная сестрица, совершенно увѣрены, что вы при семъ случаи подобнаго вамъ друга искренно вамъ совѣтующаго, другаго никого имѣть не можете. При семъ обще насъ воспользующимъ случаи, раздѣлимъ достояніе по матери, намъ принадлежащое, какъ отецъ уже и до сего совершенно позволилъ, и я предъ вами истинну сію пишу, такъ какъ християнинъ и вамъ искренный другъ.—Перестаньте, любезная сестрица, далѣ колебаться, не смущайтесь посторонними совѣтами, будьте совершенно спокойны и пріѣжайте ко мнѣ. Будучи твердо обнадеженъ, что и бабушка наша, по благомыслію своему и по ея любви и горячности къ намъ, конечно согласно посудить изволитъ.—Въ прочемъ, за симъ заключить вы легко можете и всѣ авантажи ваши и до замужества вашего касающіеся, какъ я вамъ наиудостовѣрительнѣйше сказать долженъ, что ни съ чией стороны, вопреки собственной воли вашей, никакимъ образомъ поступлено быть не можетъ. Порука честь моя и ближайшее родство, съ коимъ я былъ къ вамъ привязанъ и хочу

быть непремѣнно и съ найбольшимъ усердіемъ вашъ братъ и покорный слуга Григорій Милорадовичъ.

13. Отвѣтъ сестры.

Государь мой, любезный братецъ Григорій Петровичъ. Писмо ваше сего апрѣля отъ 12 числа я получила, оное меня удивляетъ, печалитъ и страшитъ. Вы упрекаете меня, какимъ то противъ отца нашего поступкомъ, его огорчившимъ, наполняя, сколко силъ вашихъ достало, изъясненіями, что тое есть безпримѣрное дѣло, что поступокъ гнюсенъ, и извинителнымъ быть не можетъ, что на всю мою жизнь честь вредящій, что жестокости примѣру вы не знаете, что какіе бы причины до неограниченной ненависти поставить меня могли. Недоволствуясь же всѣмъ симъ, говорите, что будто я притворялась, обманивала, скривалась, сажала себя въ заключеніе, скривалась отъ власти отцовой и пока тоже, что поступокъ вовся противной природѣ и всякимъ и вездѣ законамъ. Не говорите, а написали о состояніи и воспитаніи моемъ, отъ юности моей мнѣ всѣянныхъ, потому что и въ самомъ среднемъ родѣ людей и протчее... Спрашиваете читала ли я гдѣ о томъ въ исторіи или слышала ли? Такіе ваши колкіе слова даютъ мнѣ понимать, какъ вы ко мнѣ расположены: въ искренномъ и дружескомъ положеніи печаль печалью не облегчаютъ, ибо изъ того такъ бы было, что когда болитъ одна рука, то одну и другую отрубить.

Вы, не спрося и невидѣвъ меня, престрашно осудили; вы не были всему тому свидѣтелемъ, вы же подняли пилъ больше того, что предъ правителствомъ сказано (?); но чемъ могу увѣрить васъ, что я вовсе нималѣйше никакъ отца моего не огорчила, почитаю его и люблю, какъ долгъ мой велитъ, не поѣхала жъ съ нимъ единственно что болна тогда и теперь, не имѣя съ собою одѣянія.

Я просила со слезами отца пощадить мою жизнь, но увидѣвъ противное тому, по самой естественной къ жизни привязанности, спасла себя бѣгомъ. Истинну сію вамъ пишу, такъ какъ должна жъ и предъ Богомъ въ день суда сказать; при томъ пребываніе мое у бабушки весьма уже отъ давнихъ временъ, а не по случаю какому, на время сюда пріѣхавши оставалась бы; тутъ воспитана, такъ какъ угодно было отцу, чрезъ благодѣтельницу и попечителку мою. Сегоже одного не знаю, что разумѣете вы въ упреканіи вашемъ, и въ самомъ среднемъ родѣ. Развѣ родъ нашъ въ первомъ родѣ, о семъ предъостав-

ляю вамъ судить. Исторіи—священную и другую читала, знаю и хвалюсь вамъ, братецъ, что и законъ гражданскій мнѣ извѣстенъ, а особливо сего края книга статутъ; по оной и другимъ давно могла и должна имѣть свое достояніе и волю располагать собою; но сіе предъоставила родителю моему, ему повинуюсь, отъ него одного завишу. И такъ, не осуждайте меня, братецъ, пощадите невинность, сотворите богоугодное дѣло, чтобы отецъ мой гнѣвъ свой оставилъ; да не вниду во гробъ съ именемъ преступницы, но наивсепослушнѣйшею дочерью его. Вы воспитаны, вы можите чувствовать, колико разитъ сердце мое такая нечаянная встрѣча, особливо угроженіе ваше, что предъпринятое на меня на всю мою жизнь вредъ наноситъ, такъ какъ бы совершенно участвуя вовсемъ томъ и вы, ибо отпуская и такое ко мнѣ писмо, исходатайствовали отъ дяди строжайшее предписаніе не толко до меня касающесся, но и до благодѣтельницы нашей, не щадя и самой ея жизни. Прими, братецъ, въ разсужденіе, или воздаяніе ей, что она горчайшею печалію и ударомъ поражена будучи отъ рукъ своихъ, теперь въ слезахъ и болѣзни. Вотъ все сіе удивляетъ и печалитъ меня до крайности, а страшитъ призывъ вашъ къ себѣ на жителство. Любезный братецъ, вы въ пространномъ своемъ писмѣ и бывъ такъ глубоко изучены, не утверждаете никакимъ добрымъ и надежнымъ увѣреніемъ, что надо мною не исполните такъ, какъ сказивали въ Боровичахъ мнѣ, въ глаза, кромѣ протчого: дожду я того, что ты будешъ у мене дѣти нянчить. Сіе после воспитанія вамъ данного и просвѣщенности, какъ вы о себѣ заключаете, не воспрепятствовавшее вамъ изректи мнѣ. Я слышавъ, помню, должна одинажды навсегда такъ расположитъ себя, чтобъ не быть вамъ слугою и нянею дѣтей вашихъ, но соотвѣтственно моему имѣнію жить, васъ любитъ и усердствоватъ, съ чемъ есмъ и пребуду ваша сестра и покорная услужница Настасія Милорадовичевна. (*Съ собственноручнаго подлинника* [1]).

За симъ слѣдуютъ три письма, въ которыхъ разсказана попытка П. С. Милорадовича отобрать дочь отъ тещи и извѣщеніе послѣднею зятя, что дочь его 23 мая повѣнчана съ Лашкевичемъ.

---

[1]) Сочинено быть можетъ Григ. Григ. Фридрикевичемъ, умѣвшимъ красно писать дѣловыя бумаги.

14. Настасьи Степановны къ зятю.

Государь мой Петръ Степановичъ. Не напоминаю жестокихъ вашихъ нападеній, поразившихъ навсегда честь и жизнь мою, и что вы повергаете однородную дочь вашу, безъ всякой ея предъ вами вины въ злоключенія, описали ея предъ правителствами съ такой стороны, съ которой любящіе своихъ дѣтей отцы помыслить боятся.

Остается все то вамъ, какъ произведшему, чувствовать, отвѣчать предъ всевѣдущимъ Творцомъ и его праведнѣйшимъ судомъ, гдѣ ослабѣютъ ваши предстатели противоборствовать той истиннѣ, которую здѣсь безъ пощады опровергаютъ; слезы невинныхъ не будутъ прохлажденіемъ той жадности, съ которой они неповинныхъ притѣсняли, но будутъ вѣрными свидѣтельми тѣхъ жестокостей и обидъ, тѣхъ разореній и нестерпимыхъ притѣсненій, каковые произвели надъ безпомощными людьми. Неможно, кажется, вѣруя въ Бога, нельзя забыть того, что онъ есть за обиды всесильный мститель; мнѣ къ сему осталось толко прибѣгнуть. Я потеряла уже все утѣшеніе духа моего, которымъ питалъ себя, что по несноснымъ моимъ трудамъ, во дни старости моей буду покойна, что вы и дѣти ваши, а мои родные внуки, воздадите мнѣ тотъ долгъ, который до послѣднихъ моихъ силъ и крайняго оныхъ изнеможенія, всеусерднѣйше я плотила. Нѣтъ! во мѣсто того, вы устремились не только все, но и жизнь мою у меня отнять. Но должна вамъ по истиннѣ сказать, что и при таковомъ горестнѣйшемъ моемъ состояніи, не только чтобъ умалялась, но и возвышается горячность моя къ вашимъ дѣтямц, а моимъ внукамъ. Я о презрѣнной уже вами дочерѣ вашей должна старатся, всѣми мѣрами, доставить ей благосостояніе и первымъ къ тому поставляю, просить только васъ: обратите ваше отеческое вниманіе къ невинной дочери вашей, утѣшите ея отъ слезъ изнемогающую, не отвергайте права воспользоваться ей совершеннолѣтіемъ, отдѣлите вы должную часть наслѣдственного ея имѣнія, и будьте увѣрены, что я во всю жизнь мою старанясь о благѣ вашихъ дѣтей, оказать могу наилучшія мои къ нимъ расположенія, но не преже, какъ увижу ихъ владѣющими своимъ наслѣдствомъ, а вы откроете завѣсу, покрывающую истину, увидите, что дѣти ваши совершенные; васъ чтутъ, что я имъ родная бабка, а вамъ по женѣ вашей мать, и что не останется для меня другаго удовольствія, какъ видѣть дѣтей вашихъ благополучными и къ вамъ навсегда быть вамъ доброжелателная Н. П. 20 мая.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровозврѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.